

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2025 18 (1)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2025 18(1)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 1. 29.01.2025. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства:
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 20.01.2025. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 16,0.
Уч.-изд. л. 15,5. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 23354.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Кошцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Ближевский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразаева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Liudmila V. Kulikova and Iuliia I. Detinko Specifics of Intercultural Communication in the Multi-Ethnic Context of Russia: Theory and Practice	5
Andrea Puskás Encounters of Generations and Low/High cultures: Intercultural Communication in Amy Tan's <i>The Joy Luck Club</i>	12
Natalia A. Os'mak The Image of Siberia in Contemporary Finnish-language News Discourse	21
Nina A. Agafonova and Ivan N. Ryabov Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects	34
Guzel A. Vildanova Kurai as Ethnocultural Symbol: Development from Artifact into Meaningful National Emblem of Bashkortostan	45
Lyudmila V. Safronova, Elmira T. Zanyzbekova and Zhaxylyk M. Ryssaldiyev Mythopoetics of Transition in Women's Prose in Kazakhstan (Based on the Works of Lili Kalas)	56
Klaudia Paulikova Navigating Interaction with AI chatbots: Sociolinguistic and Pragmatic Aspects of Chatbot Use by Slovak and Hungarian Speakers	70
Anna T. Litovkina Humor Devices Used in Anglo-American Anti-Proverbs about Money	81
Nikolai D. Golev and Galina V. Napreenko Sound Speech and Recognized Text in the Variantological Paradigm (Based on a Scientific Report in Oral and Written Formats)	96
Marina R. Safina and Alisia S. Kosheleva 'Extended' Wordplay in Fictional Narrative Texts: Cross-Disciplinary Perspective	106
Stanislav B. Beletskiy and Dmitriy V. Soshnikov Quarantine Scenarios: Reflection of Non-Trivial Life Experience in Language and Discourse	119
Mikhail G. Grif and Olga O. Korolkova Development of Thematic 3D Dictionaries of Russian Sign Language for People with Hearing Disabilities Age for People	132
Aleksandr A. Barkovich Ecological Discourse: the Specificity of Linguainformational Modeling of the Concept Sphere	143

Maksim A. Krongauz and Anton A. Somin Research on Language Conflict: Conflict Communication about Language and Language Units in the Sociolinguistic Aspect	158
Denis V. Dunas, Anna V. Tolokonnikova, Dariana A. Babyna, Olga A. Boyko and Evgeny A. Sidorov The Agenda in Social Media and Federal News Agencies: Thematic Gap and Semantic Unity (the Example of Russia’s “Digital Youth”)	178
Irina A. Damm, Aleksei N. Tarbagaev, Evgenii A. Akunchenko and Svetlana P. Basalaeva On the Role of Information and Analytical Research in Scientific Support of Anti-Corruption Efforts (Review of the Book “Anti-Corruption: Information and Analytical Bulletin (2023)”)	194

EDN: TAQAMB
УДК 81'272

Specifics of Intercultural Communication in the Multi-Ethnic Context of Russia: Theory and Practice

Liudmila V. Kulikova and Iuliia I. Detinko*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 13.12.2024, received in revised form 23.12.2024, accepted 27.12.2024

Abstract. The article raises the issue of the specifics of studying intercultural interaction in the multi-ethnic communicative space of the Russian Federation. The authors discuss the possibilities of rethinking the classical theory of intercultural communication, modernizing the methodological tools for categorizing cultures on various grounds and adapting them to the conditions of the modern Russian multi-ethnic society. The article presents the fundamental works on the theory of intercultural communication and highlights the works showing the principles of parameterization and typology of cultures. The authors identify a number of factors that act as challenges for reconsidering the scientific and academic paradigm of intercultural communication and substantiate the need to update the parametric model for describing cultures, taking into account today's socio-cultural realia.

Keywords: theory of intercultural communication, multi-ethnic state, communicative space of Russia, parametric modeling of cultures.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Kulikova L. V., Detinko Iu. I. Specifics of Intercultural Communication in the Multi-Ethnic Context of Russia: Theory and Practice. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 5–11. EDN: TAQAMB

Специфика межкультурной коммуникации в полиэтническом пространстве России: теория и практика

Л. В. Куликова, Ю. И. Детинко

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье поднимается вопрос о спецификации изучения особенностей межкультурного взаимодействия в полиэтническом коммуникативном пространстве Российской Федерации. Авторы рассуждают о возможностях переосмысления классической теории межкультурной коммуникации, модернизации методологического инструментария для категоризации культур по различным основаниям и его адаптации к условиям современного российского полиэтнического общества. Приводятся основные труды по теории межкультурной коммуникации; выделяются работы, описывающие принципы параметризации и типологии культур. Обозначается ряд факторов, выступающих вызовами для обновления научно-академической парадигмы межкультурной коммуникации, и обосновывается необходимость актуализации параметрической модели описания культур с учетом сегодняшних социокультурных реалий.

Ключевые слова: теория межкультурной коммуникации, полиэтническое государство, коммуникативное пространство России, параметрическое моделирование культур.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Куликова Л. В., Детинко Ю. И. Специфика межкультурной коммуникации в полиэтническом пространстве России: теория и практика. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 5–11. EDN: TAQAMB

Введение

Вопрос изучения этносов и межэтнических взаимоотношений представляет огромный исследовательский интерес и никогда не теряет своей актуальности. Проблема сохранения неповторимого этнокультурного своеобразия России, сохранения языков коренных малочисленных народов, гармонизации межнациональных связей решается прежде всего на уровне государства. Создано Федеральное агентство по делам национальностей, осуществляющее функции по нормативно-правовому регулированию в сфере государственной национальной политики, социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации¹. Распоряже-

нием Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2022 года был утвержден план мероприятий Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.). Предусмотрено более 60 мероприятий, затрагивающих различные сферы, в том числе науку и образование. Так, каждые два года будет проводиться международная конференция, посвященная проблемам сохранения языков коренных народов, ежегодно Минобрнауки и институт языкознания РАН планируют проводить исследования социолингвистической ситуации языков коренных народов и научные исследования по отдельным темам².

В структуре Российской академии наук есть ряд институтов, которые занимаются

¹ <https://fadn.gov.ru/documents/normativnyie-dokumentyi/>

² <http://government.ru/docs/44541/#>

детальным исследованием этнических групп, проживающих на территории Российской Федерации, и их взаимодействия. За годы работы данных организаций собран богатейший материал по исследованию этнического состава Российской Федерации. Например, в Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая был реализован проект «Народы и культуры» под руководством В. А. Тишкова (академик, член Президиума РАН, заслуженный деятель науки РФ, дважды лауреат Государственной премии в области науки и технологий РФ, научный руководитель ИЭА РАН) (Narody i kul'tury, 2024), представляющий собой многотомное книжное издание с наиболее полной сводкой историко-этнографических знаний о народах России и стран бывшего СССР (Narody i kul'tury, 2024).

Сегодня в изменившихся геополитических условиях видится своевременным определение новых категорий, необходимых для понимания сущности и особенностей коммуникативного поведения людей в фокусе ранее почти не рассматривавшихся ситуациях межкультурного общения. В связи с этим особую актуальность приобретают штудии, направленные на описание межкультурного коммуникативного поведения в новых контекстах, в частности внутри полиэтничного государства, ориентированные на изучение взаимодействия коренных этнических групп, проживающих на одной государственной территории.

Российская Федерация является полиэтничным государством, что априори делает культуру более эмпатичной и открытой для межкультурного общения. Исследование коммуникативного взаимодействия коренных этнокультур России способствует укреплению единства многонационального народа Российской Федерации и привлечению внимания к этнической самобытности, лингвокультурной специфике и традиционным духовно-нравственным ценностям коренных народностей нашей страны, ведет к сохранению этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации.

На фоне очевидной поддержки и возрастающего интереса к изучению коренных

этнических сообществ и взаимодействия этнических групп до настоящего времени не рассматривался вопрос применения классической параметрической модели типологии культур по отношению к типологизации этносов Российской Федерации; не ставилась задача разработки инновационного исследовательского инструментария, представляющего обновленную параметрическую модель описания культур, адаптированную к теории межкультурной коммуникации в контексте полиэтничного пространства России.

Фундаментальные основы теории межкультурной коммуникации

Интерес к изучению основ межкультурной коммуникации возник в середине XX века и был обусловлен необходимостью обеспечения бесконфликтной и безопасной международной деятельности американских политиков и бизнесменов при их общении с представителями других культур. С созданием в 1946 г. Института службы за границей, который возглавил американский лингвист Эдвард Холл, началась работа по наблюдению, описанию, систематизации и интерпретации культурных особенностей поведения разных народов; стало очевидным, что «каждая культура формирует уникальную систему ценностей, приоритетов, моделей поведения, и поэтому ее описание, интерпретация и оценка должны осуществляться с позиций культурного релятивизма» (Grushevitskaia, Popkov, Sadokhin, 2003: 7; Sadokhin, 2005: 11). Основываясь на междисциплинарных данных и непосредственном опыте межкультурного и межэтнического взаимодействия, Э. Холл создал фундаментальные по своей сущности и содержанию труды, которые и сегодня являются основополагающими для разработки теории межкультурной коммуникации. Среди них *The Silent Language* (1959), *The Hidden Dimension* (1966), *Beyond Culture* (1976), которые убедительно и наглядно демонстрируют непосредственную связь между культурой и коммуникацией, основания для сравнения культур, закономерности невербального общения.

Своеобразной антологией исследовательского опыта в области межкультурной коммуникации является изданная в 1991 г. и многократно переизданная с дополнениями работа американских ученых Л. Самовара и Р. Портера *Communication Between Cultures* (Samovar, Porter, McDaniel, Roy, 2015), а также впервые изданная в 1994 г. работа *Intercultural Communication: A Reader* (Samovar, Porter, 2003), в которой рассматриваются не только кросс-культурные исследования, но и специфика взаимоотношений между представителями различных субгрупп внутри культуры.

Особый интерес при изучении межкультурной коммуникации представляют исследования, направленные на описание культурно-коммуникативной вариативности, в рамках которых «рассматриваются различные систематизации культурных переменных, обуславливающих своеобразие коммуникативных процессов в разных лингвокультурах» (Kulikova, 2009: 80). Культурные переменные представляют собой различные аспекты культуры, которые можно сравнить с подобными в других культурах. Важность данных исследований заключается в том, что именно через сопоставительный анализ конкретных лингвокультур и их отдельных аспектов в процессе вербального и невербального общения происходит уточнение базовых терминов межкультурной коммуникации, обновление исследовательской парадигмы, расширение методологического пространства.

К числу значимых работ, ориентированных на выявление культурных переменных, относятся прежде всего вышеупомянутые труды Э. Холла (Hall, 1959, 1966, 1976), в рамках которых выделяются и описываются четыре параметра культурной модели: представления о времени («монокронные» и «полихронные» культуры), отношение к пространству (четыре дистанционные зоны межличностного общения), иерархия социальных отношений и общение («высококонтекстные» и «низкоконтекстные» культуры).

Голландский исследователь Г. Хофстеде провел серьезное эмпирическое

кросс-культурное исследование и предложил четыре параметра измерения культуры, по которым были получены наиболее существенные отличия в обследованных им культурах, а именно: дистанция власти, индивидуализм – коллективизм, маскулинность – феминность, избегание неопределенности (Hofstede, 1980, 1984). Позже были добавлены еще два параметра: долгосрочная – краткосрочная ориентация на будущее и потворство своим желаниям – сдержанность (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). На сегодняшний день, согласно сайту *The Culture Factor Group* (The Culture Factor Group, 2024), в оригинале параметры звучат следующим образом:

Power Distance

Individualism

Motivation Towards Achievements and Success

Uncertainty Avoidance

Long Term Orientation

Indulgence

С помощью специального инструмента сравнения стран можно увидеть числовой показатель значимости каждого параметра для определенной страны. Интересно, что сайт постоянно обновляет числовые показатели, основываясь на различных публикациях в научных журналах, а также на исследованиях или результатах собственных коммерческих проектов. Последнее обновление сайта было 16 октября 2023 г. (The Culture Factor Group, 2024).

Большую ценность представляет работа Г.К. Триандиса *Culture and Social Behaviour* (Triandis, 1994), где, используя термин «культурный синдром», автор выделяет три значимые характеристики, которые отличают одну группу культур от другой: простота – сложность, индивидуализм – коллективизм и открытость – закрытость. Важный прикладной аспект работы Триандиса видится еще в том, что ученым совместно с его коллегами был разработан тренинг общения индивидуалистов с коллективистами, и наоборот, включающий 46 рекомендаций (Lebedeva, 1999: 52–55).

Модель Р. Льюиса, одного из ведущих британских лингвистов, специалиста в области прикладной и антропологической лингвистики, категоризирует культуры по трем основаниям: моноактивные, мультиактивные и реактивные (Lewis, 2006). Опираясь в своих исследованиях в основном на сферу бизнес-коммуникации, автор делает акцент на выстраивании взаимоотношений между членами рабочего коллектива и руководителем, являющимися представителями определенных типов культур, подчеркивая устойчивость сформировавшихся культурных традиций даже в условиях глобализации бизнеса (L'uis, 2013: 23).

Работа Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпдена-Тернера «Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса» предлагает пять ценностных ориентаций, которые в значительной степени влияют на поведение людей, их реакции, способы принятия решений, формат взаимодействия (Trompenaars, Hjempen-Terner, 2004). К важнейшим типам отношений, по мнению авторов, относятся:

- 1) универсализм – партикуляризм (правила – связи);
- 2) коллективизм – индивидуализм (группа – индивидуум);
- 3) нейтральность – эмоциональность (диапазон явно выражаемых чувств);
- 4) конкретный – диффузный («рассеянный») (степень вовлечения);
- 5) достижение – аскрипция (то, как определяют статус человека) (Trompenaars, Hjempen-Terner, 2004: 66–67).

Погружение в контекст реализации данных ценностных ориентаций позволяет лучше понять типы корпоративных культур, метафорически обозначенные Тромпенаарсом и Хэмпденом-Тернером как «семья», «Эйфелева башня», «самонаводящаяся ракета» и «инкубатор», которые «отличаются друг от друга способом мышления и познания нового, готовностью к изменению, стимулированием, премированием сотрудников и путями разрешения конфликтов» (Trompenaars, Hjempen-Terner, 2004: 322, 321).

По утверждению В.Е. Чернявской, «культура изучается как часть коммуникации, что ориентировано на активную деятельность человека внутри социокультурных практик» (Cherniavskaia, 2023: 104), поэтому с точки зрения лингвистики особую ценность представляют работы по межкультурной коммуникации, выполненные в русле дискурсивного подхода с акцентом на вербальную и прагматическую составляющие общения. Так, можно отметить работу Р. Сколлон и С. У. Сколлон *Intercultural Communication: A Discourse Approach* (Scollon, Scollon, 2000), а также коллективные монографии «Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации» под научной редакцией Л.В. Куликовой (Diskursivnye praktiki ..., 2015), «Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ» под редакцией Т.А. Милехиной и Р. Ратмайр (Korporativnaia kommunikatsiia v Rossii, 2017) и др.

Приведенные выше и многие другие работы составляют основу для классических представлений о теории межкультурной коммуникации, однако в последние десятилетия существенно меняется социокультурная и геополитическая ситуация в мире, цивилизационная картина в целом и повестка новых взаимоотношений разных стран и культур, что позволяет говорить о необходимости трансформации теоретических и прикладных основ дисциплины «Межкультурная коммуникация». Очевидно, что обсуждать исследовательские перспективы межкультурной проблематики в тех же методологических подходах и терминах, которые доминировали в рамках этого направления более полувека назад, вряд ли представляется логичным и отвечающим сегодняшней реальности (Kulikova, 2023: 4), вследствие чего возникает необходимость переосмыслить исследовательский инструментарий теории межкультурной коммуникации и предложить обновленную параметрическую модель изучения межкультурного взаимодействия в контексте полиэтничного государства.

Переосмысление теоретико-методологических основ межкультурной коммуникации: к постановке практической задачи

Основными факторами, которые выступают как вызовы для обновления научно-академической парадигмы межкультурной коммуникации, стали несостоятельность концепции мультикультурализма сегодня, усиление политико-идеологического акцента во взаимодействии представителей разных культур, динамика межконфессиональных конфликтов, глобальные миграции, ценностные и языковые противостояния, размывание международных академических традиций, моноцентрическая система правил, новая медиакоммуникационная действительность и расширение цифровой среды. Постновейший дискурс науки о межкультурном взаимодействии предполагает как минимум апгрейд классического репертуара данной области знания в аспекте разработки переосмысленной теории и методологии, а также в вопросе выделения новых контекстов для исследования (Kulikova, 2023).

Переработка классической теории межкультурной коммуникации, сформированной более 50 лет назад, предполагает пересмотр принципов исследовательской парадигмы межкультурной коммуникации и разработку новых инструментов, позволяющих описать специфику лингво-коммуникативного поведения и взаимодействия коренных этнических групп, проживающих на территории Российской Федерации, через сопоставительное изучение этнокультур в межкультурном контексте.

Решение проблемы пересмотра классической теории межкультурной коммуникации и ее методологических подходов имеет существенное теоретическое и прикладное значение для развития самого научного направления «Межкультурная коммуникация». Погружение в аспекты межкультурного взаимодействия этносов в институционально-официальной и повседневной сферах жизни, разработка рабочего актуального методологического инструментария для описания этого взаимодействия может стать важ-

ным фактором привлечения внимания к полиэтничности Российской Федерации, способствовать сохранению и поддержке духовно-нравственных ценностей и лингвокультурных традиций коренных этносов, а также способствовать гармонизации межэтнических отношений в многонациональном пространстве России.

Актуальность решения обозначенной проблемы обусловлена тем, что межкультурная коммуникация – это направление, в фокусе которого находятся культурные ценности, концепты, национальная картина мира, язык, способы эффективного взаимодействия с окружающими, а в сегодняшнем быстро развивающемся и постоянно меняющемся мире теоретическое и практическое наполнение таких дисциплин должно идти в ногу со временем, отвечать вызовам современности, актуализироваться, дополняться, развиваться с учетом новых контекстов и более узких перспектив.

Вывод

Таким образом, изучение специфики межкультурного взаимодействия в полиэтничном коммуникативном пространстве Российской Федерации является актуальной задачей, поскольку, несмотря на имеющиеся в российском научном сообществе работы, описывающие социокультурные характеристики отдельных коренных этносов нашей страны и социологические данные в отношении малых этногрупп, сегодня отсутствуют исследования, анализирующие эту задачу с точки зрения трансформации классической теории межкультурной коммуникации под новые условия, в частности для рассмотрения межкультурной коммуникации в контексте полиэтничного государства. Модернизация классических моделей описания межкультурной коммуникации, их адаптация к современным условиям и контекстам коммуникативного взаимодействия коренных этнокультур в полиэтничном пространстве страны позволит создать определенный задел для дальнейших научных исследований в области лингвистики, межкультурной коммуникации, теории коммуникации, социолингвистики.

Список литературы / References

- Diskursivnye praktiki sovremennoi institutsional'noi kommunikatsii [Discursive practices of modern institutional communication]*. Ed. by L. V. Kulikova. Krasnoiarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2015. 182.
- Cherniavskaia V. E. Perevod i intertekstual'nost': rensenziia na monografiu Galiny Denisovoi «Lingvokonfliktologii i perevod v polikul'turnom mire». Moskva: Izdatel'stvo «BOS», 2023. ISBN 978-5-905117-74-9 [Translation and Intertextuality: a review on Galina Denisova's book "Linguistic Conflictology and Translation in a Multicultural World". Moscow: BOS Publishing House, 2023]. In *Terra Linguistica*, 2023, 14 (2), 102–107. DOI: 10.18721/JHSS.14209
- Grushevitskaia T.G., Popkov V.D., Sadokhin A. P. *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii [Fundamentals of intercultural communication]*. Ed. by A. P. Sadokhin. Moscow, IUNITI-DANA, 2003. 352.
- Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, Doubleday, 1976. 298.
- Hall E. T. *The Hidden Dimension*. New York, Doubleday, 1966. 217.
- Hall E. T. *The Silent Language*. New York, Doubleday, 1959. 240.
- Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, Sage, 1980. 475.
- Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Abridged edition. Beverly Hills, Sage, 1984. 327.
- Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations. Software of the Mind. Intercultural Cooperation and its Importance for Survival*. Revised and expanded 3rd edition. New York, McGraw-Hill, 2010. 561.
- Korporativnaia kommunikatsiia v Rossii: diskursivnyi analiz [Corporate communication in Russia: A discourse analysis]*. Ed. by T. A. Milehina i R. Ratmair. 2nd edition. Moscow, Izdatel'skii dom IaSK, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2017. 632.
- Kulikova L. V. *Kommunikativnyj stil' v mezhkul'turnom obshchenii [Communicative style in intercultural communication]*. Moscow, Flinta: Nauka, 2009. 288.
- Kulikova L. V. *Metodologija mezhkul'turnoi kommunikatsii v novoi paradigme: Quo vadis: monograficheskoe esse [Methodology of Intercultural Communication in the new paradigm: Quo Vadis: Monographic essay]*. Krasnoiarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2023. 60.
- Lebedeva N.M. *Vvedenie v etnicheskuiu i kross-kul'turnuiu psikhologiiu [Introduction to ethnic and cross-cultural psychology]*. Moscow, «Kliuch-S», 1999, 224.
- Lewis R.D. *When Cultures Collide: Learning Across Cultures*. Boston, Nicholas Brealey Publishing, 2006. 600.
- L'iuiss R. D. *Stolknovenie komand. Uspeshnoe upravlenie mezhdunarodnoi komandoi [When teams collide: Managing the international team successfully]*. Translated by T. A. Tschepkova. Moscow, Infotropik Media, 2013. 256.
- Narody i kul'tury. Interv'iu s etnologom akademikom Valeriem Tishkovym [Peoples and Cultures. Interview with Ethnologist Academician Valery Tishkov]*. 2024. Available at <https://scientificrussia.ru/articles/narody-i-kul'tury-intervu-s-etnologom-akademikom-valeriem-tiskovym> (accessed 12 December 2024)
- Sadokhin A. P. *Vvedenie v teoriiu mezhkul'turnoi kommunikatsii [Introduction to Intercultural Communication Theory]*. Moscow, Vysshaia shkola, 2005. 310.
- Samovar L. A., Porter R. E. *Intercultural Communication: A reader*. 10th edition. Belmont, Wordsworth/Thomson Learning, 2003. 483.
- Samovar L. A., Porter R. E. McDaniel E.R., Roy C. S. *Communication Between Cultures*. 9th edition. Boston, Cengage Learning, 2015. 453.
- Scollon R., Scollon S.W. *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. 2nd edition. Oxford, Blackwell Publishers, 2000. 316.
- The Culture Factor Group*. 2024. Available at <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool> (accessed 13 December 2024)
- Triandis H. C. *Culture and Social Behavior*. New York, McGraw-Hill, 1994. 330.
- Trompenaars F., Hjempen-Terner Ch. *Nacional'no-kul'turnye razlichii v kontekste global'nogo biznesa [National and cultural differences in the context of global business]*. Translated by E.P. Samsonov. Minsk, OOO «Popurri», 2004. 528.

EDN: WZTUWY
УДК 130.2+821

Encounters of Generations and Low/High cultures: Intercultural Communication in Amy Tan's *The Joy Luck Club*

Andrea Puskás*

J. Selye University
Komárno, Slovak Republic

Received 11.12.2024, received in revised form 13.12.2024, accepted 28.12.2024

Abstract. Amy Tan is one of the most significant representatives of Asian American literature, who openly discusses both the link and the gap between her Chinese American identity and her Asian cultural heritage. By using the theoretical framework of Edward T. Hall (1976) on high- and low-context cultures and the theory of Anna S. Lau et al. (2006) on the link between culture and parent-child relationship, the present study focuses on the differences between intercultural and intergenerational communication in Tan's novel *The Joy Luck Club* and their impact on parent and child relationship. The study examines instances of verbal communication and conflicts arising from the differences of the cultures of the daughters and the cultural background of the mothers and the cultural influence on people's behaviour and communication styles. The findings of the study confirm that although American culture reflects low-context values and Chinese culture values high-context communication, the communication between the mothers and the daughters changes throughout time, supporting the idea that the categorization of cultures does not involve fixed and stable phenomena and concepts, but is rather at the two ends of a continuum and is open to change due to intercultural and intergenerational encounters.

Keywords: high-and low-context culture, intercultural communication, communication style, behaviour, intergenerational encounters.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of the Peoples of the Foreign Countries (English).

Citation: Puskás A. Encounters of Generations and Low/High cultures: Intercultural Communication in Amy Tan's *The Joy Luck Club*. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 12–20. EDN: WZTUWY

Контакты поколений из низко- и высококонтекстных культур: аспекты межкультурной коммуникации в романе Эми Тан «*The Joy Luck Club*»

Андреа Пушкас

Университет имени Яноша Шейе
Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. Эми Тан – одна из самых значимых представительниц азиатско-американской литературы, которая открыто обсуждает как связь, так и разрыв между своей китайско-американской идентичностью и своим азиатским культурным наследием. Опираясь на теоретические работы Эдварда Т. Холла (1976) о высоко- и низкоконтекстных культурах и Анны С. Лау и др. (2006) о связи между культурой и отношениями между родителями и детьми, в настоящей статье на материале романа Э. Тан «*The Joy Luck Club*» выявляются и анализируются межкультурные и межпоколенческие различия в коммуникации и их влияние на отношения между родителями и детьми. В статье рассматриваются случаи вербальной коммуникации и конфликты, возникающие вследствие различий культур дочерей и культур матерей, а также влияние культуры на поведение людей и стили общения. Результаты статьи подтверждают, что, несмотря на то, что американская культура отражает низкоконтекстные ценности, а китайская – высококонтекстные, общение между матерями и дочерьми меняется с течением времени. Данный факт подтверждает идею о том, что категоризация культур не предполагает фиксированных и стабильных явлений и концептов, а скорее находится на двух концах континуума и открыта для изменений в результате межкультурного и межпоколенческого взаимодействия.

Ключевые слова: высоко- и низкоконтекстная культура, межкультурная коммуникация, стиль общения, поведение, контакты поколений.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Пушкас А. Контакты поколений из низко- и высококонтекстных культур: аспекты межкультурной коммуникации в романе Эми Тан «*The Joy Luck Club*». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 12–20. EDN: WZTUWY

Introduction

Culture has been identified as a significant factor influencing both verbal and non-verbal communication. Yang et al. point out that culture has a crucial impact on communication topics and can lead to many differences in communication including communication styles, for example using different tones to communicate, either direct or indirect (Yang et al., 2020: 2). Undeniably, culture plays a critical role in creating differences in communication, influencing

people's verbal communication (for example word choice), their interpersonal relationships and interaction patterns, their understanding of social hierarchy and positions in the family and their interpretation of environmental cues.

Intercultural communication is based on overcoming gaps and differences between various types of cultures, habits and environments, however, the differences between cultures can further be deepened by differences in age, personal beliefs, educational backgrounds, social

contexts and differences in the environment in which particular individuals belonging to the same culture were brought up, just to mention a few factors. Even within the same family, members can experience cultural gaps and communication differences due to differences in the social contexts and environments of upbringing, which can lead to intergenerational conflicts.

The main aim of the present study is to apply Edward T. Hall's theory of high-context and low-context culture (1976) and the research findings and theory on parent to child aggression based on culture and context elaborated by Anna S. Lau et al. in 2006 to investigate intercultural communication and intercultural and intergenerational differences in Amy Tan's novel *The Joy Luck Club*, first published in 1989 in the USA. Amy Tan, the daughter of Chinese American immigrant families explores the nature and the roots of intercultural and intergenerational conflicts and provides guidance on how these differences can be overcome.

Theoretical framework

High- versus low-context culture

American anthropologist Edward T. Hall's book *Beyond Culture* was published in 1976 and has been regarded as a significant landmark not only in anthropology, but also in communication theory, cultural studies, intercultural communication, identity research and many other fields. Hall's proposed theory on high-context versus low-context culture is based on the messages and ways of communication people in a given culture choose to communicate with (Hall, 1976). Hall explains that cultures cannot be categorized as exclusively high-context or low-context, instead, they tend to move on a continuum between two ends, two extremes based on the extent to which they take the context of communication into consideration. This distinction between cultures is useful particularly for understanding differences in communication and investigating how direct or indirect certain cultures are. High- and low-context cultures originally referred to language groups, national languages or regional communities (e.g. Hall, 1976; Kim et al., 1998; Roland, 1996), however, nowadays it is also applied to certain jobs, professions, cultural groups, sub-

cultures, even corporations, business groups and the communication styles of online and offline environments and settings (e.g. Reyes, 2002; Wurtz, 2005; Saint-Jacques, 2011).

The basic differences between high-context and low-context cultures, as claimed by Hall, is the extent to which communication requires context-related cues (Hall, 1976). High-context cultures regard social hierarchy, social norms and interpersonal relationships as important cues for communication and the inner feelings of individuals are kept hidden or at least under strong self-control (Kim et al., 1998). In high-context cultures, people are claimed to prefer implicit, symbolic language (Hornikx & Pair, 2017). Most communication takes place in the physical contexts or is internalized in the person and less information is contained in words, sentences and grammar (Hall, 1976; Yang et al., 2020). Generally, people in high-context cultures use indirect verbal communication, rely on non-verbal cues and are more introverted (Ramos, 2014). They appreciate and place a high value on interpersonal relationships, the member of this group are close-knit and have a strong sense of belonging to a community (Guffey & Loewy, 2022).

People in low-context cultures are much more individualized, communication between people is more explicit, direct and more confrontational (Hall, 1976; Kim, 1998; Ramos, 2014; Yang et al., 2020). Speakers prefer explicit, task-related language (Hornikx & Pair, 2017). Low-context messages are more context-free, rely on environmental cues less, they disregard the status of the speaker and the audience more. Speakers communicate in a way which is more consistent with their inner feelings, they are more open and direct (Yang et al., 2020).

Dealing with conflict

High- and low context cultures have also been studied from the point of view of level of confrontation and the way they handle and solve conflict. High-context cultures are generally assumed to be more socially oriented and more confrontation-avoiding, they are believed to have more problems with dealing with new situations (Kim et al., 1998). On the other hand,

low-context cultures have been confirmed to be more dominant in handling conflicts, they prefer uncompromising and dominant communication style (Croucher et al., 2012). A person from a high-context culture will examine the setting and the environment first, then will avoid referring to the problem arising from a conflict directly (Wurtz, 2005; Yang et al., 2020). People from high-context cultures are more likely to repress feelings and personal opinions to maintain social or interpersonal harmony and do their best to avoid open and direct disagreement (Hall, 1976). However, disputes and tensions will inevitable gather and culminate, and member of high-context cultures are often triggered by seemingly unimportant incidents or remarks and explode or escalate quickly. Such explosions occur without prior warning and many times unpredictably (Kim et al., 1998).

Individualization of context

Hornikx and Pair point out that studies and research findings published since the appearance of Hall's theory have failed to support the theory with substantial empirical data. They quote Cardon who notes that "Studies that use contexting as an explanatory framework for cross-cultural variation almost invariably accept the contexting continuum" (Cardon, 2008: 400 In: Hornikx & Pair, 2017: 1–2). Hornikx and Pair emphasize the importance of measuring and assessing individual context score, which is a significant move towards individualization within the national context of the high/low culture continuum. This shift is necessary, because not all individuals can be characterized by national or cultural stereotypes and there are individual differences and cultural variations in various settings and environments. Of course, investigating and understanding the general characteristics of dominant culture types can be helpful for understanding basic communication patterns and styles and can help to improve the quality of communication between speakers with different cultural background, but individual differences must not be neglected, since the differences between individual speakers belonging to the same culture but having different characteristics, for exam-

ple age, educational background, intelligence, level of empathy, experience, etc. can have a significant impact on interpersonal communication.

Communication between Chinese parents and their Chinese American children

Several research findings confirm that there is a link between cultural background and parent and child relationship, parenting techniques and expectations (Tang, 1998; Wang & Phinney, 1998; Lee, 2000). High-context cultures such as Asian cultures expect obedience from children, emphasize their duties towards parents, respect for elders, fulfilment of obligations and promote absolute control of parents over the child. Parents do not tolerate misbehaviour, are more restrictive and authoritative than the parents in low-context culture (Lau, 2006).

Cultural minorities have a very unique position, especially when it is high-context culture individuals living in a low-context cultural environment. China and Chinese culture is typically regarded as high-context culture, so Chinese American immigrant families living in the USA, a typically low-context culture, must handle a lot of challenges. In the context of immigrant families, it is not only intercultural difficulties that they need to overcome, but within the family unit, they tend to face intergenerational conflicts as well, which often stem from the fact that second generation Chinese Americans, the children of immigrant parents usually adapt to the dominant culture and values more quickly and they learn the language more easily and more rapidly. These differences usually result in what Lee et al. call "intergenerational acculturation-related conflicts" (Lee et al., 2000: 215) documented in Asian American samples (Lee et al., 2000).

Differences in cultural socialization between parents and children in immigrant families are accompanied by the stress connected with minority status (for example the stress of perceived discrimination in various field of life, lower social standing) (Adler, 2000). This can lead to an increase in the risk of child abuse (either verbal or physical) and parent – child aggression (Park, 2001; Lau, 2006).

High- and low-context culture in Amy Tan's narrative

Amy Tan is one of the most celebrated and acknowledged literary figures of Chinese American literature, who openly writes and speaks about her own cultural experience as the descendant of Chinese immigrant parents. Tan frequently explores the gap between her cultural and personal identity and the one of her mother's and examines the roots of the conflicts that arouse from these differences throughout her relationship with her mother (Puskás, 2023, Puskás, 2024).

The Joy Luck Club is Tan's first successful novel, which demonstrates the differences between high- and low-context cultures in an excellent way. The novel is highly fragmented; it is divided into four main parts, each consisting of four stories, sixteen altogether, each showing a different perspective, either the mother's or the daughter's. The novel centres around eight characters, four mothers and four daughters. The mothers are Chinese immigrants living in the USA, all of them arrived to the new country after serious suffering, personal tragedies, violence and humiliation in China with the hope of a better future. The mothers live in San Francisco, Chinatown, a milieu of cultural mixture and diversity. They decide to establish the Joy Luck Club, which involves frequent gatherings, making and eating traditional Chinese food and playing a Chinese game called mahjong. One of the mothers is already dead when the story begins, it is her daughter, Jing-Mei Woo (or June, as she is called in American English) who takes her place in the Club.

The mothers belong to Asian, Chinese culture, which is generally considered as high-context culture (Yang, 2020), but the daughters are already socialized in a low-context, American culture (Yang, 2020). They are somewhere in-between, no more Chinese, but not yet American. They are looking for ways to fit in the new environment, they have a kind of double identity. One of the daughters, Waverly explains: "Waverly Place Jong, my official name for important American documents. But my family called me Meimei, "Little Sister."" (Tan, 2019: 98). Even her age was different in China and in America: "I was seven according

to the American formula and eight by the Chinese calendar" (Tan, 2019: 99).

The relationship between Jing-Mei Woo and her Chinese mother is a great example of how conflict and misunderstanding arises from cross-cultural encounters within one single family leading to "intergenerational acculturation-related conflicts" (Lee, 2000). One of the barriers to communication between mother and daughter is the language barrier. The first-generation immigrant mother speaks Chinese, while the second-generation daughter speaks English, she only understands Chinese but cannot speak the language fluently. The mother can only communicate in English with mistakes, when she is angry or upset, she switches to Chinese. "So ungrateful," I heard her mutter in Chinese." (Tan, 2019: 157). Jing-Mei refers to these Chinese speeches many times: "These kinds of explanations made me feel my mother and I spoke two different languages, which we did. I talked to her in English, she answered back in Chinese" (Tan, 2019: 26). This language barrier even intensifies tension, leads to more conflicts and widens the gap between parent and child.

The daughter has to put effort into understanding what the mother says, which can lead to misunderstandings and, not least, increase the distance between the two of them. In the stories, bilingualism, in addition to carrying the possibility of deception and exclusion, also refers to the cultural position of the speakers. The difference, misunderstanding and conflict between mother and daughter is also due to the different characteristics of Chinese and American culture, the result of the "two kinds"¹ of life outlook and cultural heritage. Marina Heung highlights that "Because of their historical devaluation, women in the Chinese family are regarded as disposable property or detachable appendages despite their crucial role in maintaining the family line through childbearing. Regarded as expendable objects to be invested in or battered (...). The position of women-as daughters, wives, and mothers-in Chinese society is therefore marked-

¹ "Two Kinds" is also the title of one of the chapters in the novel, the story narrated from the point of Jing-Mei Woo. In this story, the famous line appears: "Only two kinds of daughters" (Tan, 2019: 164).

ly provisional, with their status and expendability fluctuating according to their families' economic circumstances, their ability to bear male heirs, and the proclivities of authority figures in their lives." (Heung, 1993: 601). Due to this culturally different background, the mothers understand the world and especially the American world of low-context culture with surprise, often even with shock.

The mother's cultural background significantly influences her relationship with her daughter, she interprets this relationship along the principles of authoritarianism, blind obedience and the child's dependence on the parent. Following long periods of silence, June's mother finally exploded and shouted the following: "'Only two kinds of daughters,'" she shouted in Chinese. "Those who are obedient and those who follow their own mind! Only one kind of daughter can live in this house. Obedient daughter!" (Tan, 2019: 164). These Chinese mothers have different ideas about the proper behaviour of girls: "Haven't I taught you – that it is wrong to think of your own needs? A girl can never ask, only listen." (Tan, 2019: 73). They had been raised to be silent and serve the needs of men or older women.

Her daughter, however, is already a second-generation Chinese-American girl, who is alien to her mother's point of view and is being brought up and socialized in a more equal society based on partnership relations, freed from strict and rigid moral standards. Her different attitude is formulated in the following remark: "I didn't have to do what my mother said anymore. I wasn't her slave. This wasn't China" (Tan, 2019: 163). The Chinese American daughter openly refuses blind obedience to parents and the authoritative power hierarchy between parent and child. The individualistic principles of American culture are different from the authoritarian Chinese culture, and the latter is closer to the daughter than the former.

Tan further accentuates the difference between Chinese and American culture by making Chinese mothers closer to spirituality, while their daughters are more practical and pragmatic. Mark Singer points out that "Tan creates two entirely different scripts of cultural identity, a realistically-outlined "American"

identity for the daughters and an Orientalized "Chinese" one for their mothers" (Singer, 2001: 324). Patricia L. Hamilton writes: "The mothers inherited from their families a centuries-old spiritual framework, which, combined with rigid social constraints regarding class and gender, made the world into an ordered place for them." (Hamilton, 1999: 126). For the mothers, both spirituality and a way of life based on obedience and strict rules of behaviour mean order and security.

Changing cultural identities

Based on their revelations and comments, the daughters' understanding of Chinese culture together with their mother's identity seems to have changed by the time they reach adulthood and go through significant personal milestones (for example getting married, breaking up with partners, leaving university, taking up jobs, losing beloved ones).

It can be assumed that the experiences of the daughters and their understanding both of their mothers and Chinese culture as children is very much different from the way they understand these as adults. Several examples from the narratives confirm that as adults, the daughters have a more sentimental and forgiving idea about their mothers' motives and they become aware of what their mother might have felt when looking at their children being part of a culture they felt so uncomfortable about. "And then it occurs to me. They are frightened. In me, they see their own daughters, just as ignorant, just as unmindful of all truths and hopes they have brought to America. They see daughters who grow impatient when their mothers talk in Chinese, who think they are stupid when they explain things in fractured English. They see that joy and luck do not mean the same to their daughters, that to these closed American-born minds "joy luck" is not a word, it does not exist. They see daughters who will bear grandchildren born without any connecting hope passed from generation to generation." (Tan, 2019: 35).

The daughters openly accept that they were alien to their mothers and vice versa, they did not have the tools and means of communication to get their meaning across. "My mother and I never really understood one another. We

translated each other's meanings and I seemed to hear less than what was said, while my mother heard more." (Tan, 2019: 31).

Jing-Mei had two mental pictures of her deceased mother, one perceived as a child and another one she saw as an adult. As a stubborn child with her attitude and individualistic beliefs she used to stand closer to American culture, but as an adult, she interprets the communication between her and her mother much more consciously, and even moves towards Chinese culture – both by becoming calmer, more humble and community-centred and by paying more attention to the processes and hidden values behind Chinese culture trying to understand them in the best way she can. After her mother's death, she travels to China to look for her lost siblings, consciously approaching Chinese communication. "No, tell me in Chinese. (...) Really, I can understand." (Tan, 2019: 40) she tells her father when they arrive in China and as an adult she listens to her father's retelling of her mother's story about how she had been forced to leave her twin babies behind in war-torn China. She wants to become part of Chinese culture and community also by absorbing the language and manners.

As adults, the daughters identify similarities between their character, personality traits and seem to understand their mothers' motives more. "And I thought how much I seemed like my mother, always worried beyond reason inside, but at the same time talking about the danger as if it were less than it really was." (Tan, 2019: 141). The mother image and the image of Chinese culture that the mother embodies becomes a more intimate part of their identity. "I realized my mother knew more tricks than I had thought" (Tan, 2019: 202).

They stop fighting against it, instead, they make an important step towards accepting that it is part of their personal identity. "At first I thought it was because I was raised with all this Chinese humility", Rose said. "Or that maybe it was because when you're Chinese you're supposed to accept everything, flow with the Tao and not make waves. But my therapist said, Why do you blame your culture, your ethnicity?" (Tan, 2019: 182).

As M. Mary Booth Foster has pointed out: "Voice finds its form in the process of interaction, even if that interaction is conflict" (Booth, 2009: 97). Throughout the series of conflicts resulting from cultural differences, language barriers, different attitudes, the daughters come to a very important conclusion: "Here is how I came to love my mother. How I saw in her my own true nature. What was beneath my skin. Inside my bones." (Tan, 2019: 45).

Conclusion and implications for further research

The results of this preliminary study confirm that a broader understanding of high- and low-context culture concept is necessary, and a move towards a more individualized understanding of these concepts is required because of the individual differences between the speakers and members of one community. Understanding and experiencing high- and low-context cultures is subject to change even within the life period of a single individual. Cultural differences within immigrant families and differences between generations (first generation and second generation immigrants) can widen the concepts of high- and low-context cultures. The findings of this study are in line with the findings of Hemant Shah (2003) and Grace Wang (2009) who also confirmed that the images of Asian American identity are constantly reshaped, the boundaries of Western high culture are reformulated (Wang, 2009) resulting in more liberating cultural images in the media and in literary texts.

The scope of this study was limited to examining concrete verbal utterances and examples of non-verbal reactions and behaviour in the novel *The Joy Luck Club* by Amy Tan, and thus overgeneralization of the results will require caution or should even be avoided.

Given the complexity of intercultural communication and the scope of high- versus low-context culture concepts, further research involving more literary texts and examples of the same kind is needed before formulating claims about Chinese American literary texts so that these concepts could be examined much more accurately and precisely.

References

- Adler N. Epel, E., Castellazzo G. & Ickovics J. Relationship of subjective and objective social status with psychological and physiological functioning: Preliminary data in healthy White women. *Health Psychology*, 2000, 19, 586–592.
- Booth Foster, M. Mary. Voice, Mind, Self: Mother-Daughter Relationships in Amy Tan's *The Joy Luck Club* and *The Kitchen God's Wife*. In: *Amy Tan* (new edition), ed. Harold Bloom, New York: Infobase Publishing, 2009, 95–111.
- Croucher Stephen M., Bruno Ann, McGrath Paul, Adams Caroline, McGahan Cassandra, Suits Angela & Huckins Ashleigh. Conflict Styles and High–Low Context Cultures: A Cross-Cultural Extension. *Communication Research Reports*. 2012. 29(1): 64–73. doi:10.1080/08824096.2011.640093
- Guffey Mary Ellen & Loewy Dana. *Essentials of Business Communication*. 12th edition. Cengage Learning, 2022.
- Hall Edward T. *Beyond Culture*. Garden City: Anchor Press, Doubleday, 1976.
- Hamilton Patricia L. Feng Shui, Astrology, and the Five Elements: Traditional Chinese Belief in Amy Tan's *The Joy Luck Club*. In: *Melus*, Religion, Myth and Ritual, 1999, 24(2), 125–145.
- Heung Marina. Daughter-Text / Mother-Text: Matrilineage in Amy Tan's *Joy Luck Club*. In: *Feminist Studies*, Published by Feminist Studies, Inc. *Who's East? Whose East?* 1993, 19(3), 596–616.
- Hornikx J. & le Pair R. The Influence of High-/Low-Context Culture on Perceived Ad Complexity and Liking. *Journal of Global Marketing*, 2017, 30(4), 228–237. doi:10.1080/08911762.2017.1296985
- Kim D., Pan Y. & Park H.S. High-versus low-Context culture: A comparison of Chinese, Korean, and American cultures. *Psychology and Marketing*, 1998, 15(6), 507–521. doi:10.1002/(sici)1520-6793(199809)15:6<507::aid-mar2>3.0.co;2-a
- Lau A. S., Takeuchi D. T. & Alegría M. Parent-to-Child Aggression Among Asian American Parents: Culture, Context, and Vulnerability. *Journal of Marriage and Family*, 2006, 68(5), 1261–1275. doi:10.1111/j.1741-3737.2006.00327.x
- Lee R. M., Choe J., Kim G. & Ngo V. Construction of the Asian American Family Conflicts Scale. *Journal of Counseling Psychology*, 2000, 47, 211–222.
- Park M. S. The factors of child physical abuse in Korean immigrant families. *Child Abuse & Neglect*, 2001, 25, 945–958.
- Puskás, Andrea. Hang, csend és identitás: Anyák és lányok Tillie Olsen és Amy Tan narratíváiban [Voice, silence and identity: Mothers and daughters in the narratives of Tillie Olsen and Amy Tan]. *Partitúra: Irodalomtudományi folyóirat*. Nitra (Slovakia): University of Constantine the Philosopher in Nitra. Faculty of Central European Studies. Institute of Central European Languages and Cultures. 2023, 18(2), 19–34.
- Puskás Andrea. Autofiction and Therapy: Encounters of Generations and Cultures and the Journey to Self-Discovery in Amy Tan's Fiction. DOI 10.47745/ausp-2024-0003. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. Kluž, Romania: Scientia, 2024, 16(1), 28–39.
- Ramos D. C. "High context". In S. Thompson (ed.), *Encyclopedia of diversity and social justice*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2014
- Ramos D. C. "Low context". In S. Thompson (ed.), *Encyclopedia of diversity and social justice*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2014.
- Roland A. The influence of culture on the self and selfobject relationships: An Asian-North American comparison. *Psychoanalytic Dialogues*, 1996, 6(4), 461–475. doi:10.1080/10481889609539131
- Reyes A. "Are you losing your culture?": Poetics, indexicality and Asian American identity. *Discourse Studies*, 2002, 4(2), 183–199. doi:10.1177/14614456020040020401
- Saint-Jacques, Bernard. Intercultural Communication in a Globalized World. In: Larry A. Samovar, Richard E. Porter, & Edwin R. McDaniel (Eds.). *Intercultural Communication: A Reader*. 13th edition. Boston, Mass: Cengage Learning, 2011, 45–53.

Shah H. "Asian Culture" and Asian American Identities in the Television and Film Industries of the United States. *SIMILE: Studies In Media & Information Literacy Education*, 2003, 3(3), 1–10. doi:10.3138/sim.3.3.002

Singer Mark. Moving Forward to Reach the Past: The Dialogics of Time in Amy Tan's *The Joy Luck Club*. *Journal of Narrative Theory*, 2001, 31(3), 324–352.

Tan Amy. *The Joy Luck Club*. London: Vintage. 2019.

Tang C. S.-K. The rate of physical child abuse in Chinese families: A community survey in Hong Kong. *Child Abuse & Neglect*, 1998, 22, 381–391.

Wang Grace. Interlopers in the Realm of High Culture: "Music Moms" and the Performance of Asian and Asian American Identities. *American Quarterly*, 2009, 61(4), 881–903. doi:10.1353/aq.0.0114

Wang C.-H. C. & Phinney J. S. Differences in child rearing attitudes between immigrant Chinese mothers and Anglo-American mothers. *Early Development & Parenting*, 1998, 7, 181–189.

Wurtz Elizabeth. Intercultural Communication on Websites: A Cross-Cultural Analysis of Websites from High-Context Cultures and Low-Context Cultures. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2005, 11(1): 274–299. doi:10.1111/j.1083–6101.2006.tb00313.x

Yang X., Hou J. & Arth Z. W. Communicating in a proper way: How people from high-/low-context culture choose their media for communication. *International Communication Gazette*. 174804852090261. 2020. doi:10.1177/1748048520902617

EDN: YZCNEG
УДК 811.511.111

The Image of Siberia in Contemporary Finnish-language News Discourse

Natalia A. Os'mak*

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 10.10.2021, received in revised form 10.12.2021, accepted 18.01.2022

Abstract. The aim of the article is to identify the key characteristics of the linguistic representation of the image of Siberia in Finnish-language publicistic discourse from the position of interlinguacultural approach. The study material consisted of contexts selected from the corpus of YLE TV and radio news texts by the solid sampling method (775 contexts). In the course of the analysis all the contexts were categorized into thematic groups representing different perspectives of Siberia: 1) Siberia as a geographical region; 2) Siberia as a place of exile; 3) Siberia as a climatic characteristic; 4) the unit Siberia as part of a name; 5) the unit Siberia as part of a phraseology. The article presents the linguistic characteristics of each of the thematic groups, including the representation of toponyms, anthroponyms and other culturonyms, which are specific markers of Russocentric discourse. The analysis of frequent collocations by thematic groups allows us to draw preliminary conclusions about the tone of the contexts. The data of automatic sentiment-analysis, partially confirming the preliminary observations, testify to the neutral tone of the contexts representing the image of Siberia. Despite the presence of units with negative connotation in the collocations, neutralization is carried out due to the specifics of the news discourse focused on the function of informing.

Keywords: Finnish-language discourse, news text, Siberia, interlinguaculturology.

The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 1VG)

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes. Theoretical, Applied, Comparative and Contrastive Linguistics.

Citation: Os'mak N. A The Image of Siberia in Contemporary Finnish-language News Discourse. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 21–33. EDN: YZCNEG

Образ Сибири в современном финноязычном новостном дискурсе

Н.А. Осьмак

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Цель статьи заключается в определении ключевых характеристик языковой репрезентации образа Сибири в финноязычном публицистическом дискурсе с позиции интерлингвокультурологического подхода. Материал исследования составили контексты, отобранные из корпуса новостных текстов телерадиокомпании YLE методом сплошной выборки (775 контекстов). В ходе анализа все контексты были распределены на тематические группы, показывающие различные ракурсы представления Сибири: 1) Сибирь как географический регион; 2) Сибирь как место ссылки; 3) Сибирь как климатическая характеристика; 4) единица *Сибирь* в составе названия; 5) единица *Сибирь* в составе фразеологизма. В статье приводятся лингвистические характеристики каждой из тематической групп, включающие представленность в них топонимов, антропонимов и других культуронимов, являющихся специфическими маркерами руссо-центрического дискурса. Анализ частотных коллокаций по тематическим группам позволяет сделать предварительные выводы о тональности контекстов. Данные автоматического сентимент-анализа, частично подтверждая предварительные наблюдения, свидетельствуют о нейтральной тональности контекстов, представляющих образ Сибири. Несмотря на наличие в коллокациях единиц, имеющих негативную окраску, нейтрализация осуществляется благодаря специфике новостного дискурса, ориентированного на функцию информирования.

Ключевые слова: финноязычный дискурс, новостной текст, Сибирь, интерлингвокультурология.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 1ВГ)

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы. 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Осьмак Н. А. Образ Сибири в современном финноязычном новостном дискурсе. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 21–33. EDN: YZCNEG

Введение

Далекая, таинственная и непонятная Россия издавна привлекает исследователей, публицистов и писателей из других стран, что объясняет обширность корпуса текстов руссо-центрического иноязычного описания. При этом в ряде исследований (Beloglazova et al., 2024: 107) отмечается дуализм и неоднозначность создаваемого образа страны.

Аналогичным образом характеризуют и образ русских, конструируемый в иноязычных медиа (Raittila, 2011: 162). По меткому замечанию швейцарского посла В. Фечерина, «репутация России значительно хуже, чем она является на самом деле» (Podvigin, Grasmuck, 2002), и не последнюю роль в общем имидже страны играют существующие, зачастую негативные (Terskikh, Malenova, 2012) стереоти-

пы относительно одного из самых известных и в то же время загадочных, мифологизированных регионов, а именно Сибири.

Целью представленного исследования является определение специфики языкового конструирования образа Сибири на материале финского новостного дискурса. П. Песонен отмечает, что Россия как культурное пространство в финноязычном дискурсе является «одновременно знакомым и неизвестным, своим и чужим» (Pesonen, 2011: 201). В рамках данной статьи целесообразно проследить, распространяется ли и каким образом эта тенденция на представление сибирского культурного пространства в финских современных новостях.

Теоретические основания

Исходя из целей работы были определены следующие концептуальные направления и подходы, составившие теоретический фундамент исследования.

1. Интерлингвокультурологический подход к изучению русско-центрического текста, заложенный В. В. Кабакчи и предполагающий изучение изменения выразительных средств языка, описывающих явления внешней культуры. При этом особый интерес представляют ксенонимы, т.е. «культуронимы, закрепленные за специфическими элементами «чужой», иноязычной, внешней культуры» (Kabakchi, Beloglazova, 2023: 29), поскольку они являются также и средствами выдвижения, связанного с теорией остранения В.Б. Шкловского, подразумевающей удивление и обостренное восприятие незнакомого мира (Shklovskii, 1970).

2. Теория дискурса, подразумевающая изучение как семантического уровня, т.е. совокупности представленных интенций, так и прагматической составляющей, а именно способов выражения данных интенций (Karasik, 2002: 191). Финноязычный новостной русско-центрический дискурс рассматривается как особый вид дискурса, сочетающий в себе ключевые характеристики медиадискурса, подробно разработанные в рамках медиалингвистики Т.Г. Добросклонской (Dobrosklonskaia, 2020), и отличительные черты языка вто-

ричной культурной ориентации (финского языка, обращенного в область русского культурного пространства). В финноязычной традиции основной целью новостного информативного текста является установление корреляции между реальностью и сообщением, однако, несмотря на кажущуюся установку на объективность, характерной чертой можно считать авторскую модификацию транслируемой информации в соответствии с ценностными установками общества. (Hemánus, Pietilä, 1982: 25; Pallaskallio, 2013: 43). При этом основными лингвистическими средствами, используемыми в подобном дискурсе, являются:

- 1) обилие безличных, неопределённо-личных и обобщённо-личных конструкций;
- 2) использование оценочной лексики для демонстрации фактологической информации (в том числе качественных прилагательных в переносном значении и наречий для их усиления);
- 3) активное употребление фразеологизмов для создания выразительности и образности текста;
- 4) употребление специальной лексики в переносном значении;
- 5) использование приема языковой игры;
- 6) упоминание прецедентных феноменов для выражения оценки события;
- 7) использование авторских метафор (Bratchikova, 2020: 628–631).

Как уже упоминалось выше, образ Сибири и особенности его языковой репрезентации в иноязычном дискурсе активно привлекали внимание лингвистов. Так, стоит отметить работы М.В. Терских, посвященные рассмотрению имиджа региона в аспекте туризма на материале англоязычных новостных текстов, а также затрагивающие вопросы метафорической объективации данного концепта. В своих исследованиях автор приходит к выводу, что в сознании носителей английской лингвокультуры Сибирь предстает как некий отдаленный, изолированный регион России, характеризующийся крайне суровыми климатическими условиями и по-прежнему являющийся местом ссылки (Terskikh, 2011;

Terksikh, Malenova, 2012). К аналогичному выводу приходят И.Б. Руберт, Е.А. Нильсен, Ю.Г. Тимралиева в ходе анализа англоязычных художественных произведений XVIII-начала XX века (Rubert et.al, 2021). О противоречивости образа Сибири, сочетающего в себе уникальную локацию, связанную с ежедневным выживанием, высокую духовность и исторический фон ссылок, коммунизма и ГУЛАГа, пишет Л.П. Большакова (Bolshakova, 2016: 557). В этой связи особый интерес представляет обращение к материалам другого языка для определения того, является ли подобное восприятие Сибири характерным только для английской лингвокультуры или же распространяется на другие.

Обращение к новостному дискурсу объясняется возрастающей ролью СМИ в формировании общественного мнения и стереотипов относительно того или иного предмета или явления. В современном мире ключевую роль играет не столько информация, сколько ракурс, под которым она подается читателю, что делает актуальным рассмотрение тональности, «т.е. эмоционально-волевой установки автора, его психологического отношения к излагаемому, адресату или ситуации общения» (Matveeva, 2014: 692), новостных контекстов, репрезентирующих образ Сибири.

Методы и материал анализа

В качестве материала для исследования были выбраны контексты из новостных статей. При этом источником послужил корпус статей новостного портала YLE (Yle Finnish News Archive 2011–2021) за период с 2011 по 2021 год объемом 207.500.221 токен. Далее методом сплошной выборки были отобраны контексты, в которых встречалась единица *Siperia* (Сибирь) в любой словоформе, с целью формирования исследовательского подкорпуса, тематически связанного с регионом Сибирь. Изначально объем составил 2058 вхождений данной единицы, однако в дальнейшем сократился до 775 после удаления дублирующих контекстов (в случае повторения фразы из текста статьи в заголовке или подзаголовке).

Следующим шагом стала обработка полученного исследовательского подкорпуса с использованием метода дискурсивного анализа, направленного на выявление маркеров руссоцентрического дискурса на уровне глубинной и поверхностной структур, а также определение тональности выявленных групп контекстов методом автоматического сентимент-анализа с использованием совмещенных моделей FinBert и FinSentiment (Linden et al., 2023).

Результаты исследования

В результате анализа для каждого контекста были определены ключевые слова, характеризующие инфоповод новости и позволившие выделить основные ситуации употребления данного ксенонима, среди которых:

- 1) описание Сибири как географического региона – 68,6 %;
- 2) Сибирь как место ссылки/ заключения – 9,4 %;
- 3) характеристика климатических особенностей того или иного региона – 8,5 %;
- 4) использование ксенонима Сибирь в качестве названия организации – 8,9 %;
- 5) использование ксенонима в составе фразеологизма *Siperia orettaa* – 4,6 %.

Остановимся на рассмотрении данных ситуаций подробнее.

Сибирь как географический регион

В соответствии с количественными данными эта тематика характеризует большую часть отобранного материала, однако при этом нельзя назвать контексты, включенные в категорию, однородными. Среди них можно выделить своеобразные подкатегории в соответствии с ключевыми словами, позволяющие более узко представить аспект представления образа Сибири (см. табл. 1).

Стоит отметить, что некоторые контексты относятся одновременно к нескольким подкатегориям. В частности, Сибирь как локация археологических находок зачастую сопровождается упоминанием вечной

Таблица 1. Основные подкатегории контекстов, представляющие Сибирь как географический регион
 Table 1. The main subcategories of contexts representing Siberia as a geographical region

Подкатегория	Пример контекста	Процентное соотношение
Сибирь как место археологических находок	<i>Siperiasta Jamalin niemimaalta on torstaina löytenyt hyvin säilynyt tammutin poikanen.</i> В Сибири на полуострове Ямал в четверг был найден хорошо сохранившийся мамонтенок	4,8 %
Сибирь как локация вечной мерзлоты	<i>Oravan hedelmä- ja siemenkätö jäi Kolimajoen rannalle Siperian iki-routaan noin 30 000 vuotta sitten.</i> Белчий тайник с фруктами и семенами был оставлен на берегу реки Колыма в вечной мерзлоте Сибири около 30.000 лет назад	2,2 %
Характеристика флоры и фауны региона	<i>Perämeren rannikolla leviävä punkki on osoittautunut Siperiasta kulkeutuneeksi Taiga-punkiksi.</i> Клец, распространившийся по побережью Ботнического залива, оказался таежным клецом, мигрировавшим из Сибири	5,7 %
Сибирь как местоположение	<i>Tarinan henkilöt – suomalainen tyttö ja väkivaltainen venäläinen mies matkustavat samassa junahytissä halki Siperian.</i> Герои повести – финская девушка и жестокий русский мужчина путешествуют в одной кабине поезда по Сибири	47,6 %
Сибирь как локация экономических и политических событий	<i>Maailman taloudellinen keskipiste sijaitsee Siperiassa, selviää konsultti-yhtiö McKinseyn tutkimusyksikön laskelmista.</i> Экономический центр мира расположен в Сибири, согласно расчетам исследовательского подразделения консалтинговой компании МакКинси	19,8 %
Сибирь как генетическая прародина народов/ малая родина	<i>Bostonin Harvard Medical Schoolissa tehty uusi, aikaisempaa yksityiskohitaisempi DNA-tutkimus kuitenkin osoittaa, että alkuperäisasukkaat tulivatkin Siperiasta kolmessa erässä eikä yhdellä kertaa.</i> Однако новое, более детальное исследование ДНК, проведенное в Бостонской Гарвардской медицинской школе, показывает, что аборигены действительно пришли из Сибири тремя партиями и не за один раз	6,1 %
Сибирь как локация аварий, в том числе падения метеорита	<i>Muös vuonna 1908 kuta kuinkin samaa kokoluokkaa ollut kappale – asteroidi tai komeetta – aiheutti Siperian Tunguskassa valtavan räjähdysten.</i> Также в 1908 году объект примерно такого же размера – астероид или комета – вызвал огромный взрыв в Тунгуске, в Сибири	6,5 %
Сибирь как объект изучения	<i>Kielentutkija, tutkija, kirjailija ja poliittinen vaikuttaja Kai Donner (1888–1935) oli vasta 23-vuotias lähtiessään ensimmäistä kertaa Siperiaan vuonna 1911.</i> Лингвисту, исследователю, писателю и политическому деятелю Каю Доннеру (1888–1935) было всего 23 года, когда он впервые уехал в Сибирь в 1911 году	2,2 %
Характеристика экологической ситуации в регионе	<i>Jo aikaisemmin tiedemiehet ovat löytäneet metaanilähteitä Siperian itäpuoleisesta päästä, missä ikeroudan sulaminen tuottaa suuria määriä sitä.</i> Ученые уже нашли источники метана в восточной части Сибири, где таяние вечной мерзлоты образует большое его количество	4,2 %
Характеристика этнокультурного своеобразия региона	<i>Tuolloin pienistä Siperiassa asuvista kansoista ei saanut puhua avoimesti, ja tiedon puute näkyi vielä tänä päivänäkin.</i> В то время открыто говорить о малых народах, живущих в Сибири, не разрешалось, а недостаток информации замечен и сегодня	1,9 %

мерзлоты. При этом упоминание *ikirouta* (*вечная мерзлота*) традиционно аналогично холоду, являющемуся метафорой враждебности, таинственности, смерти, добавляет контекстам положительный оттенок, поскольку означает хорошую сохранность археологических находок. Интересно, что несмотря на существование представления о негативных стереотипах о Сибири, большинство контекстов имеют либо нейтральную, либо положительную тональность и характеризуют регион как место с богатой экономической и политической жизнью, имеющее важное значение благодаря природному разнообразию и представляющее интерес с точки зрения истории и культуры.

К подкатегориям, имеющим негативный оттенок, можно отнести контексты, в которых Сибирь выступает как локация аварий (в том числе падение метеорита) за счет широкого употребления единиц из лексико-семантического поля «несчастный случай», например, *räjähdys* (*взрыв*), *loukkaantunut* (*пострадавший*), *hätälasku* (*аварийная посадка*), *eräonnistua* (*потерпеть неудачу*), *onnettomuus* (*несчастный случай*), *turmakone* (*аварийный самолет*), а также контексты, характеризующие экологическую обстановку в регионе. Во втором случае отрицательную окраску придают лексемы, связанные с репрезентацией экологических проблем, например, *metsäpala* (*лесной пожар*), *metaanipäästö* (*выброс метана*), *ikiroudan sulaminen* (*таяние вечной мерзлоты*), *öljyvoto* (*разлив нефти*), и экологической борьбы – *protesti* (*протест*), *mielenosoitus* (*демонстрация*), *Greenpeace* (*Гринпис*), *aktivisti* (*активист*). Хотя последняя тематическая группа лексем не воспринимается однозначно негативно, в комбинации с описанием экологических катастроф они создают общий отрицательный коннотативный фон, передавая напряжение от борьбы и некоторую тщетность усилий.

Для этой группы контекстов характерно широкое использование ксенонимов, среди которых относящиеся к России и русской культуре топонимы (63 единицы), антропонимы (23), прецедентные наимено-

вания компаний, газет, учреждений и пр. (15). Топонимы представлены ойконимами (50 %), большая часть которых локализована в Сибири (например, *Norilsk*, *Omsk*, *Irkutsk*), однако также встречаются и наименования населенных пунктов в других регионах России (например, *Pietari* – Санкт-Петербург, *Moskova*, *Sosnovyi Bor*). Стоит отметить вариативность передачи названий. Так, например, для Ханты-Мансийска используется как *Hanti-Mansijsk*, так и вариант *Hanty-Mansijsk*, а для Междуреченска – *Mezhdurechensk* и *Mežduretšensk*, что свидетельствует об отсутствии единой традиции в представлении данных населенных пунктов, расположенных в Сибири в финском медиадискурсе, в отличие от географически более близких локаций, таких как Санкт-Петербург (*Pietari*) или Москва (*Moskova*). Аналогичная тенденция характерна и для наименований регионов (*Jakutia*, *Tsetsenia/Tschechenia/Тĉеĉения*, *Altai/Altay*), составляющих 13,7 % от общего числа топонимов. Отдельно стоит отметить гидронимы (32,7 %), которые представлены вариантами [заимствованный гидроним+тип объекта/классификатор (финское слово)] (например, *Objoki*, *Amurjoki*, *Kolimajoki*, *Baikal-järvi*, *Barentsinmeri*) или [финский эквивалент гидронима (традиционно включающий тип объекта/классификатор)] (например, *Jäämeri*, *Suomenlahti*, *Mustameri*).

Антропонимы в основном представлены именами и фамилиями известных политиков (*Dmitri Medvedev*, *Putin*, *Roman Abramoviĉ*), культурных (*Teodor Kurentzis*, *Natalia Cherniavskaja*, *Veronika Bartneyeva*) и исторических (*Rasputin*, *Ekaterina*) деятелей, с которыми связан инфоповод новости. При этом традиционно используется полная формула Имя+Фамилия, за исключением таких знаковых и узнаваемых за рубежом персон, как *Putin*, *Rasputin* и *Ekaterina*, а также редких случаев употребления сокращенных имен (*Kolja*, *Sasha*). Ряд антропонимов, встречающихся в данной группе, не относится к описанию русской культуры, а связан с упоминанием представителей финской нации (*Donner*, *Jarkko Lahti*, *Hannu Rönkkö* и пр.). Таким образом, создается

связь между Финляндией и Сибирью, передается личный опыт и ощущения финнов от нахождения в Сибири.

Также именно в данных контекстах встречается и использование этнонимов (*udehe, burjatti, hanti, nenetsi, samojedi*). Хотя они характеризуют культуру России в целом (название народов, проживающих на территории Российской Федерации), тем не менее сложно отнести их употребление к руссоцентрическому дискурсу, так как в большинстве случаев делается акцент на том, что это родственные финнам народы (*suomensukuskansat*), которые имеют общее происхождение, язык, культурные корни и пр. Другой интересной особенностью употребления этнонимов является высокая частотность их сочетаемости с прилагательным *pieni* (маленький, малый), что подчеркивает статус и положение этноса в рамках более крупной русской культуры.

Наконец, последней группой ксенонимов, представленных в данном материале, являются названия организаций, учреждений и газет (19), например, *Rosatam, Gazprom, Vedomosti, Izvestija, Lada, Spartak* и пр. Их наличие позволяет детализировать описание, создать эффект погружения в культуру. При этом важно отметить отсутствие классифицирующих слов, объясняющих, о чем именно идет речь, что свидетельствует о знакомстве читателя-носителя языка с данными культуронимами.

Интересным кажется обращение к коллокациям, в которых представлены формы слова *Siperia* в анализируемых контекстах.

Наиболее частотными являются модели [*Siperia* (словоформа) + *ja*] (28 вхождений) и аналогичная модель [*ja* + *Siperia* (словоформа)] (17 вхождений), в рамках которых в большинстве контекстов Сибирь упоминается как одна из локаций наряду с остальными.

Следующей по частотности (19 вхождений) является коллокация *Siperian yli* (через Сибирь), представляющая Сибирь как транзитное пространство, выступающее не целью движения, а промежуточной локацией.

Еще одной частотной (9 вхождений) находится модель [*Venäjän* + *Siperia* (сло-

воформа)], которая состоит из генитивной формы слова *Rossia*, обозначающей принадлежность и одной из падежных форм слова *Sibiria*. В данных контекстах на первый план выходит представление региона как части России.

При этом все перечисленные коллокации являются нейтральными и не несут ярко выраженной эмоциональной окраски, что свидетельствует об объективно нейтральном представлении региона и подтверждает наблюдения о тональности контекстов группы контекстов.

Сибирь как место заключения/ссылки

Контексты, представляющие Сибирь как место заключения, могут быть поделены на две группы. Первая отсылает к до-революционному и советскому прошлому и системе наказания, господствовавшей тогда. При этом в подавляющем большинстве случаев используется пассивный залог, а объектом выступают или конкретные личности (подчеркиваются родственные связи), или народы (эстонцы, татары и пр.). Отличительной чертой этих контекстов является использование временных конструкций (упоминание конкретного года, отсылка к историческому событию и пр.), позволяющих читателю четко сориентироваться во времени. Например:

(a) *Yli 10000 virolaista kyydettiin Siperiaan vuonna 1941* (Более 10.000 эстонцев перевезли в Сибирь в 1941 году).

(b) *Tutkija Veli-Pekka Toropainen kuitenkin muistuttaa, että mestaukset korvattiin Suomessa Siperiaan karkottamisella vasta vuonna 1826* (Исследователь Вели-Пекка Торопайнен, однако, напоминает, что казни заменили в Финляндии ссылкой в Сибирь только в 1826 году).

(c) *Krimin tataariväestö pakkosiirrettiin Keski-Aasiaan ja Siperiaan 1940-luvulla ja se pääsi palaamaan niemimaalle vasta 50 vuotta myöhemmin* (Татарское население Крыма переселяли в Центральную Азию и Сибирь в 1940-х, и оно смогло вернуться на полуостров лишь спустя 50 лет).

(d) *Suomen entinen presidentti Pehr Evind Svinhufvudin karkotettiin Siperiaan täsmälleen*

sata vuotta sitten (Бывшего президента Финляндии Пера Эвинда Свинхувуда сослали в Сибирь ровно сто лет назад).

Таким образом, решение о ссылке/отправке в Сибирь предстает достаточно обезличенным.

Четкой временной ориентации противопоставлено отсутствие пространственной конкретики. Сибирь предстает как некоторый общий локус, без указания конкретных городов или названий, лишь в отдельных контекстах можно встретить указание на тип места ссылки (лагерь, колония и пр.), например:

(e) *Noin 30 000 virolaista joutui jättämään kotinsa ja heidät vietiin Siperiaan työleireille, tehtaisiin ja kaivoksiin* (Почти 30.000 эстонцев были вынуждены оставить дом, и их отвезли в Сибирь в трудовые лагеря, на заводы и в шахты).

Второй блок контекстов отражает современную историю через призму событий, связанных с конкретными личностями (Надежда Толоконникова, Михаил Ходорковский), представляющими политическую оппозицию власти. Для них также характерно использование преимущественно пассивных конструкций, однако объектом выступают антропонимы, относящиеся к сфере политики, при этом локализация места заключения более четкая:

(f) *Hänet siirrettiin Moskovaan*

Siperian Tshitän vankileiriltä helmikuussa 2009 (Его перевели в Москву из лагеря в сибирской Чите в феврале 2009).

(g) *Pussy Riotin jäsenen Nadežda Tolokonnikova on siirretty Siperiaan, vahvistaa Venäjän ihmisoikeusasiainministeri Vladimir Lukin* (Надежду Толоконникову, члена Pussy Riot, перевели в Сибирь, подтвердил российский правозащитник Владимир Лукин).

(h) *Siperiassa sijaitsevassa Krasnojarskin kaupungissa toimittajille puhuneen Nadežda Tolokonnikovan mukaan Venäjän vankilat heijastavat tapaa, jolla koko maata hallitaan* (По словам Надежды Толоконниковой, говорившей с журналистами в городе Красноярске, расположенном в Сибири, российские тюрьмы отражают способ, которым управляют страной).

Если рассматривать такие основные маркеры руссоцентрического дискурса, как ксенонимы, то в данной группе контекстов преобладающую роль играют антропонимы (12), реализуемые как через модель Имя+Фамилия (*Mihail Hodorkovski, Nadežda Tolokonnikova, Vladimir Gusinski, Boris Berezovski*), так и при помощи одной фамилии (*Putin, Stalin, Lenin*). При этом последняя группа выступает для ориентации читателя во времени, например, *Stalinin aikana, Putinin hallinnan aikana* (в сталинское время, во время правления Путина). Менее представленной является группа топонимов (8), среди которых названия населенных пунктов (*Krasnojarsk, Tschita, Moskova*) и общее наименование страны (*Neuvostoliitto, Venäjä*), являющееся не только указанием на географическое расположение, но и характеристикой власти, политической силы. Другими единично представленными группами ксенонимов являются наименования групп и организаций (например, *Pussy Riot*) и культуронимы (*kulakkeja – кулаки*), определяющие объект ссылки. Семантическая просодия данных контекстов имеет явно негативный оттенок, что формируется коннотациями глаголов действия (*karkoittaa – ссылать, siirtää – перемещать, viedä – отвозить, joutua – быть вынужденным, vangita – арестовывать, lähettää – отправлять*), а также противопоставлением дом-Сибирь, реализуемым через конструкции *из дома отправили в Сибирь*, подчеркивающим перемещение против воли.

Аналогичные выводы можно сделать и анализируя коллокации в рамках контекстов данной тематической группы. Так, наиболее частотным (14 вхождений) является сочетание разных форм глагола *karkoittaa* (ссылать), например, прошедшего времени пассивного залога или причастия прошедшего времени пассивного залога, с иллативной формой *Siperiaan*, обозначающей направление движения или инессивной формой *Siperiassa*, имеющей значение нахождения в определенной локализации. Другими частотными коллокациями являются конструкции *vietiin Siperiaan*

(*отвезли в Сибирь*) или *siirretty Siperiaan* (*перемещен в Сибирь*) – 4 и 3 вхождения соответственно. Так или иначе, семантически все упоминаемые глаголы, сочетающиеся с единицей *Сибирь*, имеют значение перемещения против воли, что создает негативный коннотативный фон.

Сибирь как климатическая характеристика

В рамках контекстов, рассматривающих климат региона или отсылающих к Сибири при характеристике погоды других областей, реализуется представление о Сибири как о центре холода. Этому способствует широкое использование единиц, связанных с этим понятием, например, *Siperian pakkaset* (*сибирские морозы*), *Siperian talven tuntu* (*ощущение сибирской зимы*), *Siperiassa puhaltavat tuulet* (*ветра, дующие в Сибири*), *hyvin kylmää* (*очень холодно*), или же с указанием конкретных показателей (*38 asteen pakkainen*, *38-градусный мороз*). Теплые температуры отмечаются как исключительные и недолгие. При этом негативная коннотация формируется за счет того, что подобная погода рассматривается как враждебная и угрожающая жизням в других странах. Это хорошо прослеживается в следующих примерах:

(i) *Siperian sää on vaatinut yhä enemmän kuolonuhreja Euroopassa* (*Сибирская погода уносит все больше и больше жизней в Европе*).

(k) *Siperian sää tapaa yhä Euroopassa* (*Сибирская погода продолжается в Европе*).

(l) *Siperiasta saapunut kylmä ilma on surmannut ainakin 160 ihmistä* (*Прибывший из Сибири холодный воздух убил по меньшей мере 160 человек*).

Когда же речь идет о климатической характеристике самой Сибири, холод не рассматривается как что-то отрицательное, скорее как естественное состояние, некая константа, присущая региону.

Интересным является тот факт, что данные контексты практически не содержат ксенонимов – лишь незначительное количество топонимов (4), относящихся к России. Основную роль конструирования образа «чужого» играет сама единица

Siperia, которая в контекстах, характеризующих климат в Европе, и создает образ инородного и враждебного, так как ассоциируется со смертью.

Наиболее частотные коллокации с опорным словом *Siperia* семантически связаны с тематикой контекстов. На первом месте (6 вхождений) – модель [Siperian+pakkainen (словоформа)], представляющая сочетание слова *Сибирь* в генитивной форме и падежные формы слова *мороз*, как в единственном, так и множественном числе. По аналогичной модели (сочетание генитива с существительным) строятся и следующие в частотном списке модели [Siperian + sää (словоформа)] (*Сибирская погода*) и [Siperian + talvi (словоформа)] (*Сибирская зима*). Таким образом, наиболее частотные коллокации представляют Сибирь как локацию холода. Даже сочетание *Сибирская погода* за счет обращения к стереотипному образу региона также, по сути, подразумевает именно холодную погоду. Если оценивать коннотативный фон только коллокаций (без учета контекстов целиком), то он носит скорее негативный характер. Это объясняется тем, что метафорически холод воспринимается как нечто враждебное жизни.

Сибирь как название организации

Несмотря на то что данные контексты не являются в полной мере описанием русской культуры, тем не менее обращение к ксенониму *Сибирь* в качестве названия кажется интересным с точки зрения формирования образа региона. В анализируемом материале встречаются упоминания о пяти таких организациях:

1) Театр «Сибирь» (г. Тампере, Финляндия) – 79,6 %

2) Культурный клуб «Сибирь» (г. Ювяскюля, Финляндия) – 16,3 %

3) Торговый центр «Сибирь» (Финляндия) – 2,04 %

4) IT-компания «Сибирь» – 2,04 %

Наиболее узнаваемым является театр, основанный в 2005 году с целью создания актуальных и свежих драматургических постановок в г. Тампере и на настоящий

момент не имеющий своей постоянной площадки. В большинстве случаев название сопровождается родовым названием организации (*Teatteri Siperia*; контексты (m) и (n)), однако именно контексты о театре содержат и вариант использования ксенонима без уточнения (контексты (o) и (p)):

(m) *Hämeenlinnan kesäteatteri ja tamperelainen Teatteri Siperia aloittavat yhteistyön ensi vuoden alussa* (Летний театр Хяменлинна и Театр «Сибирь» г. Тампере начинают сотрудничество в начале следующего года).

(n) *Viime vuonna palkinnon saivat Teatteri Siperia ja tietokirjailija-toimittaja Matti Wacklin* (В прошлом году премию получили Театр «Сибирь» и журналист, автор научных статей, Матти Ваклин).

(o) *Me Siperiassa perinteisesti olemme siitä lähteneet, että teemme korkeatasoista teatteria.* – Мы в «Сибири» традиционно исходим из того, что создаем театр высокого уровня.

(p) *Tampereella on Siperia, Helsingissä Arabia ja esimerkiksi Forssassa kokonainen Amerikka* (В Тампере есть «Сибирь», в Хельсинки «Аравия» и, например, в Форсса целая «Америка»).

Во всех остальных случаях уточняется тип организации, см.:

(q) *Kulttuuriklubi Siperia pitää sijaa Jyväskylän veturitalleilla* (Культурный клуб «Сибирь» расположен в локомотивном депо г. Ювяскюля).

(r) *Otteluun oli illan suussa jäljellä enää jokunen lippu seisomakatsomoon sekä Iives-fanien tänään kauppakeskus Siperiassa kaupraamat liput* (К концу вечера на матч оставалось еще несколько билетов в стоячий сектор, также билеты, продаваемые фанатами Iives в торговом центре «Сибирь»).

Тот факт, что контексты без классифицирующего слова представляют меньшинство, свидетельствует об осознании чужеродности введенного ксенонима финноязычной культуре и подчеркивает метафорическую составляющую. При этом важно отметить, что общий коннотативный фон таких контекстов носит положительный характер, что, в свою очередь, распро-

страняется и на восприятие образа самого региона.

В данной группе контекстов безусловным лидером частотного списка коллокаций является сочетание *teatteri Siperia* в различных словоформах (28 вхождений), что связано со спецификой тематики и особенностями функционирования опорного слова. Поскольку слово *teatteri* не несет ярко выраженной эмоциональной окраски, можно сделать вывод о нейтральном характере тональности контекстов данной группы.

Ксеноним *Сибирь* в составе фразеологизма *Siperia opettaa* (Сибирь научит)

По данным словарей, фразеологизм (*Kyllä Siperia opettaa*) используется для обозначения ситуации, когда серьезные испытания меняют мировоззрение и взгляды на жизнь (Muikku-Werner et al., 2008: 315). В корпусных данных встретились контексты использования и полной, и краткой версии фразеологизма, а количество вхождений свидетельствует о том, что он узнаваем носителями языка. Об этом же говорит и наблюдаемая тенденция к дефразеологизации единицы в случае реализации объектной валентности глагола *opettaa*:

(s) *Mitä Siperia sitten opettaa matemaatikolle? Tietysti matematiikkaakin, mutta suurin anti lienee kuitenkin tutustuminen erilaiseen kulttuuriin ja uusiin ihmisiin* (Так чему же Сибирь учит математика? Конечно, математике тоже, но самый большой подарок, наверное, это знакомство с другой культурой и новыми людьми).

Также можно отметить вариативность данного фразеологизма в публицистическом дискурсе: встречаются случаи замены как первого компонента (указание на то, что же подразумевается под Сибирью), так и второго (использование другого глагола):

(t) *Siperia (3. semesteri) opetti hyvin* (Сибирь (3 семестр) хорошо научила).

(u) *Kyllä se Siperia neuvoa, Hakkarainen uumoilee* (Конечно, Сибирь посоветует, предвкусает Хаккарайнен).

Отмеченные случаи проявления тенденции дефразеологизации связаны с непосредственным описанием России, так

как утрачивается метафорическое значение ксенонима (суровые испытания) и под Сибирью понимается конкретный географический регион. Тем не менее все контексты, содержащие данный фразеологизм, можно отнести к руссоцентрическому дискурсу, так как использование ксенонима так или иначе отсылает к образу Сибири.

Если же говорить о коннотативных значениях контекстов, то они носят положительный характер. Полученный опыт способствует формированию важного для финского менталитета качества – упорства, отражением которого является лингвокультурологический концепт *sisu*, философским стержнем которого является установка «воспринимать тяготы как новый опыт, укрепляющий и обогащающий личность» (Maltseva, 2018: 10).

Анализ частотных коллокаций для данной группы контекстов не является показательным, поскольку изначально речь идет о ситуации, в которых опорное слово *Siperia* выступает как элемент устойчивого словосочетания.

Результаты sentiment-анализа

Сентимент-анализ контекстов, в которых встречалось упоминание Сибири, проводился по каждой тематической группе

отдельно, чтобы определить различия в тональности и избежать погрешностей, возникающих при обработке больших объемов текстов. При этом для всех групп выявленный тип тональности был одинаков – нейтральный, однако показатели незначительно варьировались (см. рис. 1).

Наиболее нейтральной является тональность контекстов, представляющих Сибирь как географическое пространство, что объясняется во многом тем, что в них обращение к ксенониму вызвано необходимостью локализации событий. Наличие негативно окрашенной лексики нивелируется употреблением безоценочных единиц или имеющих положительную коннотацию.

Меньший показатель нейтральности характерен для ситуаций, где Сибирь используется в составе фразеологизма, что связано с его назидательной семантикой, а также где упоминание региона отсылает к определенным климатическим условиям. Очевидно, что большая образность текстов снижает показатели нейтральности тона.

Использование ксенонима как части названия встречается в оценочных инфоповодах, что также объясняет снижение показателя нейтральности в данных контекстах. Аналогичная ситуация наблюдается с кате-

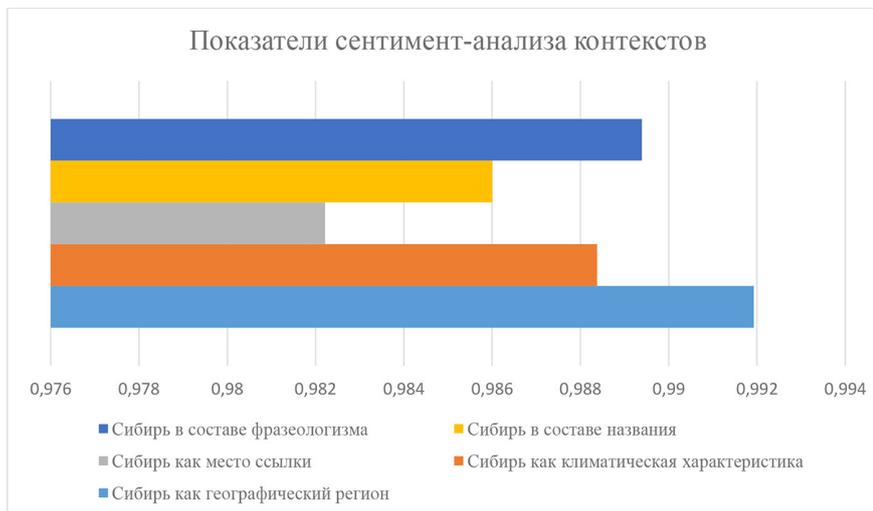

Рис. 1. Сентимент-анализ контекстов

Fig. 1. Sentiment analysis of contexts

горией, представляющей Сибирь как место ссылки.

При этом важно отметить, что даже в контекстах, представляющих изначально оценочные инфоповоды, т.е. новости с высокой эмоциональной нагрузкой, специфика новостного дискурса, основной функцией которого является информирование, выравнивает тональность текстов, делая их нейтральными. Именно этим и объясняется расхождение результатов анализа частотных коллокаций и автоматического сентимент-анализа. Во многом такая нейтрализация становится возможной благодаря использованию пассивных конструкций и отсутствию ярких авторских метафор.

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ контекстов подтверждает тенденцию, характеризующую описание русского культурного пространства в финноязычном дискурсе как одновременно знакомого и чужого. При этом регион Сибирь, являющийся в сознании западного человека своеобразной мифологемой, предстает, с одной стороны, как локация событий разного рода, с другой – как источник опыта и предмет личных переживаний представителей финской нации.

Дискурсивный анализ контекстов показал, что несмотря на представление о преобладании преимущественно негативных стереотипов о Сибири в западном сознании, текстовый уровень не показывает преобладания каких-то отрицательных оценок. Качественный анализ демонстрирует наличие определенных негативно

окрашенных характеристик в ситуациях, когда Сибирь используется как метафора холода при сопоставлении климатических условий, при упоминании региона как места ссылки и локации аварий. При этом автоматический сентимент-анализ определяет тональность контекстов вне зависимости от тематической категории как нейтральную.

Можно сделать вывод, что на нейтральность собирательного образа Сибири оказывают влияние особенности новостного текста как жанра медиадискурса, позиционирующего себя как источник объективной (т.е. безоценочной) информации, за счет чего многие характеристики региона (даже тяготеющие к отрицательным) предстают как отличительные черты, составляющие его специфику, а значит, заслуживающие описания и уважения. Позирование Сибири как одновременно знакомого и чужого также снижает оценочность текстов. Все это способствует формированию у финноязычного читателя отношения к Сибири как к региону, обладающему самобытностью, живущему активной жизнью и представляющему безусловный интерес.

Результаты настоящего исследования открывают перспективы как для цикла работ, посвященных сопоставительному изучению особенностей конструирования образов других регионов России в финноязычном медийном дискурсе, так и для выявления универсальных и лингвоспецифических механизмов формирования имиджа Сибири в ходе компаративного анализа аналогичных источников на других языках.

Список литературы / References

Beloglazova E. V., Os'mak N. A. & Shuvalova E. K. Formal'nye markery I soderzhatel'nye dominanty russotsentricheskogo diskursa: kross-iazykovoie korpusnoe issledovanie [Formal markers and conceptual mainstays of the Russia-centered discourse: a cross-linguistic corpus study]. In: *Vestnik NGU, Seriya lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Bulletin of NSU, Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2024, 22(1), 105–119. DOI: 10.25205/1818–7935–2024–22–1–105–119

Bolshakova L. P. Conceptualization of the image of Siberia in contemporary travel literature. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2016, 9(3), 551–558. DOI: 10.17516/1997–1370–2016–9–3–551–558

Bratchikova N. S. Spetsifika finskikh novostnykh veb-tekstov: struktura i iazykovoie mekhanizm vozdeistviia [Specifics of Finnish web news texts: structure and language exposure mechanism]. In:

Vestnik ugrovedeniia [Bulletin of Ugric Studies], 2020, 4, 624–632. DOI: 10.30624/2220–4156–2020–10–4–624–632

Dobrosklonskaia T.G. *Medialingvistika: teoriiä, metody, napravleniia [Medialinguistics: theory, methods, trends]*. Moscow, Flinta. 2020, 180.

Hemánus P., Pieilä K. *Seven rounds of journalism [Seitsemän erää journalismista]*. Jyväskylä, Osuuskunta Vastapaino. 1982, 384.

Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiiu [Introduction to interlinguaculturology]*. Moscow, Urait. 2023, 253.

Karasik V.I. *Iazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs [The linguistic circle: personality, concepts, discourse]*. Volgograd, Peremena. 2002, 331.

Linden K., Jauhiainen, Hardwick. FinnSentiment: a Finnish social media corpus for sentiment polarity annotation. In: *Language Resources and Evaluation*, 2023, 57, 581–609. DOI: 10.1007/s10579–023–09644–5

Maltseva A.P. Chto vospityvat'? Ob iskomykh natsional'nykh kachestvakh, tsennostiakh i simvolakh v epokhu peremen [What to bring up? On the desired national qualities, values and symbols in a time of change]. In: *Povolzhskii pedagogicheskii poisk [Volga region pedagogical search]*, 2018, 2(24), 8–13.

Matveeva T.V. Tonal'nost' teksta [Text tonality]. In: *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik [Effective speech communication (basic competencies: a dictionary)]*. 2014, 692–694.

Muikku-Werner P., Jantunen J.H. & Kokko O. *Suurella sydämellä ihan sikana: a descriptive phrase dictionary of the Finnish language [Suurella sydämellä ihan sikana: Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja]*. Helsinki, Gummerus. 2008, 467.

Pallaskallio R. *A telling tempus. The choice of the finite verb tense in Finnish-language disaster news texts 1860–2004 [Kertova tempus. Finiittiverbin aikamuodon valinta suomenkielisissä katastrofiiuutisteksteissä 1860–2004]*. Helsinki, Unigrafia Oy. 2013, 214.

Pesonen P. Rossiia kak mifologizirovannee prostranstvo v finskoi sovremennoi literature [Russia as a mythologized space in Finnish contemporary literature]. In: *Studia Russica*, 2011, 12, 184–203.

Podvigin M., Grasmick A. Interv'iu posla Shveitsarii v Rossii Val'tera Fecherina [Interview with Walter Fecherin, Swiss Ambassador to Russia]. 2002. Available at: <https://inosmi.ru/20021210/166421.html> (accessed 26 May 2024).

Raittila P. Russia in the public mins [Venäjä kansalaismielipiteessä]. In: *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. 2011, 125–168.

Rubert I.B., Nilsen E.A. & Timralieva Yu.G. Representation of SIBERIA linguacultural concept in the English fiction of the 18th – early 20th centuries. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, 14(10), 1455–1467. DOI: 10.17516/1997–1370–0830

Terskikh M.V. Imidzh Sibiri v aspekte brendinga turistichekoi destinatsii [Image of Siberia in the aspect of tourism destination branding]. In: *Politicheskaia lingvistika [Political linguistics]*, 2011, 4(38), 263–272.

Terskikh M.V., Malenova E.D. Spetsifika metaforicheskoi ob'ektivatsii kontsepta “Siberia” v sovremenom amerikanskom mediadiskurse [Specifics of metaphorical objectification of the concept “Siberia” in the modern American media discourse]. In: *Politicheskaia lingvistika [Political linguistics]*, 2012, 4(42), 211–220.

Shklovskii V.B. *Tetiva: O neskhoodstve skhodnogo [Bowstring: On the dissimilarity of the similar]*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 1970, 376.

Yle Finnish News Archive 2011–2021. Available at: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2022032206> (accessed 18 April 2024)

EDN: YINEPS
УДК 811.511.152.1

Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects

Nina A. Agafonova and Ivan N. Ryabov*

National Research N. Oragev Mordovia State University
Saransk, Russian Federation

Received 21.03.2024, received in revised form 28.08.2024, accepted 28.12.2024

Abstract. The analysis of the Erzya language dialect materials collected during the expeditions indicates the presence of a common morphological marker of the object *-t'* in the forms of the noun definite inflection, in the singular personal pronouns, and in the forms of the objectal conjugation of verbs. The origin of this marker is possibly related to the ancient accusative suffix **-t*, which has survived until today in the Hungarian and Khanty languages.

The relic of the object morphological marker **-t* is preserved in the Erzya dialectal suffix *-št'* of the noun definite inflection. It can also be traced in the genitive-accusative forms of the personal pronouns *toñt'* 'your', 'you', *sonzət'* 'him'. Originally, in these word forms, the *-t'* component expressed only the object semantics. The argument in favor of this point of view is the existence of the accusative forms of personal and interrogative pronouns in the Finnish language, and the similar forms of personal pronouns in the Khanty language. In a number of the Erzya language dialects, the object morphological marker *-t'* is found in the verbal paradigms of the object conjugation of the series *mon sondę* 'I him' in the suffixes of the future tense *-sat' / -cat'* and past tense *-iñat' / -iñat', -ijat' / -ijat'*. In their structure, these suffixes of the verb objective conjugation, in contrast to the corresponding forms of the Erzya codified language and many other dialects, have retained all the formal components that carry the semantics of time, subject and object.

Keywords: the Erzya language, accusative, object, definite morpheme, personal pronouns, verb, object conjugation.

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 24–28–00534, <https://rscf.ru/project/24–28–00534/>)

Research area: Applied Cultural Linguistics.

Citation: Agafonova N.A., Ryabov I.N. Morphological Marking of an Object in the Erzya Language Dialects. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 34–44. EDN: YINEPS

Морфологическое маркирование объекта в диалектах эрзянского языка

Н.А. Агафонова, И.Н. Рябов

Мордовский государственный университет

имени Н.П. Огарёва

Российская Федерация, Саранск

Аннотация. Анализ собранного во время экспедиций диалектного материала эрзянского языка свидетельствует о наличии общего морфологического маркера объекта -t' в формах определенного склонения имени существительного, в личных местоимениях единственного числа, а также в формах объектного спряжения глаголов. Происхождение этого маркера, возможно, связано с древним суффиксом аккузатива *-t, сохранившимся до настоящего времени в венгерском и хантыйском языках.

Реликт морфологического маркера объекта *-t сохранился в эрзянском диалектном суффиксе -št' определенного склонения имени существительного. Также он прослеживается в формах генитива-аккузатива личных местоимений toht' 'твой', 'тебя', sonzet' 'его'. В этих словоформах компонент -t' изначально выражал только семантику объекта. Доводом в пользу такой точки зрения являются формы аккузатива личных и вопросительных местоимений финского языка, а также соответствующие формы личных местоимений хантыйского языка.

В ряде эрзянских диалектов морфологический маркер объекта -t' встречается в глагольных парадигмах объектного спряжения ряда mon sonde 'я его' в суффиксах будущего времени -sat' / -cat' и прошедшего времени -iñat' / -jñat', -ijat' / -jjat'. В своей структуре эти суффиксы объектного спряжения глагола, в отличие от соответствующих форм эрзянского кодифицированного языка и многих других диалектов, сохранили все формальные компоненты, передающие семантику времени, субъекта и объекта.

Ключевые слова: эрзянский язык, аккузатив, объект, морфема определенности, личные местоимения, глагол, объектное спряжение.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00534, <https://rscf.ru/project/24–28–00534/>

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Цитирование: Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Морфологическое маркирование объекта в диалектах эрзянского языка. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 34–44. EDN: YINEPS

Introduction

Due to objective reasons and historical development, the settling of Mordvin people is characterized by significant dispersion. A large number of Mordvin dialects is spoken on the left-bank part of the Volga region. Currently, the main body of Mordvin settlements in the Trans-Volga region (Zavolzhye) and Southern Urals is located in the regions of Ulyanovsk, Samara, Orenburg, and the Republics of Bashkortostan and Tatarstan. The Mordvin linguistic landscape of this area has a heterogeneous dialect structure, formed by migrants from different places of former residence. Thus, for several centuries the area has witnessed the formation of Mordvin dialects and sub-dialects of a polydialect nature. The contacts of dialect speakers with each other and between languages of different systems have led to the appearance of a number of lexical, phonetic and morphological properties distinguishing them from other Moksha and Erzya dialects. Isolation from the main bodies of the Erzya and Moksha has contributed to the preservation of some archaic features and the formation of new language paradigms – not typical of the Erzya and Moksha dialects and sub-dialects.

1. The accusative case as the case of the direct object

In the Mordvin languages, the object semantics in the case paradigm of definite declension is expressed by the accusative case. Publications devoted to the description of the grammatical structure of the Mordvin languages and their case paradigms, however, oftentimes do not consider the accusative as an independent case (Ahlquist, 1861; Gabelentz, 1839; Wiedemann, 1865; Grammatika mordovskih yazykov: fonetika i morfologiya, 1962; Grammatika mordovskih yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya, 1980; Erzyan' kel'. Morfemika, valon' teevema dy morfologiya, 2000; Mokshen' kyal'. Morfologiya, 2000). In contrast, researchers distinguish an accusative with the suffix **-m* in the diachronic description of the case system of the Mordvin languages (Bubrikh, 1953; Serebrennikov, 1967; Tsygankin, 1977; Hajdu, 1985). In the works by these authors, it is noted that in the process

of development in the Mordvin languages, the formal signs of the accusative **-m* and the genitive **-n* were reduced to **-n*, which was then palatalized in Mordvin.

The morphological non-formalization of the accusative case as a separate marker has led to the fact that its meaning is most often attributed to the genitive case. A formal coincidence of the genitive and the accusative case properties has occurred, but there has been no functional coincidence. The main meaning of the genitive is possessiveness, while the accusative is reserved for the expression of the object. In this regard, many researchers consider the accusative case in the Mordvin languages as the main case of the object (Bubrikh, 1947; Tsygankin, 1977; Ruzankin, 1985; Tihonova, 1987; Chinaeva, 2012; Chinaeva, 2017).

The accusative with the ancient suffix **-m* reveals itself at the reconstruction of the ancient case system of the Finno-Ugric parent language and is retained in the Mari, Sami (southern), Mansi, Nenets, Nganasan, Selkup and Kamass languages (Szinyei, 1910; Collinder, 1960; Itkonen, 1962, Serebrennikov, 1964, Hajdu, 1985). There is no trace of the accusative **-m*, however, in Hungarian and Khanty (Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija, 1974:241). In the case paradigm of modern Hungarian, the accusative is marked with the formant **-t*, which, according to P. Hajdu, is of pronominal origin (Hajdu, 1985).

In our opinion, the reflex of the accusative formant **-t* has survived as a morphological marker of the object in grammatical forms recorded in the Erzya dialect areal. There, the morphological marker *-t* is formally present in the forms of the definite declension of the noun, personal pronouns singular, as well as in the forms of subject-object conjugation in verbs.

2. The morphological marker of the object *-t'* in the forms of the definite declension of the noun

In the Erzya dialect areal of the Trans-Volga region and the Southern Urals, we have found four variants of the genitive-accusative suffix in the case paradigms of the definite declension of nouns: *-ñt'*, *-st'*, *-t'*, *-ziñ*. These suffixes can be tentatively divided into two

groups: 1) case formants with the element *-ń* (*-ńt'* and *-źiń*) and 2) case formants with the element *-t'*: (*-ńt'*, *-śt'*, *-t'*).

The case suffixes of the first group *-ńt'* and *-źiń* are transparent and consistent in their structure. They contain the case marker of the genitive-accusative case *-ń*, which has a different place in relation to the morpheme of definitiveness.

The morpheme *-ńt'* consists of the suffix of the genitive-accusative *-ń* + the morpheme of definitiveness *-t'*: *vele-ń-t'* (village-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this village', 'this village'; *kudo-ń-t'* (house-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this house', 'this house'; *pakša-ń-t'* (field-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this field', 'this field'; *lišme-ń-t'* (horse-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this horse', 'this horse'.

Diachronically, the morpheme *-ńt'* originated from the suffix of the genitive *-ń* (f.u. gen. **-n*) and the demonstrative pronoun *t'e* 'this' (f.u. **tV-*).

The morpheme *-źiń* consists of the morpheme of definitiveness *-ź-* + interfix + case suffix of the genitive *-ń*: *lej-e-ź-i-ń* (river-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'of this river', 'this river'; *vele-ź-i-ń* (village-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'of this village', 'this village'; *bir-e-ź-i-ń* (forest-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'of this forest', 'this forest'; *pat'a-ź-i-ń* (elder sister-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'of this elder sister', 'this elder sister'.

The genitive-accusative case forms with the morpheme of definitiveness *-ś-/-ź-* are diachronic reflexes of the ancient demonstrative pronominal base word **sV-*. In the intervocalic position, the suffix *-ś-* has become voiced *-ź-*: **kilev-e-ź-i-ń* (birch-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'of this birch', 'this birch', *kudo-ź-i-ń* (house-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'of this house', 'this house', *lomań-e-ź-i-ń* (man-INT-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this man', 'this man'.

The genitive-accusative case forms of the Erzya language with the morpheme of definitiveness *-ś-/-ź-* should be distinguished from the Moksha possessive word forms, which go along with the secondary first person suffix *-že*. The meaning of these forms is completely different, although they are similar in structure and phonetic design. In the Moksha language,

forms with the suffix *-že* express the possessive meaning of the 1st person singular: *ava-že-ń* 'of my mother', *ćora-že-ń* 'of my son', *kudo-že-ń* 'of my house'.

For suffixes of the second group *-ńt'*, *-śt'*, *-t'* the common element is *-t'*, which originates from the ancient demonstrative pronoun **tV-*. Although, the semantic load of this element varies in these morphemes.

If the *-t'* element in the genitive-accusative morpheme *-ńt'* of the literary language and many dialects performs only the function of definitiveness, then in a number of Erzya dialects and sub-dialects, as well as in the Moksha literary language, the genitive-accusative *-t'* morpheme is inflectional. It performs both the function of the genitive and accusative cases and the function of definitiveness: *vir'-t'* (forest-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this forest', 'this forest'; *skal-t'* (heifer-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this heifer', 'this heifer'; *kut-t'* (house-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this house', 'this house'. Comparing with the corresponding form of the Erzya language, A. P. Feoktistov writes that the morpheme *-t'* of the genitive in Moksha is a reflex of *-ńt' > t't' > t'* (Feoktistov, 1975).

In this group, the genitive-accusative suffix *-śt'* is of particular interest. In genitive-accusative cases, this morpheme is inflectional: it conveys the case and determinative semantics. Whereas in the other oblique cases it performs only the function of a determiner.

This suffix is characteristic of the sub-dialects spoken in Erzya villages of the Ardatovskiy, Bolsheignatovskiy raions (north-western dialect type), many villages in the Atyashevskiy raion (central dialect type), Dubyonskiy raion (south-eastern dialect type) of the Republic of Mordovia, Erzya sub-dialects in the villages of the Chuvash Republic, and many sub-dialects of the Nizhny Novgorod oblast' and Erzya sub-dialects of Shentalinskiy raion of the Samara oblast' (Agafonova, Ryabov, 2017).

In D. T. Nad'kin's opinion, the suffix of the genitive-accusative case *-śt'* was formed from the demonstrative formant *-ź-* and the demonstrative pronoun *t'e*: **kudo-ź-+t'e > kudośt'*. He thinks that originally the element *-ź-* was a truncated form of the genitive in *-ź-*, which is sporadically found in the Lower

Pyansk dialect in the definite declension, along with the genitive on *-žiň* (*kileježiň*) in analytical constructions of the following type *kudož vaksne* 'near that house of' (Nad'kin, 1968).

D. V. Tsygankin notes that the suffix *-št'* of the genitive case in the definite declension consists of the element *-š-*, borrowed from the nominative case + *-t'*. The resulting morpheme *-št'* did not preserve the genitive indicator *-ň*. Its function was taken by the *-š-* element, but only after the forms of the type *kudo-ž-i-ň* 'of this house' had developed truncated forms of the type *kudo-ž* / *kudo-š* genitive in the sub-dialects did it begin to function (Tsygankin, 1978).

As we can see, both researchers associate the *-š-* element in the suffix of the genitive *-št'* with the truncated form of the genitive *-ž-*, and the element *-t'* with the demonstrative pronoun **tV-*.

In our opinion, the formation of the genitive-accusative suffix *-št'* is somewhat different. The *-š-* element in this suffix must be associated with the *-š-* morpheme of definitiveness, as in the entire paradigm of definite declension. While the element *-t'* must be associated with the ancient suffix of the accusative **-t*, which is currently present in modern Hungarian as a case marker of the object. P. Hajdu considers the case marker of the accusative *-t* of the Hungarian language to be a determinative formant of pronominal origin. An indisputable argument in favor of this point of view is, in his opinion, the use of the formant *-t'* of pronominal origin with a determinative function in the Mordvin languages in the demonstrative declension of nouns. He notes that due to the loss of the accusative ending **-m*, the formant *-t'* became widespread in the Hungarian language and was exposed to adaptation with its transformation into a new ending for the definite direct object (Hajdu, 1985).

It can be assumed that originally in the Erzya language, the *-t'* element in the morpheme *-št'* expressed the meaning of the direct object in the accusative case. The dialect material recorded in the Trans-Volga region and the Southern Urals provides proof of this. Thus, currently in the Erzya sub-dialects of the Novomalyklinsky raion of the Ulyanovsk

oblast', the marker of the genitive-accusative of the definite declension *-št'* is found in parallel with the suffix *-žiň*: *šakš-o-ž-i-ň* (pot/jug-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) and *šakš-o-š-t'* (pot/jug-INT-DEF.SG.-GEN/ACC) 'of this pot', 'this pot'; *lomaň-e-ž-i-ň* (man-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) and *lomaň-e-š-t'* (person-INT-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this person'; *piks-ę-ž-i-ň* (rope-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) and *piks-ę-š-t'* (rope-INT-DEF.SG-GEN/ACC) 'of this rope', 'this rope'.

Perhaps, in this dialect, the semantics of the genitive and accusative case forms were distinguished at one time. The case suffix *-žiň* was used only to express the semantics of the genitive case in a definite declension, and the case suffix *-št'* to express the object or the accusative case of a definite declension. At present, the meaning of these case forms has been neutralized: in the speech of the same informant, we recorded a mixing of case forms with the semantics of the accusative and genitive cases. Examples 1–6.

The same parallel usage has been recorded between the case markers *-št'* and *-ňt'* in the genitive-accusative of the definite declension. This phenomenon occurs in the sub-dialects of Lopatino and Suskan villages in the Stavropolsky raion, Sidel'kino, Staroye Eshteben'kino, Novoye Urmetyevo in the Chelnovershinsky raion of the Samara oblast', Kochkurovo village of the Dubensky raion in the Republic of Mordovia. Examples 7–14.

In our opinion, the parallel use of the genitive and accusative suffixes *-št'* and *-žiň*, *-ňt'* and *-št'* is direct evidence that there was a distinction in the semantics of possessiveness represented by the genitive suffix *-ň* and the semantics of the object represented by the accusative suffix *-t'* in the Erzya language.

3. The morphological marker of the object *-t'* in the case forms of personal pronouns

In the literary language and in many dialects and sub-dialects of the Erzya language, the personal pronouns *mon* 'I', *ton* 'you[sg]' in the genitive-accusative case have a morphological marker *-ň*: *moň* 'my', 'me', *toň* 'your[sg]', 'you[sg]'.

In the Erzya dialects of the Trans-Volga region and the Southern Urals, the following forms of the genitive-accusative can be seen in the system of personal pronouns: *toñt* 'your[sg]', 'you[sg]', *sonzet* 'his'/ him'. Examples 15–18.

The form of the genitive and accusative *toñt* 'your[sg]', 'you[sg]' is also found in the north-western dialect and in some sub-dialects of the South-Eastern dialect in the Republic of Mordovia. In this word form, the element *-t* is considered a possessive suffix. Thus, M. E. Evseyev identifies the element *-t* in this case form as a personal pronominal suffix of the 2 person singular (Evseyev, 1963). D. V. Bubrikh notes that in forms of this type «there is no possessive suffixation in the sense. In the context, there is an emphasis on the person, the number of personal pronouns, and ultimately the reduplication of personal pronouns» (Bubrikh, 1953). D. T. Nad'kin in the Lower Pyansk dialect in the paradigm of personal pronouns in the genitive case also points to the form *toñt* 'your[sg]'. In this form, he discerns an additional formant *-t* (Nad'kin, 1968).

In our opinion, in the sub-dialects of the Trans-Volga region and the Southern Urals, the element *-t* in the suffix of the genitive-accusative of personal pronouns signified only the object, as in Finnish, where the accusative case *-t* has survived in the forms of personal and interrogative pronouns and are set off against the case forms of the genitive *-n*. Compare: *minu-n* 'my' – *minu-t* 'me', *sinu-n* 'your[sg]' – *sinu-t* 'you[sg]', *häne-n* 'his' – *häne-t* 'him', *meidä-n* 'our' – *meidä-t* 'us', *teidä-n* 'your[pl]' – *teidä-t* 'you[pl]', *heidä-n* 'their' – *heidä-t* 'them'; *kenen* 'whose?' – *kene-t* 'who(m)?'.

The same suffix *-t* of the accusative case is involved in the formation of the accusative forms in the Khanty personal pronouns: *man-t* 'me', *naŋ-at* 'you', *tew-at* 'him'.

Therefore, the analogy with the Finnish and Khanty languages shows that in the dialect forms of the genitive-accusative personal pronouns of the Erzya language, the element *-t* is a relic of the accusative case suffix **-t* of deictic origin. It is quite common that pronouns or other relative words were used as case formants.

4. The morphological marker of the object *-t* in the forms of subject-object conjugation in the slot *mon sonde* 'I him'

The Erzya dialect areal has a developed and complex verb system. A special place in this system is occupied by the conjugation category. In the Mordvin languages, the verb has two types of conjugation: subject and subject-object. Forms of the subject conjugation are used to express the person and number of the subject. Both transitive and intransitive verbs have subject conjugation forms. Verb forms of the subject-object conjugation express the person and number of the subject as well as the object being acted upon. The verb in the subject-object conjugation has the forms of the future and past tense. Depending on the number of objects the action can be taken with, six slots are distinguished: *mon* 'me', *ton* 'you[sg]', *sonze* 'him/her/it', *minek* 'us', *tink* 'you[pl]', *sinst* 'them'. Only transitive verbs take subject-object forms of conjugation. The verb in this case most often expresses definiteness and completeness of the action.

In the Uralic languages, forms of subject-object conjugation are also found in the Hungarian, Ob-Ugric and Samoyed languages. According to B. A. Serebrennikov, the structure of verb forms of the subject-object conjugation in the Mordvin languages is the most complex in comparison with Hungarian, Mansi, Khanty, and Samoyed languages (Serebrennikov, 1967). This is confirmed by the field material of the Erzya dialect areal. Thus, in verb forms with the subject *mon* 'I' and the object *sonze* 'him' in the Erzya dialects and sub-dialects, the following future tense suffixes can be found: *-sa* / *-ca*, *-saj* / *-caj*, *-san* / *-can*, *-sañ* / *-cañ*, *-sat* / *-cat*'.

The implementation of these morphemes in the Erzya dialect areal is heterogeneous. In a literary language and in many dialects, the suffix *-sa* is used. Examples 19–21.

In select sub-dialects of the north-western dialect in the Republic of Mordovia and the sub-dialects of the Chuvash Republic one may come across a parallel use of the suffixes *-sa* / *-ca* and *-saj* / *-caj*: *pala-sa* – *pala-saj* 'I'll kiss him'; *an-ca* – *an-caj* 'I'll feed him'; *sasa-sa* –

sasa-saj 'I'll catch up with him'; *učo-sa – učo-saj* 'I'll wait for him'; *van-ca – van-caj* 'I'll see/have a look at it'.

The structure of the *-sa /-ca* suffix is relatively clear. In it, the component *-s- /-c-* is the formant of the object in the slot *sonze* 'his/him', and the component *-a* – is the formant of the future tense.

The suffix *-saj /-caj* has retained the ancient indicator of the present (future) time **-aj* (Serebrennikov, 1967). The suffixes *-sa /-ca* and *-saj /-caj*, however, do not have a formal indicator of the subject *mon* 'I'.

The suffixes *-san /-sań* and *-can /-cań* are found in mixed sub-dialects in the Republic of Mordovia, in the sub-dialects of Penza, Ulyanovsk and Saratov regions. Examples 22–25.

In verb forms of the subject-object conjugation, the suffix *-san /-sań* and *-can /-cań*, the *-n /-ń* element is an indicator of the subject of action of the first person, which, according to B. A. Serebrennikov, was borrowed from the sphere of the subject conjugation (Serebrennikov, 1967).

In the Erzya dialects and sub-dialects of the Trans-Volga region and the Southern Urals, the suffix *-sat' /-cat'* is found in the verb forms of the future tense in the slot *mon sonde* 'I him/her/it'. Examples 26–29.

Of particular interest in the *-sat' /-cat'* suffix is the semantics of the *-t'* element. G. I. Ermushkin stresses that the suffix *-t'* in these word forms is used to mark the subject of an action in the form of the first person singular in the slot *sonze* 'him/her/it' of the subject-object conjugation of the present tense (Ermushkin, 1984). In all probability, when analyzing the components of this suffix, he relies on the semantics and place of the suffix of the subject *-n* in the synonymous morpheme *-san /-can*, where the component *-s- /-c-* – the object of action (*sonde /sonze* 'him/her/it'), *-a-* – the suffix of the future tense, *-n* – the subject of action (*mon* 'I').

In our opinion, the structure of the *-sat' /-cat'* suffix consists of the following components: *-s- /-c-* – object of action (*sonde /sonze*), *-a-* – future tense suffix, *-t'* – polysemantic suffix that combines the semantics of the lost subject suffix *-n* (*mon* 'I') and the semantics of the object (*sonde /sonze* 'him/her/it'). In other

words, in these suffixes marking future, the object of action is expressed twice: with the help of the suffixes *-s- /-c-* and *-t'*. Presumably, initially to convey the semantics of the first person singular in the slot *sonze* 'him/her/it' the suffix *-sańt' /-cańt'* was used: *kunda-sańt'* 'I'll catch him', *pala-sańt'* 'I'll kiss him', *star-cańt'* 'I'll catch up with him'.

The existence of the subject *-ń-* indicator in the future tense forms of the slot *mon sonde* 'I him/her/it' is evidenced by the structure of the past tense suffix *-ińat' /-ińat'* of the same slot, where the morphological marker *-ń-* of the first person singular subject conjugation has survived. It should be noted that in the Erzya dialects and sub-dialects of the Trans-Volga region and the Southern Urals, the past tense forms on par with the suffix *-ińat' /-ińat'* contain the suffix *-jat'*, in which, as in the future tense forms, the morphological marker *-ń-* of the subject is also absent.

The structure of the suffix *-ińat' /-ińat'* is the most logical and consistent: *-i- /-i-* the past tense formant, *-ń-* – the subject of the action (*mon* 'I'), *-a-* – the interfix, *-t'* – the object of the action (*sonde* 'him/her/it'). It preserves all the formal components that reflect the semantics of the *mon sonde* 'I him/her/it' slot of the subject-object conjugation of the Erzya verb. Examples 30–33.

In the sub-dialects above, the subject-object conjugation suffix *-ińa /-ińa* is often used on par with the suffix *-ińat' /-ińat'*. The *-ińa /-ińa* suffix does not have a formal indicator of the *-t'* object. Its function is conditionally conveyed by the *-a* component. Examples 34–36.

In the dialects and sub-dialects of the Trans-Volga region and the Southern Urals, the morphological marker of the object *-t'* can also be found in the past tense suffix *-ijat' /-ijat'*. Examples 37–39.

The suffix *-ijat' /-ijat'* is spotted in both affirmative and negative forms. The structure of the suffix is as follows: *-i- /-i-* – past tense suffix, *-j-* conditional indicator of the subject, *-a-* – interfix, *-t'* – object suffix.

In this suffix, we call *-j-* a conditional indicator of the subject, since it appeared at the time when the real marker of the subject of the

first person singular *-ń-* fell out (cf.: *palijjat'* and *paljňat'* 'I kissed her'). In the intervocalic position, instead of the dropped formant *-ń-* (the subject suffix), the formant *-j-* appears, which formally assumes the semantics of the subject.

It should also be noted that in many dialects and the literary Erzya language, the past tense forms of the subject-object conjugation are expressed by the suffix *-ija*. In the book «Erzya Language. Morphology» it is noted that in the form *pid'-i-j-a* 'I cooked/boiled it', formed by analogy with the future tense form *pid'esa* 'I will cook/boil it', the component *-a* is an indicator of the subject (Erzyan' kel'. Morfemika, valon' teevema dy morfologiya, 2000). However, the dialect material provides proof that the subject indicator in this morpheme is the *-j-* element, and the semantics of the object is conditionally expressed by the formant *-a-*, which formally takes over the semantics of the dropped suffix of the direct object *-t'*.

The origin of the formant *-t'* in the analyzed suffixes of the future tense *-sat' / -cat'* and the past tense *-ihat' / -jňat'*, *-ijat' / -ijjat'* of the subject-object conjugation in the slot *mon sondeq* 'I him/her/it' can probably be linked to the object suffix of the accusative case *-t'*, which is currently found in the dialect morphemes of the genitive-accusative personal pronouns and in the genitive-accusative morpheme *(-s)-t'* of the definite declension of nouns. Based on dialect findings, the diachronic development of these suffixes can be represented as follows: *-ihat' → -iňa → -ija*.

The suffix *-t'* marking the object of action in the subject-object conjugation has not been found in the Republic of Mordovia. It is present in the forms of the subject-object conjugation only in the Erzya sub-dialects of the Trans-Volga region and the Southern Urals. It occurs sporadically in some sub-dialects of the Nizhny Novgorod Oblast'.

Conclusion

In the Erzya language, the object can be indicated by various means and morphological markers. There is no consensus about the morphological marking and structure of object suffixes in grammatical forms. The purpose of our article was to consider the dialect marker

of the object *-t'* in the forms of the accusative case of nouns, personal pronouns of the 2nd and 3rd person singular definite declension, as well as in the forms of subject-object conjugation of verbs in the slot *mon sondeq* 'I him/her/it'.

In the dialect suffix *-st'* of the accusative case, definite declension, the element *-s-* is most often considered an inflectional suffix, and the element *-t'* is a morpheme of definiteness. In our opinion, in the suffix *-st'*, the component *-s-* is a morpheme of definiteness in the singular, as in the nominative case, and the component *-t'* is the suffix of the object. This is evidenced by the dialect paradigm of the definite declension in the sub-dialects of the Novomalyklin'sky raion, Ulyanovsk oblast', where the morpheme of definiteness in the entire paradigm is the suffix *-ś- / -ž-*.

In Erzya dialects and sub-dialects, the object marker *-t'* can be traced in the forms of the genitive-accusative personal pronouns *toňt'* 'your[sg]', 'you[sg]', *sonzet'* 'his/him/her/its/it'. Many researchers believe that in the form *toňt'* 'your[sg]' the *-t'* component is a possessive suffix of the 2nd person singular. In our opinion, in the word forms *toňt'* 'your[sg]', 'you[sg]', and *sonzet'* 'him/her/it' the *-t'* component initially expressed only the semantics of the object. The same suffix in the meaning of the accusative is still present in personal and interrogative pronouns of the Finnish language, as well as the corresponding forms of personal pronouns of the Khanty language.

In the Erzya dialects of the Trans-Volga region and the Southern Urals, the object suffix *-t'* was found by us not only in the case paradigms of nouns, but also in the paradigms of subject-object conjugation of the future and past tense in the slot *mon sondeq* 'I him/her/it'. In the verb forms of this slot, the component *-t'* is also a morphological marker of the object in the suffixes of the future tense *-sat' / -cat'* and the past tense *-ihat' / -jňat'*, *-ijat' / -ijjat'*. In contrast to the corresponding forms of the literary language and many other dialects, these suffixes have retained all the formal components in their structure that indicate the semantics of time, subject and object: *saj-s-a-t' kňiga-ń-t'* (to take-1SG.SBJ-FUT-3SG.OBJ.O book-ACC-DEF.SG) 'I will take this book',

uč-i-ń-a-t' jalga-m (to wait-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O friend-POSS.1SG-ACC) 'I have waited for my friend', *revi-ń-t' sulm-i-ń-a-t'* (sheep-ACC-DEF.SG.to tie up-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O) 'I tied the sheep up.

Abbreviations

Notes of explanations: **1** – first person, **2** – second person, **3** – third person, **ABE** – abessive, **ABL** – ablative, **ACC** – accusative, **ADV** – adverb, **DAT** – dative, **DEF** – definite declension, **DET** – demonstrative pronoun, **ELA** – elative, **ENGL** – particle, **FUT** – future tense, **GEN** – genitive, **ILLA** – illative, **IMP** – imperative, **INE** – inessive, **INF** – infinitive, **INT** – **interfix**, **LAT** – **lative**, **NEG** – **negation**, **NOM** – nominative, **O** – object conjugation, **OBJ** – object, **PL** – plural, **POSS** – possessive, **POST** – postposition, **PRES** – present, **PRET** – preterit, **PROL** – prolative, **PTCP** – participle, **SG** – singular, **SBJ** – subject, **S** – subject conjugation.

aks. – Aksenino village sub-dialect of Northern district of Orenburg region, **alks.** – Aleksandrovka village sub-dialect of Novomalyklinsky district of Ulyanovsk region, **v.klk.** – Vysokiy Kolok village sub-dialect of Novomalyklinsky district of Ulyanovsk region, **v.pvl.** – Vehneye Pavlushkino village sub-dialect of Buguruslansky district of Orenburg region, **zrkl.** – Zerikla village sub-dialect of Abdulinskiy district of Orenburg region, **kbk.** – Kabaevka village sub-dialect of Northern district of Orenburg region, **ivnc.** – Ivanovka village sub-dialect of Nikolaevsky district of Ulyanovsk region, **kvts.** – Kivatskoye village of Buguruslansky district of Orenburg region, **krzh.** – Kirzhemany village sub-dialect of Atyashevskiy district, Republic of Mordovia, **krsh.** – Kiryushkino village settlement of Buguruslansky district of Orenburg region, **kchk.** – Kochkurovo village sub-dialect of Dubensky district of Republic Mordovia,

lpt. – accent Lopatino village sub-dialect, Stavropolsky district, Samara region, **m.dbr.** – Mordovskoye Dobrino village sub-dialect of Northern district of Orenburg region, **mksh.** – Mokshalei village sub-dialect of Chamzinsky district, Republic of Mordovia, **nkn.** – Noikino village sub-dialect of Buguruslansky district of Orenburg region, **n.mlk.** – Novaya Malykla village sub-dialect of Novomalyklinsky district of Ulyanovsk region, **n.sl.** – Novyye Sulli village sub-dialect, Yermeyeysky district of Republic of Bashkortostan, **n.urm.** – Novoye Urmetyevo village sub-dialect of Chelnovershinsky district, Samara region, **pzlk.** – Pazelki village sub-dialect of Bessonovskiy district, Penza region, **p.tvl.** – Podlesnaya Tavla village sub-dialect of Kochkurovskiy district of Republic of Mordovia, **sbv.** – Sabaev village sub-dialect of Kochkurovskiy district of Republic of Mordovia, **sdlc.** – Side/kino village sub-dialect of Chelnovershinsky district of Samara region, **spzh.** – Sapozhkino village sub-dialect of Buguruslansky district of Orenburg region, **st.bsk.** – Staraya Besovka village sub-dialect of Novomalyklinsky district of Ulyanovsk region, **st.brsk.** – Staroe Boriskino village sub-dialect of Northern district of Orenburg region, **st.uzl.** – Staryye Uzeli village sub-dialect of Buguruslansky district of Orenburg region, **shgr.** – Shugurovo village sub-dialect of Bolshereznikovskiy district, Republic of Mordovia, **shstk.** – Shestaikino village sub-dialect of Buguruslansky district of Orenburg region.

Приложения / Applications

References

- Agafonova N. A., Ryabov I. N. Paradigma opredelennogo skloneniya v erzyanskih govorah sel Novomalyklinskogo rajona Ulyanovskoj oblasti [The paradigm of the definite declension in the Erzya dialects of the villages of Novomalyklinsky District in Ulyanovsk Region]. In: *Linguistica Uralica*, 2017, 3, 161–178.
- Ahlqvist A. *Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik*. Saint-Petersburg, Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861, 214.
- Bubrikh D. V. *Erzya-mordovskaya grammatika minimum* [Erzya-Mordovian grammar minimum]. Saransk, Mordovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1947, 52.
- Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953, 270.
- Chinaeva N. V. Grammaticheskie sredstva vyrazheniya pryamogo obekta v mordovskih yazykah [Grammatical means of expressing a direct object in the Mordovian languages]. In: *Yazyki narodov Rossii: istoriya i sovremennost* [Languages of the peoples of Russia: history and modernity]. Zapadnyj, Izd-vo: OOO Nauchno-issledovatel'skij centr «Antrovita». 2017, 70–96.
- Chinaeva N. V. *Sposoby vyrazhenija i semanticheskie funkicii prjamogo objekta v mordovskih (erzyanskom i mokshanskom) i finskom jazykah* [Ways of expressing and semantic functions of the direct object in the Mordvin (Erzya and Moksha) and Finnish languages]. Saransk, 2012, 159.
- Collinder B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1960, 425.
- Ermushkin G. I. *Arealnye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (erzya-mordovskij yazyk)* [Areal research of the Eastern Finno-Ugric languages (The Erzya-Mordovian language)]. Moscow, Nauka, 1984, 142.
- Evseyev M. E. *Osnovy mordovskoj grammatiki* [Fundamental Mordovian grammar]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963, 4, 470.
- Feoktistov A. P. *Mordovskiye yazyki* [The Mordovian languages]. In: *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow, Nauka, 1975. 248–344.
- Gabelentz H. C. *Versuch einer Mordwinischen Grammatik*. In: *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Göttingen, 1839, 235–284.
- Grammatika mordovskih yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [The grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo uniwersiteta, 1980, 430.
- Grammatika mordovskih yazykov: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages: phonetics and morphology]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 376.
- Hajdu P. *Ural'skiye yazyki i narody* [The Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress, 1985, 429.
- Itkonen E. *Die Laut – und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. Ural-Altäische Jahrbücher*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1962, 34, 201–202.
- Mokshen' kyal'. Morfologiya* [The Moksha language. Morphology]. Saransk, Krasnyj Oktyabr', 2000, 236.
- Nad'kin D. T. *Morfologiya nizhnep'yanskogo dialekta erzya-mordovskogo yazyka* [The Morphology of the Lower-Pian dialect of the Erzya-Mordovian language]. In: *Ocherki mordovskih dialektov* [Essays on the Mordvinian dialects]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 5, 3–198.
- Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija. Voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1974. 481.
- Ruzankin N. I. *Vinitel'nyj padezh v mordovskih i russkom yazykah (sootvetstviya i razlichiya)* [Accusative case in Mordovian and Russian languages (correspondences and differences)]. Moscow, 1985, 21.
- Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskih yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow, Nauka, 1967, 389.
- Serebrennikov B. A. *Osnovnye linii razvitiya padezhnoj i glagol'noj sistem v ural'skih yazykah* [Main lines of development of the case and verb systems in the Uralic languages]. Moscow, Nauka, 1964, 184.

Szinneyi J. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Berlin-Leipzig, 1922, 133.

Tihonova T. M. *Otrazhenie formami obektnogo spryazheniya glagola pryamogo dopolneniya v mordovskih yazykah* [The Object Conjugation Forms of the Direct Supplement Verb in the Mordovian Languages]. *XVII Vsesoyuznaya finno-ugorskaya konferenciya* [XVII All-Union Finno-Ugric Conference]. Ustinov, 1987, 194–196.

Tsygankin D. V. *Grammaticheskiye kategorii imeni sushchestvitelnogo v dialektakh erzya-mordovskogo yazyka* [The grammar categories of noun in the dialects of the Erzya language]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo uniwersiteta, 1977, 104.

Erzyan' kel'. Morfemika, valon' teevema dy morfologiya: vuzon' erzyan' dy finnen' otdeleniyan' tonavnicyatnen' turtov [The Erzya language. Morphemics, word-formation and morphology: for students of Erzya and Finno-Ugric departments of the university]. Saransk, Krasnyi Oktyabr', 2000, 280.

Tsygankin D.V. *Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitelnogo v dialektah erzya-mordovskogo yazyka (opredelyonnosti-neopredelyonnosti i prityazhatel'nosti)* [Grammatical categories of the noun in the dialects of the Erzya-Mordovian language (definiteness-indefiniteness and possessiveness)]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo uniwersiteta, 1978, 72.

Wiedemann F. J. *Grammatik der Erza-Mordwinischen Sprache*. Saint-Petersburg, Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865, 261.

EDN: EUVRYA
УДК 316.722:398:780.641.1(470.57)

Kurai as Ethnocultural Symbol: Development from Artifact into Meaningful National Emblem of Bashkortostan

Guzel A. Vildanova*

*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
Kazan, Russian Federation*

Received 01.10.2024, received in revised form 01.12.2024, accepted 28.12.2024

Abstract. The present paper focuses on the peculiarities of symbolic meanings development drawing on the example of the Bashkir national symbol. The author turns to kurai, the traditional musical instrument of the Bashkir ethnos, with the aim to trace the national symbol development from an ethnic artifact into a meaningful emblem of a nation representing its culture and identity. The theoretical framework includes the scholarly considerations on culture code symbols representation, symbolic meanings and cultural connotations generation process. The methodological approach is critical and interdisciplinary benefiting from the contributions of Semiotics, Literature, Music and Art History, Cultural Anthropology and Linguistics. The paper is designed to highlight the types of cultural connotations the notion of kurai has developed. Thus, kurai manifestation is considered in the following aspects: auditory, visual and verbal. Drawing on the results of the multi-dimensional research undertaken, the author comes to the conclusion that kurai presents a pivotal cultural metaphor of the Bashkir nation conveying a distinct cultural message, giving insight into the cultural values and traditions of the nation under study and encapsulates the meanings fundamental to the Bashkir mindset and culture.

Keywords: kurai, cultural symbol, ethnocultural symbolic meaning, cultural connotation, cultural metaphor, visual metonymy.

The research was carried out with the scholarship support of the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML).

Research area: Applied Cultural Linguistics.

Citation: Vildanova G. A. Kurai as Ethnocultural Symbol: Development from Artifact into Meaningful National Emblem of Bashkortostan. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 45–55. EDN: EUVRYA

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: gvildanova@ieml.ru
ORCID: 0000-0002-4423-5341

Курай: динамика становления национального символа от этнического артефакта до национальной эмблемы Республики Башкортостан

Г.А. Вильданова

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)
Российская Федерация, Казань

Аннотация. В рамках данной публикации исследуется специфика возникновения и динамики развития этнокультурных символических значений на примере национального символа Республики Башкортостан. В фокусе исследования – курай, традиционный музыкальный инструмент башкир. Цель предпринятого изыскания – выявить особенности становления национального символа от этнического артефакта до национальной эмблемы, отражающей самобытную культуру и национальную картину мира. Теоретической основой послужили научные разработки отечественных и зарубежных исследователей в области семиотики, лингвокультурологии, языкознания, литературы, истории изобразительного и музыкального искусства. Специфика исследования потребовала обращения к междисциплинарной методике и аппарату семиотически ориентированных областей знания. Работа структурирована согласно динамике развития символизма курая и представляет акустическую, визуальную и языковую практики выражения национального атрибута. На основе полученных результатов автор приходит к выводу о том, что курай выступает как своеобразная культурная метафора башкирской культуры, отражающая мировоззрение и систему материальных и духовных ценностей башкирского народа.

Ключевые слова: курай, культурный символ, этнокультурное символическое значение, культурная коннотация, культурная метафора, визуальная метонимия.

Исследование выполнено при стипендиальной поддержке Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Вильданова Г. А. Курай: динамика становления национального символа от этнического артефакта до национальной эмблемы Республики Башкортостан. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 45–55. EDN: EUVRYA

Introduction

The major emphasis of the present article is on an in-depth analysis of visual symbol development from an ethnic artifact into a meaningful emblem of a nation representing its culture and identity. With this aim I resort to one of the most significant national symbols of Bashkir people – **kurai** – which with the passing of time has undergone a successful transition from a

folk flute into the registered territorial brand of Bashkortostan and now embraces a set of diverse notions and visual forms.

The interest to and choice of that particular symbol is spurred by the following: firstly, the research will provide insight into the patterns and specifics of a national symbol development in general and kurai in particular. Secondly, kurai has become a unique and meaningful attribute

of Bashkortostan, giving clue to understanding some aspects of its culture. Thirdly, it would be instructive to see how via metaphorical and metonymical interpretation kurai has become a multilevel concept involving auditory, visual and verbal manifestations. And finally, it is one of the ways to profile Bashkir people identity and give tribute to my homeland multiethnic people united by the remarkable cultural heritage.

Motivated by these considerations, in the present study I discuss the following issues:

1. How did kurai come into being as a versatile national symbol of Bashkortostan?
2. Which kurai representations and practices are semiotically charged?
3. What symbolic meanings and cultural connotations does the symbol under study project?
4. Which aspects of cultural identity and nation memory it accumulates and conveys?
5. Has kurai developed semiotic potential conspicuous enough to be considered a symbol of Bashkir culture code?

In order to deal with these questions, the article will be organized according to the facets of kurai symbolic representations and dimensions via which its symbolic meanings are communicated.

Theoretical framework and methods

Much of the contemporary research about national symbols centers on the specific questions limited to certain spheres (visual, verbal, artistic, etc.). Subsequently, when analyzing present-day research on 'kurai' phenomenon it soon becomes apparent that it has been examined by the scholars of various fields from the viewpoints of its musical qualities, visual characteristics and linguistic realization (Galina, 2017; Ilyasov, 2009; Kulsarina, 2010; Kuskarova, 2021; Sulejmanov, 2002; Yamanova, 2022; etc.). With that in mind, I suggest that semiotic dimension makes it possible to integrate and combine various approaches to provide a comprehensive idea of a culture symbol manifestation, its development and functions. "Culture is a slippery concept <...>, refers to signifying, symbolic, or meaning system" (Delaney, 2011: 12–13) therefore its profiling involves a manifold approach.

Following S.S. Avanesov, I strongly believe that visual, auditory and verbal aspects are intrinsic parts of any cultural phenomenon, each providing significant insights into its meaning and interpretation. I support the idea that "various cultural-communicative complexes are semiotically charged", "language by itself involves formalized visual practice" and "semiotic charge <...> is realized on multifarious communicative levels and, accordingly, conveys a versatile pragmatic effect" (Avanesov, 2014: 12–13).

Similar views are expressed by S.V. Ivanova and Z.Z. Chanyshcheva who investigate linguocultural codes and state that "linguistic unit usage formalizes cultural markedness due to occurrence of the junction point to culture values dimension in the language matter" (Ivanova, Chanyshcheva, 2014: 157). The scholars classify cultural connotations as universal, regional, ethnocultural, social and individual. Furthermore S.V. Ivanova and Z.Z. Chanyshcheva define cultural connotations as declarative, axiological, associational, cognitive, precedent and stereotypical (Ivanova, Chanyshcheva, 2014: 159–162).

Noteworthy is M.L. Kovshova's premise, who studies how cultural codes are manifested through symbols and quasi-symbols. The researcher states that symbol is "a sign invariable including closely interrelated objective image and implication" (Kovshova, 2009: 28) and believes that cultural realia can hardly be treated as culture symbols but can objectify cultural values in idioms and, consequently, function as quasi-symbols (Kovshova, 2009: 30–31). G.V. Tokarev develops this viewpoint and presents his insightful research of quasi-symbols. He considers Russian cultural code quasi-symbols, in particular highly-productive fetish ones, and identifies a set of values they project. The scholar defines the following features of quasi-symbols: specific idea connotation, semantic imperativeness, precedence and allusive character, polysemantics and potential semantic inexhaustibility (Tokarev, 2021). In keeping with G.V. Tokarev's definition, "a quasi-symbol is an element of an intermediate, linguocultural system, generated as a result of close interaction between language and culture. While a symbol is a sign of culture that

expresses some idea in an imperative manner, a quasi-symbol is a type of symbol that has a verbal nature” (Tokarev, 2020: 5).

All the above mentioned reflects scholarly attempts to gain a strict understanding of how symbols mirror culture codes, to identify and formalize culture manifestation. This task is quite challenging and elusive since symbolism is an incredibly complex natural process of new perception acquisition: humans begin to attribute additional qualities and functions to surrounding objects and phenomena (Ivanov, 2002). With that in mind the following assumptions underly the present research:

1. Symbol is the result of sign notional development in culture (Lotman, 1999), object transfer from material to ideal dimension (Kubryakova, 2005);

2. Symbols are culturally embedded and culturally interpreted; their function is culture elements consolidation (Lotman, 1999);

3. Symbol verbalization provides its consistency and variability of representations (Kovshova, 2008).

4. A linguistic sign acquires a symbolic meaning when it concurs with a culture code so that “the signified in the first system turns into the signifier in the second”; as a rule culture code material objects tend to develop symbolic meanings (Alekseev, 2016: 108). Symbolic meanings correlate with cultural connotations, the latter being primary (basic object level reflecting the national cognition specifics) and secondary (generated by culture code on the basis of the primary ones) (Ivanova, Chanyshva, 2014: 159).

It is my belief that multiform sources of evidence should be involved to provide in-depth understanding of kurai semiosis (verbal, aural, visual, etc.) and substantiate its analysis in terms of semiotic categories manifestation. The empirical data of this study includes literature and art, historical accounts, language corpus evidence, scholars’ published summaries of the folk flute impact and role in the Bashkir cultural heritage, my own observations (as native speaker and culture representative) of the traditions and practices intrinsic to the notion of kurai. Subsequently, the methodological approach is critical and interdisciplinary, benefiting from

the contributions of Semiotics, Literature, Art and Music History, Cultural Anthropology and Linguistics and involving such methods of research as descriptive and continuous sampling methods, conceptual, linguocultural and discourse analysis.

Discussion

1. Historical Background: Auditory Aspect

To begin with, **kurai** or **quray** (Bashkir ‘күрай’) is traditionally defined as “Bashkir musical wind instrument, type of end-blown flute. Kurai it made from the stem of umbelliferous namesake plant. Biological name – Urals *edgipstil* (*Pleurospermum uralense*). *The stem of the plant is measured 8–10 times the width of a palm and cut off. The holes are made beginning from the end <...>*. The kurai length is 510–810 mm. The scale is formed from the concatenation of two major pentatonic scales from the fundamental tone at a distance of a given interval. The range of a kurai consists of three octaves. The sound is poetically sublime, the tonal quality is soft, accompanied by a throaty, bourdon sound when played. Kurai is played as solo instrument and in a band. It is used to perform dance tunes and marches, program musical plays, onomatopoeic melodies and instrumental versions of chants” (BBE, 1996: 357–358) (Fig. 1).

From prehistoric times the end-blown flute type musical instrument was present in many nomadic cultures. So, it is natural that the Bashkir (and Tatar) kurai commonly correlates to the aerophones of diverse ethnicities around the globe. At the same time, unlike many ancient folk flutes worldwide which were confined to marginal role or faded into obscurity, it became the dominant musical instrument and epitome of the Bashkir nation voice: for centuries it served as a national history chronicler, folk wisdom and folklore keeper, essential element of nomadic people life. The following acoustic and articulatory properties are attributed to kurai:

- unique phonation and mellow timbre;
- specific sound imitating quality (crane cry, cuckooing, etc.);
- characteristic melancholic and harmonious sound (Iliasov, 2009; Kuskarova, 2021);

Fig. 1. Bashkir kurai. Public domain, Available at: <https://ru.wikipedia.org>

– similarity to human high-pitched male voice and the Bashkir language phonetics rich in onomatopoeic sound combinations, fricatives and soft hissing phonation (Bakhtyzina, Abzalilov, 2015).

Needless to say, the natural full-toned sound of kurai is repeatedly storied and mythologized as the aerophone parallels nomadic values passed down in Bashkir ethnos from generation to generation: mobility and endurance of yourt, South Ural air purity and transparency, dynamic life pace and meditative mindset (Bakhtyzina, Abzalilov, 2015: 104). In the Bashkir national narratives kurai is widely presented as a magic artifact: most existing legends stress its guardian and protective function, e.g., rescuing life and revealing dark secret of an evil khan or helping to find way out of a thick forest. As part of national heritage, it is mentioned in numerous folklore poems (kubairs) and eposes (Ural batyr, Akbuzat (winged horse), Kara Urga (black horse), Balakarga (fledgeling crow), Kungyr Buga (brown bull), Zayatulak and Hyuhlyu, etc.).

The onomatopoeic quality of the musical instrument is noteworthy: kurai sound range is quite broad and it is compared to angry beehive humming, water stream roaring, quiet bumblebee buzzing and tender bird singing (Kulsarina, 2010: 931). That feature is reflected in the legend about cranes who scared away enemies and is skillfully developed in the ancient folk song Synrau Torna (clanging crane) imitating cranes cry and serving as appeal to nation (Bakhtyzina, Abzalilov, 2015; Kuskarova, 2021). Thus, kurai became the means of expressing nature connectedness and nature sacral worship, declaring them as part of the Bashkir national identity. Accordingly, kurai performing was part of Bashkirs existential competence and kurai sound would accompany every aspect of life, glorify-

ing the beautiful steppe nature, its freedom and vastitude, air and atmosphere. Today kurai as a musical instrument retains its mainstream role, it is defined as the Bashkir “national musical culture canon” (Skurko, 2002: 4) and is widely used in classical pieces, drawing folk songs (uzunkui) and the anthem of Bashkortostan. Needless to say, that from the point of view of semiotics, all the above-mentioned sonic features validate kurai as an *iconic* sign of Bashkir culture code since sound imitation is traditionally treated as “icon” manifestation (Brazgovskaya, 2023). Moreover the significance and symbolic character of kurai for the Bashkir ethnos is highlighted in numerous literary works by L.N. Tolstoy, D.N. Mamin-Sibiriyak, S.T. Aksakov, D. Lebedev, N. Krashennnikov, S.P. Zlobin, V.I. Gerasimov, etc. Most of the Bashkir people presented in fiction are positive characters who play kurai thus expressing their emotions, remembering motherland and singing its beautiful nature (Kulsarina, 2010).

In other words, kurai as a musical instrument has over time developed distinct cultural connotations as ‘voice’ of the Bashkir ethnos and “musical language” complimenting and intensifying the native one.

2. Kurai Visual Representation

Another viable semiotically charged facet of kurai is its visual representation which happily conveys the symbolic meanings associated with its auidial manifestation and contributes new connotations.

Strictly speaking, the shape of the folk flute, so advantageous for its transportation and performance, is apparently too simple to function as a distinguishable national image symbol. Therefore, the solution to the challenging task of kurai visualizing proved to be effective and ingenious: the Bashkir artists resorted to

Fig. 2. Kurai flower in nature and as emblem. Public domain, Available at: <https://bogaty.club/53471-cvetok-kuraja.html>

the origin of the musical instrument – the umbelliferous plant, and created a stylized depiction of kurai flower: the plant corolla consists of seven blossom trusses, symbolizing seven Bashkir tribes' unity and friendship (Fig. 2). That insightful image became the emblem and icon of Bashkortostan, part of cultural visual code appealing to the significant Bashkir culture artifact and core ethnic values.

Alongside with the latter, the stylized image turned into the source of artistic inspiration and basis for creative reinterpretation in the ornamental art, i.e., kurai flower was introduced as ethnic element in the Bashkir decorative art. In 1970s at the Bashkir art crafts enterprise "Agidel" the talented artisans developed the Bashkir decorative painting style drawing on the traditions of the famous Russian khokhlo-ma style, the Bashkir traditional folk motifs and introducing the kurai flower element (Fig. 3).

Today the kurai flower is a mandatory element of the Bashkir symbolics in all types

of design. Present on the official emblems (the coat of arms and the flag of Bashkortostan), it is freely stylized and transformed in various events identical (sports activities, regional festival occasions and international meetings and ceremonies). The meaningful icon undergoes novel variations and is used in graphic design: brand logos, adverts and textiles (Yamanova, 2022; Munkhatova, Beketova, 2021). Moreover, kurai is monumentalized in different parts of the republic (Fig. 4).

To conclude the account on visual kurai representation, its high symbolic potential and representative image, I should mention an example of the decorative element application in modern architecture – the glamping recreation area designed in shape of the kurai flower and constructed in the picturesque area of the Ural Mountains (Karaidel district).

Apparently, kurai flower ornament is now effectively incorporated in diverse types of visual art implying regional affiliation and pride for

Fig. 3. Kurai flower element in decorative art. Public domain, Available at: http://kuglib.ru/_ld/21/68818781.jpg

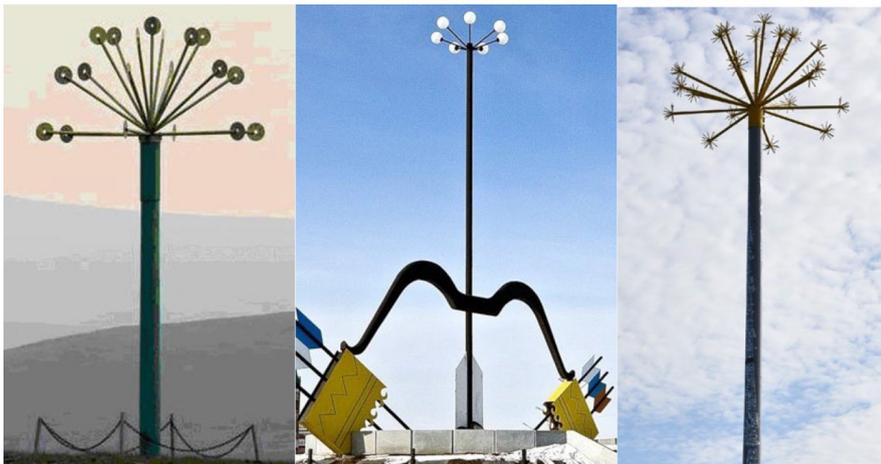

Fig. 4. Monuments to kurai. Public domain, Available at: <https://www.bashinform.ru/>

Fig. 5. Glamping site "Kurai Riverside" Public domain, Available at: <https://ufa.rbc.ru/ufo/05/05/2023/6454c34b9a79472baaa9f6ee>

the nation. As a result, it has taken the rightful place of a compelling Bashkortostan label and discernible element of the visual culture code.

This list of facts suggests that the visual representation of kurai is *symbolic* manifestation of visual metonymy which is not surprising since "from the perspective of Peircean semiotics, metonymic relations are seen as derived from the semiotic principle of *indexicality*, including relations such as cause and effect, part and whole, container and contained, and so on" (Feng, 2017: 442). Moreover, "the fact that in both metonymy and symbolism we say that one thing 'stands for' something else already suggests that symbols are metonymically

motivated" (Forceville, 2009: 22). It is my belief that the visual metonymy of kurai serves as a potent means of conveying a distinct cultural message through visual domains of artistic endeavor and furnishes a visual form of the Bashkir cultural knowledge. Apart from that, the visual representation of kurai can be regarded *iconic*, due to its obvious physical connections between the signifier and its meaning, and, at the same time, *symbolic* since the meanings attributed to the image are conventional.

3. Kurai Manifestation in Verbal Dimension

In what follows, I will focus on verbal dimension of symbolic communication and fur-

nish a number of examples to demonstrate how kurai as symbol is formalized in natural language as “language is efficient means of symbolic meanings expression” (Kovshova, 2008: 20). In an attempt to gain an understanding of how symbol is verbalized many researchers resort to a symbolic component study in the figurative language, e.g., phraseological units, considering an idiom as a secondary semiotization unit and a language sign making use of other linguistic units symbolization (Kovshova, 2008). Another credible source of symbol verbalization is onomastics since proper names carry a distinct symbolic charge (Kuzyemina, 2022). With that in mind, using the continuous sampling method, the following results have been revealed:

Firstly, ‘kurai’ as a lexical unit turned out to be idiomatically non-productive: the only idiom comprising ‘kurai’ is “курайына бейеу” (to dance to one’s kurai) meaning “to obey sb, lack willpower” (Uraksin, 1996: 227). The set expression though underlines the above discussed “magic power” of the musical instrument, nevertheless presents a loan-translation of the Russian idiom one (to dance to one’s pipe).

Secondly, various proper names with ‘kurai’ lexical component turned out to be quite numerous. That fact displays its high word building productivity and the list of such units includes names and titles in the following spheres:

- ergonymy, i.e., names of companies and organizations. There are numerous restaurants, cafes, stores, recreation companies, residential estates and mass media companies named simply ‘Kurai’ or by means of some compounds with ‘kurai’ element (residential estates Golden Kurai and Kurai Flower, television channel Kurai TV, car dealer Kurai Motors, restaurant Kurai Hall, etc.);

- gluttonyms, i.e., food nominations (bread Kurai, Kurai rolls, liqueur Kurai Bitter, vodka Kurai on Kumis, etc.);

- events, e.g., the national cultures festival Kurai Flower;

- technology, e.g., the regional geolocation system Kurai.

These findings imply that the set of kurai symbolic meanings and cultural connotations

accumulated thus far provide a potent and solid basis for its efficient functioning in the modern language and the local cultural context. It is my understanding that kurai notion multidimensional evolution secured its viability and consistence in the present time whereas in the past (when most idioms were generated) it was associated mainly with a musical instrument. Moreover, these findings reflect the trend of growing sense of national identity, the intent to highlight communal spirit and unique indigenous linguistic environment. Increasingly emerging hybrid compounds (containing etymologically diverse components) update and refresh the native culture phenomenon, mirror the trend of integration of national and global cultures (Vildanova, 2021). In sum, today kurai verbal representation displays quite high derivational and semiotic potential, it consolidates and expands the national symbol cultural connotations. By and large all the kurai symbolic meanings communicated via auditory and visual modes are consolidated and enhanced by their *verbal* signification. Moreover, these meanings can be treated as metaphoric since “metaphor is understood as sign production, representing a system of visual/audial signs, interpreted by a recipient in the certain semiotic medium. A person develops this conceptual system when interacting with a certain sign” (Zubkova, 2010: 328). Semiotically, the given meanings evolving correlates with the metaphor transfer development within the icon/index/symbol triad and the kurai metaphor, in terms of A.P. Chudinov’s classification, is a vivid example of artifact metaphor (Chudinov, 2001).

It is my understanding that following M.J. Gannon and R. Pillai approach to ethnic group profiling, ‘kurai’ can justly be called a Bashkir cultural metaphor, i.e., a key notion and set of features of one critical phenomenon giving insight into the cultural values and traditions of a society under study (Gannon, Pillai, 2013). Metaphorically, kurai encapsulates the meanings fundamental to the Bashkir mindset and culture. The aerophone is a cultural reality and culture-specific element that can truly be considered an important symbol objectifying key cultural values via different media.

Conclusion

The results of the multi-dimensional analysis of 'kurai' manifestations appear to support the following propositions:

1. The origin of kurai symbolism dates back to the historical background of the Bashkir ethnos. The musical instrument became a quintessential symbol due to the traditions and lifestyle of the Bashkir people, embedded in the value system, reflecting love to nature and promoting national heritage.

2. From the point of view of semiotics, kurai as a distinct sign of Bashkir culture code, can be analysed in terms of the symbol/index/icon triad. The study undertaken confirms that the national artifact has acquired the following semiotic categories characteristics:

– kurai sonic and visual representations can be treated as "icon" manifestations due to the obvious physical connections between the signifier and its meaning;

– conventionality of meanings acquired by the image of kurai build up its "symbolic" potential and present an apt illustration of visual metonymy.

3. Unquestionably kurai symbolic meanings communicated by auditory and visual media are consolidated and enhanced by their verbal signification which can be treated as metaphoric. In fact, verbalized metaphoric meanings draw upon the established connotations, formalize and reinforce them thus turning kurai into a multifold national cultural concept.

4. The musical instrument can be defined as powerful cultural metaphor for Bashkir national identity since it encompasses fundamental aspects of the Bashkir culture.

5. 'Kurai' phenomenon has developed diverse symbolic meanings in times gone by and the most conspicuous are:

– "national voice" and "medium of communication" correlating with the natural language and musical traditions;

– "unity of the ethnos" and "ethnic diversity but unity and friendship of nations";

– "motherland" and "close communion with nature".

To sum up, to date the kurai notion is popularly recognized as the ubiquitous expression of the Bashkir national spirit. Kurai maintains its pivotal role due to its historical background and bonds to the traditional cultural framework, active and varied modern representation, ability to synthesize traditional and new values, emphasis on the unique culture and, primarily, the Bashkir people dedication to national heritage.

The key tenet of the paper was to bring out the peculiarities of ethnocultural symbolic meanings development on the example of the traditional Bashkir artifact. I dare hope that the present study contributes to cultural symbolism understanding and provides visibility into how national symbols profile ethnic identities, correlate to cultural values and express cultural themes in new and exciting ways.

References

Avanesov S. S. *Chto možno nazyvat' vizual'noj semiotikoj? [What can be called visual semiotics?]*. In: *ИПАЭНМА. Проблемы визуальной семiotiki [Journal of Visual Semiotics]*, 2014, 1(1), 10–22.

Alekseev A. V. *Simvolicheskoe znachenie slova v etimologii i istorii russkogo yazyka [The symbolic meaning of a word in the etymology and history of the Russian language]*. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]*. 2016, 3(29), 107–112.

Bakhtyzina D. I., Abzalilov R. R. Kuraj v bashkirskoj narodnoj i professional'noj muzyke [Kurai in the Bashkir folk and professional music]. In: *Liki kul'tury, iskusstva i muzyki v informacionnom prostranstve XXI veka [Images of culture, art and music in the XX century digital space]*, Novosibirsk, 2015, 103–107.

Bashkortostan. Concise Encyclopedia. Ufa, 1996. 672.

Brazgovskaya E. E. *Semiotika. Yazyki i kody kul'tury: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Semiotics. Languages and culture codes]*, Moscow, 2024. 186.

Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000) [Russia in metaphoric mirror: political metaphor cognitive research (1991–2000)]*, Ekaterinburg, 2001. 242.

Delaney C., Kaspin D. *Investigating Culture. An Experimental Introduction to Anthropology*. Malden, 2011. 420.

Feng W. D. Metonymy and visual representation: towards a social semiotic framework of visual metonymy. In: *Visual Communication*, 2017, 16(4), 441–466.

Forceville Ch. Metonymy in visual and audiovisual discourse. In: *The World Told and the World Shown: Issues in Multisemiotics*, 2009. Available at: https://www.researchgate.net/publication/254896351_Metonymy_in_visual_and_audiovisual_discourse.

Galina G. *Obraz kuraya kak emblema nacional'nogo v bashkirskoj professional'noj muzyke [The Image of Kuray as a National Emblem in Bashkir Professional Music]*. In: *Vatandash*, 2017, 10, 192–206.

Gannon M. J., Pillai R. *Understanding Global Cultures: Metaphorical Journeys Through 31 Nations, Clusters of Nations, Continents, and Diversity*. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2013. 657.

Ilyasov T. T. *Bashkirskij nacional'nyj muzykal'nyj instrument kuraj: k istorii proiskhozhdeniya [Bashkir national musical instrument of kurai: background information]*. In: *Vestnik CHelGU [Bulletin of Chelyabinsk State University]*. 2009, 28 (166), 35–38.

Ivanov N. V. *Problemyne aspekty yazykovogo simbolizma. Opyt teoreticheskogo rassmotreniya [Problem aspects of linguistic symbolism: theoretical case study]*, Minsk, 2002. 176.

Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. *Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drajvery kul'turonosti [Semantics and Pragmatics of a Linguistic Sign as Cultural Information Drivers]*. In: *Russian Journal of Linguistics*. 2014, 4, 154–166.

Kovshova M. L. Simvol v semantike frazeologizmov: opyt issledovaniya [Symbol in the semantics of phraseological units (case study)]. In: *Voprosy filologii [Voprosy Philologii]*. 2008, 2(29), 19–29.

Kovshova M. L. O simbolah i kvazisimvolah v semantike frazeologizmov [Symbols and quasi-symbols in phraseological units semantics]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Proceedings of Voronezh State university. Series: Linguistics and intercultural communication]*. 2009, 1, 27–31.

Kubryakova E. S. O semioticheski markirovannyh ob'ektah i semanticheski markirovannyh situacijah v yazyke [On semiotically marked objects and semantically marked situations in language]. In: *Conceptual'noe prostranstvo yazyka: Sb. nauch. trudov [Conceptual space of language. Conference Proceedings]*, Tambov. 2005, 95–101.

Kulsarina I. G. *Obrazy bashkirskih narodnyh skazitelej v russkoj literature HKH veka [Bashkir folk storytellers images in the XX century Russian fiction]*. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir State University]*, 2010, 15, 3, 931–933.

Kuskarova O. I. *Bashkirskaya muzykal'naya instrumental'naya kul'tura: sohranenie i razvitie tradicii v sovremenom kul'turnom prostranstve [Bashkir musical instrumental culture: preservation and development of tradition in the modern cultural space]*. In: *Problemy prepodavaniya muzykal'no-ispolnitel'skih disciplin: sbornik statej XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Music performing courses issues: XIII International Conference Proceedings]*, Maikop. 2021, 91–99.

Kuzyemina Yu. V. *Cemiotika proizvodyashchih osnov v toponimike Moskvy [Semiotics of word-forming stems in Moscow toponymy]*. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory and Practice]*, 2022, 11, 3492–3498.

Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera- istoriya [Inside thinking worlds. Human – text – semiosphere-history]*, Moscow, 1999. 464.

Munkhatova Yu. A., Beketova T. S. *Primenenie etnokul'turnykh simbolov v sportivnoj ajdentike [Application of ethnocultural symbols in sport identity]*. In: *Innovacii v sociokul'turnom prostranstve: Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Innovations in sociocultural environment: XIV International Conference Proceedings]*, Blagoveschensk: Amur State University, 2021, 48–51.

Skurko E. R. *Bashkirskaya professional'naya muzyka: proshloe i nastoyashchee [Bashkir professional music: past and present]*. In: *Kompozitory i muzykovedy Bashkortostana [Composers and music experts of Bashkortostan]*, Ufa: Kitap. 2002, 4–26.

Sulejmanov A.M. Obraz kuraya v bashkirskom fol'klore [Kurai image in the Bashkir folklore]. In: *Tradicionnoe muzykal'noe iskusstvo: istoriya, sovremennost' i perspektivy* [Traditional music art: history, modernity and perspectives], Ufa: USIA. 2002, 19–23.

Tokarev G. V. Formirovanie kvazisimvolov na baze konnotacij znachenij verbal'nyh edinic [Connotations of verbal sememes as the basis of quasi-symbols development]. In: *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [IKBFU's Vestnik Series: Philology, Pedagogics, Psychology]. 2020, 3, 5–13.

Tokarev G. V. Pragmatika kvazisimvola [Pragmatics of quasi-symbol]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Series: Linguistics], 2021, 20(3), 142–150.

Uraksin Z.G. *Frazeologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Bashkir language]. Ufa: Kitap, 1996. 404.

Vildanova G. A. Gibridnoe slovoobrazovanie v Kazanskoj ergonimii [Hybrid word-building in Kazan ergonymy]. In: *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Theory of Language and Intercultural Communication]. 2021, 2(41), 20–29.

Yamanova R. R. Ornamental'noe perevoploshchenie simvola bashkirskoj kul'tury [Ornamental transformation of the Bashkir culture symbol]. In: *Innovacionnye materialy i tekhnologii v dizajne: materialy VIII Vseros. nauch.-prakt. konf.SPb.* [Innovational materials and technology in design. Conference Proceedings], St. Petersburg: SPUFT. 2022, 68–72.

Zubkova O. S. Metafora kak chast' estestvennogo semiozisa [Metaphor as part of natural semiosis]. In: *Vestnik NNGU* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. 2010, 4, 326–331.

EDN: FRBSZI
УДК 808.1:82–3

Mythopoetics of Transition in Women's Prose in Kazakhstan (Based on the Works of Lili Kalas)

Lyudmila V. Safronova^{*a}, Elmira T. Zanyzbekova^a
and Zhaxylyk M. Ryssaldiyev^b

^a*Abay Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

^b*Sherkhan Murtaza International Taraz Innovation Institute
Taraz, Republic of Kazakhstan*

Received 03.01.2024, received in revised form 15.09.2024, accepted 29.12.2024

Abstract. In modern Kazakhstani female prose written in Russian language the postmodern aesthetics with a pronounced parody, humor (ironic and self-ironic) origin, deconstructing traditionalist canons based on myth and folklore, have noticeably prevailed. Female prose is a soft force that determines a smooth transition to a new worldview that distances itself from tradition through the “oscillation composition”, the release of shadow impulses of the collective unconscious, previously suppressed by the clear organization of a homogeneous traditional society, adaptation characters with a “double bottom”, a labyrinth chronotope, delayed, incomplete initiation, carnivalization, releasing affects and illustrating the concept of natural and historical background associated with crisis, turning points in the life of society and man, etc.

Psychoanalytic literary criticism, together with artistic anthropology, feminist and mythological criticism, helps to decode the hidden processes in the modern Kazakhstani literature which are still ripening in the context of a period of incomplete social and historical transition.

Keywords: mythopoetics, female prose, change of periods, initiation, Kazakhstani literature, carnivalization, postmodernism.

This research has is funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. ИФН АР132668897).

Research area: Artistic Anthropology, Literary Psychoanalysis.

Citation: Safronova L. V., Zanyzbekova E. T., Ryssaldiyev Zh. M. Mythopoetics of Transition in Women's Prose in Kazakhstan (Based on the Works of Lili Kalas). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 56–69. EDN: FRBSZI

Мифопоэтика перехода в женской прозе Казахстана (на материале произведений Лили Калаус)

Л.В. Сафронова^а, Э.Т. Жанысбекова^а, Ж.М. Рысалдиев^б

^аКазахский национальный педагогический университет имени Абая
Республика Казахстан, Алматы

^бТаразский международный инновационный институт
имени Шерхана Муртазы
Республика Казахстан, Тараз

Аннотация. В современной русскоязычной женской прозе Казахстана в последние годы заметно превалирует постмодернистская эстетика с ярко выраженным пародийным, смеховым (ироничным и самоироничным) началом, деконструирующим традиционалистские каноны, опирающиеся на миф и фольклор. Феминистское письмо – мягкая сила, обуславливающая плавный переход к новому мировоззрению, дистанцирующемуся от традиции через «композицию колебания», высвобождение теневого импульса коллективного бессознательного, ранее подавляемых четкой организацией однородного традиционного социума, адаптационных персонажей с «двойным дном», хронотопа лабиринта, задержанную, незавершенную инициацию, карнавализацию, высвобождающую аффекты и иллюстрирующую концепцию природного и исторического времени, связанную с кризисными, переломными моментами в жизни общества и человека, и др. Психоаналитическое литературоведение в совокупности с художественной антропологией, феминистской и мифологической критикой помогают дешифровать подспудные процессы в современной литературе Казахстана, которые еще только вызревают в контексте периода незавершенного социального и исторического перехода.

Ключевые слова: мифопоэтика, женская проза, период перехода, инициация, казахстанская литература, карнавализация, постмодернизм.

Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № ИРН АР132668897).

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Сафронова Л. В., Жанысбекова Э. Т., Рысалдиев Ж. М. Мифопоэтика перехода в женской прозе Казахстана (на материале произведений Лили Калаус). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 56–69. EDN: FRBSZI

Introduction

As M. M. Bakhtin writes, “In the vast scientific literature devoted to ritual, myth, lyrical and epic folk art, it is laughter that is given the most modest place” (Bakhtin 1990: 2). Despite the wide corpus of studies on laughter discourse that have appeared in philology in

recent years, modern Kazakh literature in this context remains poorly studied, and the phenomenon of laughter culture in Kazakh women's neo-mythological prose has not been thoroughly investigated at all.

At the same time, the process of so-called “postmodernization”, which actualizes parody,

play, laughter, debunking mythological canons, and dissembling their structure, is noticeably prevalent in the modern Kazakh "women's text".

"Irony, black humor, intertextuality and magical realism of Fairy Tales for Adults is a funny literary game" (Ayla, Sakavova 2013: 3), which is played, for example, by the famous Kazakh authors Elena Klepikova (pseudonym Elena Ayla) and Natalia Sakavova, using the psychoanalytical technique of a "return to childhood" the writers create remakes and stylizations modeled after well-known fairy tales, subjecting their form and content to deconstruction. As post-Soviet postmodernism blurs genre boundaries, deconstructs traditions and gravitates towards depressiveness (Glintershchik 2000), promising no progress ahead, their magical realism is lost:

- a happy ending, which is always in doubt (in the fairy tale "Squirrel and Rosochka" the heroines' mother marries the prince by mistake, thus displacing the traditional twin motif from the center of the fairy tale narrative);

- antithetical constructions and poetics of repetition (in the fairy tale "The Three Little Pigs" there are four piglets; the wolf with the fourth piglet adopts Taoism: "And enlightenment came upon the Big Gray Wolf: he became a vegetarian and a pigophile" (Ayla, Sakavova 2013: 19);

- goodness, which looks strange and abnormal in a predatory world aimed at consumption ("Everything in the world is relative, both good and evil. What is good for one is death for another" (Ayla, Sakavova 2013: 24), "The Greedy Monk");

- predictable, once and for all given view of the world (in the fairy tale "Dereza the Star of Vestiges" justice triumphs quite by chance, as the world is chaotic and unfair);

- The plot of initiation (in the fairy tale "The Shchuch's Will", Yemelya marries the Tsar's cook, who runs the state in his stead).

Modern Kazakh life seems to rule archaic plots on the model of forbidden folklore, in which it is not the good and right hero supported by the higher powers that wins, but the charming and clever scoundrel – the trickster

or simply the physiological nature of man. In this way, the writers invite their readers to look for the "second bottom" in their fairy-tale texts and their own lives, or at least to "change their glasses". And the main tools for deconstructing the traditional fairy tale form are humor and irony. "We were born to make fairy tales come true, to do good and to caress...". "A fairy tale backed by a sound plan risks becoming reality" (quotes on the cover of *Fairy Tales for Adults*).

Statement of the problem

The mythopoetics of the Kazakh post-modernist novel, created by a Kazakh female author in both a feminist and parodic vein, is no less caricatured.

"Vampires, or other ghouls, are merry, laughing creatures, great imaginers and fantasists. Their meals are often accompanied by an amusing action, where there is a lot of music, songs and dances. According to Plutarch, before the catastrophes in Troy, Herculaneum and Chernobyl, residents saw dancing vampires, which they took for wandering traders, blind aedes or persons of Caucasian ethnicity. As Heraclitus wittily noted, they then realized what was going on, but it was too late..." (Koroleva 2004: 188–189).

This quote from Guli Koroleva (pseudonym Lili Kalas) "A Novel with Blood", a genre mixture of a parody of a thriller (horror novel) and feminist writing, very accurately conveys the retroatmosphere of the post-Soviet nineties, when the new trends of the era were keenly felt: desires overflowing, anxiety, total insecurity, various kinds of mystical premonitions, the caricature and unreality of what was happening. It was during this period that the shadowy impulses of the collective unconscious, previously suppressed by the clear organization of socialist society, were released. J. Baudrillard in his work "The Transparency of Evil" calls such a revolutionary state of society the state "after the orgy", and "the dump of freedom" (Baudrillard, 2000).

The moment of liberation of the political and sexual, the people and art, the period of confusion of ideological and moral values, provoked in Kazakh literature an appeal to affective genres, for which the genre-forming factor

is not so much the subject of the image, which at this time was undefined, as the state of mind of the reader: "...the cursed physiology of fear pulls at our fleshpots!" (Koroleva, 2004: 189).

Koroleva's "vampire novel" also becomes genre-correcting for the "composition of oscillation", the feeling on the border of the natural and the supernatural, the understandable and the obscure, the frightening and the ridiculous, which are equally experienced by both the character and the reader. In this kind of fantastic art forms, according to T. Todorov, the main genre principle democratically shifts to the area of interaction between the author, the hero and the reader, their fluctuations in the interpretation of what is depicted, since "the uncanny", according to R. Jackson's concept, is located on the threshold of the real and fantasy (Ulybina, 1999: 417). Thus, in the 1990s the mystical thriller acquired the power of the postmodernist super-demanded genre thanks to the structure of obscurity that universalizes its perception.

Ambiguity, instability, devaluation of moral values – the diseases of the growth of democracy in the post-Soviet society of the 1990s, whose main problem was intoxication with derivatives of freedom. "Max talked in a wistful voice about how he had been sick all last week with a strange disease that looked like leukemia, diabetes, and rabies all at once. Intoxication! – the nurses diagnosed him in one voice." (Koroleva, 2004: 183).

Discussion

System of character images

"The Composition of Fluctuation" also gave rise to a new type of morally gutta-percha character: "Viktor Grigorievich Semashko, a recently retired but still very sturdy fat man with many warts on his cheeks, dreamed of completing his dacha. He was rightly proud of the fact that all the building materials from cement to nails were stolen with his own hands" (Koroleva, 2004: 174).

It was a character with a "double bottom", an "indistinct shadow", who lived mainly to eat and reproduce her own kind. Potential vampire Lana Malinovskaya was a person with a double bottom. She could not be unraveled neither by

kindergarten teachers, nor by teachers, nor by her comrades in the Komsomol." (Koroleva, 2004: 174).

Nevertheless, in artistic terms, this multi-dimensional image turned out to be much more full-blooded and alive (similar to the new picture of reality) than the former Soviet types: exsanguinated maiden factory workers, somnambulist poets, conservatory students at the last stage of exhaustion, and the most actively represented in the bygone reality of intoxicated citizens. "Like stoned dead people rushing to their graves at dawn, the neighborhood drunks crawled to the beer hall." (Koroleva, 2004: 177).

Vampires are cunning, strong, always dishonest, and possess mimicry and the fifth dimension; in a sense, they are anthropomorphic forms perfectly adapted to the age of change, with an immortal structure that fully recovers from any troubles. Against the background of physical and intellectual imperfections and the primitive life goals of ordinary mortal characters (to have children, to settle comfortably in life...), vampire goals look the most relevant: "I came to you, ma chérie, to help." (Koroleva, 2004: 185).

The author of the mega-novel G. Koroleva, like her vampire characters, has a similar postmodernist poetics of "double grasping" that unfolds the character in all its complexity, an adaptation mechanism in new literature adapted to the specifics of reader perception: "Ira was not the first choice of bride: 28 years old, lopsided nose and breasts, old blackheads mixed with new pimples, dull cow's eyes. But on the other hand, she is not promiscuous, does not drink, does not smoke and wants to get married very much" (Koroleva, 2004: 177).

This poetics of double standards also helped to explain the social connection between "machinations and freethinking" in the 1990s, as well as to legitimize a new artistic standard of the variegated character, to which a stably structured and conservatively unambiguous type living in one "real reality" is very far away. As the vampire Leva Axelrod says, "We have equal chances, but I have more possibilities" (Koroleva, 2004: 191).

The ordinary mortal characters in *A Novel with Blood* are inferior to the infernal in many

respects. Not only is the “taste of victory” fundamentally unknown to them, they are also conceptually bodily unaesthetic in comparison with the ideal bodily form of demonic images – for example, the only beautiful vampire Lana Malinovskaya, a gorgeous woman of 32, and the vampire Max, “a marvelous specimen with a promising constitution”.

The number of non-standard, even ugly characters in the novel was quite consistent with the postmodern depressive worldview. Either they are girls with hypertrophied exaggerated forms: bulky Lolka in loose tights and Tata Bobrova, who is overweight, shy, mouthing, whispering and stuttering, with a face resembling a teapot. Or they are their numerous girlfriends “with bony breasts”, truncated flesh and psyche: “Goltsova had the subtle constitution of a teenager, straw hair and the sullen psychology of Tarzan” (Koroleva, 2005: 153). However, as a rule, they choose American movie stars from the covers of glossy magazines as an object of identification, and therefore subconsciously hate their external sides even more. The artist Lolka “embodied in wax children’s crayons and felt-tip pens her own image with two noses and a charred hole in the place of her right eye” (Koroleva, 2005: 130).

Moreover, the scale of the flesh’s defectiveness in the novel is catastrophic. It is also “Inga with a mangled lip that gave her a duck-like expression” (Koroleva, 2005: 130). And Svetka the actress “with eight defects of diction, an immobile upper jaw and a complete lack of hearing and voice” (Koroleva, 2005: 130).

But the male characters in this “feminist” text are, of course, much more ugly both bodily and mentally. Rybakov’s is “mischievous baldness in a golden gunk and boar eyes with a spark.” The “charming” Stasik Zhuravlev from St. Petersburg is crooked-footed. Sanya Ufimtsev, a young “scary-looking” soldier, has big ears and disproportionately long arms. Gleb Pilgun is a bore. And Igor Turbin thus reveals his rich inner world: “About myself: since we parted in 1979, I graduated from school, then a technical school, army, correspondence school of the Ministry of Internal Affairs. It was difficult. Now I am almost a captain, with prospects for growth. I admit: I was married. Mistaken-

ly. I am ready for a new marriage” (Koroleva, 2005: 164).

Marry here, when even Ded Moroz in the novel – hopelessly drunk, and the whole “available man”, a chronic loser. “Tolik was unlucky. He had a squint-eyed wife, a thieving father-in-law, and his car was vomited up at the very beginning of the shift” (Koroleva, 2005: 18).

This is at first glance rather aesthetic, but in fact still attractive by their exuberant naturalness. The characters arise in literature periodically and precisely in transitional, revolutionary times. Strong psychological stress eventually leads to “biological traumatism” of the human organism (Vipoulis, 2017). Through the procedure of artistic punitive anatomy, according to Nietzsche, a person at such moments rediscovers himself. And “subjected to the author’s execution, this body executes in itself the Other, first of all, the social, discipline-controlled body” (Postmodernism. Encyclopedia, 2001: 828).

Feminist writing

Feminist writing also, by definition, resists the established form of sociality. A woman, according to J. Baudrillard, cannot be understood and explained in terms of a male-dominated society. A woman is a bad conductor of the political and ideological. The female essence is instinctive, inertial, chaotic and unpredictable. It does not lend itself to informational processing and embodies “radical uncertainty”, in line with the postmodernist understanding of the environment. Practically, she coincides with nature. Woman is a very living “environment” with an eternally fluid internal organization.

This postmodern “rupture of structure” of the female character, its rhizomorphism, constant exchange of qualities with the environment, manifests the special creative potential of the female, defallo-centered world, its doubled stress resistance and increased adaptive potential (Antilogova, Dmitrieva, Ryadinskaya, 2021; Dmitrieva, Ryadinskaya, Hohleva, 2020). The author of the vampire-feminist novel clearly disagrees with the Freudian concept of woman as a “second sex”, an inferior man: “Let’s drink to men – they are all bastards, they will never understand us, the freaks. We’re clever, beautiful

women, you, Bestuzheva, sew beautifully, Lolka draws, I'm an actress. So we're lucky. Let's drink!" (Koroleva, 2005: 134).

According to J. Kristeva, woman eludes any definitions and any ideological bindings of the male world, as female self-consciousness is inherently dual, bisexual (Kristeva, 2004; 2013): "...In the incredible heat of July, in the kitchen scorched by the setting sun, between the boiling jam on the stove and the burping refrigerator, two close friends were playing table soccer" (Koroleva, 2005: 147).

A woman is able to look at herself from the outside, she is both the subject and the object of male intentions at the same time, which gives her a privileged position both in life and in art. Psychological flexibility, the duality of woman is a necessary condition for survival, because social and personal cataclysms only increase her appetite and general interest in life. "Under the monotonous reading of Kholodny's fresh poem 'Kholosas', Liza ate chicken and salad, drank wine with pleasure, gossiped quietly with Gulka and flirted with the electrician" (Koroleva, 2005: 151–152).

Women's mental plasticity allows them to resist the environment (by implanting into it) without losing their own structure, without destroying it, because the very organization of women's inner world is formless, structureless, thought of as a changeable and unpredictable process (Ivanova, 2021). The form must correspond to the content, therefore the grotesque inferiority of the bodily form in "An Affair with Blood" is only the reverse side of the desire to have not only an easily transformable psyche, but also an easily correctable body. As G. Deleuze writes, individual post-industrial freedom necessarily implies liberation from the imposed concreteness of the body. As A. Genis puts it, the postmodernist body is not destiny, but only the primary raw material in need of correction and processing (Postmodernism. Encyclopedia, 2001: 833). As, for example, in the never-aging vampire.

The hypertrophy of form, the accentuation of corporeality, is also one of the ways of expressing the inner "black hole", the mental *emptiness* of the postmodernist character – "the *empty-headed Zinaida Sinitsina with the*

wolf's transparent eye", a consequence of the "penetrating psychic wound" resulting from the social crisis. The transition to body language is the opening of a channel for the expression of repressed, painful psychic impulses and, at the same time, the rejection of a rational interpretation of reality, which is impossible to change anyway.

Society returns to the primary, corporeal, preverbal language in times of social collapse (Merlin, 2006). Corporeality is always a package concept; it introduces into culture not only gendered, heightened sensory specificity, but also such phenomena as affect, perversion, death, instinct (Safronova, Zhanysbekova, 2018). A body without a soul is asocial. The body is like the simplest mechanical construction, and in the version of the vampire character it is a dead organism in general, in essence, a Deleuzian "body without organs" that does not lend itself to traditional reflexive analysis and is inexplicable according to the schemes of traditional logic. That is, it is also analogous to the postmodern environment: "Its temperature was 20° degrees Celsius" (Koroleva, 2004b: 178).

A "dead" body, opposed to a strictly organized and pre-determined functioning living organism, is free from external control, but permeable to the external environment, has mobile boundaries, covers the deficit of adaptive mechanisms of the new Kazakh sociality of the 1990s. The excessive corporeality of the vampire-feminist novel is a fixation of the need to make more permeable the boundaries between the new world and oneself, the imprinting of the desire to build into the new reality, since we, thanks to the body, "have the world" and "belong to it" (M. Merleau-Ponty).

That's why women and vampires, who live according to the laws of the blood call, part of the environment of the bloody 1990s, creatures maximally adapted to the era of change, which was defined by material values and aimless movement without a glimmer of progress, are always depicted in Lili Kalas' text as aggressively chewing. In this way they try to drown out stress and fill the inner emptiness, to resemble an absorbed environment. "...in January there were: a fat milkman, a drunken soldier, three Turks (to buy a house)... but they

were not enough; they lived in starvation. In December there were eight people! There is no comparison" (Koroleva, 2004b: 178). Yes and "What good can be said about the cultural life of the living dead?... Sleep to the vampire, as is known, comes with the first rays of the sun. And so, having eaten and taken a walk, the prudent vampire returns home early, and languishes, wandering around his lair from corner to corner. He starts to polish the brass handles of the coffin, or to train his favorite spider, or to dig an underground passage to the nearest cemetery" (Koroleva, 2004b: 178).

According to Kierkegaard, the body is puppet-like; it is a passive instrument of instinct, its existential depth disappears, the body is superficial, it accumulates only the external. The bodies of G. Koroleva's characters are as impotent as the consciousness of the average man of the 1990s. The reality of such a character is a "dreamless dream", and life before his eyes is passing unreflected, as in the movies: "he hits me on the face without swinging, as in the movies" (Koroleva, 2005: 133).

In this case, all social associations turn out to be mythical: family ("What to hide, it was an exotic marriage with domestic fights, beatings and African passions"); friendship ("Well! (Koroleva, 2005: 147); friendship ("Well! I had hoped that at least her husband would leave her after that story... No! They coo like doves, it's disgusting to watch") (Koroleva, 2005: 128); and feminism itself: "These chronic single mothers, beggars, honest, highly educated, but worldly stupid, could not convey to Inga their harmonious feminist worldview, disgust for men" (Koroleva, 2005: 128).

In the philosophy of poststructuralism, the spirit is clear and transparent for expression, while the body denotes that "there is darkness in man". According to F. Nietzsche, the subject absorbed in corporeality, instead of experiencing its own identity, gets a shocking experience of non-identity with itself (Nietzsche, 2013). The society is in crisis, the family situation is unclear, there is a "mudflow" in the head. Only instincts, only the feeling of hunger, remain "non-identical" in such a situation.

And the only relatively satisfactory and saving possibility of self-identification for both the

author and the reader becomes total irony: "Are you embroidering parodies of me?" (Koroleva, 2005: 160). The communality of corporeality, the universality of bodily experience opens up possibilities for the variant construction of artistic information, including the self-construction of the reader's "virtual body", since, according to V. Podoroga, one cannot read without changing oneself (Podoroga, 1995). The body of the postmodern reader, both the female character and the vampire character, turns out to be not a final constructed formation, but only situationally significant and fundamentally transient, an intermediate version of its configuration, each time possibly a "new" body.

Despite the heightened sensuality of the postmodern image, the initial excitement, the ecstatic nature of bodily experience, the "body without organs" is always blank. "My life is a 'Mahabharata' without a hero." (Koroleva, 2005: 122), – summarizes the feminist heroine G. Koroleva. It is, as a rule, a sexless transmitter of desire, a machine of desire (is). The signs of gender for the vampire character are secondary in his relationship with the world. Therefore, the masculine and feminine in King's text keep drifting, exchanging functions and definitions. "A company of little swarthy Turks, shaking their fezzes, fought viciously with two burly Canadian feminists in men's suits" (Koroleva, 2005: 141). "Since childhood I could not understand why they hate us so much... – As Don Juan Castaneda wrote, all women are bitches" (Koroleva, 2004a: 190).

The instability of the environment not only makes the feminist (bisexual) character or an empty personified variable form – the vampire character, the infernalized process of eating (filling with the environment) – the most popular, but also determines the composition of the entire postmodern mega-novel, which repeats the synergetic structure of the character and the world.

Topos of transition

G. Koroleva's character, chaotic, in eternal formation, deheroized (equated to the function of food and reproduction), is particularly strongly conditioned by the topos of her residence, also organized as a rhizome or laby-

rinth. The labyrinth as a universal world plan and, in particular, as a form of organization of the female personality with its incalculable behavior, in which there is no logic and therefore no way out, makes the royal character a “monster”, a trap of nature. “On one of these reserve Saturdays, after sitting all evening in her coziest kitchen in perfect solitude, Tata reached for her coffee cup, broke it, and suddenly cried. Beaver wanted love. There must be someone for whom she shaves her legs, gives massages and uses the amazing perfume “Minotaures”” (Koroleva, 2005: 103).

Composed of “innocence and crime” (G. Bataille), this “monster”, guided primarily by instincts, loses itself as a social being. It is not by chance that the labyrinth is a dream (subconscious) reality, the moment of initiation of all the characters who live by the voice of blood and have undergone bodily transformation (thrown out of the society lagging behind them so far) (Savelyeva, 2013), including the vampire fighter, “blood specialist” John Jeremiah Kozlowski – a man “with a whimsy” who “never had close friends, long romances and a permanent job” (Koroleva, 2005: 175).

The labyrinth-like House of Evil, where newborn vampires complete their internal reorganization, their cycle of change. “The terem a la russet seemed to be woven from a dozen differently shaped birdhouses. There were many doors in the hall leading to rooms, pantries, storerooms, closets” (Koroleva, 2004: 190). The labyrinth is a new emerging non-linear structure of the reality of the 1990s, because if the structure is “accelerated and rebuilt” from linear, it will eventually become curved (Postmodernism. Encyclopedia, 2001: 403).

And the whole labyrinth-like composition of the book with intertextually intertwined plot lines of the vampire novel and “feminist” novels, which should synergistically self-organize in the reader’s mind due to their non-parallel combination, resembles a computer-network hypertext, a new to literature fundamentally non-integrated whole. Such hermeneutic drive (a random reader’s selection of similarities and sympathies, according to U. Eco) as if democratically removes the author from the text, since the image of the creator of this labyrinth

is less significant than the image of the most universally significant and universal labyrinth of the unconscious.

Language games

Only by comprehending the multitasking organization of the characters can we delve into the mystery of the mentality of the architect of the labyrinthine text, the mythical Gulya Koroleva, the falsified author of this demonic model of the universe, who initially, at the level of a pseudonym, split into the *Self* and the *Other*, as if jumping out of her own biographical body and finding herself “on the other side of herself. The author’s mask “Gulya Koroleva” is everything to herself: both subject and object, and I (a woman), and ONO (a vampire), and Super-I (a man, a writer, an indestructible supervisory body).

The author of these very cute “lame scratches” can be unmistakably identified only with language, with the poetics of wordplay – the analog of a new form of life, the only conventional basis of existence of the “newborn” Kazakh society of the domination of wild capitalism. The luxurious, truly royal style play is another capitalist temptation, a special form of sensuality of postmodernist writing: “The night city air, like a dagger, entered the chest with a triple twist” (Koroleva, 2004b).

Word play as an attempt to master and manage an increasingly complex reality fills the novel with an air of lightness, freedom, and pleasure, and gives the sought-after consensus with this frightening and obscure reality. The corporeality of the cityscapes, the parodic spiritualization of fears, displaces them from the text (and the unconscious) with ease. “It was midnight. Dzhambul Street, white and scary, stretched out like a dead man. The blue spots of lanterns trembled on its sunken sides, highlighting the venous entanglements of branches, the dimly flickering icy bloodcloth on walls, pillars, and benches.” (Koroleva, 2004a: 180).

The dynamics of the language game, unlike the reality of the troubled times of the 1990s, not only promises social evolution, but also immediately generates a lot of textual pleasures. Inversion of the full names of “proud figures of Almaty subculture”, famous representatives of

the local culture – Ninel Borisovna Mrakova, editor of a literary almanac and author of works on exorcism, Solomon Rubinchik, translator from Kazakh to German, the somnambulistic poet Vadik Kholodny with long hair, the Korean novelist and creator of the series “Traffic Light” Emmanuel Kang, the culture critic Abai Kadavr, etc. – invokes the creative potential of the reader (“Light”). appeals to the reader’s creative potential (“After all, what is valuable in communication? What is valuable in communication is partnership” (Koroleva, 2005: 142) and provides mutual author-reader pleasure from the invention and decoding of linguistic shifts, joyful discovery of the operationalization of language and the world.

It is the language of the book, its generative (transformational) grammar, that is the main carrier of the innovative; it contains the real catharsis, the cleansing of crisis consciousness, reconciliation with the world through irony – understanding the relativity, the possibility of ambiguity of assessments of what is happening, the statement of both the dramatic nature of the world and its cheerful caricature. “Little by little the drama was quieting down. Over the bloody battlefield, strewn with splinters, teeth, shreds of hair and clothes, were the screams of the victims” (Koroleva, 2004: 146).

Rites of passage/carnivalization

According to a famous quote, which has become a meme, the transition period in the post-Soviet countries has stabilized.

Fairy tale images and motifs as echoes of myth, deconstructed in the style of postmodern irony and pastiche, are no less pronounced in Lili Kalas’s later cycle of short stories from the collection “Piñata” (2015), most of which are united by the cross-cutting image of the protagonist Sveta. Sveta’s elderly “stupid parents” turn into her metaphorical children. Undoubtedly, this reversal technique goes back to Bakhtin’s concept of carnivalization and Freud’s theory of the mirror-image of the unconscious, which “hides” traumatic images and events behind antithetical transference (parents/children).

In turn, carnivalization as a basic element of the poetics of literary fairy tales by Kalas

can also be interpreted from the perspective of modern psychological literary studies, in particular, the concept of V.P. Belyanin about the so-called “dark” texts, the aesthetics of which François Rabelais wrote (Belyanin, 2006: 100) and often creates the genre of literary fairy tale: there are many “dark” texts among ... fairy tales for children (B. Bragin “In the Land of Slumbering Grasses”, Brothers Grimm, R. Kipling, J. Korczak, S. Lagerlöf, N. Nosov, D. Swift, K. Chukovsky, S. Marshak and many others) (Belyanin, 2006: 84). It is not by chance that even the cover of L. Kalas’s collection “Piñata” is dark blue.

According to V.P. Belyanin’s classification, “dark” texts are produced by epileptoid writers who are prone to “fixation”, obsessive repetition in the poetics of their texts, “stuck” on some idea or emotion that controls their creative thinking for a long time. In the terminology of psychoanalysis, this is called rigidity of thoughts and actions, accompanied by the inability to change this style of thinking and the discourse that presents it. The genre of the fairy tale with its poetics of repetition, canonicity of images and motifs, and the “oscillation” of the artistic material allows us to respond to this psychological obsession caused by long-term stress and reaction to the violence of society over the individual.

A typical epileptoid was, for example, Dostoevsky, the fighter against tsarist authoritarianism, who serialised his texts in various magazines (W. Todd), with whom the protagonist of the fairy tale cycle Sveta parodically associates herself:

“Grandfather shuddered, blurred into a grin, bowed with a squeak:

– Fyodor Mikhailovich...

– Then I’ll follow you! – Sveta shouted out with a ringing voice and flopped down victoriously on the sofa” (Kalas, 2015: 225).”

According to M.M. Bakhtin, carnivalization has “an essential relation to time”. Carnivalization is always based on a certain concept of natural (biological) or historical time, associated with “crisis, turning points in the life of nature, society and man”. As a rule, these are moments of ‘death and rebirth’, change and renewal” (Bakhtin, 1990: 5). Carnivalization

covers the extra-state, alternative aspect of reality, man and human relations, parodying certain socially accepted canons – for example, social foundations.

The main characters of the laughter culture are jesters and fools, who are assigned the carnival beginning. The fool is appointed King, and the King is a paternal image in the interpretation of psychoanalysis: “Once upon a time there was a girl named Sveta, and she had stupid, stupid parents. They were so stupid that when they went to the doctor, they always took Sveta with them, because the doctor did not want to talk to them. Then Sveta herself gave them medicine, because Mama Ira could easily swallow a shoe lace instead of a pill, and Papa Yura could splash air freshener down his throat. Sveta fed them breakfast too, boiling semolina (the parents at that time were fighting in the bathroom over a pink toothbrush, and Sveta had to explain to them every time that the blue toothbrush was mom’s and the pink one was dad’s) (Kalaus 2015: 218) (“Sveta and Bulytkh”).

Thus, in the cycle of tales by L. Kalaus the biological metaphor of “parents fell into childhood” is realized, inhibiting the heroine’s initiation – marriage and having her own real, not inverted children: “I will have to marry someday” (Kalaus 2015: 237). And the whole cycle under study by L. Kalaus eventually appears as a story of the delayed initiation of the heroine and her potential chosen one. The happy ending of the story about the heroine Sveta is possible only in a fairy tale. It is unrealistic, as there is no happy way out of this situation; the way out of it is only in death.

The interactivity of carnival, in which people live rather than observe from the outside, ensures the typification of carnival motifs and images, as all participants of the action are involved in its revival and renewal. Carnivalization sets the model of universalization of mythological motifs and images of L. Kalaus, deconstructing in a postmodernist way the persistent family stereotypes of duty to parents, unconditional respect for elders and a priori refusal to reflect on the established cultural traditions and family myths existing in Kazakhstan’s traditionalist society.

The strong play element (postmodernization of the text) allows the writer to comprehensively and fearlessly deploy the demythologization of parent/child relationships (mother/child archetypes) at different levels of “carnival poetics”.

Thus, Sveta’s depression and rigidity are explained by her parents as a result of the absence of her own pet/symbolic child, a necessary attribute of an Asian woman: “If Sveta had a pet, she would be more cheerful,” said her mother” (Kalaus 2015: 219). Small animals in fiction often become an analog of children (“Mumu” by I. Turgenev and others). It is with this archetypal function that Sveta’s puppy “Bulytkh” appears, “concentrating on chewing on the TV remote control”, “golden, folded, with a wrinkled cunning face and small round ears” (Kalaus 2015: 69, 221).

Genesis of “dark text”

However, the total “bitterness” accompanying the “dark” text (“the disgruntled pike snapped its teeth cannibally” (Kalaus, 2015: 219)) has other, more essential motives. The mythological/storytelling opposition of good and evil in the “dark” text is realized in the confrontation between the *small protagonist* (“small, but you are rude” (Kalaus, 2015: 225)) and the big character (“soon the big body of the mother fell silent” (Kalaus 2015: 223)), the clever and dangerous (in the unconscious – mirroring stupid), who offends the small one (Belyanin, 2006: 82), like “a lioness devouring her cubs” (Kalaus, 2015: 223)).

Often the hero of the “dark” text is of small stature or shorter than other characters. This is a kind of “psychological complex” of the protagonist, who all the time wants to grow up, to become big and adult,” writes V.P. Belyanin (Belyanin, 2006: 86). In other words, he wants to undergo an initiation to break away, finally, from his parents/oppressors, from stifling traditions and family authoritarianism, repeating the social structure of society, and to establish himself as a separate person, an individual.

“Like a whale from the Mariana Trench” with a chest extended forward like a desk, another “parental” character with a speaking epileptoid name – class teacher Malyuta Ivanna

“with her marasmus” appears as well (Kalaus, 2015: 235), taking money from Sveta (an analog of love in the interpretation of psychoanalysis): “Come on, most! Three thousand to the class fund for curtains! A charitable, I say, contribution!” (Kalaus, 2015: 235).

The antagonist of the protagonist, “the negative character of the ‘dark’ text is a person who plots an evil deed, his mind is evil, treacherous ... The negative character in the “dark” (“simple”) text is as if attributed to the predicate “complex”, which has the following meaning: very clever, knowing a lot, observing, evil. The knowledge of this enemy is harmful knowledge that allows him to do some deeds” (Kalaus, 2015: 90). As a rule, this role in the “dark text” is assigned to a “mad professor”, for example, Professor Moriarty in C. Doyle’s “Sherlock Holmes”, pretending to be a “humble math teacher”.

Such an imaginative and motive series, revealing the uneasy but archetypal in nature mother-daughter relationship, is similar in its psychological depth, boldness and harshness of truth to the feminist concept of L. Petrushevskaya, who consistently develops the “Elektra Complex” in her work (“Time-Night”, “Wild Animal Tales”, etc.). “In dark texts, it is about existential truths” (Belyanin, 2006: 87). In a broader interpretation, the failed personal initiation parallels the stifling social fusion of generations of traditionalist society that inhibits individual evolution.

In the spirit of feminist demythologization is also given the image of the potential suitor of the protagonist Sveta, the alpha male Dimon, the leader of the boys’ “pack”, defeated, however, by Sveta’s father (the symbolic King) contrary to the main oedipal motif of the fairy tale – the initiation of the young man, his marriage to the King’s daughter and the replacement of the King on the throne (Kleptsov, Kleptsova, 2013). “Dimon has since then become quiet and thoughtful. He ceded to Petyan the place of the alpha male without a fight. He began to read books, to talk, to smile crookedly and mumble. He feared the light like a fire. And at the end of the third quarter, he disappeared altogether – they said he moved to the town of Lyusk. But Sveta got his new address and hid

it deep. It might come in handy. We’ll have to get married someday” (Kalaus, 2015: 237). The initiation of both the heroine and her potential lover is thus again postponed.

As V.P. Belyanin writes, “... ‘dark’ texts are very colorful in imagery and are saturated with repetitive semantic components, which are psychological predicates by function” (Belyanin, 2006: 97). In Kalaus’s fairy tales, the theme of family and ancestors becomes such a basic “psychological predicate”: the heroine’s grandmothers Sveta Karpykovna and Kyrdykovna go back to the image of Baba Yaga (a vestige of matriarchy) (Propp, 2000: 73), the main character’s understanding assistant, and the image of an elderly doctor-dentist – to the image of a strict “parent of parents”, the Tooth Fairy (Lili Kalaus’s father, incidentally, is a well-known dentist).

But especially important for “dark”, epi-leptoid texts, the essence of which is an underlying struggle for power, are the mythological images of falling, sinking down, water, parents falling into the water and their invariable resurrection: “And one day, on the third day, my parents drowned” (Kalaus, 2015: 222), “both parents walked slowly, with big steps, to the bottom” (Kalaus, 2015: 222), “both parents leisurely, with large steps, went to the bottom”. “Mom, swaying, drifted slowly towards the horizon line. But suddenly she came to life, snorted, howled and, like a mighty kraken, rose from the waves of the lake. Her back was covered with salt, seaweed and shells, her eyes were filled with scarlet blood...” (Kalaus, 2015: 223). “Spreading his hairy limbs everywhere, Papa Yura sprawled on Nyr-Kul. But suddenly came to life...” (Kalaus, 2015: 223). In the Eurasian community, the process of deprivation is never fully completed, the tradition is “immortal” (Tursunaliev, 2022).

In myths, water often brings death, albeit temporary, and it is always synonymous with passing trials. According to Z. Freud, water is also a symbol of birth. Thus, in the fairy tale “How I Spent My Summer” the Christian mythological motif of death and resurrection unfolds, as a rule, repeating: “next year Sveta will definitely go to Lake Nyr-Kul and will definitely take her stupid parents with her”

(Kalaus, 2015: 22, 224). This is a motif characteristic both for the agricultural myth and for the realization of the psychological need to sacralize ancestors in general, important both for the religious mythology of Western peoples and for the modern Eastern consciousness, often inhibiting the formation of an individual personality outside the influence of society.

In the fairy tale “The Princess of the Pink Sea”, symbolically narrating the life journey of a woman, the image of time is similarly given in connection with the image of water and death: “The old man became sad. Then he sighed and said, looking away:

– ... Do you know how time flows? ... It flows in different ways ... Sometimes a winding, merry brook, sometimes a slow, wide river, sometimes a treacherous swampy current. I promise you that your time will flash with a small light waterfall, and before you know it, you will already embrace your loved ones ...” (Kalaus, 2015: 245).

Images of sadness, longing and twilight are no less frequent in “dark” texts, as the world for the hero of a “dark” text is hostile and full of fear of death. “Sveta looked out the window. It was gloomy there...” (Kalaus, 2015: 226); there were “cargo clouds and cheesy fog” (Kalaus, 2015: 231); “There was no one in the corridor of the polyclinic. And it was dark and cold. The open windows slammed and tinkled, the blinds rustled snakily in the wind...” (Kalaus, 2015: 221, 227–228).

Faced with a scary world, and the male hero, the coward, according to the feminist concept of L. Calaus, strives for his own death – about this, for example, the fairy tale “About a Boy Who Was Afraid”. “It turns out that our boy slept in the closet for twenty years”; “He grew up, went one night through the park, attacked him and killed” (Kalaus, 2015: 239).

And all the last texts that conclude the fairy tale cycle of L. Calaus and the whole book “Piñata” are about death: “There sits a baba...”. Eats.” (Kalaus, 2015: 247). However, death is described in a carnivalesque form of ritual laughter, mourning/mocking the deceased: “The priest looks at the ceiling. And there is a face. Huge, black, closer and closer. It opened its lips, breathed port wine” (Kalaus 2015: 24, 248).

The laughter of the “dark” text is associated with *schadenfreude* (“skirted pies for dinner” and “dumplings with fish scales”), which, however, releases the natural, physiological human nature, bringing freedom and renewal to life. Opening the basement of the unconscious, it is the evil laughter that helps to overcome the already dysfunctional social stereotypes, exposing some unflattering but important truth (Kvashenko, 2022). “Malyuta, not understanding why her eyes were watering, and the water was flowing down her mustache but not into her mouth, continued her speech...” (Kalaus, 2015: 235). “What I want to tell you, most of all ... It seems that our teacher’s share, I say, is such. You teach, you teach, and they, you know, look into the forest” (Kalaus, 2015: 234).

Conclusion

As M.M. Bakhtin writes, “laughter has a deep worldview value, it is one of the most essential forms of truth about the world as a whole, about history, about man; it is a special universal point of view on the world; seeing the world in a different way, but no less (if not more) essential than seriousness; therefore, laughter is as admissible in great literature (while posing universal problems) as seriousness; some very essential aspects are available only to laughter” (Bakhtin, 1990: 78).

The neo-mythological prose of Kazakhstan, represented by its most prominent representative Lili Kalaus, both fixes the traditionalist connection of times and generations, and at the same time tries to deconstruct it, resorting to irony and sarcasm, in the language of the unconscious marinated as an expression of latent disagreement and its consequence – autoaggression. As M. Grotjahn writes in his work “On the Other Side of Laughter”, aggression, hostility and sadism are at the heart of witticism, satire, and depression, narcissism and masochism, i.e. autoaggression, are at the heart of humor (Grotjahn, 1957). And depression, in turn, reflects an unconscious sense of guilt for the initiation in the broadest sense, the protracted transition period, both personal and that of the country (Blagoveshchensky, 2010).

Another thaw of the 1990s is over, but the poetics of transition has lingered in the texts

of contemporary women storytellers, experiencing not evolution but involution, becoming more and more metaphorized, profound, and “fairy-tale-like”.

References

- Ayla E., Sakavova N. *Skazki dlya vzroslyh [Tales for Adults]*. Almaty, Literaturnyj dom «Alma-Ata», 2013, 150.
- Antilogoza L.N., Dmitrieva N.V., Ryadinskaya N.Y. Pesochnaya skazkoterapiya v rabote s narusheniyami zhenskoy iniciacii [Sand Fairy Tale Therapy in Work with Disorders of Female Initiation]. In: *Omskij psichiatricheskij zhurnal [Omsk Psychiatric Journal]*, 2021, 2(29), 26–32. ISSN: 2412–8805.
- Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennessansa [The Work of Francois Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance]*. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1990, 543.
- Blagoveshchensky N.A. «Raschlenenie Kafki» [“Kafka's Dissection”]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, 2010, 145.
- Belyanin V.P. *Psichologicheskoe literaturovedenie. Tekst kak otrazhenie vnutrennih mirov avtora i chitatel'nykh [Psychological Literature Studies. Text as a reflection of the inner worlds of the author and the reader]*. Moscow, Genesis, 2006, 320.
- Baudrillard J. *Prozrachnost' zla. [Transparency of Evil]*. Moscow, Dobroset, 2000, 50.
- Glintershchik R. *Sovremennye russkie pisateli-postmodernisty: ocherki novejshej russkoj literatury. [Modern Russian Postmodernist Writers: Essays on the Newest Russian Literature]*. Kaunas: Shviesa, 2000, 375.
- Grotjahn M. *Beyond Laughter*. New York, The Physical Object. Pagination, 1957, 281.
- Dmitrieva N. V., Ryadinskaya N.YU., Hohleva E. V. Pesochnaya terapiya travmy nezavershyonnoj separacii ot materi [Sand therapy for the trauma of incomplete separation from the mother]. In: *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psichologii i social'noj raboty [Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]*. 2020, 34(2), 7–13. ISSN: 1993–8101.
- Ivanova T. A. Ot celostnosti androginnoj k dekonstrukcii gendera: istoriko-filosofskij kontekst i kriticheskoe osmyslenie problemy [From androgynous integrity to deconstruction of gender: historical and philosophical context and critical comprehension of the problem]. In: *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]*, 2021, 1, 126–142. DOI: 10.30884/jfio/2021.01.07
- Kalaus L. *Pin'yata: rasskazy. [Piñata: stories]*. Almaty, Knigolub, 2015, 215.
- Kvashenko O.L. Predstavitel'stvo tela v sovremennoj karikature [Representation of the body in modern caricature]. In: *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. [Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University]*, 2022, 6(62), 9–14.
- Kleptsov N.N., Kleptsova E. Y. Otcovstvo v yunginianskoj psichologii [Fatherhood in Jungian psychology]. In: *Chelovecheskij kapital [Human Capital]*, 2023, 4(172), 180–185. DOI: 10.25629/HC.2023.04.20
- Koroleva G. Roman s krov'yu [Roman with blood]. In: *Niva [Niva]*, 2004, 1, 170–191.
- Koroleva G. Roman s krov'yu [Roman with blood]. In: *Niva [Niva]*, 2004, 2, 173–191.
- Koroleva G. Roman s krov'yu [Roman with blood]. In: *Niva [Niva]*, 2004, 3, 179–191.
- Koroleva G. *Roman s krov'yu i drugie povesti. [A novel with blood and other stories]*. Almaty, Iskander, 2005, 184.
- Kristeva J. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki. [Selected Works: The Destruction of Poetics]*. Moscow, ROS-SPEN, 2004, 656.
- Kristeva J. *Semiotika. Issledovaniya po semaanalizu [Semiotics. Studies on semanalysis]*. Moscow, Akademicheskij proekt, 2013, 285.
- Merlin V. *Proizvodstvo udovletvoreniya: Ocherki simptomologii russkogo tela [The Production of Satisfaction: Es says on the Symptomology of the Russian Body]*. Moscow, Znak, 2006, 232.

Nietzsche F. *Ecce Homo: kak stanovyatsya sami soboyu* [*Ecce Homo: How to Become Ourselves*]. Moscow, Folio, 2013, 224.

Postmodernizm. Enciklopediya [*Postmodernism. Encyclopedia*]. Minsk, Interpressservic; Knizhnyj dom, 2001, 1040.

Podoroga V. *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu. Materialy lekcionnykh kursov. 1992–1994 godov* [*Phenomenology of the Body. Introduction to philosophical anthropology. Materials of lecture courses. 1992–1994*]. Moscow, Ad Marginem, 1995, 341.

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki*. [*Historical roots of the magic fairy tale*]. Moscow, Labyrint, 2000, 336.

Safronova L., Zhanysbekova, E. Mythological Realism of Anatoly Kim as a Construct of the Schism. In: *Przegład Wschodnioeuropejski*, 2018, IX/2, 139–152. <https://doi.org/10.31648/pw.3091>

Savelyeva V. V. *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneyropoetika russkikh pisateley*. [*Literary hypnology and oneiro-poetics of Russian writers*]. Almaty, Zhazushy, 2013, 520.

Tursunaliyev S. Sh. Motiv mifoepicheskoy iniciacii neofita v tvorchestve CHingiza Ajtmatova [Motif of mythoepic initiation of neophyte in the works of Chingiz Aitmatov]. In: *Chingiz Ajtmatov i molodezh' XXI v. veka. Sbornik materialov mezhdunarodnogo kul'turno-obrazovatel'nogo molodezhnogo foruma* [*Chingiz Aitmatov and the youth of the XXI century. Collection of materials of the international cultural and educational youth forum*]. Moscow, 2022, 72–79.

Vipulis I. V. Arhaicheskie iniciacii i neoficial'nye posvyashcheniya v sovremennosti [Archaic Initiations and Unofficial Initiations in Modernity]. In: *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*], 2018, 5(79), 129–137. ISSN 1997–0803.

Ulybina E. V. *Obydennoe soznanie v kartine mira lichnosti: avtoref.d. psiholog. Nauk* [*Ordinary consciousness in the picture of the world of personality: autoref.d. psycholog. Nauk*: 19.00.01]. Stavropol, 1999, 48.

EDN: FVDKOX
УДК 316.77+811.162.4+811.511.141

Navigating Interaction with AI chatbots: Sociolinguistic and Pragmatic Aspects of Chatbot Use by Slovak and Hungarian Speakers

Klaudia Paulikova*

*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 12.12.2024, received in revised form 13.12.2024, accepted 28.12.2024

Abstract. This study investigates the dynamics of interaction between native Slovak and Hungarian speakers (n=216) with AI chatbots from a sociolinguistic and pragmatic perspective. The research employs a mix-method questionnaire and assesses speakers' perceptions and preferences in terms of language choices, levels of formality, and tone during interactions with AI chatbots. It also draws attention to conversational and politeness strategies, as well as dealing with miscommunications and errors. The findings reveal that the choice of users' language is linked to their communicative goals and tasks, with a neutral and formal tone prevailing in their interactions with chatbots. The respondents generally consider chatbots as capable of understanding messages well and employ rephrasing and prompt simplifying most frequently to avoid miscommunication. The general level of politeness among respondents is reported important and high with politeness expressions used quite frequently. Conversely, the participants report neglecting the use of emojis and point out using politeness expressions out of habit and with the endeavor to maintain a respectful tone. The findings indicate that users primarily view interactions with chatbots as functional, placing a higher value on communication efficiency than on cultural or emotional exchanges, as well as on informal and friendly discourse. Although users generally demonstrate a high level of politeness towards chatbots, it is assumed that the use of polite expressions stems more from habitual behavior and cultural influence than from a conscious effort to enhance communication with these systems.

Keywords: AI, chatbot interaction, sociolinguistics, pragmatics, language use.

Research area: Applied Cultural Linguistics.

Citation: Paulikova K. Navigating Interaction with AI chatbots: Sociolinguistic and Pragmatic Aspects of Chatbot Use by Slovak and Hungarian Speakers. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 70–80. EDN: FVDKOX

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: paulikovak@uj.sk
ORCID: 0000-0001-7761-2716

Социолингвистические и прагматические аспекты использования чат-ботов носителями словацкого и венгерского языков

К. Пауликова

Университет имени Яноша Шейе
Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. В данной статье изучается динамика взаимодействия носителей словацкого и венгерского языков (n=216) с ИИ чат-ботами с социолингвистической и прагматической точек зрения. В исследовании используется анкета, составленная по смешанному методу, и оцениваются восприятие и предпочтения говорящих в плане выбора языка, уровня формальности и тона во время взаимодействия с ИИ чат-ботами. Статья также анализирует разговорные стратегии и стратегии вежливости, а также способы устранения недопонимания и ошибок. Результаты исследования показывают, что выбор языка пользователей связан с их коммуникативными целями и задачами, в общении с чат-ботами преобладает нейтральный и формальный тон. Респонденты в целом считают чат-ботов способными хорошо понимать сообщения и чаще всего используют перефразирование и упрощение подсказок, чтобы избежать недопонимания. Общий уровень вежливости среди респондентов считается важным и высоким, вежливые выражения используются довольно часто. И, наоборот, участники исследования сообщают, что пренебрегают использованием эмодзи, и отмечают, что используют выражения вежливости по привычке, стремясь сохранить уважительный тон. Исследование показало, что пользователи рассматривают взаимодействие с чат-ботами в первую очередь как функциональное, придавая большее значение эффективности общения, чем культурному или эмоциональному обмену, а также неформальному и дружескому дискурсу. Несмотря на то что пользователи в целом демонстрируют высокий уровень вежливости по отношению к чат-ботам, предполагается, что использование вежливых выражений обусловлено скорее привычным поведением и культурным влиянием, чем сознательными усилиями по улучшению коммуникации с этими системами.

Ключевые слова: ИИ, взаимодействие с чат-ботами, социолингвистика, прагматика, использование языка.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Пауликова К. Социолингвистические и прагматические аспекты использования чат-ботов носителями словацкого и венгерского языков. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 70–80. EDN: FVDKOH

Introduction

The past several years have been witnessing an escalating interest in Artificial Intelligence (AI) and chatbots, which have become part of our everyday life in various areas due to their

countless benefits and possibilities of use. AI has paved the way for the innovation of complex applications and devices that are capable of carrying out numerous tasks, including the innovation of the AI-based chatbots, which utilize

Natural Language Processing (NLP) models to facilitate communication with humans and other chatbots (Adamopoulou and Moussiades 2020). Being rooted in computer-mediated communication (CMC) (Hill, Ford, and Farreras, 2015), AI chatbots have been providing far reaching assistance in customer services, e-commerce, medical sector, financial sector, online shopping, or education (Pérez, 2020; Lee and Chan, 2024).

Chatbots are characteristically referred to as having been designed to engage in conversations via various means, providing intelligent responses in natural language while interacting with users on specific topics (Azwary, Indriani, and Nugrahadi, 2016). In particular, AI chatbots analyze the messages received from users, comprehend their intent, and subsequently, provide appropriate responses. Users typically interact with chatbots by asking questions, giving prompts, or making comments, to which the chatbots reply with answers, remarks or the introduction of alternative subjects (Huang, Zhou, and Yang, 2007).

Practice has shown that it is crucial for chatbots to possess communication skills that are similar to those of humans, as they assist in building trust in chatbots and enhance their credibility (Lee and Chan, 2024). These can be built by positive experience including efficient interactions, easy navigation, and simple interface (Song, Xing and Mou, 2022), developing emotional connection with users (Liu et. al., 2023), or by meeting or exceeding users' expectations (Jenneboer, Herrando, and Constantinides, 2023). Research however, for instance conducted by Pokrivcakova (2022), shows that users working with chatbots perceive several deficiencies in the interaction, namely recurring miscommunications, chatbots' limited memory capacity, and challenges in grasping more complex linguistic nuances, such as irony and idioms. Hence, there has been an increasing emphasis on the need for examining sociolinguistics and pragmatics in relation to human-chatbot interactions. Grounding chatbot interactions in linguistic theory are viewed as crucial, as there is a particular need for chatbots to employ and comprehend contextual factors such as politeness, cultural norms, or conversational implicatures. These are seen to

improve chatbots' conversational effectiveness and overall user acceptance and satisfaction (Dall'Acqua and Tamburini, 2021; Dippold, 2024).

1. Theoretical framework

There is no doubt that sociolinguistics and pragmatics possess an important role in framing the contextual factors users communicate in with others, and the interaction with chatbots is no exception. Narrowing terminology, the notion of *pragmatics* is commonly connected with Charles W. Morris (1938), who was the first to propose a connection between signs, interprets, and objects in terms of a pragmatic dimension. Fundamentally, pragmatics is defined as the investigation of the relationship between signs and their meanings (Ostman and Verschueren, 2009), or as the analysis of meaning in context and application (Jenney, 1995). Since its formation, pragmatics has risen as a significant interdisciplinary field within linguistics, prompting scholars to investigate it in depth. Crystal (2008) offers a comprehensive definition of pragmatics, describing it as the study of language from the users' perspective, particularly regarding their communication, social interactions, and the constraints they come across. Various societal limitations can significantly impact our language use, affecting both our linguistic choices and our understanding of language. Specifically, by distinguishing between sociopragmatics and pragmalinguistics (Leech, 1983), we can better understand how language use is influenced by social norms (including etiquette, appropriateness, and taboos) and how pragmatic and linguistic forms interact (Brown, 2007). The field of pragmatics is connected to how language is used in communicative contexts. Since communication naturally involves two participants at minimum, the main emphasis of pragmatics lies in "language use and language users in interaction" (Bublitz and Norrick, 2011:4), which address this dimension in the means of verbal exchanges, such as dialogue, or conversation.

Sociolinguistics deals with the relationship between language and the social and cultural dimensions of human life. Although the term itself was first coined by Cuerrie in 1952

(Cuerrie, 1952), Ismatulleva, Filimonova, and Rustamovich (2022) note that the foundational concepts connecting language to society had been introduced several years earlier. Scholars argued that the limitations of structuralist and generative approaches to language did not acknowledge the important role of social factors in language use. Thus, a discipline synthesizing knowledge from linguistic anthropology, ethnography and sociology emerged. To define sociolinguistics, it is viewed as the analysis of language in the context of social interactions and the means by which it is influenced by social, cultural, and contextual factors (Verhoeven, 2017), or the exploration of the complex relationship between language and society, especially as perceived by an average individual (Svendsen, 2018).

Everyday communication of humans happens on several levels if taking sociolinguistics and pragmatics into account. The choice of language in utterances is an indicator of one's cultural background, social identity, and the specifics of the context in which communication occurs. Results of different studies show that language functions as both a practical and symbolic tool, which helps users to express and negotiate their identities across various levels including personal, social, ethnic, or national ones (Coulmas, 2013). In numerous settings, where bilingualism and multilingualism, i.e. switching between different languages to adapt to social expectations or to communicate individual ideas is present, code-switching as a fundamental concept within sociolinguistics occurs. A study conducted by Lauring (2008) suggests that such utilization of language in bilingual and multilingual contexts, among others, also serves as a reflection of one's identity. Finnis (2014) provided research focusing on Greek-Cypriot communities and demonstrated that communication styles among individuals differ based on their social roles and the expectations prevalent within their community. Likewise, Yim and Clement (2021) point out that the attitudes of users towards code-switching are influenced by the processes of acculturation, proclaiming that a supportive linguistic context promotes positive attitudes towards code-switching as an indicator of cul-

tural identity. In communication with chatbots, therefore, it is crucial to integrate norms that naturally occur in human-to-human interactions, as these improve relational capacity and enrich user engagement (Zhang et al., 2020). For this reason, researchers find it important to analyze patterns from longitudinal human-to-human conversations while incorporating theories from interpersonal communication along with the latest studies in human-AI interaction (Mou and Xu, 2017; Hanckock et al., 2020).

Politeness strategies, formality, and tone are also important, as they are deeply rooted in social norms and cultural contexts and are influential in terms of how messages are conveyed and interpreted. The level of formality and tone considerably influences communication in different social settings and its efficiency. According to Halliday (1978), the higher the degree of formality in language, the more complex syntax and specialized vocabulary are used, which are particularly applicable in academic, legal, or professional contexts. In contrast to formal language, informal language is characterized by the use of contractions, colloquial language, and simpler sentence structure. This, according to the author, encourages more personal and relaxed interactions. Holmes (2013) further elaborates on this idea by investigating the relational dimensions of tone. He suggests that speakers either consciously or subconsciously modify their tone in order to express politeness, familiarity, or assertiveness on the basis of social conventions and the demands of the communicative situation. When it comes to chatbot interactions, formality and tone are equally important, as they affect how users perceive chatbots' credibility and effectiveness. According to a meta-analysis conducted by Wu and Yu (2023) in the field of learning, AI chatbots' personalization and interactivity features can significantly improve learning outcomes, meaning that a warm and inviting tone of chatbots may foster better user engagement. As stated by Hill et al. (2015), users have the tendency to modify their level of formality in accordance with the objective of the chatbot. As an illustration, the authors state that chatbots providing technical support gen-

erally get more formal questions than those that are designed for casual conversations.

Politeness strategies also play an important role in forming communication from a social and pragmatic viewpoint. Brown and Levinson (1987) state that politeness strategies represent ways in which users navigate social interactions with the aim of preserving harmony and avoiding conflict. Such strategies are divided into positive politeness and negative politeness strategies, out of which the former aim to build solidarity and rapport through friendly or interested expressions, whereas the latter emphasize respect and aim to reduce imposition. Research (Holmes, 1995) indicates that the choice of a specific strategy is often subjective to cultural norms, the nature of the relationship among the speakers, and contextual factors. In conversations between individuals, as Brown and Levinson (1987) further state, politeness serves to facilitate interactions that may cause inconvenience or require sensitivity towards the conversation partner. Provided that politeness is expressed likewise in interactions with chatbots, Bowman et. al. (2024) claim that it could be integrated into dialogue design to enhance user engagement during potentially sensitive or inconvenient exchanges.

Although there is a developing field of research focused on polite conversational interactions (Bowman et. al., 2024), the perception of politeness by users in chatbot interactions remains rather uncertain. The field of sociolinguistics and pragmatics concerning chatbot interactions is still in its developing phases, and even though several scholars have endeavored to investigate it, such as through conversation analysis (Monteiro et al., 2023), the relationship between chatbot politeness and mental health support (Bowman et al., 2024), or the inquiries about good prompts to improve conversational experiences (Wang et al., 2024), a significant deficiency in the area is still persistent. Additionally, there is a lack of research on whether users themselves actively use politeness strategies in their interactions with chatbots, and whether their levels of formality and tone shift depending on different cultural or communicative contexts. Despite the fact that considerable advancement has been achieved in

understanding the ways in which individuals utilize language within different social and cultural settings in human-to-human interactions, the translation of these insights into human-machine communication remains unexamined.

2. Statement of the problem

Despite the fact that the use of AI chatbots has been continually growing in various linguistic and cultural contexts, a notable lack in research linked to the ways in which sociolinguistic and pragmatic factors shape user interaction with AI technologies is still persistent. Looking at communication between users and chatbots from this perspective, the exchanges are not solely functional in their nature, as they carry cultural and social implications reflecting users' identity, language preferences, politeness strategies, and situational choices. A noteworthy challenge is to understand how speakers of various languages, such as those fluent in Slovak and Hungarian for instance, navigate their language use in these contexts. Since Slovak and Hungarian speakers represent a distinct linguistic and cultural identity, the dynamics that manage aspects of formality, politeness, and conversational strategies in their exchanges with chatbots do not necessarily have to be the same as of speakers of other languages. These aspects are not yet well understood and have not been researched in detail and depth. This study aims to report this deficiency by investigating the manifestation of sociolinguistic and pragmatic means in users' choices regarding their interaction with chatbots. The study addresses the interaction style between users and chatbots, users' language choices, politeness factors, as well as the use of culturally specific phrases and regional expressions.

3. Methods

A mix-method questionnaire was used as a method of data collection with the aim of analyzing the interaction patterns of native Slovak and Hungarian speakers with AI chatbots from a sociolinguistic and pragmatic perspective. The research assessed participants' language choices, the degrees of formality that they employed, and their conversational strategies,

while also investigating whether there was any influence of cultural and contextual factors on their interaction styles. The following research questions were formed to in order to fulfil the aim of our study:

RQ1: *How do Slovak and Hungarian users vary their language choices, formality, and tone when interacting with AI chatbots?*

RQ2: *What conversational and politeness strategies do Slovak and Hungarian users adopt to manage interactions with chatbots, and how do they address miscommunication?*

The questionnaire was disseminated on four online platforms in November, 2024. Altogether 216 responses were collected from participants via convenience sampling, which ensured accessibility to the study and practical and easy enrollment in the questionnaire. The study included residents from Slovakia and Hungary with different levels of experience in chatbot interaction. Demographically, 78 % of the respondents belonged to the Generation Z age group (1997–2012), 16 % to the Millennials (1980–1996), and 6 % to those born before 1980. The respondents' English language proficiency was marked Upper-Intermediate by 51 %, Advanced by 22 %, Intermediate by 23 % and Elementary by 4 %. They marked Hungarian as their mother tongue most frequently (80 %), whereas Slovak was selected by 13 %, and both Slovak and Hungarian (bilingual users) by 7 %. Participation in the questionnaire was voluntary and anonymous and the respondents were informed about the purposes of the study. For a better overview and easier interpretation, the percentages in both the method and the discussion section were rounded to the nearest whole number.

4. Discussion

The sociolinguistic section of the questionnaire aimed at investigating participants' insights into the frequency of chatbot use as well as language choices, code-switching, formality and tone, and the use of culturally specific phrases. For the frequency of interacting with chatbots, the majority of the respondents

retorted using chatbots either weekly or daily (70 %), whereas the rest admitted monthly or rare use. The most common purposes of use were noted as learning (78 %), information retrieval (61 %), task assistance (28 %), entertainment (15 %), emotional support (10 %), or teaching and research (2 %). What is interesting, however, that based on previous research (for instance Kubiato, 2013; O'Brien et al., 2012; Nikou, 2015), users' age is directly connected to the frequency of use of technologies, i.e. the younger the generation, the more often, free, and comfortable the technology use. In case of the present study, there was no significance between the age of the participants and the frequency of chatbot use found.

The findings also revealed that a large majority of the respondents reported using English (85 %) and Hungarian (60 %) in their chatbot interactions most frequently. Among the other languages, Slovak (11 %), German (2 %) and Spanish (2 %) were also mentioned. The data suggested a correlation between respondents' proficiency in English and their engagement in chatbot interaction using multiple languages. Participants, who marked their English proficiency to Advanced or Upper-intermediate, showed more tendencies to code-switching, especially between their mother tongue and English during their interactions. The respondents also noted that the choice of their language is merely dependent on the task or purpose of their interaction. In numbers, 38 % of the respondents always and 47 % sometimes take these into account, whereas only 15 % stated that language choice is rarely or never a question of the above.

Regarding formality and tone in communicating with chatbots, participants' answers revealed a diverse range of preferences. The majority showed a tendency towards using neutral (53 %) or formal (23 %) language most frequently. Informal language, on the other hand, was identified by 18 % of the respondents. Their choice of formality was, however, not linked to specific communicative situations, as several conditions where participants would potentially feel more comfortable using informal language were recorded. Among these, casual inquiries involving humor and

small talk (28 %), general communicative situations (28 %), and requests for information such as facts or directions (30 %) were all considered equally appropriate. There was only a small fraction of respondents (6 %) claiming that regardless of the communicative context, their choice of language would remain formal in all situations. In their interactions with the chatbots, respondents recorded adapting their language for the chatbot to understand better in quite a big percentage. Twenty percent noted that they adapt their language often, 47 % occasionally, and only 29 % noted rare or no adapting. Adapting language in chatbot interaction, however, has quite notable benefits, as studies by Izadi and Forouzanfar (2024) and Huang et al. (2022) demonstrate. Moreover, data offered by Spillner and Wenig (2021) emphasize the importance of considering linguistic alignment in human-chatbot interactions, as it is essential for ensuring effective communication and can offer significant advantages for enhancing user interaction. Therefore, on the basis of these we could assume that the more language adaptation users employ in their interactions with chatbots, the more sophisticated, adequate and accurate the responses will be.

Cultural identity, based on our results, seems not to have significant impact on the ways how respondents interact with chatbots. Their answers, for instance, indicate that when interacting with chatbots in English, regardless of their native language, there is no influence on language identity (75 %), or just very minor (8 %). Only 9 % of the respondents recorded either subtle or significant influence. Based on their answers, these users feel less Hungarian or Slovak when using chatbots in other than their mother tongue. Culturally specific phrases, in correlation to the previous findings, were in most cases regarded never (32 %), rarely (31 %), and occasionally (31 %) used. Only a small percentage of respondents stated that they use such phrases often. These findings correlate with the use of formality and tone in chatbot interactions and suggest that interactions with chatbots do not strongly alter users' perceptions of their national identity and culture. Likewise, we assume that the small influence observed could be due to the desire of

users to maintain neutral and non-personalized nature of interactions, supporting the idea that users may prioritize efficiency over cultural expressions and informal, friendly language in their interactions with chatbots.

In the pragmatic section of the questionnaire, we inquired about miscommunication, politeness strategies as used by the respondents, as well as the communication strategies employed by chatbots. The participants' majority indicated that they most often engage with the chatbots by asking questions or giving prompts directly, accounting 48 % of the overall responses. Greeting the chatbots in the first place was also a common answer, with 39 % of respondents selecting this option. Only a small percentage of the participants opted for customizing the setting of the AI, and 11 % showed preference to explaining their content first. Regarding self-perception of politeness, respondents regarded themselves as very polite (17 %) and 38 % identified as polite in their interactions with chatbots. In contrast, almost the third (28 %) perceived themselves as neutral in their conversations. Furthermore, 17 % did not find it important to be polite, and they marked being casual (14 %) and impolite (3 %) in their responses. The frequency of use of politeness phrases such as 'please' or 'thank you' when communicating with chatbots was generally evaluated as positive with over half of the respondents using politeness phrases at all times (36 %), or very frequently (18 %). Additionally, 21 % reported using these as an occasional occurrence, and 17 % claimed to use politeness phrases rarely. Notably, there were 8 % who admitted not using any politeness phrases, at all. Remarkably, aligned with our previous findings, the use of emojis in chatbot interaction was viewed as unimportant with 72 % of respondents never using them, or using them very rarely (13 %). Only a small amount reported occasional (8 %) or frequent (7 %) use. The respondents elaborated on the potential use of politeness phrases in terms of maintaining a respectful tone (44 %), out of habit (36 %), and in an endeavor to make the robot more human-like (14 %). These results indicate that a significant number of participants regard themselves as either polite or very polite in their chatbot

interactions. This, as we assume, is rooted in habitual behavior and the endeavor to maintain a respectful tone much rather than being driven by necessity. Also, the frequency of use of politeness phrases as opposed to the lacking use of emojis suggests that the communication with chatbots is rather functional than emotionally driven, which is, according to Boutet et al. (2021) very often different in human-to-human interactions.

In dealing with miscommunications from the chatbots' perspective, the majority of respondents did not report encountering difficulties in chatbots understanding their messages, language, style, and tone. The findings indicated that 11 % of the participants claimed that chatbots always comprehend their messages, while 41 % reported being understood frequently, and 25 % noted being understood occasionally. There was, however, a considerable percentage of participants, 23 % in numbers, who reported experiencing substantial or critical challenges with chatbots' ability to understand messages. In proposed situations when a chatbot fails to understand the question or makes an error, most respondents reported either repeating the question or prompt in different words (58 %) or simplifying the question (38 %). Only a negligible percentage answered that they would stop using the chatbot immediately (3 %) or switch to a different language (1 %). The participants' opinions on the need of instructing chatbots in cases of miscommunications and errors were somewhat mixed. Over the half of the respondents exhibited a favourable attitude towards the issue, out of which 6 % claimed that they always employ strategies of explanations as if the chatbot was a human, 14 % often do so, and 40 % acknowledge occasional teaching and explanation. On the other hand, 22 % of the respondents rarely employ such strategies and 18 % consider them completely useless and ineffective. In correlation with this, the respondents' majority reported that chatbots they communicate with are very polite (44 %) and polite (33 %), whereas only 19 % demonstrated a neutral language from chatbots and a very small number considered chatbots very impolite (1 %). Some participants could not answer the question. This proposes an

assumption that users generally perceive chatbots as effective in understanding their prompts and resolving errors and miscommunications is mostly approached from a pragmatic perspective, in which they prioritize functional communication over deeper engagement in relational interactions.

5. Conclusion

This study investigated native Slovak and Hungarian speakers and their interaction with AI chatbots. The main aim of the study was to examine the interaction patterns of these speakers with chatbots through a sociolinguistic and pragmatic perspective. The research evaluated their language choices, levels of formality, and tone during interactions with AI chatbots. It also focused on conversational and politeness strategies, namely how these users navigate their interactions with chatbots, and how do they handle occurrences of miscommunication.

Our research indicated that the choice of respondents' language was closely connected to the communicative objectives or tasks, with users having higher proficiency levels more prone to changing between languages in their interactions. In terms of formality and tone, the findings revealed that a neutral tone (53 %) and formal tone (23 %) dominated among the respondents, and informality was rather dependent on the communicative context. Respondents showed tendencies towards adapting their language for the chatbots to understand messages better, which would facilitate easier and more effective interactions. On the other hand, cultural identity was not found to have great impact on users, as 75 % of them reported no influence on their language identity when interacting with chatbots in English. Also, rarely used were culturally specific phrases among the participants.

Regardless of these, respondents considered politeness important in their interactions, with 55 % identifying as either polite or very polite with chatbots. Politeness phrases were also evaluated as attractive, whereas the use of emojis was rather neglected by users. In overall communication, respondents generally considered chatbots as capable of under-

standing their messages well, although 23 % reported encountering significant difficulties. Users mostly agreed to adapt their language to ensure that the chatbot understands, with over 67 % doing so either occasionally, or often. For dealing with miscommunications, respondents most often reported using rephrasing and simplifying prompts. These data suggest that users perceive chatbot interactions mainly as functional and prioritize efficiency in communication over cultural and emotional conversations, as well as over informal and friendly language. While the general level of politeness exhibited towards chatbots has been reported as high, we believe that the use of politeness expressions is more a matter of habit and cultural influence rather than a deliberate action undertaken for communicative purposes with chatbots.

6. Limitations and future directions

To achieve results that are generalizable to broader populations, a larger participant sample would have been necessary. Similarly, the study, due to its nature, relied on self-reported responses from participants, which introduces the possibility of biases. Furthermore, the research was quite general and did not spec-

ify individual types of chatbots or differentiate between communicative contexts, which could influence users' interaction styles, tone, or language preferences. Although our findings revealed that cultural identity was insignificant, the degrees of cultural influence, such as indirectness, or expectations of politeness, could possibly have had impact on the results if had been captured by the survey questions well. Also, the relationship between politeness and efficiency in interaction was not examined in detail, which raises questions about whether users adapt their language, tone, and politeness in situations of misunderstandings, or lower their politeness level if chatbots fail to understand their prompts. It is also uncertain whether users adjust their language based on the responsiveness, accuracy, or speed of the chatbots, and whether simplifying language and rephrasing it in misunderstandings remains as formal and polite as the initial prompts. Numerous questions emerge in the field, which, if investigated in future research, could provide deeper insights into the interaction patterns of users with chatbots and contribute to valuable knowledge in this emerging field of study.

References

- Adamopoulou E., Moussiades L. An overview of chatbot technology. In: Maglogiannis I., Iliadis L., Pimenidis E. (Eds.), *Artificial intelligence applications and innovations*. Springer, 2020, 373–383. https://doi.org/10.1007/978-3-030-49186-4_31
- Azwarly F., Indriani F., Nugrahadi D. T. Question answering system berbasis artificial intelligence markup language sebagai media informasi. *Kumpulan Jurnal Ilmu Komputer*, 2016, 3(1), 48–60. <https://doi.org/10.20527/klik.v3i1.34>
- Boutet I., LeBlanc M., Chamberland J. A., Collin C. A. Emojis influence emotional communication, social attributions, and information processing. *Computers in Human Behavior*, 2021, 119, 106722.
- Bowman R., Cooney O., Newbold J. W., Thieme A., Clark L., Doherty G., Cowan B. Exploring how politeness impacts the user experience of chatbots for mental health support. *International Journal of Human-Computer Studies*, 2024, 184, 103181. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2023.103181>
- Brown H. D. *Principles of language learning and teaching*. 5th ed., Longman, 2007.
- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press, 1987.
- Coulmas F. Language and identity: Individual, social, national. In: *Sociolinguistics: The study of speakers' choices*. Cambridge University Press, 2013, 189–202.
- Crystal D. *A dictionary of linguistics and phonetics*. 6th ed., Blackwell, 2008.
- Cuerie H. C. A projection of socio-linguistics: The relationship of speech to social status. *The Southern Speech Journal*, 1952, 18(1), 28–37. <https://doi.org/10.1080/10417945209371247>
- Dall'Acqua A., Tamburini F. Toward a linguistically grounded dialog model for chatbot design. *Italian Journal of Computational Linguistics*, 2021, 7(7–1, 2), 191–222.

- Dippold D. Making the case for audience design in conversational AI: Users' pragmatic strategies and rapport expectations in interaction with a task-oriented chatbot. *Applied Linguistics*, 2024. <https://doi.org/10.1093/applin/amae033>
- Finnis K. Variation within a Greek-Cypriot community of practice in London: Code-switching, gender, and identity. *Language in Society*, 2014, 43(3), 287–310. <https://doi.org/10.1017/s0047404514000207>
- Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Edward Arnold, 1978.
- Hancock J., Naaman M., Levy K. AI-mediated communication: Definition, research agenda, and ethical considerations. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2020, 25(1), 89–100. <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmz022>
- Hill J., Ford W. R., Farreras I. G. Real conversations with artificial intelligence: A comparison between human–human online conversations and human–chatbot conversations. *Computers in Human Behavior*, 2015, 49, 245–250. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.02.026>
- Holmes J. *Women, men and politeness*. 1st ed., Routledge, 1995.
- Holmes J. *An introduction to sociolinguistics*. 4th ed., Routledge, 2013.
- Huang W., Hew K. F., Fryer L. K. Chatbots for language learning — Are they really useful? A systematic review of chatbot-supported language learning. *Journal of Computer Assisted Learning*, 2022, 38(1), 237–257.
- Ismatullaeva I. I., Filimonova L. Y., Rustamovich A. O. Sociolinguistics and its development as an independent science. *Academic Research in Educational Sciences*, 2022, 3(10), 621–628.
- Izadi S., Forouzanfar M. *Error correction and adaptation in conversational AI: A review of techniques and applications in chatbots*. *AI*, 2024, 5(2), 803–841.
- Jenneboer L., Herrando C., Constantinides E. The impact of chatbots on customer loyalty: A systematic literature review. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 2022, 17(1), 212–229. <https://doi.org/10.3390/jtaer17010011>
- Kubiak M. The comparison of different age groups on the attitudes toward and the use of ICT. *Educational Sciences: Theory and Practice*, 2013, 13(2), 1263–1272.
- Lee F. Y., Chan T. J. *Establishing credibility in AI chatbots: The importance of customization, communication competency, and user satisfaction*. In: 4th International Conference on Communication, Language, Education, and Social Sciences (CLESS 2023), 88–106, Atlantis Press, 2023.
- Leech G. *Principles of pragmatics*. Longman, 1983.
- Liu Y., Hu B., Yan W., Lin Z. *Can chatbots satisfy me? A mixed-method comparative study of satisfaction with task-oriented chatbots in mainland China and Hong Kong*. *Computers in Human Behavior*, 2023, 143, 107716. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107716>
- Monteiro M. D. S., Pereira V. C., Salgado L. C. D. C. Investigating politeness strategies in chatbots through the lens of conversation analysis. In: *Proceedings of the XXII Brazilian Symposium on Human Factors in Computing Systems*, 1–12, 2023.
- Morris C. W. *Foundations of the theory of signs*. In: O. Neurath, R. Carnap, C. W. Morris (Eds.), *International encyclopedia of unified science*, 77–138, University of Chicago Press, 1938.
- Mou Y., Xu K. The media inequality: Comparing the initial human-human and human-AI social interactions. *Computers in Human Behavior*, 2017, 72, 432–440. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.02.067>
- Nikou S. Mobile technology and forgotten consumers: The young-elderly. *International Journal of Consumer Studies*, 2015, 39(4), 294–304.
- O'Brien M. A., Rogers W. A., Fisk A. D. Understanding age and technology experience differences in use of prior knowledge for everyday technology interactions. *ACM Transactions on Accessible Computing (TACCESS)*, 2012, 4(2), 1–27.
- Östman J.-O., Verschueren J. (Eds.) *Handbook of pragmatics: 2009 installment*. John Benjamins, 2009.
- Pérez J. Q., Daradoumis T., Puig J. M. M. Rediscovering the use of chatbots in education: A systematic literature review. *Computers and Applications in Engineering Education*, 2020, 28, 1549–1565. <https://doi.org/10.1002/cae.22326>

Pokrivcakova S. Teacher trainees' attitudes towards integrating chatbots into foreign language classes. In: *INTED 2022 Proceedings*, 8294–8302, IATED, 2022.

Song M., Du J., Xing X., Mou J. Should the Chatbot “Save Itself” or “Be Helped by Others”? The Influence of Service Recovery Types on Consumer Perceptions of Recovery Satisfaction. *Electronic Commerce Research and Applications*, 2022, 55, Article 101199. <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2022.101199>

Spillner L., Wenig N. Talk to me on my level—linguistic alignment for chatbots. In: *Proceedings of the 23rd International Conference on Mobile Human-Computer Interaction*, 1–12, September 2021.

Svendsen B. A. The dynamics of citizen sociolinguistics. *Journal of Sociolinguistics*, 2018, 22(2), 137–160. <https://doi.org/10.1111/josl.12276>

Verhoeven L. The handbook of sociolinguistics. In: *The Handbook of Sociolinguistics*, 387–404, 2017. <https://doi.org/10.1111/b.9780631211938.1998.00029.x>

Wang X., Wang Y., Qiu X. How to talk to AI: The role of preset prompt language styles in shaping conversational experience. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2024, 1–16.

Wu R., Yu Z. Do AI chatbots improve students' learning outcomes? Evidence from a meta-analysis. *British Journal of Educational Technology*, 2023, 55(1), 10–33. <https://doi.org/10.1111/bjet.13334>

Yim O., Clement R. W. Acculturation and attitudes toward code-switching: A bidimensional framework. *International Journal of Bilingualism*, 2021, 25(5), 1369–1388. <https://doi.org/10.1177/13670069211019466>

EDN: GFEOVD
УДК 811.111

Humor Devices Used in Anglo-American Anti-Proverbs about Money

Anna T. Litovkina*

*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 06.12.2024, received in revised form 10.12.2024, accepted 30.12.2024

Abstract. For centuries, proverbs have provided a framework for endless transformation. In recent decades, the modification of proverbs has taken such proportions that sometimes we can even meet more proverb transformations than traditional proverbs. Wolfgang Mieder has invented a term *anti-proverb* (or in German *Antispruchwort*) for such deliberate proverb innovations. The study first addresses the background of anti-proverb research and terminology. Then it mentions the most frequent themes anti-proverbs treat, with a special focus on proverbs about money, and afterwards it demonstrates 20 Anglo-American proverbs most popular for variation, and lists 13 Anglo-American proverbs containing the word “money” and numbers of their transformations (263). The main focus of the study is on the discussion of various humor devices in the 263 Anglo-American anti-proverbs about money (which are by no means mutually exclusive). The article discusses and demonstrates repetition of identical or phonetically similar words, literalization, word order reversal, mixing of two proverbs, word class change, syllogisms, etc. The analysis puts main emphasis on the formal features of the anti-proverbs and not on the themes emerging in them. The anti-proverbs discussed and analyzed in the present study were taken primarily from written sources.

Keywords: anti-proverb, proverb, transformation, repetition, literalization, word order reversal.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of the Peoples of the Foreign Countries (English).

Citation: Litovkina A. T. Humor Devices Used in Anglo-American Anti-Proverbs about Money. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 81–95. EDN: GFEOVD

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: tlitovkina@gmail.com

Юмористические приемы, используемые в англо-американских антипословицах о деньгах

А.Т. Литовкина

Университет имени Яноша Шейе
Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. На протяжении веков пословицы служили основой для бесконечной трансформации. В последние десятилетия модификация пословиц приняла такие масштабы, что иногда мы можем встретить даже больше пословичных трансформ, чем традиционных пословиц. Вольфганг Мидер предложил термин «антипословица» (по-английски: *anti-proverb*, по-немецки: *antispruchwort*) для обозначения таких намеренных пословичных инноваций. После краткого освещения истории исследования антипословиц и терминологии демонстрируются 20 англо-американских пословиц, наиболее популярных для трансформации, а также перечисляются наиболее частые темы, затрагиваемые в антипословицах, с особым акцентом на пословицах о деньгах. Более того, перечисляются пословицы, содержащие слово «деньги», и количество их трансформ (13 пословиц и 263 антипословицы). Объектом рассмотрения в данной статье являются различные юмористические приемы, используемые в 263 англо-американских антипословицах о деньгах (которые ни в коем случае не являются взаимоисключающими). В статье рассматриваются и демонстрируются повторы одинаковых или фонетически сходных слов, буквализация, изменение порядка слов, контаминация двух пословиц, изменение частей речи, силлогизмы и т.д. Основной акцент в анализе делается на формальных особенностях антипословиц, а не на темах, затронутых в них. Источниками антипословиц, рассматриваемых в настоящей статье, являются преимущественно письменные источники.

Ключевые слова: антипословица, пословица, трансформация, повтор, буквализация, изменение порядка слов.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Литовкина А. Т. Юмористические приемы, используемые в англо-американских антипословицах о деньгах. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 81–95. EDN: GFEOVD

Introduction¹

The focus of the present study is on humor devices used in Anglo-American anti-proverbs about money in 263 Anglo-American anti-proverbs (or proverb transformations) about money. Although proverb transformations arise

in a variety of forms, several types stand out. The Anglo-American anti-proverbs discussed and analyzed in the present study were taken primarily from American and British written sources². The texts of anti-proverbs were drawn

¹ Some parts of this study (including the texts of anti-proverbs) have appeared in T. Litovkina, 2005, or have been published in Mieder and Tóthné Litovkina, 1999; T. Litovkina and Mieder, 2006; T. Litovkina, 2015, 2024a; T. Litovkina et. al., 2021).

² The vast majority of the examples were found when I was in the USA and Great Britain, being supported by a Fulbright research grant and by a Hungarian State Eötvös Scholarship which enabled me to conduct research at the Department of Anthropology at the University of California at Berkeley (1998–1999) and at Oxford University Press (2003).

from hundreds of books and articles on puns, one-liners, toasts, wisecracks, quotations, aphorisms, maxims, quips, epigrams, and graffiti the vast majority of which have been published in two dictionaries of anti-proverbs compiled by Wolfgang Mieder and Anna T. Litovkina: “Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs” (Mieder and Tóthné Litovkina, 1999) and “Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs” (T. Litovkina and Mieder, 2006).

Theoretical framework

For centuries, proverbs have provided a framework for endless transformation. In recent decades, the modification of proverbs has taken such proportions that sometimes we can even meet more proverb transformations than traditional proverbs. Wolfgang Mieder has invented a term *anti-proverb* (or in German *Antispruchwort*) for such deliberate proverb innovations, also known as alterations, parodies, transformations, variations, wisecracks, mutations, or fractured proverbs. This term has been widely accepted by proverb scholars all over the world as a general label for such innovative alterations and reactions to traditional proverbs: *антимословица* (Russian), *anti-proverb* (English), *anti(-)proverbe* (French) (see the general discussion of the genre of anti-proverbs in T. Litovkina, 2005, 2015, 2024a; T. Litovkina and Mieder, 2006: 1–54; T. Litovkina et al., 2021; Hrisztova et al., 2023).

Although proverb transformations arise in a variety of forms, several types stand out, e.g., adding new words to the original text, replacing a single word, substituting two or more words, changing the second part of the proverb, melding two proverbs, adding literal interpretations, word order reversal, and reversal of sounds, etc. (see T. Litovkina, 2005, 2015; T. Litovkina et al., 2021).

As Mieder and T. Litovkina pointed it out: “It should be noted that while some anti-proverbs negate the “truth” of the original piece of wisdom completely, the vast majority of them put the proverbial wisdom only partially into question, primarily by relating it to a particular context or thought in which the traditional wording does not fit. In fact, the

“anti” component in the term “anti-proverb” is not directed against the concept of “proverb” as such.” (T. Litovkina and Mieder, 2006: 5). Although the name introduced by Wolfgang Mieder has been accepted by many proverb scholars worldwide, it is also worth noting the opinion of scholars who have stated that not all anti-proverbs are opposed to proverbs, and have suggested avoiding the prefix *anti-* (“against”), for example, by using the prefix *para-* (“beside”) (for more, see T. Litovkina et al., 2021; Hrisztova et al., 2023).

In the vast majority of proverb transformations, the structure of the original proverb is maintained. Sometimes, however, the authors of proverb alterations, in order to fit their modern needs, twist a proverb so dramatically that only a few words survive from the original text – or until the structure of the parent proverb is completely rearranged. Consider some examples below:

If you must rise early, be sure you are
a bird and not a worm. (Esar, 1968: 250)
{The early bird catches the worm}

A valet’s testimony tells you more
about valets than heroes. (Leo Rosten, in
Berman, 1997: 189) {No man is a hero to
his valet}

As Mieder (1993: 121) states, “Mere proverb allusions run the risk of not being understood, even if they refer to very common proverbs. Nevertheless, such lack of communication is rather rare among native speakers...” However, parodies like the ones above might be completely unrecognizable to a foreigner. This is one more reason why anyone wishing to communicate or read in American English should have an active knowledge of the most popular Anglo-American proverbs (see T. Litovkina, 2005: 120–141; T. Litovkina and Mieder, 2006: 36–45).

When translated from one language to another, an anti-proverb more often than not will lose its message: the puns, parodies or word-play characteristic of one language will seldom carry over successfully into another. Nevertheless, there are cases in which an internationally spread proverb inspires parallel anti-proverbs in two or more languages. Here are some ex-

amples quoted in T. Litovkina, 2005: 22 (for more examples, see also T. Litovkina and Mieder, 2006: 9–11; T. Litovkina, 2015; T. Litovkina et al., 2021: 32–33):

English: Don't do today what you can put off until tomorrow; Never do today what can be done tomorrow. (Mieder et al., 1992: 601) {Never put off till tomorrow what you can do today}

Russian: Не делай сегодня то, что можно сделать завтра. (Walter and Mokienko, 2001: 32) {Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня}

Hungarian: Amit holnap is megtehetsz, ne tedd meg ma! (T. Litovkina and Vargha, 2005: 4); Amit ma megtehetsz, azt holnap is megteheted. (Rónaky, 1997) {Amit ma megtehetsz, ne halaszd holnapra}

French: Pourquoi remettre à demain ce qu'on peut faire la semaine prochaine (Barta³, 2003) {Il ne faut pas remettre au lendemain ce qu'on peut faire le jour même}; Il faut savoir remettre à plus tard pour avoir le temps d'accomplir aujourd'hui ce qu'on aurait dû faire hier. (Barta, 2003) {Il ne faut pas remettre au lendemain ce qu'on peut faire le jour même}

The focus of this study

The focus of this study is on the analysis of various humor devices⁴ used in Anglo-American anti-proverbs about money such as repetition of identical or phonetically similar words, literalization, word order reversal, mixing of two proverbs, word class change, syllogisms.

Methodology

All's fair for anti-proverbs – there is hardly a topic that anti-proverbs do not address. Among the most frequent themes discussed in proverb alterations are women (see T. Litovkina

³ The texts of French anti-proverbs were supplied by Péter Barta.

⁴ For addition in Anglo-American anti-proverbs about money, see T. Litovkina, 2025a, 2025d; for punning in Anglo-American anti-proverbs about money, see T. Litovkina, 2025b, 2025c; for substitution in Anglo-American anti-proverbs about money, see T. Litovkina, 2025e.

na, 2005, 2018; T. Litovkina and Mieder, 2019, etc.), sexuality (see T. Litovkina, 2005, 2011b, 2018: 149–170; T. Litovkina and Mieder, 2019: 65–79, etc.), professions and occupations (see T. Litovkina, 2005, 2011a, 2013, 2016), marriage and love (T. Litovkina, 2018, 2024b; T. Litovkina and Mieder, 2019, etc.), children (T. Litovkina, 2024a), etc.

There are extremely productive Anglo-American proverbs that have generated over 30 anti-proverbs. The 20 proverbs most frequently transformed are listed below (see T. Litovkina, 2005: 24; T. Litovkina and Mieder, 2006: 12–13). Each proverb is followed by a number in parentheses indicating the number of anti-proverbs that we have been able to locate for it:

Old soldiers never die (, they simply fade away). (79)

If at first you don't succeed, try, try again. (65)

Money talks. (65)

An apple a day keeps the doctor away. (63)

A bird in the hand is worth two in the bush. (49)

Never [Don't] put off till [until] tomorrow what you can do today. (48)

A fool and his money are soon parted. (47)

Early to bed, early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise. (46)

To err is human (, to forgive divine). (45)

Opportunity knocks but once. (43)

Two can live as cheap(ly) as one. (41)

A man is known by the company he keeps. (38)

The meek shall inherit the earth. (38)

Money [The love of money] is the root of all evil. (37)

Behind every great [successful] man there is a woman. (36)

Here today, (and) gone tomorrow. (36)

The early bird catches the worm. (35)

Money can't [doesn't] buy happiness. (34)

Money isn't everything. (34)

Where there's a will, there's a way. (34)

Without any doubt, money is a frequent theme in Anglo-American anti-proverbs. Analysis of the 20 most popular proverbs for transformation from the list above is beyond the scope of this study, although just a brief glance at it tells us that many of the most frequently transformed proverbs are about money. While 5 of them even contain the word “money” (e.g., *Money talks; Money isn't everything*), two of them (*Two can live as cheap(ly) as one* and *Early to bed, early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise*) contain the words *cheap(ly)* and *wealthy* associated with the word *money*.

If we have a look at the list of 580 Anglo-American proverbs that have provided the template for variation in the corpus of anti-proverbs, we will see the following:

First of all, there are numerous proverbs in our corpus which contain such words as “dollar”, “penny”, “pound”, “mammon”, “free”, etc., for example: *A dollar in the bank is worth two in the hand; A penny saved is a penny earned; Penny-wise, pound-foolish; Take care of your pennies and the pounds [the dollars] will take care of themselves; You can't serve God and mammon; The best things in life are free.*

Second, 13 proverbs in my corpus contain the word “money”, e.g.: *Money talks; A fool and his money are soon parted.*

Last but not least, there are scores of proverbs that might not contain any of the words listed above but in their transformations, however, these words occur. Let me exemplify this phenomenon by three proverb alterations below, all of which contain the word “money”:

(1) Blondes prefer gentlemen with money. (Safian, 1967: 39) {Gentlemen prefer blondes}

(2) Love makes the world go round, but it's the lack of money that keeps it flat. (Safian, 1967: 56) {Love makes the world go round}

(3) Money is its own reward. (Weller, 1982) {Virtue is its own reward}

The 13 proverbs containing the word “money” and included in T. Litovkina and

Mieder's collections of anti-proverbs (see Mieder and Tóthné Litovkina, 1999; T. Litovkina, 2005; T. Litovkina and Mieder, 2006) are listed below. The actual proverbs are given in italics. Each proverb is followed by a number in parentheses indicating the number of anti-proverbs that I have been able to locate for it. They are followed by a short statement concerning the meaning of the proverb in < > brackets.

Money talks. (66) <Money is the most influential and important thing in the world.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 227–230)

A fool and his money are soon parted. (47) <Foolish people spend their money without consideration and soon find themselves without any money at all.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 61–63)

Money [The love of money] is the root of all evil. (36) <All wrongdoing can be traced to the relentless pursuit of riches.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 223–224)

Money isn't everything. (35) <Wealth alone does not bring contentment.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 224–226)

Money can't [doesn't] buy happiness. (34) <Financial security does not necessarily mean happiness.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 220–222)

Time is money. (15) <Time is as valuable as money.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 309)

Money doesn't grow on trees. (12) <It is difficult to get money.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 222–223)

Money makes the mare go. (9) <If you have money, you can obtain everything.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 227)

Lend your money and lose your friend. (3) (T. Litovkina and Mieder, 2006: 197)

Money makes a [the] man. (3) <Money is the most influential and important thing in the world.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 226)

Money burns a hole in the pocket. (1) <People with money are likely to spend it.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 220)

He who marries for money sells his freedom. (1) <Entering a relationship be-

cause of money makes a person dependent.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 164)

Money makes money. (1) <Wealth breeds more wealth.> (T. Litovkina and Mieder, 2006: 226)

The study makes an attempt to analyze various humor devices used in Anglo-American anti-proverbs about money (which are by no means mutually exclusive).

Discussion

At first attention will be given to repetition of identical or phonetically similar words (Section 1.). Then, I will address literalization (Section 2.) and word order reversal (Section 3.). Afterwards, I will examine mixing (or blending) of two proverbs (Section 4.) and word class change (Section 5.). Finally, I will treat cases when syllogisms are created (Section 6.).

It has to be pointed out here that in numerous anti-proverbs these humor devices are combined with some other techniques of proverb alteration. Furthermore, while certain types of these devices occur pervasively in anti-proverbs about money, others appear in only a few. For this reason, our discussion might sometimes seem uneven and the treatment of certain categories might seem to be either narrower or broader. Such examples could be discussed in various sections of the present study, under various headings. As a rule, anti-proverbs that embrace more than one type of substitution will be quoted and discussed only once, except in cases in which only a few anti-proverbs have been identified to illustrate a specific category. Last but not least, it has to be specified here that I will put main emphasis on the formal features of the alterations, and only briefly mention themes that emerge in them.

1. Repetition of identical or phonetically similar words

This section demonstrates various types of repetition in our anti-proverbs about money.

Word repetition is very common in proverbs from different languages and has been found in about a quarter of all American

proverbs. My analysis of 5 randomly selected pages from “A Dictionary of American Proverbs” (see Mieder et al., 1992) has shown that 25,5 % of American proverbs contain word repetition (see Tóthné Litovkina, 1994, 1996, 1998; for more on repetition figures in American proverbs, see also Norrick 1991). Repeated words are most frequently nouns (e.g., *A penny saved is a penny earned; Fools’ names and fools’ faces often appear in public places; A friend in need is a friend indeed*) and verbs (e.g., *Do as I say, not as I do; He who laughs last laughs best; If at first you don’t succeed, try, try again*).

Neal Norrick stresses:

First off, repetition produces parallelism, which is so frequent in proverbs that it could almost count as a defining property. Second, repetition in sound, wording and sense facilitates memorization, so that we might predict its regular occurrence in proverbs on that basis alone. But repetition in wording seems to do more than make a proverb noticeable and memorable: it suggests conviction and it enhances persuasive power (Norrick, 1991: 121).

In our 13 proverbs about money, however, only one proverb with word repetition (i.e. 7,7 %) has been found: *Money makes money*.

1.1. Repetition of identical words

Let us focus here on the repetition of identical words.

First of all, let us consider simple repetition: a word might appear twice. It normally happens when the proverb text itself doesn’t change, and the word in question appears in an extension (i.e., in a tail), which usually follows the original proverbial text. Short proverbs such as *Money talks* or *Time is money* very frequently employ this type of variation:

Time is money

Time is money, except when it’s on your own time. (Esar, 1968: 813)

Time is money, especially when you’re having the time of your life. (Esar, 1968: 183)

Money talks

Money talks...and a lack of it talks even louder. (Berman, 1997: 290)

Never let capital lie idle; remember that money talks, but it doesn't talk in its sleep. (Esar, 1968: 111) {Money talks}

When money talks, it doesn't always know what it's talking about. (Esar, 1968: 410)

Money talks, but big money doesn't – it hires a staff of lawyers. (Esar, 1968: 465)

Some additional examples:

A fool and his money are soon parted, but seldom by another fool. (Esar, 1968: 318) {A fool and his money are soon parted}

Money is the root of all evil – but it's still number one as the root of all idyls. (Safian, 1967: 54) {Money is the root of all evil}

Word repetition might be combined with employing antonyms to one of the words of original prover texts in the tail (such as *talks* and *listens*, *talks* and *listening*, or *buy* and *sell* in the anti-proverbs below), helping to add the opposite view to the genuine proverb text:

They say money talks. But smart money listens. (Mieder, 1989: 274) {Money talks}

Money talks and most of us never get bored listening. (Prochnow, 1958: 287) {Money talks}

Money cannot buy happiness, but it certainly can sell it! (Palma, 1990: 8) {Money cannot buy happiness}

Sometimes two or more words are repeated twice, as in the following transformations of the proverb *Money talks* in all of which both the words “money” and “talk” are repeated twice:

Money talks, but the people who want their money talk the loudest. (Esar, 1968: 192)

With most of us money talks, and it usually talks about more money. (Prochnow and Prochnow, 1987: 186)

When a millionaire's money talks, it usually talks about more money. (Esar, 1968: 517)

Some other proverb mutations of this kind:

Time may be money, but it's much easier to persuade a man to give you his time than to lend you his money. (McKenzie, 1980: 51) {Time is money}

Money makes the mare go...and woman makes the money go. Old postcard. (Berman, 1997: 287) {Money makes the mare go}

A fool and his money are soon parted, but you never call him a fool till the money is gone. (Esar, 1968: 718) {A fool and his money are soon parted}

Money cannot buy happiness, but then happiness cannot buy groceries. (Esar, 1968: 106) {Money cannot buy happiness}

1.2. Repetition of homonymous or homophonous words

The repeated words might be homonymous (i.e., having identical graphemic and phonemic representation) or polysemous (i.e., having two meanings):

Money is the root of all evil and a man needs roots. (Kandel, 1976) {Money is the root of all evil}

The anti-proverb above, as well as two examples below might be called repetitive homonymous puns⁵ as well. In repetitive puns punning words are repeated. The popularity of the proverb *Money is the root of all evil* for homonymous repetitive punning may be explained by existence of numerous connotations of the noun “root” (e.g., Webster gives us ten different meanings of it, p. 1574), such as 1. “the part of a plant, usually below the ground, that holds the plant in position, draws water and nourishment from the soil, and stores food.”, 2. “any underground part of a plant, as a rhizome”, 3. “the source or origin of an action, quality, etc.”, etc.

⁵ In our discussion I don't distinguish between polysemous and homonymous words.

Indeed, some proverbs in our corpus have provided good models for exploiting ambiguity through the use of a single word that is polysemous or two words that are homonymous, thus creating comic surprise with unforeseen links between words or ideas.

Let us view the two transformations below both of which also play on two different meanings of the noun “root”.

In the first anti-proverb added words (or tail) are introduced by conjunction “but”, very frequently employed in our anti-proverbs in order to juxtapose the truth of the proverbs (for more, see Section 2). Moreover, in this example word repetition also takes place, and in the addition a phrasal verb “root for” appears, helping to connect the tail added to the original proverb with the meaning of the original proverb:

Money is the root of all evil...but that's one evil I'm rooting for. (W.L. Deandra, Killed in Ratings, in Simpson 1993: 173)

Our next example repeats the entire proverb text: *Money is the root of all evil*. Moreover, in this anti-proverb the word “root” is employed three times; however, when it is used the third time, there is a conversion (a noun “root” from the original text of the proverb is changed into a phrasal verb “root for” of its transformation):

Remember – Money is the root of all evil. If money is the root of all evil, why does everyone root for it? (Mieder, 1989: 274)

Furthermore, anti-proverb coiners succeed in finding a word phonologically paralleling a word from the original proverb, tying together two different strings of thoughts and thus bridge domains which at first glance seem unrelated. To illuminate it, let us view two transformations of the proverb *Money is the root of all evil*, in both of which the word “root” is substituted in addition by the word sounding identically (“route”), i.e. homophone. Puns of this nature can be also called homophonous puns:

Philanthropy proves that though money is the root of all evil, it is also the route of much good. (Esar, 1968: 595) {Money is the root of all evil}

Money is the root of all evil – but has anyone ever discovered a better route? (Safian, 1967: 54)

Homonymous and homophonous puns can be also referred to as “perfect” (Hockett, 1972: 157) puns.

1.3. Repetition of phonetically similar words

Repetition in anti-proverbs is not limited to duplication or triplication of homonymous or homophonous words discussed in Section 1.1. and Section 1.2. Sometimes our mutations might play upon the resemblances of similar-sounding words (such as “mare” and “nightmare”, “money” and “monkey”, “money” and “matrimony” in the following examples):

Money doesn't grow on trees. And it's a good thing it doesn't. It would make monkeys out of lots of people. (Safian, 1967: 57) {Money doesn't grow on trees}

Money makes the mare go – but not the nightmare. (Mieder, 1993: 185) {Money makes the mare go}

Money isn't the root of all evil – matrimony is. (Esar, 1968: 504) {Money is the root of all evil}

Or our transformations might repeat only identical parts of words, or morphemes (such as roots in the words “root” and “uproot”):

Money is the root of all evil – but nobody has ever cared to uproot it! (Palma, 1990: 8) {Money is the root of all evil}

In all the anti-proverbs above repetition of phonologically similar words is combined with word addition. The four transformations above could be called repetitive paronomastic puns. Paronomastic puns – i.e., puns involving two similar but not identical strings of sounds and graphemes might be called “imperfect” puns (non-identical in sound, i.e., based on paronymy, see Hockett, 1972: 157).

2. Literalization

According to Shirley Arora, metaphor is “one of the most effective indicators of proverbiality” (Arora, 1984: 12). Metaphor is one of the most common devices (along with personification, hyperbole, etc.) which helps to achieve figurativeness in proverbs.

The metaphor plays an extensive role in proverbs, so that the definitions of proverbs often contain the word “metaphor,” such as the folk definition that Wolfgang Mieder gives as follows: “A proverb is a short, generally known sentence that expresses common, traditional and didactic views in a metaphorical and fixed form and which is easily remembered and repeated” (Mieder, 1985: 118). Mieder stresses elsewhere, “By translating a realistic situation into a metaphorical proverb, we can generalize the unique problem and express it as a common phenomenon of life” (Mieder, 1989: 20). As Mieder points out, “metaphors comprise an important marker for many proverbs, and it is exactly this vivid imagery of most proverbs which makes them so appealing to us” (Mieder, 1989: 20). Thus, metaphorical proverbs are remarkably common.

As far as the metaphor is concerned, several scholars have discussed the matters of distinguishing metaphorical expressions from non-metaphorical ones, and have regarded metaphoricalness as an indispensable trait of the proverb, e.g., G.L. Permyakov (1979: 12–14) distinguished proverbs from folk aphorisms, or aphorisms, Nigel Barley – from maxims (1972: 738–739); Archer Taylor (1962: 5–15) – metaphorical proverbs from proverbial apothegms.

My analysis of 5 randomly selected pages from “A Dictionary of American Proverbs” (see Mieder et al., 1992) has shown that 49 % of American proverbs lend themselves to metaphorical interpretation, while 51 % of them are to be understood literally (see Tóthné Litovkina, 1994, 1996, 1998). My research on 40 American subjects has shown that figurativeness has proved to be one of the most powerful markers of proverbiality (see Tóthné Litovkina, 1994, 1996, 1998).

Metaphorical proverbs are typically used metaphorically. In numerous anti-proverbs in our material, however, the meaning of a met-

aphorical proverb is narrowed by putting it in a context in which it is to be interpreted literally, i.e., the literal-metaphorical relationship is exploited. The authors of anti-proverbs frequently literalize a proverb, while citing it in its original wording and then adding a statement which puts its wisdom into question or negates it completely:

Money doesn't grow on trees...unless you happen to be a successful orchardist. (Berman, 1997: 283) {Money doesn't grow on trees}

In numerous cases the added elements are introduced by the conjunction *but*, which emphasizes the contradiction to the wisdom in the proverb. The most popular proverb containing the noun “money” and conjunction “but” for this kind of variation in our corpus is without any doubt the proverb *Money makes the mare go*:

Money makes the mare go, but horses make the money go. (Anonymous, 1908: 25)

Money makes the mare go...but it's credit that runs the automobile. (Berman, 1997: 287)

Money makes the mare go, but not if it's bet on her. (Esar, 1968: 396)

Let us view the two transformations the proverb *Money is the root of all evil* below both of which play on two different meanings of the noun “root” (see also Section 1.2. for some additional examples). By seeing such words as “grow some mighty fine plants” or “dig it up” put into the context of the mutations one has to reinterpret the meaning of the word “root” of the original proverb and switch it to other connotations of it, as has been discussed above:

Money is the root of all evil – but it does seem to grow some mighty fine plants. (Safian, 1967: 54)

Money is the root of all evil – but it doesn't make it any easier to dig it up. (Safian, 1967: 54)

The anti-proverbs below – each an alteration of the proverb *Money talks* – are also

built on bisociation of metaphorical with literal meaning. Just observe with what ease new verbs (*whispers*, *listen* and *hear*) are added to the proverb text in the first example, each associated with the verb “talk” from the original proverb:

Money talks...Even when it whispers, people listen and hear it. (Berman, 1997: 290)

Furthermore, such verbs as to *speak*, to *swear*, to *tell*, or to *say* each of which is also associated with the word “talk” from the proverb) are introduced in the context of additions:

Money talks, but it doesn't always tell the truth. (Esar, 1968: 474)

Money talks – and mostly it says “good-bye.” (Safian, 1967: 55)

Money talks, but it doesn't say when it's coming back. (McLellan, 1996: 159)

Money doesn't talk, it swears! (Kilroy, 1985: 59)

United States money not only talks – it has learned – to speak every foreign language. (Adams, 1959: 154)

In the last mutation above, as well as in the two transformations below the word “language” (preceding by such words as “sign”, “foreign” or “international”) is introduced into the context of additions:

Money talks, but a credit card uses sign language. (Esar, 1968: 735)

The only international language seems to be the one in which money talks. (Prochnow, 1958: 245)

The following two mutations even employ the word *grammar* that money might “use” or “pay attention to” while talking. As we can see, both the transformations below point out that when money talks, it is not important at all what kind of grammar it uses, or how correctly it talks:

Money talks but nobody notices what kind of grammar it uses. (Anonymous, 1908: 10)

When money talks, no one pays attention to the grammar. (Prochnow, 1985: 19)

3. Word order reversal

There exists a tradition of modifying individual proverbs by word-order reversal (frequently called metathesis or spoonerism), which questions, or even rejects, their wisdom.

Word-order reversal is also a relatively common technique of proverb transformation in our corpus. Nouns and verbs are reversed most frequently. Two nouns are interchanged subsequently in the following proverb alterations (*happiness* and *money* in the first example; as well as *money* and *evil* in the second one):

Happiness can't buy money. (Kandel, 1976) {Money can't buy happiness}

The love of evil is the root of all money. (Esar, 1952: 85) {The love of money is the root of all evil}

A common feature of word-order reversal in our money proverbs is that, contrarily to the two anti-proverb above, it almost always occurs with some other techniques of proverb transformation (e.g., word addition, word substitution, word repetition, etc.).

Addition of new words at the beginning and the end of a proverb, word repetition in the tail, as well as word order reversal in the tail (*money* and *evil*) are braided together for greater effect in both the transformations of the proverb *Money is the root of all evil* below. What is also common for the two examples below, negating disappears from the original proverb in both the tails, thus, in their second parts the negative form of the verb “to be” (i.e. “*isn't*”) is turned into the positive form (“*is*”); and consequently the proverb *Money is the root of all evil* is turned into the “evil is the root of all money”, which carries a message very different from the one contained in the original proverb text:

To the cynic, money isn't the root of all evil – evil is the root of all money. (Esar, 1968: 276)

In the underworld, money isn't the root of all evil, but evil is the root of all money. (Esar, 1968: 193)

Word order reversal in the tail combined with addition of new words at the beginning and the end of a proverb, as well word repetition in the tail are employed in the following transformation of the proverb *Money isn't everything*:

The man to whom money isn't everything, should marry the woman to whom everything isn't money. (Esar, 1968: 162)

Similarly to the previous example, in the following anti-proverbs word reversal is combined with word repetition and word addition. Furthermore, similarly to numerous examples quoted in the study, in both of them additions (or tails) are introduced by the conjunction *but*:

Money doesn't grow on trees – but trees don't grow on money either! (Palma, 1990) {Money doesn't grow on trees}

Money doesn't mean everything in this world, but somehow everything in this world seems to mean money. (Muller, 1932: 68) {Money doesn't mean everything in this world⁶}

In the following variation of the proverb *Time is money*, all the three words constituting the original text of the proverb are repeated. While the words “time” and “money” are repeated thrice, the word *is* is repeated twice. Furthermore, word reversal also takes place here (“money is time” in the anti-proverb vs. “time is money” in the proverb):

Time is money and money is time – so get all the money you can without getting time. (Esar, 1968: 631) {Time is money}

4. Mixing of two proverbs

The mixing of two proverbs (i.e., contamination, or blending) is also a very popular technique in Anglo-American anti-proverbs.

⁶ The variant of the proverb *Money isn't everything*.

In about half of the cases of this technique, the beginning of one proverb is combined with the ending of another proverb, without any further change (for more, see T. Litovkina et al., 2021). However, none of the blended proverbs below contains the word “money”:

A penny saved gathers no moss. (Henry Youngman, in Berman, 1997: 320) {A penny saved is a penny earned; A rolling stone gathers no moss}

A stitch in time gathers no moss. (Anonymous, 1961: 200) {A stitch in time saves nine; A rolling stone gathers no moss}

Better late than sorry. (Mieder et al., 1992: 361) {Better late than never; Better safe than sorry}

Necessity is the mother of strange bedfellows. (Berman, 1997: 298) {Necessity is the mother of invention; Politics makes strange bedfellows}

It's never too late to say die. (Berman, 1997: 91) {It's never too late to learn [mend]; Never say die}

In the following example the second halves of two proverbs are blended, one of which contains the word “money”. It is quite a rare phenomenon, according to T. Litovkina et al. (2021):

Two in a bush is the root of all evil. (Hubbard, 1973: 79) {A bird in the hand is worth two in the bush; Money is the root of all evil}

Sometimes the two proverbs combined contain a common component or have the same structure. The transformation below is a very rare example of blending in which the entire proverb text (*Money doesn't grow on trees*) is blended with a part of another one (only one word from another proverb (*root*) introduced by the words “because the Bible tells us it's a” is added. As we can see, the word *root* adopts a meaning different from the one of original proverb. This parody also employs homonymous pun. Another interesting feature of this example is that both the proverbs combined contain a common component (*money*):

Money doesn't grow on trees because the Bible tells us it's a root. (Esar, 1968: 692) {Money doesn't grow on trees; Money is the root of all evil}

5. Word class change

English has many examples of words with the same form used in both nominal and verbal functions. The twisting of proverbs may cause a change in the word classes. As the word class changes, the written and/or phonetic form of the words may undergo some modification.

Extension of the use of some noun to a verbal capacity is shown in the following transformations of the proverb *Money is the root of all evil*:

Money roots out all evil. (Rosten, 1972: 30)

Remember – Money is the root of all evil. If money is the root of all evil, why does everyone root for it? (Mieder, 1989: 274)

Or vice versa, the verb *talks* in the addition is changed into the noun *talk*:

Money talks – but it also stops talk. (Safian, 1967: 55)

6. Syllogism

Some coiners of anti-proverbs enfold proverbs into the structure of a syllogism, which magnifies the contradictory qualities of proverbs by pushing their received wisdom to illogical extremes. Just observe with what ease the proverb *Money doesn't grow on trees* is changed into its opposite (*Money grows on trees*) and used twice in this form in the syllogism below, at the very beginning and at the very end of the syllogism. Furthermore, this syllogism plays on the resemblance of paronymous words “monkey” and “money”. While the word “money” is employed three times in the text below, the word “monkey” appears twice. Finally, another paronym, a word “monk”, similarly to the word “monkey”, is also introduced twice into the context:

The Long-Sought-After Proof that Money Grows on Trees

1. Money is what people get when they sell.
2. Sell sounds the same as cell.
3. A cell is a tiny room.
4. One kind of person who lives in a tiny room is a monk.
5. Monk is a short form of monkey.
6. Monkeys eat bananas.
7. Bananas grow on trees.

Therefore, money grows on trees. (Louis Phillips, in Rosen, 1995: 51)

Last but not least, many more types of humor devices could be addressed in the study but I must come to a conclusion now

Conclusion

The present study, while continuing T. Litovkina's research of the most frequent types of proverb alteration and humor devices in anti-proverbs (i.e. deliberate proverb innovations, alterations, parodies, transformations, variations, wisecracks, fractured proverbs) (see T. Litovkina, 2005, 2015, 2024a, 2025a-2025d; T. Litovkina et al., 2021, etc.), has focused on various humor devices in 263 transformations of 13 Anglo-American proverbs about money.

At the beginning of the study, I have addressed the background of anti-proverb research and terminology. Then I have mentioned the most frequent themes anti-proverbs address (such as women, profession and occupation, love, marriage, children, etc.) with a special focus on proverbs about money. Afterwards I have demonstrated 20 Anglo-American proverbs most popular for variation from Mieder and T. Litovkina's anti-proverb collections. Furthermore, I have listed 13 Anglo-American proverbs containing the word “money” and numbers of their transformations.

The main part of the study has been devoted to the discussion of various humor devices and their subtypes in 263 Anglo-American anti-proverbs about money. Repetition of identical or phonetically similar words (including homonyms, homophones, paronyms), literalization, word order reversal, mixing of two proverbs, word class change, syllogisms, etc. have been

discussed and demonstrated here. It is important to point out that the humor devices of proverb mutations analyzed and exemplified in the study are very often combined, and in a variety of ways. In my analysis I have put main emphasis on the formal features of the anti-proverbs and not on the themes emerging in them.

We have witnessed that some proverb variations question the truth of a proverb by posing a naive question – thus, once more, presenting a single situation in which the proverb may sound wrong, or doesn't fit:

If a fool and his money are soon parted, why are there so many rich fools? (Berman, 1997: 141) {A fool and his money are soon parted}

When a person perceives that the “truth” of a proverb does not fit his or her own observations on life, he or she will simply transform the proverb into its opposite. Since proverbs tend to express wisdom in an authoritative way, the coiners of anti-proverbs undermine that authority to express changing attitudes towards proverbial wisdom today. In some cases a positive proverb statement may be changed into a negative:

Money is not the root of all evil – no money is. (Esar, 1968: 528) {Money is the root of all evil}

References

- Adams J. *It Takes One to Know One*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1959.
- Anonymous. *Toasts and Maxims. A Book of Humour to Pass the Time*. New York: R. F. Fenno & Company, 1908.
- Anonymous. Perverted Proverbs. *Western Folklore*, 1961, (20), 200.
- Arora Sh.L. The perception of proverbiality. In: *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*, 1984, 1, 1–38.
- Barley N. A structural approach to the proverb and maxim with special reference to the Anglo-Saxon corpus. In *Proverbium*, 1972, 20, 737–750.
- Berman L.A. *Proverb Wit & Wisdom: A Treasury of Proverbs, Parodies, Quips, Quotes, Clichés, Catchwords, Epigrams and Aphorisms*. Berkeley: A Perigee Book, 1997.
- Esar E. *20,000 Quips and Quotes*. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1968.
- Hockett Ch. F. Jokes. In: *Studies in Linguistics in Honor of George L. Trager*, ed. By M. Estellie Smith. The Hague: Mouton, 1972, 153–178.
- Hrisztova-Gotthardt, H., K. Vargha, & P. Barta. *Deliberate proverb innovations: Terms, definitions, and concepts*. In Hrisztova-Gotthardt, H., M. Aleksa Varga, W. Mieder (Eds.), *DILIGENCE BRINGS DELIGHT: A Festschrift in honour of Anna T. Litovkina on the occasion of her 60th birthday*. Online Supplement

Money doesn't talk – it just goes without saying. (Esar, 1968: 758) {Money talks}

Doubts about the truthfulness of a proverb may be also expressed by adding “may be” to a positive statement, or “may not” to a negative statement, in the original proverb, followed by a commentary (usually introduced by the conjunction “but”) questioning the truth of the proverb:

Time may be money, but it's much easier to persuade a man to give you his time than to lend you his money. (McKenzie, 1980: 51) {Time is money}

Furthermore, coiners of anti-proverbs often introduce the traditional form of a proverb with such words or phrases as “used to,” “in the (good) old days,” “there was a time,” and then use the words “nowadays,” “then” or “now” to describe a single situation in which the proverb may sound wrong (for anti-proverbs about children, see T. Litovkina, 2024a):

Our parents used to tell us that money isn't everything. Now we tell our kids that money isn't anything. (Metcalf, 1993: 118) {Money isn't everything}

ment Series of Proverbium Yearbook of International Proverb Scholarship Josip Juraj Strossmayer University of Osijek, 2023, 175–196.

<https://naklada.ffos.hr/knjige/index.php/ff/catalog/view/14/17/37>

Accessed January 21, 2024.

Hubbard E. *A Thousand & One Epigrams and The Roycroft Spop: A History*. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1973.

Kandel H. *The Power of Positive Pessimism: Proverbs for Our Time*. Los Angeles: Price/Stern/ Sloan Publisher (without pages), 1976 (ninth printing).

Kilroy R. *Graffiti 6*. London: Corgi Books, 1985.

Lieberman G. F. *3,500 good quotes for speakers*. Wellingborough: Thorsons, 1984.

Litovkina A. T. *Old Proverbs Cannot Die: They Just Fade into ParoDY: Anglo-American Anti-Proverbs*. Habilitációs dolgozat. (manuscript), 2005.

Litovkina A. T. “Where there’s a will there’s a lawyer’s bill”: Lawyers in Anglo-American anti-proverbs. In *Acta Juridica Hungarica*, 2011a, 52(1), 82–96.

Litovkina A. T. Sexuality in Anglo-American anti-proverbs. In: *The pragmatics of humour across discourse domain, pragmatics and beyond*, ed. M. Dynel, Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2011b, 191–213.

Litovkina A. T. Politicians in Anglo-American anti-proverbs. In: *International issues from wars to robots*. Eds. Grodzki, E., Rehman, Sh., Calma, C., & Colombo, K. Linus Publications, 2013, 95–109.

Litovkina A. T. Anti-proverbs. In: Hrisztova-Gotthardt, H. & M. Aleksa Varga (eds.), *Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies*. Warsaw–Berlin: De Gruyter Open, 2015, 326–352.

Litovkina A. T. “Do you serve lawyers and politicians here?”: Stereotyped lawyers and politicians in Anglo-American jokes and anti-proverbs. Komárno: J. Selye University Faculty of Education, 2016.

Litovkina A. T. *Women through anti-proverbs*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

Litovkina A. T. Main Mechanisms of Proverb Variation in Anglo-American Anti-Proverbs about Children. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 17(5), 2024a, 870–881.

Litovkina A. T. Metaphors of Love Before and After Marriage in Proverbs and Anti-Proverbs. *Proverbs within Cognitive Linguistics: State of the Art*. Ed. Belkhir, S., Amsterdam: John Benjamins, 2024b, 88–111.

Litovkina A. T. “Money Is Not the Root of All Evil – No Money Is”. Do Proverbs Always Tell the Truth? *Linguistische Treffen in Wrocław*, 2025a. (submitted in August 2024)

Litovkina A. T. “The Best Things in Life Are Fee”. Some Aspects of Punning in Anglo-American Anti-Proverbs. *European Journal of Humour Research*, 2025b. (submitted in October 2024)

Litovkina A. T. “Dime Is Money”. Types of Punning in Anglo-American Anti-Proverbs about Money. *HUMOR. International Journal of Humor Research*, 2025c. (submitted in October 2024)

Litovkina A. T. “Money Makes a Man Laugh”. Addition in Anglo-American Anti-Proverbs about Money. *Yearbook of Phraseology*, 2025d. (submitted in October 2024)

Litovkina A. T. “A fool and his money are soon parted”. Substitution in Anglo-American anti-proverbs about money. *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*, 2025e (submitted in November 2024)

Litovkina A. T., Hrisztova-Gotthardt H., Barta P., Vargha K. & Mieder W. *Anti-proverbs in five languages: Structural features and verbal humor devices*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021.

Litovkina A. T. & Mieder W. *Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs*. Burlington: The University of Vermont – Veszprém: The Pannonian University of Veszprém, 2006.

Litovkina A. T. & Mieder W. *Marriage seen through proverbs and anti-proverbs*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.

Litovkina A. T. & Vargha K. „Viccében él a nemzet”. *Magyar közmondás-paródiák*, Budapest: privately published, 2005.

- McKenzie E. C. *Mac's Giant Book of Quips & Quotes*. Grand Rapids, Michigan: Baker Book House, 1980.
- McLellan V. *The Complete Practical Proverbs & Wacky Wit*. Wheaton, Illinois: Tyndale House Publishers, 1996.
- Metcalf F. *The Penguin dictionary of jokes, wisecracks, quips and quotes*. London: Viking, 1993.
- Mieder W. Popular views of the proverb. *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*, 1985, 2, 109–143.
- Mieder W. *American Proverbs: A Study of Texts and Contexts*. Bern: Peter Lang, 1989.
- Mieder W. *Proverbs are never out of season: Popular wisdom in the modern age*. New York: Oxford University Press, 1993.
- Mieder W., Kingsbury S. A. & Harder K. B. (Eds.) *A dictionary of American proverbs*. New York. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Mieder W. & Tóthné Litovkina, A. *Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs*. Burlington: The University of Vermont, 1999.
- Muller H. M. *Still More Toast: Jokes, Stories and Quotations*. New York: The T.W.Wilson Company, 1932.
- Norrick N. R. 'One is None': Remarks on Repetition in Proverbs. In: *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*, 8, 1991, 121–128.
- Palma A. *A book of wit*. Excalibur Press of London, 1990.
- Permyakov G.L. *Proverbs and sayings of peoples of the East. Systematized collection of proverbs and sayings of two-hundred peoples*. M., Nauka, 1979.
- Prochnow H. V. *The New Speaker's Treasury of Wit and Wisdom*. New York: Harper & Brothers Publishers, 1958.
- Prochnow H. V. *1,497 jokes, stories & anecdotes: A speaker's handbook*. New York: Sterling Publishing Co., Inc., 1985.
- Prochnow H. V. and Prochnow H. V. Jr. *Jokes, Quotes and One-liners for Public Speakers*. Wellingborough, Northamptonshire: Thorsons Publishers Limited, 1987.
- Rónaky E. *Hogyan beszél a mai ifjúság? Avagy: Hogy hadovázznak a skacok?* (III. Kifejezések), 1997 http://mnytud.arts.klte.hu/szlang/ronaky/re_kif.htm (accessed December 20, 2003)
- Rosen M. *Walking the Bridge of Your Nose*. London: Kingfisher, 1995.
- Rosten L. *Rome wasn't burned in a day: The mischief of language*. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1972.
- Safian L.A. *The Book of Updated Proverbs*. New York: Abelard-Schuman, 1967.
- Simpson J. A. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press, 3d ed., 1993
- Taylor A. *The Proverb*. Cambridge: Harvard University Press, [1931] 1962.
- Tóthné Litovkina, A. The most powerful markers of proverbiality. Perception of proverbiality and familiarity with them among 40 Americans. *Semiotische Berichte*, 1994, 1–4, 327–353.
- Tóthné Litovkina, A. A Few Aspects of a Semiotic Approach to Proverbs, with Special Reference to Two Important American Publications. *Semiotica*, 1996, 108–3/4, 307–380.
- Tóthné Litovkina, A. An analysis of popular American proverbs and their use in language teaching. In Heissig, W., & Schott, R. (Eds.), *Die heutige bedeutung oraler traditionen – Ihre archivierung, publikation und index-erschließung [The Present-Day Importance of Oral Traditions: Their Preservation, Publication and Indexing]*. Opladen: Wetdeutscher Verlag, 1998, 131–158.
- Walter. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität für Slawistik, 2nd expanded edition, 2001.
- Webster's New Universal Unabridged Dictionary*. Dorset & Baber, Deluxe second edition, 1983.
- Weller T. *Minims or, Man is the only Animal that Wears Bow Ties*. Boston: Houghton Mifflin Co. (without pages), 1982.

EDN: BSPBGK
УДК 81'373:81'22

Sound Speech and Recognized Text in the Variantological Paradigm (Based on a Scientific Report in Oral and Written Formats)

Nikolai D. Golev and Galina V. Napreenko*

*Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation*

Received 21.08.2024, received in revised form 18.11.2024, accepted 30.12.2024

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between spoken speech and recognized text in the paradigm of linguistic variantology. The study combines the analysis of two processes carried out on the material of a scientific report: voicing the text by the speaker and recognition of the voiced text by a neural network. Voice-over is considered as a subjective interpretation of the written version of the report; recognition of spoken speech is considered as the reverse process, interpretation by neural network recoding. The expansion of the boundaries of variantology is carried out due to the inclusion of the opposition of oral and written in the variantological paradigm and, consequently, the opposition of subjective variability and variability of the text by artificial intelligence. The ratio of text variants, including its code transformations, appears to be a derivational phenomenon containing both identical and distinguishing components, transformations. The results of the study showed that the volume of code modifications does not affect the quality and content of the text.

Keywords: text variants, recognized speech, text voicing, linguistic variantology, subjective variability, text interpretation, identity and difference

Research area: Linguistic Variantology, Applied Linguistics, Semiotics, Identity and Difference.

Citation: Golev N. D., Napreenko G. V. Sound Speech and Recognized Text in the Variantological Paradigm (Based on a Scientific Report in Oral and Written Formats). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 96–105. EDN: BSPBGK

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: galina_napreenko@mail.ru; ngolevd@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0559-3007 (Golev); 0000-0002-4404-0560 (Napreenko)

Звучащая речь и распознанный текст в вариантологической парадигме (на материале научного доклада в устном и письменном форматах)

Н.Д. Голев, Г.В. Напреенко

Кемеровский государственный университет
Российская Федерация, Кемерово

Аннотация. Статья посвящена изучению соотношения звучащей речи и распознанного текста в вариантологической парадигме. Исследование объединяет анализ двух процессов, осуществляемых на материале научного доклада: озвучивание текста докладчиком и распознавание озвученного текста нейросетью. Озвучивание рассматривается как субъективная интерпретация письменного варианта доклада; распознавание звучащей речи – как обратный процесс, интерпретация путем нейросетевого перекодирования. Расширение границ вариантологии осуществляется благодаря включению в вариантологическую парадигму оппозиции устного и письменного и, следовательно, оппозиции субъективной вариативности и вариативности текста искусственным интеллектом. Соотношение вариантов текста, включая его кодовые трансформации, представляется деривационным феноменом, содержащим как тождественные, так и различающиеся компоненты, трансформации. Результаты исследования показали, что объем кодовых модификаций не влияет на качество и содержание текста.

Ключевые слова: варианты текста, распознанная речь, озвучивание текста, лингвистическая вариантология, субъективная вариативность, интерпретация текста, тождество и различие.

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Голев Н. Д., Напреенко Г. В. Звучащая речь и распознанный текст в вариантологической парадигме (на материале научного доклада в устном и письменном форматах). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 96–105. EDN: BSPBGK

Введение

В статье впервые ставится вопрос о содержательной вариативности (смысловом тождестве / различии), во-первых, звучащей и письменной речи и, во-вторых, продуктов естественного и искусственного интеллектов. Последнее представляется особенно актуальным на фоне активного сопряжения названных продуктов в современном коммуникативном пространстве и практической потребности их дифференциации. Достижение таких задач предполагает предва-

рительную разработку их теоретических пролегоменов.

В этой связи в статье поднимается и решается вопрос о рассмотрении оппозиции **устный/письменный** в широком смысле в парадигме лингвистической вариантологии. В понятие «устный» входят форматы **устный, озвученный, звучащий**, предназначенные для восприятия сообщения посредством аудиального канала. В понятие «письменный» – текст, имеющий графический облик, использующий визуальный канал восприятия

адресатом, а также два способа его образования: созданный человеком или распознанный с помощью специальных технологий, нейросети. Основываясь на универсальном законе развития языка, предполагаем, что ряд «письменный текст – озвучивание (видеофиксация) – звучащая речь – распознанный текст» может рассматриваться в качестве вариативного в содержательном плане, специфической особенностью которого является смена кода и канала (из визуального в аудиальный канал, а затем с аудиального в визуальный). При этом перекодирование понимается как интерпретация: озвучивание текста – субъективная естественная интерпретация, преследующая цель адаптации текста для более удобного восприятия сообщения адресатом; распознавание звучащей речи нейросетью – интерпретация, преследующая, однако, иную цель: зафиксировать код как можно более тождественно первичному варианту. В данной работе искусственный интеллект используется в качестве инструмента, преобразующего звучащую речь в письменный (распознанный) текст.

Н.В. Омелянович отмечает, что «понятие вариантности включает в себя как понятие различия, так и понятие сходства. Вариантами можно назвать лишь те единицы или явления, которые в части своих признаков сходны или идентичны, а в части признаков – различаются» (Omelianovich, 1982: 32). В таком случае вариативность *письменного, озвученного, распознанного* рассматривается в аспекте обнаружения в каждом формате друг относительно друга комплекса тождественных и различающих элементов. При этом вопрос о том, какой предельно допустимый объем различающих признаков может содержаться в текстах, чтобы считаться вариантами друг другу, остается открытым.

Гипотеза исследования заключается в том, что разные форматы текста, включая результаты перекодирования, могут являться его вторичными вариантами и рассматриваться как частное проявление языковой вариативности. Задача исследования, таким образом, – провести анализ коммуникативной цепочки, иллюстриру-

ющей цепочку кодовых преобразований как результат вариативности естественного и искусственного.

Теоретическая концепция, вводимая авторами для обоснования вариативной природы звучащей и письменной речи, соотносится, на наш взгляд, с идеей трансмутации, высказанной Р.О. Якобсоном, и является ее развитием на новом материале. Межсемиотический перевод, или трансмутация, – «интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» (Jakobson, 1978), например, перевод вербального искусства в кино, живопись, музыку. Данную цепочку продолжает перевод звучащей речи в текст посредством специальных технологий или компьютерных программ, который также представляется нам кодовым переводом и, в частности, интерсемиотическим переводом, трансмутацией.

Оппозиция «устного» и «письменного» как вариантологическая проблема

Вариантно-инвариантные отношения единиц языка проявляются на всех уровнях: фонема – звук, лексема – лекса, морфема – морф, предложение – его структурная схема. Несмотря на особое внимание исследователей на проблему языковой вариативности, «единицы более высокого уровня, чем слово, редко рассматриваются в парадигме вариантности» (Golev, Kim, 2009: 13). Важным при этом является следующее утверждение: «чем выше уровень системы, тем многообразнее различия между вариантами» (Solntsev, 1977: 3).

Основываясь на том, что вариативность является универсальным законом развития языка и обязательной чертой языка, «она определяется языком, навязывается им» (Verbitskaia, 2001: 14), мы полагаем, что текст как предмет вариантологии и конкретно его устная и письменная формы, прошедшие процесс перекодирования, могут являться вторичными вариантами первичного текста аналогично другим вариантам на текстовом уровне: перевод (Petrova, 2018), обратный машинный перевод (Golev, Napreenko, 2023), речевой жанр (Rabenko,

Lebedeva, 2017), текст в дериватологическом освещении (Melnik, 2010) и т.п.

Включение оппозиции «устный – письменный» в парадигму вариантологии и антиномии «тождества и различия» обуславливает постановку вопроса о месте вариантов текстов разного формата (кода) в указанных категориях. На данный момент вопрос о границах допустимых модификаций в указанных форматах, позволяющих считать их вариантами, а не новым текстом, остается открытым.

Озвучивание письменного текста, перекодирование письменного кода в аудиальный, представляет интерпретацию письменного варианта текста, осуществляемую автором-интерпретатором одновременно с процессом зачитывания материала с листа с включением дискурсивных маркеров, обращенных к себе или к адресату в зависимости от жанра, элементов улучшения текста для восприятия его в звучащей форме адресатом (включения, опущения, изменения).

Н. М. Азарова, А. Л. Полян предлагают трактовать оппозицию «устного и письменного» как тернарную: «устное – озвучиваемое – письменное»: «первый – это спонтанная речь, звучащая и не записанная; второй – устное воспроизведение (озвучивание) записанного текста; третий – письменная речь» (Azarova, Polian, 2015). По нашему мнению, современная коммуникация позволяет дополнить и развернуть триаду понятиями **«распознанная речь», «распознанный текст», то есть текст, полученный посредством преобразования устной (звучащей) речи в письменный формат с помощью специально предназначенных для этого технологий, искусственного интеллекта.**

Рассмотрение всего комплекса оппозиции «устного и письменного», включая собственно звучащую речь и распознанный текст, как «феномен варьирования текста» (Kim, 2010) продолжает тенденцию включения **вариантов текста** в собственно лингвистическую парадигму.

Предметом изучения текста в данном случае становится, с одной стороны, субъек-

тивная интерпретация, субъективная вариативность (речевая деятельность продуцента), с другой – вариативность, транслируемая искусственным интеллектом. Так, оппозиция «устного / звучащего и письменного / распознанного» детерминирована оппозицией естественного и искусственного интеллекта.

Расширение границ вариантологии (Golev, 2023) в данной статье обосновывается двумя направлениями. Первое – включение в ряд письменных вариантов текста устный (звучащий) формат: так, в вариантологической парадигме рассматривается письменная форма, процесс «озвучивания» (Lysenko, 2010) текста, сама озвученная речь. Озвучивание текста в лингвистике исследуется в рамках перевода (как смены кода в межъязыковом пространстве) (Rozhkov, Mamonova, 2019; Riukova, Filimonova, 2021), в лингводидактике (Shamshiarova, 2013), в прикладной лингвистике (например, автоматический синтез устной речи по письменному тексту (Cherapanova, 2017)), в социолингвистике (Bychkova, 2009), в лингвокриминалистике (Galiashina, 2001; Kaganov, 2019), при исследовании языка в интернет-дискурсе (Altukhova, 2012) и пр. В работе Г. И. Бубновой (Bubnova, 2020) на материале письменного научного текста в когнитивном аспекте рассматриваются два варианта озвучивания: нейтральное чтение и стилизация устного сообщения. Под последним автор статьи понимает «прием, <...> когда выступающий озвучивает подготовленный письменный текст своего сообщения таким образом, чтобы создать впечатление устного говорения» (Bubnova, 2020: 9). В лингво-вариантологической парадигме звучащая речь становится новым объектом.

Второй предмет, позволяющий говорить о расширении лингвистической вариантологии, – включение нейросетевого синтеза звучащей речи, то есть ее распознавание, перекодировку аудиального канала в визуальный. Это позволяет говорить о появлении относительно нового типа текста – **виртуального текста**, или «технотекста», который существенно расширяет границы

вариативности текста и выводит на уровень возможности сопоставления искусственного и естественного интеллекта. К виртуальному тексту можно отнести тексты, созданные искусственным интеллектом, например YandexGPT 2. Варианты, предлагаемые на сайте: написать сопроводительное письмо, стих, объявление, пересказать художественное произведение, фильм, придумать рецепт, написать в духе какого-либо автора или персонажа и пр. Все указанные типы текстов разного формата и жанра могут быть рассмотрены в качестве вариантов, предлагаемых искусственным интеллектом, как аналог антропотекстов (текстов, созданных человеком).

Субъективная интерпретация в процессе озвучивания письменного текста представляется деривационным процессом, созданием вторичного текста на базе первичного. Применительно к оппозиции «устного/звучащего и письменного/распознанного» вторичный текст рассматривается относительно каждого компонента. Так, озвученный текст как вторичный – результат преобразования исходного текста, механизмами трансформации которого являются изменения, осуществленные в процессе озвучивания, на невербальном (наличие просодии, мимики, жестикуляции), лексико-грамматическом уровне, в стилистике. Распознанный текст как вторичный – результат преобразования исходной звучащей речи в письменный текст, механизмом преобразования которого являются изменения, осуществляемые нейросетью. Модификации (как категория различия) между вариантами и исходным текстом, между самими вариантами представляют интерес авторов в данной статье.

Материал, методика и результаты исследования

Исходным материалом исследования стал письменный вариант доклада «Машинный перевод как метод исследования переводимого языка» и его варианты: 1) письменный текст доклада (А); 2) запись озвученного текста (видеовыступление) и собственно звучащая речь как результат

процесса озвучивания докладчиком письменного текста; 3) распознанный с помощью нейросети письменный вариант звучащей речи (А1).

На видеозаписи доклада о результатах исследования потенциала обратного машинного перевода докладчик зачитывает письменный вариант текста, что говорит о вторичности озвученного варианта по отношению к первичному письменному тексту А. Так, озвученный текст (сам процесс озвучивания), а также все последующие после него форматы являются вторичными по отношению к письменному тексту А.

Распознавалась звучащая речь посредством сервиса Speech2Text. Для расшифровки сервиса использует нейросети, с помощью которых осуществляется автоматическая транскрибация: нейросети находят участки речи, переводят их в текстовый формат, делят на говорящих, расставляют знаки препинания. Данный сервис распознает звучащую речь с видеозаписи выступления докладчика. В качестве результатов сервиса представляет распознанный текст, отделяет звучащую речь от визуальной части, представляет аудио в форматах docx, srt (субтитры).

Анализ на предмет схожести и различия вариантов осуществляется посредством их сопоставления в данной последовательности: 1) письменный текст А и звучащая речь; 2) звучащая речь и распознанный текст; 3) письменный текст А и распознанный нейросетью письменный вариант текста А1. Установление различий заключается в выявлении единиц трансформаций, которые воплощаются как результат субъективной интерпретации в моменте озвучивания адресантом исходного варианта, а также в искажениях варианта, предоставленного искусственным интеллектом.

1. Сопоставление исходного текста доклада А и озвученного варианта, представленного на видеозаписи, позволило выделить следующие ключевые различия между исходным и вторичным вариантами.

1) Неозвученные части текста – структурные элементы письменного варианта доклада, сложные для аудиального вос-

приятия их адресатом, а также элементы, не требующие специального озвучивания: ФИО автора доклада, название доклада, порядок (нумерация) слайдов, список ключевых слов, уточнения, приведенные в тексте доклада в скобках, таблицы. Данные единицы можно считать маркировками, позволяющими докладчику ориентироваться в тексте презентации, а также информацией, структурированной для визуального восприятия адресатом сообщения, когда аудиальное восприятие может показаться недостаточно эффективным (пр., таблица на слайде).

2) Добавления (вставки в устную речь фраз, отсутствующих в письменном варианте).

Характерной чертой «озвучивания» письменного текста является придание тексту устного стиля ведения текста, указание на связь элементов внутри текста: «Теоретико-исследовательские предпосылки представляемого исследования¹ – «Рассмотрим некоторые теоретико-исследовательские предпосылки представляемого исследования»; «здесь подчеркиваю слово внутренние и объективные»; «один из таких каналов, имеющий как свои преимущества и перспективы, так нужно полагать и недостатки и ограничения»; «Концептуальные основания транслятивной лингвистики; имеют свои базовые постулаты и гипотезы: перечислю их»; «герменевтическая гипотеза ТЛ о прямо пропорциональной корреляции» – «герменевтическая гипотеза транслятивной лингвистики говорящая о прямо пропорциональной корреляции»; «Машина демонстрирует здесь тонкое «чувство» семантики русского глагола» – «Машина демонстрирует здесь тонкое «чувство», чувство, конечно, в кавычках, семантики русского глагола»; «Анализ: изменение нерушимый в неунуничтожаемый, навеки – внавсегда...» – «Анализ произошедших трансформаций, видим, произошло: изменение нерушимый в неунуничтожаемый, навеки – внавсегда...»; «по поводу этой статьи важным считаю

¹ На первой позиции цитируется вариант письменного доклада, на втором – вариант устного доклада.

заметить»; «о чем мы говорили»; «далее» и т.п.

Своеобразными маркерами текста, адаптированного для слушателей, являются глаголы в форме 1 лица мн.ч. (*рассмотрим, видим*), 1 лица ед.ч. (*подчеркиваю, перечислю, считаю заметить*), прош.вр. мн.ч. (*мы говорили*), вводные слова и элементы, помогающие следить за ходом доклада (*итак, нужно полагать, конечно, далее, первое, второе* и т.п.). Например, список, элементы которого в письменном варианте оформлены цифрой со скобкой, перекодируются в порядковые числительные, помогающие как адресанту, так и адресату следить за ходом высказывания, не теряя связи: «1) *степеней переводимости*, 2) *степеней смысловой близости* и 3) *степеней ясности / доступности / смысловой сложности текста*» – «первое – *степеней переводимости*, второе – *степеней смысловой близости* и третье – *степеней ясности / доступности / смысловой сложности текста*».

Варианты замены части трудночитаемого (а также трудно воспринимаемого на слух) текста, вместо которого используется указание на неозвучиваемый текст с целью привлечения внимания слушателя: например, список публикаций автора не озвучивается, докладчик дает ссылку на них «*В докладе мы кратко раскрываем содержание статьи 2 Транслятивная лингвистика. Гносеология перевода*». Данное высказывание в письменном варианте доклада отсутствует.

Устное комментирование прочитанного (и озвученного) текста: «*Главный задача транслятивной лингвистики – выявить этот потенциал и его измерить. Обратный машинный перевод – хороший инструмент для этого*»; «*По-видимому такое упрощение является универсальным законом перевода вообще, машинного перевода в особенности*». Приведены примеры высказываний, которые резюмируют озвученную докладчиком информацию, чем имитируют устный стиль ведения текста. К данному виду модификации можно отнести также следующие высказывания,

резюмирующие сказанное докладчиком: «И соответственно сложности в понимании данного текста»; «Это имеет прямой выход на антикоррупционную экспертизу»; «Этот проект находится на начальной стадии разработки».

Добавление новой информации, отсутствующей в письменном варианте доклада в любом виде, или распространение сообщения, например: «Использование ОМП в преподавании филологических дисциплин» – «Использование ОМП в преподавании филологических дисциплин в том числе РКИ, в частности использование обратного машинного перевода для онлайн-переписки носителей русского языка и в частности китайского языка»; «Далее я бы хотел представить коллегам работу семинара транслятивная лингвистика, в рамках этого семинара определяется ряд коллег с института филологии и межкультурной коммуникации Кемеровского государственного университета. Так я уже говорил о том, что один из основных аспектов работы этого семинара связан с юрлингвистикой» и т.п. Последний пример, кроме того, иллюстрирует образец вставки информации, предваряющей ее последующее раскрытие. После некоторых подобных вставок часть информации из исходного варианта удалена, но есть ссылка на нее (для адресатов непосредственно – на слайд или таблицу): «Далее посмотрите, пожалуйста, таблицу, где рассмотрен ряд русских агнонимов в аспекте их переводимости»; «Далее несколько примеров, типовых примеров использования обратного машинного перевода для изучения особенностей исходного текста. На слайде показаны исходные тексты конституции первой строфы текста конституции и его перевода, который звучит так. Я имею в виду перевод».

3) Замена в чистом виде как вид кодового преобразования встречается нечасто, в основном она связана с необходимостью раскрыть аббревиатуру и уточнить неверно написанную в исходном варианте терминологию.

Аббревиатура в письменном варианте – полное наименование в устном: *ОМП* – *обратный машинный перевод* (во всем

тексте); *ЕЯ* – *естественного языка*; *понимаемом в духе Л.В. Щербы* – *понимаемом в духе Льва Владимировича Щербы* и т.п.

Уточнение терминологии: «*транслатологической интерпретации*» – «*транслятивной интерпретации*»; «*исходного и целевого результатов*» – «*исходного (заминка в звучащей речи) исходного и конечного результатов*»; «*Возможности транслятивных исследования хорошо иллюстрируют такие название исследований*» – «*Возможности транслятивных исследований хорошо иллюстрируют такие название статей и диссертаций*² (осуществляется замена с целью устранения тавтологии, которая есть в письменном варианте доклада).

4) *Хезитация, связанная с выбором речевых единиц, планированием предложения: непродолжительные паузы, нелексические вставные звуки, заминки, повторы слов. Например: «Очерченный метод (заминка), очерченный подход»; «Объективность свойств переводимого языка (заминка) свойств... объективность свойств переводимости / непереводимости единиц языкового и речевого материала»* и т.п.

2. Сопоставление звучащей речи и распознанного текста А1

Сопоставительный анализ показал, что объем трансформаций, проявленных в процессе перекодирования звучащей речи нейросетью значительно меньше, чем изменений в процессе субъективной интерпретации. Полагаем, это обусловлено задачей подобных сервисов – перевести звучащую речь в письменный текст наиболее точно, идентично, преодолевая барьеры различного плана (аудиальные, технические). Несмотря на стремление к тождеству исходному тексту, «любой вторичный текст содержит в себе элемент инновационности, хотя теоретически ее степень может быть и нулевой» (Melnik, 2010).

² Образец фиксации различий между вариантами в режиме исправления в Microsoft Word (зачеркнутое слово – вариант письменного доклада, подчеркнутые слова – слова, вставленные докладчиком в процессе озвучивания): *Возможности транслятивных исследования исследований* хорошо иллюстрируют такие названия исследований статей и диссертаций.

Хезитация (заминки в устной речи, дублирование фраз) в распознанном тексте не отражена: в распознанном тексте фиксируется только правильный вариант, произносимый докладчиком. Например: «*Очерченный метод (заминка) очерченный подход...*»³ – «*Очерченный подход к переводу как методу исследования языка*»; «*Изучение (заминка) изучая проявление языка источников в переводных единицах*» – «*Изучая проявление языка источников в переводных единицах*».

В распознанном тексте встречается небольшое количество орфографических ошибок в терминологии, что, возможно, связано с отсутствием в базе используемого сервиса данных слов: *гносиологически, транслитивный* (по всему тексту), *герменифтическая, симантем*.

Один из видов кодовой трансформации, выделяемый при распознавании речи, – это замена исходного слова на несколько слов, однако описываемый вариант распознавания содержит единичный случай такой замены: слово «деепричастие» заменено в распознанном тексте на созвучное «идея причастия».

К достоинствам сервиса, кроме высокого качества распознавания лексического состава слова, отнесем соблюдение грамматической (пунктуационной) нормы: преимущественно грамотно расставлены знаки препинания, включая постановку кавычек в названиях. Например: «*В статье «Лексикографирование как метод» нами было показано, что лексикографическое представление лексического материала правомерно трактовать не просто как особую лингвистическую деятельность по сбору материала и его словарной репрезентации*».

3. Сопоставление письменного текста А и распознанного текста А1 на предмет схожести

Согласно Web-инструменту Cioх, устанавливающему процент идентичности письменного текста А и распознанного ней-

росетью письменного варианта текста А1, тексты схожи на 52,51 %. Данный результат отражает изменения, включающие два этапа преобразований: 1) субъективную интерпретацию исходного текста докладчиком, 2) кодовые трансформации, осуществленные нейросетью. Содержательный анализ показал, что существенную часть различий из всего объема трансформации в 47,49 % составляет именно субъективная интерпретация, имеющая задачу адаптации письменного варианта доклада для более удобного, эффективного озвучивания докладчиком и восприятия адресатом передаваемого сообщения.

Выводы

В исследовании тождество и различие трактуются как формальные и смысловые категории. Сопоставление звучащего текста и его распознанного варианта позволило установить формальное тождество текстов А и А1 – 52,51 % и различие – 47,49 %. В смысловом отношении анализ модификаций показал, что они минимальны и не касаются структуры сообщения, стилистики. Различия в функциональном аспекте связаны с достижением удобства восприятия сообщения адресатом. Это отличает процесс нейросетевой перекодировки от субъективной смены кода, которая осуществляет большие преобразования исходного варианта. В содержательном плане каждый вторичный текст дублирует исходный, не изменяя его смысловой нагрузки. Различаются только объем и качество изменений, появление которых обусловлено задачей коммуникации. При этом исследование показало, что субъективная вариативность выше, чем вариативность, допущенная искусственным интеллектом.

Таким образом, формируется проблема установления первичности и вторичности антропотекста (текста, созданного человеком) и «технотекста» (текста, созданного машиной в широком смысле) и проблема их соотношения. Расширение границ лингвистической вариантологии осуществляется за счёт 1) включения в ряд вариативности письменных форматов текста формат зву-

³ В данном пункте анализа на первом месте приводится фраза из звучащей речи, после – вариант из распознанного текста.

чащей речи как вторичного варианта, содержащего перекодирование, смену канала, субъективную интерпретацию, 2) выведе-

ния ее в область искусственного интеллекта, с помощью которого может быть образован вторичный текст.

References

Altukhova T. V. Sootnoshenie elementov ustnoi i pismennoi rechi v virtual'noi kommunikatsii [The relationship between elements of oral and written speech in virtual communication]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal]*, 2012, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-elementov-ustnoy-i-pismennoy-rechi-v-virtualnoy-kommunikatsii>

Azarova N. M., Polian A. L. Ustnoe vs pismennoe v poezii: pereosmyslenie traditsionnoi binarnoi opozitsii [Oral vs. Written in Poetry: Rethinking the Traditional Binary Opposition]. In: *Kritika i semiotika [Criticism and semiotics]*, 2015, 2, 251–268.

Bubnova G. I. Lingvo-kognitivnye strategii, opredeliaiushchie transformatsii pismennogo teksta v situatsii chteniia i govoreniia [Linguistic-cognitive strategies that determine the transformation of written text in reading and speaking situations]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiia [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication]*, 2020, 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvo-kognitivnye-strategii-opredelyayushchie-transformatsii-pismennogo-teksta-v-situatsii-chteniya-i-govoreniya>

Bychkova Iu. V. Gendernyi aspekt intonatsionnogo varirovaniia v informatsionnykh soobshcheniiakh tele- i radioperedach [Gender aspect of intonation variation in information messages of television and radio broadcasts]. In: *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]*, 2009, 1, 69–70. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-aspekt-intonatsionnogo-varirovaniya-v-informatsionnykh-soobshcheniyah-tele-i-radioperedach>

Cherepanova O. D. Lingvisticheskoe obespechenie rechevykh tekhnologii: ispol'zovanie anglo-russkoi prakticheskoi transkriptsii v sisteme russkoiazychnogo sinteza "Tekst – rech" [Linguistic support of speech technologies: the use of English-Russian practical transcription in the Russian-language synthesis system "Text – Speech"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. S. 9. Filologiya [Bulletin of Moscow University. S.9. Philology]*, 2017, 3, 156–167. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-obespechenie-rechevykh-tehnologiy-ispolzovanie-anglo-russkoy-prakticheskoy-transkriptsii-v-sisteme-russkoyazychnogo>

Ciox. Available at: <https://ciox.ru/> (accessed 10 June 2024).

Galiashina E. I. Lingvisticheskoe obespechenie kriminalisticheskogo issledovaniia ustnogo i pismennogo teksta [Linguistic support for forensic examination of oral and written text], 2001. Available at: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/galyashina/>

Golev N. D. Makromodelirovanie iazykovo variativnosti: k rasshireniiu granits lingvisticheskoi variantologii (aspektualizirovannyi obzor rabot rossiiskikh lingvistov) [Macro-Modeling linguistic variability: expanding the boundaries of linguistic variation studies (A comprehensive review of russian linguists' works)]. In: *Nauchnyi dialog [Scientific dialogue]*, 2023, 12(8), 86–125. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-86-125>

Golev N. D., Kim L. G. Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoi variantologii) [Variable-interpretative functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology)]. In: *Vestnik ChelGU [Bulletin of ChelSU]*, 2009, 27, 12–20. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/variativno-interpretatsionnoe-funktsionirovanie-teksta-k-voprosu-o-rasshirenii-granits-lingvisticheskoy-variantologii>

Golev N. D., Napreenko G. V. Perevodimost' i variativnost' teksta v aspekte antinomii «tozhdestvo – razlichie» [Translatibility and variability of the text in the aspect of the antinomy "identity – difference"]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal]*, 2023, 4, 299–311.

Kaganov A. Sh. Kriminalisticheskaiia identifikatsiia lichnosti po golosu i zvuchashchei rechi kak integralnoe nauchno-ekspertnoe issledovanie [Forensic identification of a person by voice and spoken speech

as an integral scientific expert study]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2019, 12, 6, 246–250. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.54>. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-identifikatsiya-lichnosti-po-golosu-i-zvuchashey-rechi-kak-integralnoe-nauchno-ekspertnoe-issledovanie>

Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: teoretiko-eksperimentalnoe issledovanie* [Variable-interpretive functioning of the text: theoretical and experimental research], 2010, 50.

Lysenko S. A. *Vzaimodeistvie ustnoi i pis'mennoi formy sushchestvovaniya yazyka v internet-kommunikatsii* [Interaction of oral and written forms of language in Internet communication]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2010, 184.

Melnik N. V. Derivatologicheskaya i lingvopersonologicheskaya interpretatsiya vtorichnogo teksta [Derivatological and linguopersonological interpretation of secondary text]. In: *SibSkript* [SibScript], 2010, 4(44), 148–153. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/derivatologicheskaya-i-lingvopersonologicheskaya-interpretatsiya-vtorichnogo-teksta>

Omel'yanovich N. V. Variantnost' i sistemy-variant [Variance and variant systems]. In: *Variantnost' kak svoystvo yazykovoy sistemy (tezisy dokladov)* [Variance as a property of the language system (abstracts)]. Moscow, 1982, 2, 32–34.

Petrova O. V. Perevod kak vtorichnaya interpretatsiya [Translation as secondary interpretation]. In: *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiya* [VSU Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication], 2018, 1, 137–142. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-vtorichnaya-interpretatsiya>

Rabenko T. G. Internet-dnevnik v aspekte variantologicheskoi modeli rechevogo zhanra [Internet diary in the aspect of a variant model of the speech genre]. In: *Sotsialnye seti: kompleksnyi lingvisticheskii analiz* [Social networks: complex linguistic analysis], 2021, 1, 312–334.

Rabenko T. G., Lebedeva N. B. Rechevoi zhanr v paradigme lingvisticheskoi variantologii (na materiale zhanra “lichnyi dnevnik”) [Speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the “personal diary” genre)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, 425. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-zhanr-v-paradigme-lingvisticheskoy-variantologii-na-materiale-zhanra-lichnyy-dnevnik>

Riukova A. R., Filimonova E. A. Audiovizualnyi perevod kak instrument obucheniia inostrannym iazykam [Audiovisual translation as a tool for teaching foreign languages]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2021, 4, 1062–1065. DOI: 10.33184/bulletin-b su-2021.4.36. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/audiovizualnyy-perevod-kak-instrument-obucheniya-inostrannym-azykam>

Rozhkov R. A., Mamonova E. Iu. Tipologiya oshibok pri audiovizualnom perevode dlia zakadrovogo ozvuchivaniia [Typology of errors in audiovisual translation for voiceover]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2019, 6, 387–391. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-oshibok-pri-audiovizualnom-perevode-dlya-zakadrovogo-ozvuchivaniya>

Shamshiiarova S. I. Obuchenie intonirovaniu uchashchikhsia s OVR [Teaching intonation to students with ODD]. In: *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika* [Training and education: methods and practice], 2013, 8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-intonirovaniyu-uchaschihsya-s-ovr>

Solntsev V. M. Variativnost' kak obshchee svoystvo iazykovoi sistemy [Variability as a general property of the language system]. In: *Voprosy iazykoznanii* [Questions of linguistics], 1984, 2, 31–42.

Speech2Text. Available at: <https://speech2text.ru> (accessed 14 May 2024).

Verbitskaia L. A. Davajte govorit' pravilno [Let's speak correctly]. Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. М., 2001.

Yakobson R. O. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On the linguistic aspects of translation]. In: *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [Issues of translation theory in foreign linguistics], 1978, 16–24.

YandexGPT 2. Available at: https://ya.ru/ai/gpt-2#highlight-the-main__block (accessed 10 May 2024).

EDN: NJCCMG
УДК 811.111–26

'Extended' Wordplay in Fictional Narrative Texts: Cross-Disciplinary Perspective

Marina R. Safina* and Alisia S. Kosheleva

National Research University Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Received 26.08.2024, received in revised form 18.11.2024, accepted 30.12.2024

Abstract. The article considers instances of complex use of wordplay as a narrative-building tool in fictional narrative texts. The term 'extended wordplay' is introduced specifically to refer to the cases where repetitive use of (or reference to) a specific wordplay or a specific wordplay-building model in a fictional context can be seen as a means to convey an effect or a message that are important for the construction of the fictional narrative. Assuming the linguistics, literary studies and pragmatics perspectives, the study carries out a comprehensive multidisciplinary analysis of wordplay in both English literary and cinematic fictional texts and reveals that extended wordplay can fulfil plot-building, world-building and character portrayal functions. The findings also show that specific elements of extended wordplay such as its formal type, or word-building model, the semantics or formal peculiarities of its constituent parts, its overall semantics and effect can originate in a very restrictive context and prove crucial for the construction or perception of the fictional narrative. The collected data and findings can be helpful for further research of complex cases of wordplay in multimodal texts or the perception of wordplay and English-Russian wordplay translation by the audiences.

Keywords: wordplay, ambiguity, fictional narrative, fictional world, narrative functions of wordplay, multidisciplinary approach to wordplay, pragmatics of wordplay.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of the Peoples of the Foreign Countries (English).

Citation: Safina M. R., Kosheleva A. S. 'Extended' Wordplay in Fictional Narrative Texts: Cross-Disciplinary Perspective. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 106–118. EDN: NJCCMG

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: marinasafina22@gmail.com; a.kosheleva2015@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6301-7884 (Safina); 0009-0002-7229-8451 (Kosheleva)

Комплексное использование игры слов в художественном нарративе: мультидисциплинарный подход

М.Р. Сафина, А.С. Кошелева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Нижний Новгород

Аннотация. В статье рассматриваются особенности комплексного использования игры слов как инструмента построения художественного нарратива. Вводится термин «развернутая игра слов» для обозначения случаев, когда одна и та же игра слов или модель построения игры слов повторно, в том числе многократно, используется в рамках одного художественного текста с целью передачи эффекта или сообщения высокой релевантности. В качестве материала исследования используются тексты англоязычных литературных произведений и сериалов без учета полимодальности последних. Случаи комплексного использования игры слов анализируются с точки зрения их лингвистической составляющей, с перспективы прагматики и литературоведения. Выявлено, что комплексная игра слов может служить важным компонентом построения сюжета, художественного мира, а также характеристики персонажей. Формальные и семантические составляющие конкретного случая игры слов, такие как образовательная модель, форма и семантика составляющих элементов, общая семантика, – в комплексе или по отдельности – могут обуславливаться жесткими контекстуальными рамками и формируют особенности перцепции художественного мира, персонажей и событий. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в изучении игры слов в полимодальных текстах, а также в изучении особенностей перцепции аудиторией англо-русских переводов игры слов в художественных текстах.

Ключевые слова: игра слов, двусмысленность, художественный нарратив, художественный мир, функции игры слов, мультидисциплинарный подход к изучению игры слов, прагматический аспект игры слов.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Сафина М.Р., Кошелева А.С. Комплексное использование игры слов в художественном нарративе: мультидисциплинарный подход. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 106–118. EDN: NJCCMG

Introduction

Back in 1992 Keiro Tanaka introduced an article about puns in advertising saying (numerous quotes from scholars provided) that for a long time pun had been considered low and unliterary; nothing more than a witty retort, a punchline (Tanaka 1992: 92). But the

discourse seems to have evolved in the recent decades and the usage of wordplay has also become more elaborate. This is not, of course, to say that sophisticated play-on-words was invented in the ninetieth, after all, the English language has a long wordplay tradition, but rather that nowadays wordplay has become

markedly omnipresent and is taken seriously. Unsurprisingly, it is currently the focus of many scholars working within diverse scientific fields, such as linguistics (Lecolle, 2016; Renner, 2015), translation (Delabastita, 2004) and literary studies (Bross, 2015; Anastasaki, 2019), cognitive studies and psycholinguistics (Gibbs Jr., 2018; Onysko, 2016; Knospe, 2015), pragmatics (Tanaka, 1992; Wilson & Sperber 2004), social semiotics (Zenner & Geeraerts, 2018; Baranova & Pavlina, 2024), etc.

Fiction-wise, wordplay has become some kind of a hallmark feature of many books, movies and series. No wonder, researchers' interest has switched at least in part from the classical tomes (Bauer, 2016; Díaz-Pérez 2013) to the problems of modern narrative, starting with the use of wordplay in high-concept novels (Anastasaki, 2019) to translating subtitles in sitcoms (Schauffler, 2015; Jaki 2016) or using multilingual wordplay as a character portrayal method in contemporary novel (Delabastita, 2018). Modern storytellers want audience's full attention. Fictional truth has become questioned and unsteady. Assumptions are debased. Narrators are unreliable and memories are false. Nothing is to be taken for granted. The addressee, reader or viewer, is invited to follow, analyze and overanalyze every tiny detail – during and after reading or watching, in between sequels or seasons. Wordplay is a valuable tool to make people think and pay attention and the authors make good use of it.

Analyzing fictional narrative texts, a term applied to both literary and cinematic fiction (Bellardi, 2018: 24), requires certain degree of interdisciplinarity due to the mere nature of the source. Fictional reality is always twofold. On the one hand, the author creates a fictional world that, however nonsense or magical, imitates the real world and its laws. In real world wordplay can be found everywhere: in everyday life conversations, public discourse, names of places, internet memes and so on. Its existence is simply natural. A fictional advertisement or a newspaper title may well contain a pun because that is what real PR people or journalists would use. Fictional slogans or titles will follow the discourse rules: headlines must catch the eye of the reader, taglines must

entice people in. On the other hand, wordplay is the way for the author to communicate with the reader, pass a message unseen by the characters. A simple one, perhaps, like 'Cheer up!' or 'Do you think the press can get any more un-serious with click-baiting?'. But also complex ones that would be a redline piercing through the narrative akin to extended metaphor, get its metalinguistic value pushed forward. A more detailed consideration of what we call 'extended wordplay' (by analogy with extended metaphor) can be of interest for all those creating or researching fictional worlds and translating fiction in written or audiovisual formats.

Theoretical Framework

A more or less universal definition of wordplay is as follows: 'the general name for the various *textual* phenomena in which *structural features* of the language(s) used are exploited in order to bring about a *communicatively significant confrontation* of two (or more) linguistic structures with *more or less similar forms* and *more or less different meanings*' (Delabastita, 1996: 128). The key components of the definition (italicized) require a few explanatory remarks.

Wordplay is generally based on homonymy, homophony, homography, and paronymy (Delabastita, 2004: 603) and can take on a form of a single lexeme, a group of words or a bigger syntactic structure through various language mechanisms (Delabastita, 2004: 602–603). Wordplay is also popularly categorized based on the postulates of 'Relevance Theory' (Wilson & Sperber, 2004) with cognitive mechanisms of pun activation and interpreting being foregrounded (Dynel, 2010; Attardo, 1994).

Wordplay being *textual phenomenon* means it normally exists inside a text as the said phonetic, lexical or semantic similarities can hardly produce a required effect without proper context e.g. *deadly bored* may only become considered a pun – and not just a metaphor – when referring to somebody or something closely related to death, for example, a mythological creature that is not technically alive such as a vampire or a zombie. In some cases, the *play-on-words* can be seen without any context but the meaning and motiva-

tion behind it will not be clear, or will seem strictly formal without context e.g. *New whine in old bottles* (from *Do not put new wine into old bottles*) in an article about problems in beer and wine industry (Leppihalme, 2014: 210). Exceptions in the form of zero-meaning puns, or groaners, that are not tied to any specific context (e.g. *My friend drowned in a bowl of muesli. A strong currant pulled him in*) are 'to blame for the stigmatisation of all types of puns as simple and puerile' (Dyvel, 2010: 10).

Finally, as regards the *communicative role* of wordplay, two matters should be addressed: a) Are there instances where wordplay is not communicatively significant?; b) What exactly are the functions of wordplay?

Speaking about the communicative relevance of wordplay, D. Delabastita suggests that the distinction between wordplay – being intrinsically deliberate – and unintended ambiguity, slips of a tongue, malapropisms, etc. is vital (Delabastita, 1996: 131). The latter do not have any conscious motivation, hence do not convey a special message. Delabastita's point is fair and clear when talking about wordplay in general. However, since we are not going to discuss *any* wordplay but rather wordplay in fiction, a contribution from literary studies and pragmatics and, thus, a cross-disciplinary approach, would be helpful in order to clarify to what degree Delabastita's statement is instrumental for narrative in literature and cinematography.

From the pragmatics perspective, wordplay should be seen as a part of a speaker-hearer interaction (Zirker & Winter-Froemel, 2015: 6–7). In a face-to-face conversation, which happens in real life, there is usually one speaker and one hearer. Even if a person addresses a thousand people, there is nothing but the speaker's conscious or subconscious choice behind the uttered words. In literary texts two speaker-hearer interactions can happen at the same time: the one between the characters (completely orchestrated) and the one between the author and the audience. The author's design may be that the character produces a pun-like phrase without intention but for the audience it might be meaningful anyway. At the author-audience level, undeliberate ambiguity

or a mistake such as confusing similar sounding words can also be considered wordplay as they are deliberate from the standpoint of the author, are based on the similarity of form and difference of meaning of several language units and bear a message or an effect, being a funny (maybe Freudian) slip or something more substantial like a character's lack of linguistic expertise.

The dual speaker-hearer configuration in a fictional narrative text suggests a distinction between the two dimensions of the story, as in why a character uses certain wordplay in a certain situation and what the author wants the reader / viewer to get from it apart from its immediate conversational or situational value. The in-world puns motivation generally mimics that of the real world puns. One of the most recognized functions of wordplay is humor (Kabatek, 2015; Attardo, 2018). It can also be used to show one's wit and highlight competence; to engage the interlocutor in a conversation, to make the addressee pleased or complacent by letting them decipher the hidden meaning (Díaz-Pérez, 2013: 286). The conative or appellative function of wordplay may be foregrounded in advertisements (Zirker & Winter-Froemel, 2015: 9–10). The ludic and naming functions of wordplay are singled out when dealing with lexical blends in various discourses (Renner, 2015).

The author-audience motivation can partially coincide with the in-world one (after all, some puns exist to amuse both the characters and the reader / viewer). But it also reveals a certain connection with the metalinguistic value of wordplay. It can have poetic function (Poier-Bernhard, 2018); serve as 'a means of characterization'; as well as direct the reader's attention to a certain part of the text, a message, or involve the reader in a 'metalinguistic reflection' (Zirker & Winter-Froemel, 2015: 6–8); can add 'persuasive force to the statement' or 'deceive our socially conditioned reflex against sexual and other taboo themes' (Delabastita, 1996: 129–130). The list goes on.

Without a concrete context, this division is, of course, rather relative due to the simple fact that those functions do not exclusively belong to either of the two dimensions. The dis-

tion is crucial, however, when dealing with a specific example of wordplay.

The perception of meaning and functions of wordplay is a subject matter of pragmatics and, at that, of translation studies since translation is impossible without pragmatic analysis (on pragmatic analysis in translation see Sdobnikov 2018; Petrova 2018). We are not here to discuss the translation of puns, however, the contribution of translation studies, the way it adjusts and sharpens the pragmatics perspective, is enormous for the study of wordplay functions (Dyner, 2010; Jing, 2010; Díaz-Pérez, 2013). The translation decisions, although disloyal or at times even harmful to the source text, made in face of the non-pragmatic limitations such as the wordplay (un)translatability¹ and extralinguistic factors such as lack of time, reveal the ultimate contextual relevance and *unavoidability* of some of the components and functions of specific instances of wordplay. A translator working on a text with a pun does not only have to conduct a comprehensive pragmatic analysis and determine the functions of a concrete wordplay but also *prioritize* the relevance of the disclosed functions to decide how strictly they should be transferred to the target text.

The relevance-priority approach agrees with our vision of extended wordplay discussed later as the expanse of its presence in a text or the extensive web of causative-consecutive ties it creates can make it as a whole or its formal or semantic elements deeply essential for both the in-world and author-audience dimensions.

¹ The discussion of translatability and equivalence has been frowned upon lately as, on the one hand, it is didactically inaccurate since a translator is supposed to transfer the meaning of a text as a semantic whole and not look for equivalent words (Sdobnikov 2019: 297); and, on the other, mostly counterproductive (if there is a text that has to be translated and it contains wordplay, then the question must arise as of 'how – not if – it is possible to achieve a successful transfer of wordplay into a target language' (Schauffler 2015: 230)). Not to call wordplay untranslatable, it is rarely subject to 'straight' transfer. There are, of course, a variety of methods one can use to convey a pun into the target language (Delabastita 2004: 604). What we are more interested in, however, are the cases where translators do not choose a technique that would ensure that the target text look as natural as possible because that often means that some of the formal or semantic components of the wordplay are too relevant to be omitted, substituted or compensated.

Statement of the problem

Considering wordplay in fictional narrative texts through the linguistics', literary studies' and pragmatics' perspective, the present paper addresses the following research questions (RQ):

- What functional types of wordplay can be considered essential for the building of a fictional narrative text? (RQ1)
- How is such wordplay integrated into a fictional narrative text? (RQ2)
- What formal and / or semantic components of a specific wordplay can be crucial for the story narrative? (RQ3)

We hypothesize that fictional narrative texts contain wordplay that is deeply imbedded in the narrative structure to the point of being unalienable and crucial for the recipients' understanding of the plot and/or characters. We also believe that such wordplay tends to be 'extended' – the same way as a metaphor can be – and either forms part of a larger causative-consecutive chain that strictly predetermines its form and / or the semantics of its constituent elements and / or its overall semantics; or exists within a repetitive pattern of similar wordplays. Finally, both formal and semantic elements of a specific wordplay can be integral to build a fictional world or its events.

Methods and material

To carry out this research several fictional texts rich in wordplay were selected. Both fictional literary texts and fictional filmic texts, viewed as fictional narrative texts (Bellardi, 2018), are subject to analysis, the semiotic differences between the two groups being irrelevant for the present study. The sources include J. Fforde's *Shades of Grey*, J.K. Rowling's *Harry Potter*, HBO's *Succession (2018)*, FOX' *House (2004)*, MAX' *Gordita Chronicles (2022)*. The overview of the parts of plot relevant for the analysis will be given in the Results and discussion section.

Several instances of what we may consider extended wordplay were extracted as per the theoretical provisions discussed and the hypothesis proposed in the previous sections. The criteria for the material collection can be exposed briefly as follows:

1) Wordplay can acquire a form of a word, a combination of words or a larger structure that are built based on the similarity of form and difference of meaning of several language units (Delabastita, 2004: 603);

2) Play-on-words can be seen as such only when it is intentional. In view of the duality of the speaker-hearer regimes in a fictional narrative text (Zirker & Winter-Froemel, 2015: 6–7), only the author's intention is to be taken into account for the purpose of this research. That means all of the provided examples of wordplay are intentional from the standpoint of the author but some are not intentional from the standpoint of the character.

3) Wordplay can be seen as extended when it (a) is used and / or referred to more than once in the same fictional text; (b) fits into a repetitive pattern of similar wordplays united by the form, the meaning / peculiarities of the constituent elements, the overall semantics. In both cases the repetitive use is implied to be deliberate.

The obtained examples were analyzed (1) from the linguistics' perspective (the formal type, the semantics of the constituent elements and the effect produced by the merging of meanings); (2) from the point of view of literary studies (the narrative-relevant functions of the wordplay); and, finally, (3) through the pragmatics / translation studies perception (the relevance of the wordplay and its functions for the plot and its connections with other plot elements).

Crossing the three approaches, we aspire to uncover how the various linguistic and semantic elements (see (1)) of extended wordplay can be determined by the fictional context and how relevant those elements – individually and combined – are for building the narrative. We are also interested in the metalinguistic functions of wordplay in a fictional narrative text in both the author-audience and the in-world dimensions.

Results and discussion

A fictional story usually features *fictional world, characters* and *events*: fictional world is static and represents a setting for the characters to exist and make events happen. In our

opinion, extended wordplay exists within all of these three narrative realms and can be key to their formation. The three types (or functions) of extended wordplay will be named in accordance with the storytelling realm to which they bear importance: 'plot-building', 'world-building', and 'character portrayal'.

I. Plot-building function

The simple existence or discovery of a certain wordplay can itself be an event relevant for plot-building which means it exists within a causative-consecutive paradigm linking it to a number of preceding or proceeding minor or major events. Such puns cannot be seen as a simple one-liner or mere witticism but as a more expansive multi-component construct in which both the formal component and the meaning of the constituent parts are important. In this case the metalinguistic function of wordplay is foregrounded for both the characters of the fictional narrative texts and the audience.

Let us consider two examples from season 2 of HBO's series *Succession* (2018) that focuses on the life of media mogul Logan Roy and his four heirs and the operation of their family company WaystarRoyCo². In example (1) the pun is known almost from the start but triggers a series of events later on, in example (2) the pun is the conclusion of a scene revolving around language play.

(1) A high-ranking employee in a multinational media and entertainment company who is first referred to at the beginning of season 2 as 'Mo' is then revealed to be actually called 'Lester', 'Mo' being a pejorative nickname invented by his co-workers. As the season progresses various characters are surprised to connect the dots as why one would be called Mo-Lester (as in 'molester', *a person who attacks somebody, especially a child, sexually* (OALD)). Formally speaking, the nickname was built first through the addition of 'mo' to the character's name 'Lester' and the resulting word 'molester' represented what the character is and does. Then it was shortened to 'Mo'

² For convenience, the *Succession* quotes were taken from the Full Scripts of Season 2. They may differ slightly from the show's final cut but the differences are insignificant for the problem discussed.

which made the pun undistinguishable for the characters outside the inner circle.

The pun is activated for the audience when Willa, a new-comer to the main characters' circle being unaware of the meaning behind the nickname, calls this character Mo at his funeral in front of his wife. The latter is confused as her husband's name is Lester. Willa's boyfriend Connor has to steer her away to explain what happened.

(1a) *WILLA: So sorry for your loss, Maria. I never met Mo but I hear he was a great guy.*

MARIA: Mo?

WILLA: Your husband?

[Maria smiles, confused. They move on.]

CONNOR: His name's not Mo.

WILLA: What? You call him Mo.

CONNOR: His name's Lester. <...> Mo-Lester.

Willa is immediately cautioned by the revelation ('*And was he one?*') and advises Connor, who is about to start his presidential campaign, against pronouncing the speech at the funeral as it poses a potential reputational risk should anything of Lester's doings ever come out.

A whistleblower indeed reveals the truth in the second half of the season so that several characters have to testify at a congressional hearing to address the allegations of sexual harassment in the company. Senator Gil Eaves questions one of the company's top managers pointing out that the extended use of the nickname in correspondence – but never in messages directed to Lester himself or his family – shows that the company's executives were well-aware of Lester's crimes and the true meaning of the nickname.

(1b) *[Gil motions and Nate gets an internal email up on a big screen. 'Mo' is highlighted in a brief internal email.]*

<...>

GIL: You called him 'Mo' in emails over thirty times to family and colleagues, but you never used it in the items of correspondence sent to him during his illness. Why not?

<...>

GIL: He was offering jobs in return for sex? And your private nickname for him was Mo Lester? That's quite a coincidence.

The expanse of the described wordplay is enormous. When the character is first mentioned as 'Mo' we don't see the pun at all, the wordplay becoming 'activated' only in the next episode when Willa stumbles upon it at the funeral. From then on it causes a long action-reaction chain, dialogues and plot-twists revolving around it, and finally serves as evidence to prove the company's involvement.

The sheer banality of the pun for anybody who knew Lester's real name and the decades of collective gaslighting of the issue do also draw out the main characters' detachment from the real world and lack of compassion for the outsiders. They do not see Lester's victims as real people but rather as a nuisance ('no real people involved' becomes an eerie catchphrase throughout season 2).

Summary: The overall meaning (transparent association with sexual abuse) is relevant because various scenes, including the highly important Congress session, are anchored in it. The form is relevant as it must be a wordplay and both of the constituent elements of the wordplay are neutral and not at all derogatory-sounding, otherwise the 'outsiders' would have suspected something earlier.

(2) A wordplay can be pivotal for a shorter sequence of events, like a scene, for example, which surely is more compact and less imposing than the pun in example (1), and yet it remains a very specific type of context as it is of significant size and is revolving around a purely linguistic phenomenon.

Here is an example from the same series' season 2 episode 6. The ATN news agency is to present its new user-centered strategy at a media conference. Two characters are discussing speech details. The current motto reads: '*ATN: We Are Listening*', the choice of words is not arbitrary as it reflects the company's intention to give their users a say in what they would like to have on the platform. As the scene unfolds we learn that the *We Are Listening* motto has been approved by the focus group but in the end the legal and PR teams have advised they should change it as the company is going through a data collection controversy (their voice assistant records and stores what people are saying). So, initially *We Are Listening* was supposed to

show that they tend to their customers' needs but in the current situation it may also refer to them literally spying on people. There is a significant swathe of dialogue where the characters just come to terms with how wrong the motto may sound. They keep repeating the offending piece, sometimes changing nothing, sometimes stressing some of the words, and each time it seems new meanings are adding up:

(2a) TOM: *Um, okay. I mean I really do like 'We're Listening'. It sounds like – I mean it sounds like we're listening?*

GREG: *<...> There's a gray area in terms of our data collection, so that we are kind of, like, we actually are – listening?*

TOM: *We're listening?*

GREG: *It's complicated – but yeah it seems we are sometimes, listening, quite aggressively.*

The intense brainstorm does not steer them too far from the initial choice as first they opt for *We hear you* which sounds pretty much the same but 'less active' and then *We're hearing* which does not solve the ambiguity problem either. Finally, they manage to transform the ambiguity into yet more ambiguous wordplay where they merge the verb *hear* and a support expressing cliché 'we are here for you'. The idea is to spell 'here' as 'hear' based on the homophony of the two words and to slightly distort the syntax:

(2b) GREG: *Maybe it's ATN: We're hear for you. Like 'here' spelled 'H-E-A-R'.*

TOM: *'We're hear for you.' That's gibberish.*

GREG: *'We hear for you.'*

The wordplay setup begins when the new strategy is explained and then the slogan is given. Then the ambiguity in *listening* is noticed. The verb is changed into a semantically similar *hear* that does not suit them either but ends up in the final slogan *We hear for you* which is based on an intended pun. The linguistic and extra-linguistic framework in which this final pun originates is rather restrictive. And the fact that the characters did not opt for discarding the problematic slogan altogether but rather masked it using an even more vague tagline (*'It's good because it's not clear exactly what the hell it means? So. Lots of wiggle room.'*) is another reminder that although they are usually

aware of their wrong, they are more inclined to hide it, rather than make it right³. This may also be an ironic mirror of the bigger trouble described in example (1) where the situation reached the point of no return. The measures they took helped make the situation somewhat less compromising but could not, of course, make the problem disappear.

Summary: The overall meaning of the pun is strictly determined by the situation and specific circumstances. The form shows various degrees of ambiguity both intended and unintended.

The above is not to claim that the puns that are different from the ones just described are arbitrary in form and meaning. Wordplay cannot, of course, emerge from the linguistic and semantic void. But the ties connecting them to the previous and posterior events are not necessarily so strong and the conditions determining their form and semantics that restrictive. Many puns intend to produce short-lived humorous effect, show one's rude / playful, etc. attitude, add minor details to the situation or the characters such as the loud noise not allowing to hear clearly, one's speech defects distorting the sounds and others.

II. World-building function

Fictional worlds – especially fantasy ones – are difficult to design. Every place, every person, every object and every phenomenon should have a name, a unique one, but not too unique. On the one hand, a new world is a new concept, and the reader or viewer should know that this world is different from the one where they live. On the other hand, the audience is supposed to see some basic parallels between reality and fiction to be able to remember the lore and relate to the characters. Last but not least, knowing the new world should

³ Online cinema Amediateka adapts Greg's first *here / hear* suggestion for the Russian subtitles dropping the wordplay but preserving the meanings of both *hear* and *here*: "А может, 'ATN: Мы всегда рядом с вами'? И в скобках написать 'Мы вас слышим?'" / "Maybe it's 'ATN: We are here for you'. And put 'We hear you' in brackets." It seems peculiar that the translator chose to sacrifice the character's advertising skills and highlight that he is so stuck with the compromising wording, he wants to insert it, however clumsily, into this new tagline.

not be tedious. That is why authors try to keep the readers' 'little grey cells' busy and entertained by making allusions, hiding Easter eggs, choosing funny wording or resorting to editorial techniques. And wordplay is a perfect tool.

Since wordplay is used to build the *concept* of a new fictional world, it seems only logical that puns should be considered collectively, as a complex multi-component whole, and not separately. Although some world-building puns can prove quite relevant for the narrative and action, in general, their individual conceptual and semantic value appears rather diluted. The wordplay-based names of lore elements must be interesting to pick at and preferably not be utterly confusing, i.e. possess semes alluding to the notion they refer to. In some cases, those names may be also united by a common idea, the most extreme version being when the naming process happens within a very strict conceptual framework.

This latter approach is, for example, practiced by British author Jasper Fforde famous for his high-concept novels such as *The Big Over Easy* and *Shades of Grey*. The former is set in a world where people's lives revolve around reading and writing: publishing, editing, criticizing, etc. No wonder the text is swarming with wordplay alluding to various linguistic and literature matters: the name of the town is Reading, writers are legally prosecuted for using clichés, a character feels 'a strange impulse to climb' a beanstalk and they solve crimes by looking for clues in cross-language puns (see analysis in (Anastasaki, 2019)).

His *Shades of Grey* is similarly conceptual. It takes place in an alternative version of the United Kingdom where one's status in society depends on their perception of color. This book is rich in wordplay and the new notions are conceptualized through their connection to color or color-related paraphernalia and facts. The current regime is called *Colortocracy* ('color' + Greek 'kratos' / 'rule') implying that the perception of color is the determining factor in their society. People do research in *Chromaticology* ('chromatics' + 'ology'). A high-ranking official from a government agency is addressed as *His Colorfulness* (mimicking 'his Highness'), the agency being *National Color* (~

'National Security'). The famous *Ochrlahoma* musical (alluding to the musical 'Oklahoma!' and the 'ochre' color) is being advertised.

Some puns are built around the universe terminology, taking on metalinguistic value for both the in-world and author-audience dimensions:

(3) *We had attended Morning Chant and were now seated for breakfast, disheartened but not surprised that the early Greys had already taken the bacon, and it remained only in exquisite odor. [Fforde]*

(4) *"Are you bright?"*

It was an ambiguous question. Bright could mean either "intelligent" or "highly color perceptive." The former question was allowable; the latter was not. [Fforde]

In (3) the lower class citizens (they see the world in grey only) who woke up early and ate up all the bacon are jokingly called *the early Greys* which is a mixture of the *early bird catches the worm* saying and the name of a tea blend *Earl Grey*. In (4) the narrator points out the ambiguity of the word *bright* which is both a key concept in their 'colorcratic' world and a common adjective.

High-concept literature aside, wordplay creation is rarely that restrictive. Nonetheless, fictional worlds tend to have certain wordplay patterns, although to a lesser extent. For example, a magical joke shop 'Weasleys' Wizard Wheezes' in J.K. Rowling's *Harry Potter* would often name products with a string of words starting with the same letter: *Creepy Crawlies*, *Mysterious Midnight Moon Madness*, *Headless Hats*; the acronyms resemble real world notions and sometimes sound funny: OWL and NEWT for exams, SPEW for the organization defending house elves' rights; but, all in all, there is no single model to follow for the whole series.

Summary: World-building puns within a story can all be created through one specific mechanism such as being conceptualized within the same semantic field or all having a common form.

III. Character portrayal function

Wordplay can be character specific. We do not here refer to cases described in section

I where puns do indeed contribute to the portrayal of the characters like many other linguistic or extra linguistic components of the story but neither the form nor the semantics of the puns are a habit or a pattern. Let us consider cases where the form or both the form and the meaning of the constituent parts of the pun is a behavioral model resulting from the character's physical state or personality.

The form may be key when a character tends to talk in an unusual or even enigmatic way for some reason. There can be some supernatural explanation or a perfectly normal one.

Characters may begin to speak in a bizarre way due to a health condition. This was the case of an aphasia patient on Fox's medical drama series *House* (2004). Aphasia affects the parts of the brain responsible for speaking and comprehension. The patient could not express himself coherently but the words he used instead of the intended ones were similar sounding. The doctors even began to understand some of his messages when they had known him a bit better. In the following example the doctors realize that the patient doesn't want them to share the results of the medical tests with his wife (the patient uses 'knife' instead).

(5) *Patient: The stained **knife** can't force.*

Dr. Chase: We are not gonna tell your wife. We are not cops. (House)

In the end, deciphering his nonsense speech helped find the cause of his illness. The patient kept saying:

(6) *'Couldn't tackle the **bear**. They took my **stain**.'* (House)

Dr. House realized that *bear* was the patient's association with *bipolar disorder* which he kept secret (*polar bear* / *bipolar disorder*), and *stain* was a substitute for *brain*. He had undergone an unprofessional brain surgery to cure his mental disorder but the operation ended up affecting his brain functions.

Although the repetitive pattern in general represents a symptom, in the end, the meaning became key to resolve the case.

All kinds of unintended wordplay are also typical of characters less expert in the language, like foreigners, children, uneducated people. These kind of speakers, who are only beginning to learn new vocabulary, tend to

see hidden puns and dead metaphors unavailable for the perception of a native speaker 'as the language became a habitual cognitive and communicative tool for them.' (Delabastita, 2018: 54–55). Consider MAX' comedy series *Gordita Chronicles* (2022) that tells the story of a Dominican family that have just moved to Miami. Cucu, the show's 12-year-old protagonist, is already quite fluent but keeps coming across new words and meanings. She also often compares English to Spanish, the latter being her mother tongue. One of the first discoveries leaves her somewhat crestfallen as she learns that the meaning of 'Gordita', a Spanish endearment her parents call her, is not that flattering in English. 'Gordita' in Spanish means 'chubby' and is used affectionately towards someone, especially children, who are not even necessarily chubby. Boys from her American school mockingly 'translated' her nickname into 'fatso', an offensive word to say someone is overweight.

(7) *Boy1: Hey! Watch where you're going, **fatso**.*

Cucu: Oh, my name's not fatso. It's Cucu.

*Boy2: **Fatso means gordita, gordita** (Gordita Chronicles).*

As the story goes, Cucu notices more differences between how the two languages work and that many words are based on metaphors and puns that are not the same in English and Spanish. At the same time, she realizes that learning to speak English does not require throwing away Spanish as she can love and master both. She wants to prove this point to her English teacher that insists she must avoid Spanish at all cost when in class. The teacher asks her to help with English-Spanish translation as she accidentally locks her keys inside the car. Cucu is to ask the Spanish-speaking worker to break into her car to get the keys:

(8) *Now, translate exactly. "I locked my keys in the car. **Break in** and get them."*

To spite her, Cucu translates the phrasal verb 'break in' which must be understood metaphorically as 'enter with force' with the Spanish 'romper' which has the non-metaphoric meaning of 'break' that implies damaging something. So, the worker shatters the car window.

In some cases, however, Cucu cannot recognize the dead metaphor herself and comes up with a wrong idea:

(9) Yoshi: "Define these weird English words: <...> **Party pooper.**"

Cucu: [giggles] "Okay, I don't know this one, but I hope it never happens to me." (*Gordita Chronicles*)

When asked about the meaning of the informal expression 'party pooper' (OALD: 'a person who does not want to take part in a pleasant activity and stops other people from having fun'), she offers a literal reading: a person who could not make it to the toilet at a party.

Cucu's mother Adela who is the least proficient in the family is shown to constantly mix up and mispronounce words and create unintended puns as the result. While the puns Cucu creates are often rather complex and aim at showing her inquisitive mind and the genuine desire to improve her English, Adela's are generally primitive and a product of her reluctance to put too much thought in how she speaks. When her family members try to correct her, she tends to dismiss their comments. She confesses to want 'a big house with a central **hair conditioner**' (instead of *air conditioner*) or imagines typical suburbs with '**green lions**' (instead of *lawns*) and '**white pickled fences**' (instead of *picket*).

While for Cucu English is an interesting subject she wants to study, for her mother it is, firstly, a simple necessity and, secondly, a part of the American Dream concept she took on when living outside the US. 'Picket fences' and 'green lawns' are clichés typically used to describe the ideal middle-class life she dreams of and she doesn't remember the wording quite well because for her the wording is mere symbolic in the Saussurean sense. It is not the fences or the lawns she wants but rather the prosperity they represent.

Summary: Depending on the specific characterization function form and / or meaning can be strictly specific and indicative, e.g. symptoms of a medical condition can be represented through wordplay based on paronymy; lack of expertise in a language can result in puns based on formal confusion or literal understanding of common metaphors.

Conclusion

This research is a contribution into the study of wordplay and its functions in fictional narrative texts and aims to investigate instances of complex wordplay in fiction from the cross-disciplinary perspective. The term 'extended wordplay' was introduced for the purpose of the present research alluding to the cases where a specific wordplay or wordplay model is used repetitively within the same fictional text to produce certain effect.

The findings speak in favor of the hypotheses formulated as regards the posed research questions. The research revealed that extended wordplay can indeed be found in modern fictional narrative texts, its role going far beyond short-lived humorous effect. Looking into the specific formal and semantic elements of extended wordplay, the research shows that the wordplay-building model, the form and semantics of the constituent parts as well as the overall semantics of wordplay, individually or combined, can be strictly determined by the context and serve a particular purpose for the construction of the fictional narrative. As a matter of fact, extended wordplay can be crucial for the representation of all the fundamental elements of a story: the fictional world, the characters and the plot. It can often be used in a metalinguistic way when characters deconstruct and decompose its form and meaning. In this case the way the characters discover or come up with a pun can be seen as an event, as a significant part of a scene or the overall plot. A particular wordplay-building model can be used throughout the fictional narrative text to create a comprehensible and entertaining concept of a fictional universe. Extended wordplay is also especially effective in character portrayal, representing permanent habits, obsessions and mental states.

This study has implications for the investigation of extended wordplay in multimodal fictional narrative where parts of wordplay can feature semantic ties with the visual elements. The findings could also prove useful in the study of some aspects of wordplay translation in literature and, potentially, cinematic texts, such as the audience's perception of various English-Russian translations of the same instances of wordplay.

References

- Anastasaki E. Nursery Crimes: A Tough Egg to Crack. Wordplay, Genre, and Metafiction. In: *Journal of the Fantastic in the Arts*, 2019, 30(2(105)), 238–256.
- Attardo S. Universals in puns and humorous wordplay. In: *E. Winter-Froemel & V. Thaler (Eds), Cultures and Traditions of Wordplay and Wordplay Research*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2018, 89–110. <https://doi.org/10.1515/9783110586374-005>
- Attardo S. *Linguistic theories of humor*. New York: Mouton, 1994.
- Baranova M. I. & Pavlina S. Yu. Intertextuality as a Driver of Multimodal Creativity in Political Advertising. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2024, 17(5), 950–962.
- Bauer M. Playing on Translation in Shakespeare's Henry V (Act 5, Scene 2). In: *S. Knospe, A. Onysko & M. Goth (Eds), Crossing Languages to Play with Words: Multidisciplinary Perspectives*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2016, 261–282. <https://doi.org/10.1515/9783110465600-013>
- Bellardi M. The cinematic mode in fiction. In: *Frontiers of Narrative Studies*, 2018, 4(1), 24–47. <https://doi.org/10.1515/fns-2018-0031>
- Bross M. "Equivocation will undo us"? Wordplay and Ambiguity in Hamlet's First and Second Line. In: *A. Zirker & E. Winter-Froemel (Eds), Wordplay and Metalinguistic / Metadiscursive Reflection: Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection*, Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015, 25–46. <https://doi.org/10.1515/9783110406719-002>
- Delabastita D. The dynamics of wordplay and the modern novel: A paired case study. In: *E. Winter-Froemel & V. Thaler (Eds), Cultures and Traditions of Wordplay and Wordplay Research*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2018, 47–74. <https://doi.org/10.1515/9783110586374-003>
- Delabastita D. (Ed.). *Wordplay and Translation: Special Issue of 'The Translator' 2/2 (1st ed.)*. Routledge, 1996. <https://doi.org/10.4324/9781315538280>
- Delabastita D. Wordplay as a translation problem: A linguistic perspective. In: *H. Kittel, A. P. Frank, N. Greiner, T. Hermans, W. Koller, J. Lambert & F. Paul I. Teilband: Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung*, Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2004, 600–606. <https://doi.org/10.1515/9783110137088.1.6.600>
- Díaz-Pérez F. J. The Translation of Wordplay from the Perspective of Relevance Theory: Translating Sexual Puns in Two Shakespearean Tragedies into Galician and Spanish. In: *Meta: Journal Des Traducteurs*, 2013.
- Dynel M. How Do Puns Bear Relevance? In: *M. Kisielewska-Krysiuk, A. Piskorska & E. Walaszewska (Eds.), Relevance Studies in Poland. Exploring Translation and Communication Problems*, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2010, 3, 105–124.
- Gibbs Jr., Raymond W. Words making love together: Dynamics of metaphoric creativity In: *E. Winter-Froemel & V. Thaler (Eds), Cultures and Traditions of Wordplay and Wordplay Research*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2018, 23–46. <https://doi.org/10.1515/9783110586374-002>
- Jaki S. Sie haben feuchte Nüsse – The Translation of Verbal Humour in German Subtitles of US American Sitcoms. In: *S. Knospe, A. Onysko & M. Goth (Eds), Crossing Languages to Play with Words: Multidisciplinary Perspectives*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2016, 357–378. <https://doi.org/10.1515/9783110465600-017>
- Jing H. *The Translation of English and Chinese Puns from the Perspective of Relevance Theory*, 2010.
- Kabatek J. Wordplay and Discourse Traditions. In: *A. Zirker & E. Winter-Froemel (Eds), Wordplay and Metalinguistic / Metadiscursive Reflection: Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection*, Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015, 213–228. <https://doi.org/10.1515/9783110406719-010>
- Knospe S. A Cognitive Model for Bilingual Puns. In: *A. Zirker & E. Winter-Froemel (Eds), Wordplay and Metalinguistic / Metadiscursive Reflection: Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection*, Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015, 161–194. <https://doi.org/10.1515/9783110406719-008>
- Lecolle M. Some Specific Insights into Wordplay Form: Sublexical vs. Lexical Level. In: *S. Knospe, A. Onysko & M. Goth (Eds), Crossing Languages to Play with Words: Multidisciplinary Perspectives*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2016, 63–70. <https://doi.org/10.1515/9783110465600-004>

- Leppihalme R. Caught in the Frame. In: *The Translator*, 2014, 2, 199–218. DOI: 10.1080/13556509.1996.10798974.
- Onysko A. A Note on the Relation between Cognitive Linguistics and Wordplay. In: *S. Knospe, A. Onysko & M. Goth (Eds), Crossing Languages to Play with Words: Multidisciplinary Perspectives*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2016, 71–78. <https://doi.org/10.1515/9783110465600-005>
- Petrova O.V. Cultural, Communicative and Relevance Factors as the Bases for Decision Making in Translation In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2018, 11(9), 1453–1466. DOI 10.17516/1997-1370-0315.
- Poier-Bernhard A. Wor(l)dplay: Reflections on a writing-experience. In: *E. Winter-Froemel & V. Thaler (Eds), Cultures and Traditions of Wordplay and Wordplay Research*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2018, 75–86. <https://doi.org/10.1515/9783110586374-004>
- Renner V. Lexical Blending as Wordplay. In: *A. Zirker & E. Winter-Froemel (Eds), Wordplay and Metalinguistic / Metadiscursive Reflection: Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection*, Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015, 119–134. <https://doi.org/10.1515/9783110406719-006>
- Schauffler S. Wordplay in Subtitled Films – An Audience Study. In: *A. Zirker & E. Winter-Froemel (Eds), Wordplay and Metalinguistic / Metadiscursive Reflection: Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection*, Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015, 229–244. <https://doi.org/10.1515/9783110406719-011>
- Sdobnikov V. V. Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(2), 295–327. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327.
- Sdobnikov V.V. Translation vs Localization: What's the Difference? In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2018, 11(9), 1487–1498. DOI 10.17516/1997-1370-0317.
- Tanaka K. The Pun in Advertising: A Pragmatic Approach. In: *Lingua Lingua: international review of general linguistics*, 1992, 87(1/2), 91–102.
- Wilson D. & Sperber D. Relevance Theory. In: *L. R. Horn & G. Ward (Eds.), The Handbook of Pragmatics*, Blackwell, 2004, 607–632.
- Zenner E. & Geeraerts D. One does not simply process memes: Image macros as multimodal constructions. In: *E. Winter-Froemel & V. Thaler (Eds), Cultures and Traditions of Wordplay and Wordplay Research*, Berlin, Boston: De Gruyter, 2018, 167–194. <https://doi.org/10.1515/9783110586374-008>
- Zirker A. & Winter-Froemel E. Wordplay and Its Interfaces in Speaker- Hearer Interaction: An Introduction. In: *A. Zirker & E. Winter-Froemel (Eds), Wordplay and Metalinguistic / Metadiscursive Reflection: Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection*, Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015, 1–22. <https://doi.org/10.1515/9783110406719-001>

EDN: PCZGGN
УДК 81.22

Quarantine Scenarios: Reflection of Non-Trivial Life Experience in Language and Discourse

Stanislav B. Beletskiy*^a and Dmitriy V. Soshnikov^{a, b}

^aNational Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

^bMoscow Aviation Institute
Moscow, Russian Federation

Received 10.04.2024, received in revised form 17.11.2024, accepted 30.12.2024

Abstract. The purpose of this study is to describe the processes of meaning-making of the pandemic discourse based on the material of the corpus-collection of interviews with students about life in self-isolation in the spring of 2020. We develop a model for formalizing the non-trivial experience of life in quarantine and self-isolation through the analysis of communicative practices of its translation and macrounits of pandemic discourse: nodal points and semiotic scenarios reflecting the content of the linguocultural model QUARANTINE. The analysis of the actant-temporal structure of the events in which the QUARANTINE lexeme occurs allows us to present the concept behind it in the form of a binary cluster scenario linguocultural model. The model reflects two strategies for verbalizing the experience of living in quarantine: A) treating quarantine as a new normal and focusing on integrating it into one's way of life; B) Treating quarantine as a test and focusing on overcoming difficulties. Neural network analysis of the corpora of texts of the pre-COVID era and the corpus of interviews indicates that model A is typical for Russian linguistic culture and is found in everyday stories without a climax, while model B acts as its labeled opposition and is found in stories that have a narrative structure.

Keywords: quarantine, metaphor, representation, linguocultural model, pandemic, COVID-19.

This research paper is based on the results of the project 'Speech Practices of Russian Society', carried out as part of the HSE Basic Research Programme in 2023.

Research area: Linguistic Variantology, Applied Linguistics, Semiotics, Identity and Difference.

Citation: Beletskiy S. B., Soshnikov D. V. Quarantine Scenarios: Reflection of Non-Trivial Life Experience in Language and Discourse. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 119–131. EDN: PCZGGN

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: stas.beletskiy@gmail.com; dmitri@soshnikov.com

Сценарии карантина: отражение нетривиального жизненного опыта в языке и дискурсе

С.Б. Белецкий^а, Д.В. Сошников^{а,б}

^аНациональный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

^бМосковский авиационный институт

Российская Федерация, Москва

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются процессы семиозиса пандемийного дискурса на материале корпуса-коллекции интервью студентов о жизни в условиях самоизоляции весной 2020 г. Предлагается модель формализации нетривиального опыта жизни в условиях карантина и самоизоляции через анализ коммуникативных практик его трансляции и макроединиц пандемийного дискурса: узловых точек и семиотических сценариев, отражающих содержание лингвокультурной модели КАРАНТИН. Анализ актантно-темпоральной структуры событий, в которых встречается лексема КАРАНТИН, позволяет представить стоящий за ней концепт в виде двоичной кластерной сценарной лингвокультурной модели. Модель отражает две стратегии вербализации опыта проживания карантина: А) отношение к карантину как к новой нормальности и ориентация на интеграцию его в свой жизненный уклад; Б) отношение к карантину как к испытанию и ориентация на преодоление сложностей. Нейросетевой анализ корпусов текстов доковидной эпохи и корпуса интервью свидетельствует о том, что модель А является типичной для русской лингвокультуры и встречается в бытовых рассказах без кульминации, в то время как модель Б выступает ее маркированным оппозитом и встречается в рассказах, имеющих нарративную основу.

Ключевые слова: карантин, метафора, репрезентация, лингвокультурная модель, пандемия, COVID-19.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Речевые практики российского общества», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Белецкий С.Б., Сошников Д.В. Сценарии карантина: отражение нетривиального жизненного опыта в языке и дискурсе. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 119–131. EDN: PCZGGN

Введение в проблематику

Обширное поле исследований о связи языка и социума, к числу которых принадлежит настоящая работа, можно разделить

на три основных сектора: 1) течения, ориентированные на социологию; 2) течения, ориентированные на лингвистику; 3) течения, ориентированные на этнометодологию.

Первые два направления рассматривают социум как фактор, влияющий на язык, третье направление помещает в центр внимания взаимовлияние языка и социума, в частности процесс создания социальной реальности посредством коммуникации (Susov, 1999: 51). Этнометодологическая трактовка объекта социолингвистики представляется нам наиболее адекватной для выполнения задач исследования речевых практик современного российского общества, особенно тех из них, которые сложились недавно, но успели войти в фонд знаний общества о значимых формах коммуникации (нем. *kommunikativer Haushalt einer Gesellschaft* (Luckmann, 1988). Речь идет в первую очередь о коммуникативных практиках периода пандемии COVID-19.

Актуальность изучения речевых практик периодов эпидемий и пандемий и вызванных ими системных кризисов во всех сферах общества обусловлена, с одной стороны, их цикличностью: «Эпидемии сопровождали человечество на протяжении всей его истории. Чума, холера, оспа, корь, дифтерия, скарлатина, полиомиелит, брюшной и сыпной тиф, гонконгский грипп, азиатский грипп, птичий грипп (H5N 1), свиной грипп (H1N 1), ближневосточный респираторный синдром (MERS), желтая лихорадка, вирус Эбола, атипичная пневмония SARS, наконец, коронавирус COVID-19, SARS-CoV-2 – далеко не полный список инфекционных заболеваний, унесших миллионы человеческих жизней» (COVID-19 и поведение человека, 2022: 5), а с другой стороны, пониманием того, что в условиях глобальной эпидемии коммуникация выступает важным фактором управления процессами динамического хаоса: «В условиях пандемического кризиса обострилась необходимость всестороннего взгляда на коммуникационную среду, на контексты, политику, цели, проблемы, которые формируют коммуникацию, а также меняющиеся ожидания граждан и заинтересованных сторон» (Vogatyreva, 2021: 16). Новизна исследования заключается в обращении к материалу устного дискурса и в выявлении коммуникатив-

ных практик вербализации опыта жизни в условиях пандемии.

Концептуальная основа исследования

В собранном нами материале устного дискурса зафиксирован опыт первого, феноменологического (без фонового знания о предмете) осмысления реалий эпохи пандемии COVID-19, который с точки зрения социологии знаний следует признать нетривиальным.

Центральным тезисом социологии знаний, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом (Berger, Luckman, 1995), является представление о том, что знания помогают решать проблемы. Процессы потребления, применения и порождения знаний конструируют социальную реальность, представляющую собой череду проблем. Обыденная реальность воспринимается нами как само собой разумеющаяся, так как мы обладаем набором знаний, который превращает ее проблемы в «непроблематичные» проблемы (вождение автомобиля, например, перестает быть проблемой после того, как получаешь соответствующий запас знаний и умений). Обыденная реальность – это интерсубъективная реальность, при ее конструировании люди применяют одни и те же знания (например, все знают, как здороваться), поэтому она ясна и понятна всем. Есть и другие реальности, менее или вовсе не интерсубъективные (сон, творчество, личное бессознательное и т.п.). Они конструируются конечным набором знаний и могут быть поняты посредством их (языковой) интерпретации значениями повседневного (разделяемого с другими) знания (например, описание сна как рассказ о нем). В этих необыденных реальностях человек не располагает заранее знакомым инструментом решения возникающих в них проблем, т.е. не обладает готовым знанием. Решая такие нетривиальные проблемы, он приобретает соответствующий опыт, включающий в себя опытное знание, которое он может транслировать в обыденную реальность через описание проблемной ситуации в целом (опыт как таковой) или в чистом виде как оседimentированное (осажденное) знание.

Постановка проблемы

Целью настоящего исследования является описание процессов смыслообразования пандемийного дискурса на материале корпуса-коллекции интервью студентов о жизни в условиях самоизоляции весной 2020 г., собранных участниками спецкурса (майнора) «Структура и функции рассказа» (всего 85 интервью общим объемом 111 000 словоупотреблений). В материале зафиксирован нетривиальный опыт жизни в условиях новой реальности – пандемии, карантина и самоизоляции, поэтому особый интерес представляют стратегии вербализации новых на тот момент концептов, или, как их называют авторы коллективной монографии «Русский язык коронавирусной эпохи» (2021), ключевых слов. В данный список включаются наиболее частотные и продуктивные слова и стоящие за ними концепты: карантин, (само)изоляция, (корона)вирус, маска, ковид (COVID), вирус, дистанционка, перчатки, зум (zoom), корона и др. Наиболее частотной в нашем корпусе является лексема КАРАНТИН (372 вхождения), для которой мы разрабатываем лингвокультурную модель путем анализа (метафорических) контекстов ее употребления.

Методология

Для анализа знаниевой составляющей собранных нами данных мы пользуемся концепцией лингвокультурной модели (ЛКМ), которую М.Б. Бергельсон определяет следующим образом: «ЛКМ – это квант социокультурного знания со своей предметной областью. ЛКМ занимают промежуточное положение на шкале универсальности знаний между максимально индивидуализированными знаниями, составляющими уникальный личный опыт субъекта и максимально общими, универсальными знаниями, которыми обладает Homo sapiens (последние обычно не оспариваются, и их не интересно обсуждать). ЛКМ достаточно гибки в том смысле, что, будучи общими для некоторого множества людей, они могут пополняться, уточняться новой информацией. Многие из них, пожалуй, за исключением наиболее общего

для данной лингвокультуры конгломерата представлений, называемых «языковой картиной мира», нуждаются в коммуникативном подкреплении. <...> Принципиальным для ЛКМ является различие внутри нее сценариев поведения (Поход в театр) и сценариев дискурсивного поведения (Разговор о театре). То, какие именно элементы поведенческого сценария профилируются (=получают прагматически значимое выделение) в дискурсивном сценарии, составляет социокультурную специфику данного дискурсивного сообщества» (Bergelson, 2007: 38).

Иными словами, ЛКМ – это один из способов представления знаний, циркулирующих в дискурсе: сведений, фактов, понятий, представлений и т.п., которые актуализируются, передаются и/или интерактивно конструируются участниками общения. По отношению к общеизвестным знаниям (компонентам языковой картины мира), являющимся базовыми константами коммуникации, они выступают периферийными репрезентациями прототипических и околопрототипических (кластерных) категорий, или идеализированных когнитивных моделей (Lakoff, 2004: 188). Непрототипические репрезентации являются маркированными членами пары ядро-периферия и получают в дискурсе прагматическое выделение. Следовательно, задача изучения речевых практик передачи опыта и опытного знания заключается в описании ЛКМ, стоящих за реалиями пандемийной эпохи, на основе анализа их прагматических (оценочных) признаков. Поясним сказанное на примере 1.

Пример 1. Эпопея

И: <FPP>А ты можешь рассказать пожалуйста побольше про саму болезнь что-нибудь кратко? </FPP>

Р: <SPP><ABS> Ну на самом деле она меня не коснулась. Я столкнулась с другой эпопеей, </ABS>

<ORNT><ME> так как в период пандемии(,)и вообще изоляции было очень сложно ездить к врачам в больницы, это постоянная волокита с перчатками,

масками, бахилами, записью к врачу, просто огромными просьбами принять и просто организовать прием </ME></ORNT>

<TE> *и у меня молодой человек заболел.* </TE>

<CA> *Мы ездили к разным врачам, пытались записаться огромное количество раз, иногда не совсем удачно, втихоря ездили обследовались, но в итоге особо не выяснили что с ним случилось, но при этом и конечно же каждый раз сдавали тест на коронавирус которая была отрицательным,* </CA>

В первой части смежной пары (FPP) интервьюер просит рассказчицу поделиться историей о болезни, тем самым формулируя запрос на экспликацию ЛКМ БОЛЕЗНЬ. Во второй части смежной пары (SPP) рассказчица соглашается, замечая, что расскажет о периферийном случае – о чужой болезни, которую она профилирует (выделяет прагматически) гиперболой «эпопея», тем самым посылая собеседнице квант знания «болезнь – это эпопея».

На этапе ориентации (ORNT) рассказчица вводит слушательницу в мир рассказа перечислением, как ей кажется, банальных, известных всем обстоятельств (ME), на фоне которых будет разворачиваться дальнейшая (небанальная) история. Здесь можно наблюдать «поломку» и отладку такого сценария поведения, как «поход в больницу»: в то время как последовательность действий сохраняется (записаться на прием заранее, прийти в больницу, посетить врача), степень их выполнимости меняется – каждый шаг сценария дается актору с большим трудом, что, однако, в логике пандемийной реальности стало нормой, поскольку включено в совокупность банальных событий, предваряющих рассказ (в канонический скрипт).

Далее следует завязка (TE), которой рассказчица создает интригу и вместе с тем переходит от описания обыденного опыта к трансферу нетривиального знания – рецепту решения проблемы: что делать, если

заболел близкий человек. Развивая сюжет, она перечисляет действия, которые необходимо предпринять в условиях, когда привычный сценарий посещения врача не работает (CA). Прагматически выделены следующие кванты знания:

- ездить необходимо к *разным* врачам;
- нужно проявлять настойчивость (*огромное количество раз*);
- нужно нарушать запрет на выход из дома (*втихоря ездили*);
- нужно следовать формальным правилам поведения (*конечно же каждый раз сдавали тест на коронавирус*).

Анализ контекста лексемы «болезнь» в данном отрывке позволяет реконструировать соответствующую ЛКМ, детерминирующую понимание как сути этой реалии («болезнь – это эпопея»), так и связанных с нею поведенческих сценариев в норме (до пандемии) и в «патологии» (в новых условиях). Вопрос об интеграции сценариев в ЛКМ решается путем переопределения ЛКМ как сценария, под которым мы вслед за Дж. Лакоффом будем понимать «когнитивную структуру, в самом общем виде состоящую из следующих элементов: начальное состояние, последовательность событий, конечное состояние, структурированную по линии времени и включающую в себя людей, вещи, признаки, отношения и пропозиции» (Kuznetsova, 2018: 32). Иными словами, ЛКМ – это актантно-темпоральная структура события или концепта, который на достаточно большом материале можно «развернуть» как событие (например, концепт ГНЕВ как процесс гневания у Дж. Лакоффа).

Полученные нами выводы справедливы для индивидуального случая, но не в масштабах всей выборки. Для построения ЛКМ на дискурсивном уровне следует прибегнуть к корпусным методам исследования – анализу множественных контекстов узловых точек пандемийного дискурса, выявленных в работе (Beletskiy et al., 2022), – выявлению присущих им схем вербализации (Chafe, 1983) с опорой на инвентарь семантических ролей, приня-

тый в традиции Московской семантической школы (Lyashevskaya, Kashkin, 2015). Иными словами, работая с эмпирическим материалом, мы выявляем в нем повторяющиеся актантные структуры и упорядочиваем их хронологически.

Результаты исследования

Наиболее частотная узловая точка в нашем корпусе – лексема «карантин». Она встречается 372 раза. Контент-анализ контекстов употребления данной лексемы (рис. 1) позволил выделить 14 разновидностей ЛКМ КАРАНТИН. Однако прежде чем перейти к описанию данных вариантов, раскроем их инвариант – идеализированную когнитивную модель, зафиксированную в определении термина, предлагаемого словарем русского языка под редакцией С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой:

«карантин, -а, м. 1. Временная изоляция заразных больных, а также лиц, соприкасавшихся с такими больными. **2.** Пункт санитарного осмотра прибывших из местности, поражённой эпидемией. **3.** карантин растений – специальная служба, контролирующая провоз через границу растений,

плодов, семян. || прил. карантинный, -ая, -ое. К. пункт. К. врач. К. пограничный до-смотр» (Ожегов/Шведова, 1990: 267).

В приведенных словарных дефинициях первую следует признать прототипической, вторую и третью – центральными, или типичными.

Наиболее близок к первому определению вариант ЛКМ «Карантин – это временная изоляция», актантная структура которого представлена глаголами перемещения, а участники – ролями пациента (отведена человеку) и направления (пункт осмотра). Данная модель лежит в основе ряда как прямых, так и косвенных определений карантина, например:

а) *сначала нужно было пройти карантин а потом уже благополучно заехать в общежитие;*

б) *в Элисте закрыли всех на К;*

в) *вас отправляют на К;*

г) *Это было довольно неожиданно, таковой переход на К;*

д) *всю страну опять посадили на К / нас посадили в вузе на К окончательно;*

е) *прямо когда нас на карантин кинули;*

ж) *После того как мы ушли в марте на карантин.*

The screenshot shows the KWIC Concordance tool interface. At the top, there is a search bar with the word 'карантин' entered. Below the search bar, there are options for POS (N), Conj. (.), and Additional Options. The search results are displayed in a list format, with each line showing a snippet of text from a document, with the word 'карантин' highlighted in blue. The snippets are related to quarantine experiences, such as university closures, travel restrictions, and personal reflections on the pandemic. The interface also includes a 'Search' button and a 'Ready' indicator.

Рис. 1. Конкорданции лексемы «карантин» в KH Coder
Fig. 1. Concordances of the lexeme “quarantine” in KH Coder

Следующий по близости к прототипу вариант ЛКМ «Карантин – это мера безопасности (декрет)». Он реализован глаголами воли и речи, участниками в ролях пациента и инсептива. Данная модель используется для вербализации момента начала карантина, например:

а) *после того как ввели К, я хотел остаться в Москве;*

б) *как только объявили К и самоизоляцию / когда наш президент объявил самоизоляцию и К;*

в) *когда К сняли;*

г) *соблюдать строгий К*

Остальные варианты ЛКМ КАРАНТИН следует рассматривать как прагматически обусловленные расширения конвенциональных разновидностей.

ЛКМ «Карантин – это стихия» реализована глаголами существования, природного явления и ролями пациента и эффектора. По данной модели вербализуется метафора карантина как форс-мажора, перед которым человек бессилён. Примеры:

а) *Нуу было сложно чем то заняться, потому что был страх выходить на улицу и мы с моим другом (.) не буду говорить с каким (.) решили переждать карантин дома.*

б) *в Барнауле К наступил на две недели позже, чем в Москве;*

в) *когда К только начался / у меня в универе К начался с 17 марта / второй начался после летних каникул;*

г) *К проходил / прошёл не скучно / без проблем / продуктивно / нормально;*

д) *К (не) ушел (до сих пор);*

е) *потом К закончился, я сдал ЕГЭ и все;*

ж) *уже тогда поднимались темы о том что может перейти карантин с Китая в Россию*

ЛКМ «Карантин – это отдых» включает в себя глаголы поведения человека и участников: агент и ресурс. По данной модели строятся высказывания о восприятии карантина как возможности заняться любимыми или необходимыми занятиями. Примеры:

а) *пришло сообщение о том, что будет карантин пришло как раз таки когда мы*

ехали вроде в электричке. И мы очень радовались, и мы сразу же стали планировать чем мы щас будем отдыхать;

б) *в итоге и все перестали бояться и делали че хотели, но первое время мы (.) играли (.) в комп в казочку катали;*

в) *Ну. сначала когда в марте начался.. карантин. все подумали что ну класс. выходные две недели;*

г) *С другой стороны я стала //.. // больше времени проводить с родственниками, освоила новые навыки, ну //.. // и в принципе я не скучала на карантине*

ЛКМ «Карантин – это амбивалентный даритель» включает в себя глаголы посессивной сферы и участников: ассистив и бенефактив / малефактив. Данный вариант вводит в дискурс рефлексии по поводу возможностей, которые карантин предоставил или отнял. Например:

а) *Ну а дальше карантин после этой сессии вроде как пошел на спад, и ну особо ужасней, ужасностей, ужасов карантина большие никаких не переживал, и очень надеюсь, что не переживу;*

б) *вырезал как-то много времени из жизни;*

в) *оказался спасательным кругом / К очень помог всем студентам / Был спасительным для многих студентов / К помог немного осознать себя;*

г) *Амм (..) так же карантин дал, можно сказать, сбитый режим;*

д) *пошел на пользу;*

е) *А-а ... в целом карантин пошёл (.) неплохо ... а-а очень насыщено, я бы сказала;*

ж) *Хоть и этот карантин положительно отразился на нашей семье, (.) тем не менее я понимаю какие ужасные последствия были у всего этого и у-у этой болезни;*

з) *А что-то помимо негатива тебе принёс карантин?*

ЛКМ «Карантин – пугающая неизвестность» строится вокруг глаголов ментальной сферы, эмоций и включает в себя участников: экспериенцер и стимул. В этой модели человек предстает пассивным объектом воздействия карантина. Примеры:

а) *... Ии я не понимал самое = я не знал таких слов как самоизоляция карантин / (..)*

но я понимал, просто вот, началось. ... Ии следующие месяцы прошли так, как я в начале первого курса вообще не мог предполагать.

б) Мой карантин начался с какого-то, такого (...) даже непонимания сути проблем, что вообще в мире происходит?

в) а потом 16 марта закрывают на карантин .. начинается просто такая сильная паника ... ну я никогда не сталкивалась вот с такой сильной паникой, когда все настолько переживают / вот.

ЛКМ «Карантин – период времени» включает в себя глаголы существования и роли: агенс и срок. Такая когнитивная структура используется для экспликации восприятия карантина как промежутка времени. Примеры:

а) Вот и в принципе весь карантин, вот, то есть до конца июня, когда мы уже сдали экзамены, мы жили в этой квартире, и в принципе никуда не выезжали;

б) даже в К они работают / в К все залы закрылись / ты что-то освоила за К?;

в) я разделяю К на несколько этапов;

г) во время К я попробовал себя в кулинарном искусстве;

д) А научилась ли ты (.) чему-то новому (.) за карантин?

ЛКМ «Карантин – факт биографии» включает в себя глаголы изменения состояния или признака, а также роли посессора и момента. Данная структура описывает карантин как период личной истории. Примеры:

а) Уже знали о карантине, то что нас закроют на две недели, вот, ии (..) а и я ещё до этого заболел, у меня там проблемы были (..) я уж (..) для меня карантин короче начался на две недели раньше, не знаю зачем вам это знать {улыбается};

б) расскажи / поговорим про свой / твой К;

в) проводить свой К / как начался твой К;

г) Наверное, одно из самых ярких событий за мой карантин {смеется};

д) Скажи, ты мог бы рассказать мне о том как ты провёл время в свой карантин прошлой весной?

ЛКМ «Карантин – повод для рефлексии» строится вокруг глаголов ментальной/

психической сферы с вовлечением субъекта ментального/психологического состояния и стимула. В этой модели карантин побуждает человека к рефлексии. Примеры:

а) На самом деле конечно успели и перессориться за это время кучу раз, но давно не было таких вот семейных вечеров, все же этот карантин реально дал нам многое переосмыслить, там, ценности поменялись слегка;

б) карантин также дал по = к = лэээ {смеется} карантин также дал понять (..) что (...) ммм (...) возможно (..) не все близкие люди по-настоящему близкие; в) вот этот карантин / – это был повод задуматься / время для саморазвития;

г) Этот карантин, скажем так, кого-то объединил, кого-то разругал и в любом случае, я бы сказал, что всё к лучшему.

ЛКМ «Карантин – мир НЕ» включает в себя глаголы поведения человека и участников: агенс и причина. Данная структура используется для рассказа о том, почему человек не совершает каких-либо действий. Примеры:

а) Все застаивается. Ты-ы-ы не выходишь на улицу, не общаешься с людьми, ты просто начинаешь быть антисоциальным (.) и все. / Ты общаешься только по интернету, ты пишешь (.)ты даже можешь не разговаривать целыми днями (..) И что? Еще пары ... л ... ле (..) лет. Это может продлиться следующие пару лет и что? Люди начнут = все, они просто начнут забывать язык (.) Просто начнут забывать как разговаривать, но зато будут уметь печатать;

б) ты н-н-не прешь = никуда не идешь в-в-в холод, в снег, в дождь, / все хорошо, ты сухой, умытый и одетый, но при этом что: ты почти не двигаешься;

в) Но вот у меня было (.) сначала очень непонятное расписание там где я три раза ходила.

ЛКМ «Карантин – урок/испытание» строится вокруг глаголов изменения состояния или признака, физического воздействия с участием агенса и причины. С помощью данной структуры вербализуется восприятие карантина как испытания. Примеры:

а) Второе, чему я научился это ... а стараться (...) максимально позитивно относиться к тому, что происходит / . А также научился ... пользоваться такими программами как Zoom, MS Teams и вот подобными программами;

б) единственной целью и светом в конце тоннеля было то что. когда-нибудь это закончится и когда-нибудь я смогу. допустим (...) поехать на дачу. или увидеть друзей. и только это мне кажется давало сил (.) каких-то душевных вообще выживать;

в) В марте этого года начался карантин и я взял и сломал ногу, так как играю в футбольной команде на профессиональном уровне и получил вот такую травму – перелом пятой плюсневой кости¹.

ЛКМ «Карантин – (не) новый образ жизни» включает в себя глаголы поведения человека и роли: агентс и причина. Данная модель применяется для оценки изменений образа жизни или их отсутствия. Примеры:

а) Проводила его как все: сидела дома, нигде не выходила;

б) Как бы карантин карантином но-о (.) жизнь проходит мимо тебя. Зато-о {смех} есть время на ремонт например, да?;

в) Карантин это не новый метод выживания (.) не новый способ выжить. Надо срочно возвращаться ко всему-у (.), что было до этого и жить нормальной, полноценной, а не виртуальной (.);

г) до этого мой образ жизни в карантин и до карантина не очень сильно отличался;

д) Честно говоря я не думаю (.) Конечно теперь без маски просто на улице я не выйду нигде это уже как образ жизни постоянно везде носить маску и перчатки вот.

Упорядочение перечисленных вариантов ЛКМ по временной оси «начало-середина-конец» обнаруживает бинарный характер их распределения и позволяет представить стоящий за ними концепт в виде двоичной кластерной сценарной модели, представленной в табл. 1.

¹ В данном примере именно карантин, а не травма рассматривается как урок/испытание, поскольку далее респондент рассказывает о том, как режим самоизоляции усугубил травму.

Модель отражает две стратегии вербализации опыта проживания карантина: А) отношение к карантину как к новой нормальности и ориентация на интеграцию его в свой жизненный уклад; Б) отношение к карантину как к испытанию и ориентация на преодоление вызванных им сложностей. Можно предположить, что субмодель А извлекается из хабитуальных рассказов, построенных вокруг актуализации канонического скрипта, не содержащего ни зачина, ни кульминации, ни развязки, а субмодель Б реконструируется из рассказов о личном опыте, построенных вокруг нетривиального события, представляющего собой испытание (что следует из анализа кульминационных событий, например: *пришлось тратить деньги и искать, где можно арендовать мощный компьютер; появление эмоционального выгорания; стала затворницей*). Иными словами, замысел – наличие или отсутствие кульминации – предопределяет набор пропозиционных схем, что согласуется с представлением о том, что вербализация опыта не является достоверным свидетельством или фактом истории, она всегда носит творческий характер, поскольку респондент на этапе планирования речи выбирает наиболее подходящие замыслу пропозиционные схемы, последовательность которых в некоторой степени предопределена или, по крайней мере, зависит не только и не столько от фактов прошлого, но и от сценарных характеристик нарратива (Chafe, 1983).

Выявленные нами субмодели строятся вокруг наличия или отсутствия кульминации в рассказе. Если рассказчик не находит в своем опыте ничего нетривиального, то для него карантин начинается с момента объявления декрета (1), вызванного форс-мажором (2а), который он использует как возможность отдохнуть (3а), (не) меняя свой образ жизни (4а). Ретроспективно карантин воспринимается как отрезок исторического времени (5а), по завершении которого респондент дает ему свою оценку (6а). Если рассказчик находит нечто нетривиальное в своем опыте, он выбирает другую цепочку пропозициональных схем: карантин

Таблица 1. Кластерная сценарная модель КАРАНТИН
Table 1. Cluster scenario model QUARANTINE

0. Карантин – это временная изоляция. [Перемещение: Пациент + Направление]	1. Карантин – мера безопасности (декрет). [Воля<->Речь: Пациент + Инсептив]
Субмодель А (хабитуальная) «Главное спокойствие»	Субмодель Б (нарративная) «Путь героя»
2а. Карантин – это стихия (форс-мажор). [Начало существования, существование, прекращение существования -> природное явление: Пациент + Эффектор]	2б. Карантин – пугающая неизвестность. [Ментальная сфера, эмоция: Экспериментер + Стимул]
3а. Карантин – это отдых. [Поведение человека: Агент + Ресурс]	3б. Карантин – урок/испытание. [Изменение состояния или признака, физическое воздействие: Агент + Причина]
4б. Карантин – (не) новый образ жизни. [Поведение человека: Агент + Причина]	4б. Карантин – это амбивалентный даритель. [Посессивная сфера: Ассистив + Бенефактив/Малефактив]
5а. Карантин – период времени. [Существование: Агент + Срок]	5б. Карантин – факт биографии. [Изменение состояния или признака: Посессор + Момент]
6а. Карантин – повод для рефлексии. [Ментальная/ психическая сфера: Субъект ментального/ психологического состояния + Стимул]	6б. Карантин – мир НЕ. [Поведение человека: Агент + Причина]

начинается с момента объявления декрета (1) и нарушает его привычный образ жизни (2б), создает трудности (3б), решение которых сопряжено с положительными или отрицательными последствиями (4б). Ретроспективно карантин воспринимается как факт биографии (5б), осмысление которого заставляет респондента пересмотреть свою привычную картину мира (6б).

Обсуждение и выводы

Стратегия вербализации опыта свидетельствует о том, в какой мере карантин повлиял на жизнь рассказчика: в случае А влияние было незначительным, в случае Б карантин воспринимается как фактор личной истории. Можно предположить, что в допандемийных данных мы обнаружим ЛКМ типа А. Для проверки этого предположения мы исследуем дистрибутивную семантику ключевых слов пандемийного дискурса в доковидном (выборка из НКРЯ) и ковидном (наши данные) корпусах с помощью нейросетевых моделей векторного представления слов Word2Vec (Mikolov et al., 2013). Данные модели позволяют представлять слова в виде числовых векторов

и вычислять семантическую близость (степень совпадения контекстов) для сопоставляемых лексем, выраженную в косинусном расстоянии (от нуля при полном несовпадении контекстов до единицы при их полном совпадении). Данный метод позволит нам обнаружить изменения в распределении ассоциатов ключевых слов пандемийного дискурса.

В качестве исходной мы использовали модель `guscogroga_upros_cbow_300_20_2019` (Rusvectores a, www), которая была обучена с помощью алгоритма непрерывного мешка слов для создания векторов размерностью 300 из НКРЯ объемом 270 млн слов. В результате были получены списки ассоциатов для некоторых ключевых слов пандемийного дискурса на текстовом материале доковидной эпохи. Первые 10 строк списка представлены в табл. 2.

Далее мы создали собственную модель Word2Vec по методу (Rehurek, Sojka, 2010) на данных корпуса интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции (Beletskiy et al., 2022), включающего в себя два подкорпуса, собранных в 2020 и 2021 гг. Статистика корпуса представлена в табл. 3.

Таблица 2. Наиболее близкие ассоциаты ключевых слов пандемийного дискурса, полученные на материале НКРЯ с помощью модели Word2Vec

Table 2. The closest associates of key words of pandemic discourse, obtained from the NCREP using the Word2Vec model

Эпидемия	Самоизоляция	Вирус	Карантин	Депрессия	Каникулы
холера	конфронтация	штамм	карантинный	стресс	вакация
чума	маргинализация	вирусный	карантина	ступор	каникул
пандемия	фундаментализм	вирус	карантить	эйфория	вакации
эпизоотия	изоляция	подтип	карантень	депрессивный	каникулярный
эпизоотие	авторитаризм	инфекция	карантен	синдром	семестр
эпидемический	глобализация	аденовирус	гошпиталь	кризис	отпуск
холерный	запад	вкэ	карантитывать	ремиссия	лето
поветрие	тоталитаризм	вич	зараза	тоскливость	вакационный
малярия	глобализм	антигенный	чумный	запой	выходной
дифтерия	дестабилизация	вгс	холера	меланхолия	осень

Таблица 3. Статистика корпуса

Table 3. Corpus statistics

Подкорпус	Строки	Токены
2020	1437	72883
2021	5805	234070
Всего	7242	306953

Тексты были предобработаны: из них были удалены тэги дискурсивной разметки,

проведена лемматизация, произведена разметка по частям речи в соответствии с методикой (Rusvectors b, www). Из-за сравнительно небольшого объема корпуса была выбрана небольшая размерность вектора – 32. Модель была обучена на 100 эпохах. В результате был получен список ассоциатов для некоторых ключевых слов пандемийного дискурса на материале текстов корпуса интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции (табл. 4).

Таблица 4. Наиболее близкие ассоциаты ключевых слов пандемийного дискурса, полученные с помощью модели Word2Vec на материале корпуса интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции

Table 4. The closest associates of key words of pandemic discourse obtained using the Word2Vec model based on the material of the interview corpus about life in quarantine and self-isolation

Эпидемия	Самоизоляция	Вирус	Карантин	Депрессия	Каникулы
дальнейший	изоляция	коронавирус	самоизоляция	некий	сессия
изоляция	карантин	болезнь	учеба	ерунда	летний
сovid	пандемия	пандемия	локдаун	неудобство	ночевка
ход	локдаун	ковид	дистанционка	открытие	зимний
пандемий	рассказывать	последствие	пандемия	признак	полтора
ковид	карантинный	опасаться	изоляция	успеваемость	дистант
карантинный	учеба	мир	дистант	взгляд	осень
непростой	дистанционка	опасность	дистант	степень	карантин
коронавирус	коронавирус	переживать	время	мозг	остаток
человечество	твой	коронавирусый	каникулы	нагрузка	весна

Таблица 5. Семантическая близость ключевых слов пандемийного дискурса в корпусе доковидной эпохи и в корпусе интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции

Table 5. Semantic proximity of key words of pandemic discourse in the corpus of the pre-Covidian era and in the corpus of interviews about life in quarantine and self-isolation

№	word 1	word 2	pre-COVID	COVID	Δ
1	вирус	депрессия	0.81	0.95	0.14
2	коронавирус	депрессия	-	1.00	-
3	изоляция	депрессия	0.77	0.86	0.09
4	самоизоляция	депрессия	0.63	0.98	0.35
5	карантин	отдых	0.89	0.87	-0.02
6	вирус	каникулы	0.98	0.98	0
7	одиночество	пандемия	0.92	0.89	-0.03

Для вычисления семантических расстояний между парами ключевых слов их вектора должны быть одинакового размера, поэтому мы инициализировали новую модель Word2Vec с размерностью 300, составили для нее словарь на основе корпуса интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции и объединили его со словарем исходной предобученной модели. Затем мы обучили комбинированную модель на данных нашего корпуса, после чего смогли вычислить семантическое расстояние между парами ключевых слов. В табл. 5 приведены результаты для наиболее частотных ключевых слов (word 1) и их ближайших ассоциатов (word 2) в допандемийном корпусе (pre-COVID) и в корпусе интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции (COVID).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что семантическая близость увеличилась в парах лексем № 1, 3, 4, уменьшилась

в парах лексем № 5, 7, не изменилась в паре № 6 и не может быть оценена в динамике для пары № 2 в силу отсутствия слова «коронавирус» в доковидном корпусе. Изменение косинусного расстояния для пар лексем № 3 и 4 может свидетельствовать об изменении типа контекстуальных семантических отношений между ними: из причинно-следственных в синонимические. Высокое значение данного показателя для пар № 1, 5, 6, 7 может свидетельствовать о контекстной синонимии членов данных пар лексем в обоих корпусах. Практически неизменные и высокие показатели косинусного расстояния для пар «карантин-отдых» и «вирус-каникулы» можно рассматривать как подтверждение выдвинутого ранее предположения о том, что ЛКМ «Карантин – это отдых», следует признать типичной репрезентацией инварианта, а субмодель *A* – немаркированным базовым для русской лингвокультуры сценарием карантина.

Список литературы / References

Beletskiy S. B., Avtaeva D. N., Kuzmicheva P. A., Chudinova S. B. Uzlovye i periferijnye točki pandemijnogo diskursa: paradigmatica i sintagmatica [Nodal and Peripheral Points of Pandemic Discourse: Paradigmatics and Syntagmatics]. In: *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*, 2022, 15(11), 1655–1679.

Bergelson M. B. Sociokul'turnaja motivirovannost' narrativov. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii [Socio-Cultural Motivation of Narratives. Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. In: *Proceedings of the International Conference "Dialogue 2007"*. Moscow: RSUH, 2007, 38–43.

Berger P., Luckman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti [The Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]*. Moscow: Medium. 1995

Bogatyрева T. G. Zarubezhnyj opyt kommunikacii publichnogo sektora v uslovijah COVID-19 [Foreign experience of public sector communication in the context of COVID-19]. In: *Communicology*, 2021, 9(1), 15–28.

Chafe W. Pamjat' i verbalizacija proshlogo opyta [Memory and verbalization of past experiences]. In: *New in Foreign Linguistics*, 12, Moscow: Raduga. 1983

COVID-19 i povedenie cheloveka: stress, mify i social'naja real'nost': koll. monografija [COVID-19 and Human Behavior: Stress, Myths and Social Reality: Monograph]. Ed. V. N. Burkova, M. L. Butovskaya, Moscow, St. Petersburg: Nestor-History. 2022

Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In: *Ignatov, D., et al. Analysis of Images, Social Networks and Texts*. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science, 2017, 661. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52920-2_15

Kuznetsova Y. M. Scenarnyj podhod k analizu tekstov [Scenario Approach to Text Analysis]. In: *Proceedings of ISA RAS*, 2018, 1(68), 31–41.

Lakoff J. *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thinking] / translated from English by I. B. Shatunovsky. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2004

Luckmann Thomas. Kommunikative Gattungen im kommunikativen „Haushalt“ einer Gesellschaft. In: *Smolka-Koerdt, Gisela/Spangenberg, Peter/Tillmann-Bartylla, Dagmar (Hg.): Der Ursprung von Literatur: Medien, Rollen, Kommunikationssituationen zwischen 1450 und 1650 (= Materialität der Zeichen 1)*. München, 1988, 279–288.

Lyashevskaya O., Kashkin E. FrameBank: A Database of Russian Lexical Constructions. In: *Analysis of Images, Social Networks and Texts. 4th International Conference*, AIST 2015, Yekaterinburg, Russia, April 9–11, 2015, Revised Selected Papers, Springer International Publishing, 2015, 350–360.

Mikolov T., Chen K., Corrado G. S. & Dean J. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. In: *International Conference on Learning Representations*. 2013

Nacional'nyj korpus russkogo jazyk. URL: <https://ruscorpora.ru>. Accessed: 2024.10.05.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian]* / 22nd ed., stereotyped. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian language. 1990

Rehurek Radim, Sojka Petr. Software Framework for Topic Modelling with Large Corpora. In: *Proceedings of the LREC 2010 Workshop on New Challenges for NLP Frameworks*, Valletta, Malta, May, ELRA, 2010, 45–50. <http://is.muni.cz/publication/884893/en>.

Russkij jazyk koronavirusnoj epohi. Kollektivnaja monografija [The Russian Language of the Coronavirus Era. Collective monograph]. Authors: T. N. Buttseva, H. Walter, I. T. Vepreva, R. I. Vrontsov, E. N. Heckina, E. C. Gromenko, I. B. Dyagileva, V. A. Efremov, A. V. Selenin, N. V. Kozlovskaya, V. A. Kozyrev, M. A. Krongauz, N. A. Kupina, T. V. Kuprina, C. D. Levina, E. V. Marinova, Z. I. Mineeva, Y. Miturska-Boyanovska, V. M. Mokienko, I. V. Nechaeva, A. C. Pavlova, D. K. Polyakov, M. N. Priyomyshcheva, N. A. Prokofieva, L. V. Raciburskaya, Yu. C. Riedetskaya, A. Romanic, B. D. Chernyak, E. A. Shcheglova, S. Yanuric/ Ed. Board: E. C. Gromenko, N. V. Kozlovskaya, A. C. Pavlova, M. N. Priemysheva (ed.), Y. S. Ridetskaya / Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences / St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2021

Rusvectors a: Semantic models for Russian language. URL: <https://rusvectors.org>. Accessed: 2024–03–10.

Rusvectors b: Text pre-processing tutorial. URL: https://github.com/akutuzov/webvectors/blob/master/preprocessing/rusvectors_tutorial.ipynb. Accessed: 2024–03–10.

Slovar' russkogo jazyka koronavirusnoj epohi [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era]. Authors: E. C. Gromenko, A. Yu. Kozhevnikov, N. V. Kozlovskaya, N. A. Cozulina, C. D. V. M. Mokienko, A. C. Pavlova, M. N. Priemysheva, Yu. C. Riedetskaya E. C. Gromenko, A. C. Pavlova, M. N. Priemysheva (red.). S. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2021

Susov I. P. *Istorija jazykoznanija: Uchebnoe posobie dlja studentov starshih kursov i aspirantov [History of Linguistics: A Textbook for Senior Students and Graduate Students]*. Tver: Tver State University. 1999

EDN: OLTNEC
УДК 81'373(038)+81(038)

Development of Thematic 3D Dictionaries of Russian Sign Language for People with Hearing Disabilities Age for People

Mikhail G. Grif^{*a} and Olga O. Korolkova^b

^aNovosibirsk State Technical University

Novosibirsk, Russian Federation

^bNovosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

Received 28.04.2024, received in revised form 18.11.2024, accepted 30.12.2024

Abstract. Setting and solving the problem of implementing a socially significant project to create a thematic educational portal of Russian sign language in the main spheres of life of deaf people (education, healthcare, public transport, government services, culture, etc.) is due to the need to ensure accessibility of government services for persons with disabilities by ear. The educational portal is based on a thematic dictionary of Russian sign language. The purpose of the work is to propose a promising technology for creating and maintaining a thematic dictionary based on a comparative analysis of thematic dictionaries of Russian sign language, the requirements for them, machine translation and 3D animation. The analysis of existing thematic dictionaries of Russian sign language was carried out according to the following criteria: the volume of the lexicographic source; relevance of vocabulary; universality in terms of coverage of language material; availability; the ability to quickly modify a resource; use of language material visualization technologies in the source. As a result of the analysis, it was revealed that all dictionaries do not fully solve the problem posed. This applies to both universal and specialized dictionaries.

The technology for creating thematic dictionaries of Russian sign language, used in the project of the Novosibirsk State Technical University within the framework of a grant from the Priority 2030 program, is examined in detail. This technology, based on the use of machine translation and 3D animation, includes several stages: speech recognition; syntactic and semantic analysis of text; application of the function of displaying text in Russian sign language; formation of a set of control commands; generation of 3D animation and visualization; video synthesis.

As a result of the study, it was concluded that this technology meets the requirements of people with hearing disabilities and can be recommended as the basis for the development of a thematic dictionary of Russian sign language.

Keywords: Russian sign language, Russian language, vocabulary, dictionaries, 3D animation.

Research area: Linguistics.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: grifmg@mail.ru; ookorol@mail.ru

Citation: Grif M. G., Korolkova O. O. Development of Thematic 3D Dictionaries of Russian Sign Language for People with Hearing Disabilities Age for People. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 132–142. EDN: OLTNEC

Разработка тематических 3D-словарей русского жестового языка для лиц с ограниченными возможностями здоровья по слуху

М.Г. Гриф^а, О.О. Королькова^б

^аНовосибирский государственный технический университет
Российская Федерация, Новосибирск

^бНовосибирский государственный педагогический университет
Российская Федерация, Новосибирск

Аннотация. Одним из способов обеспечения доступности получения государственных услуг лицами с ограниченными возможностями здоровья по слуху является реализация социально значимого проекта по созданию тематического учебного портала русского жестового языка по основным сферам жизнедеятельности глухих людей – образование, здравоохранение, общественный транспорт, государственные сервисы, культура и др. Важнейшей задачей при создании учебного портала является разработка тематического словаря русского жестового языка. В статье представлен сопоставительный анализ тематических словарей русского жестового языка, перечислены предъявляемые к ним требования, а также предложена перспективная технология их создания и поддержки на основе машинного перевода и 3D-анимации. Подробно рассмотрены технология машинного перевода фраз русского языка на русский жестовый язык и калькирующую жестовую речь, способы выявления в тексте новой лексики и включения в тематический словарь новых жестов. В результате исследования сделан вывод о том, что данная технология удовлетворяет требованиям лиц с ограниченными возможностями здоровья по слуху и может быть рекомендована как базовая для разработки тематического словаря русского жестового языка.

Ключевые слова: русский жестовый язык, русский язык, лексика, словари, 3D-анимация.

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Гриф М. Г., Королькова О. О. Разработка тематических 3D-словарей русского жестового языка для лиц с ограниченными возможностями здоровья по слуху. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 132–142. EDN: OLTNEC

Введение

Одним из направлений реализации требований Федерального закона «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального

закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»» (Federal'nyi zakon ot 30.12.2012 № 296-FZ «O vnesenii izmenenii v stat'i 14 i 19 Federal'nogo zakona «O sotsial'noi

zashchite invalidov v Rossiiskoi Federatsii») является обеспечение безбарьерной коммуникации лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) по слуху со слышащими людьми (Grif, Korol'kova, 2023; Kulikova, Magirovskaia, Shatokhina, Privalikhina, Arskii, 2022).

Русский жестовый язык (РЖЯ) является естественным языком, используемым для коммуникации людьми с нарушениями слуха, проживающими на территории Российской Федерации и частично на территории ряда стран – бывших республик Советского Союза. По данным Всероссийского общества глухих (ВОГ), в России проживает около 13 млн людей с ограниченными возможностями здоровья по слуху, из них более 300 тысяч человек являются глухими. Ежедневно эта категория лиц с ОВЗ практически во всех сферах жизнедеятельности сталкивается не только с трудностями в коммуникации со слышащими людьми, но и с невозможностью получения важной информации в звуковом формате, проблемами понимания письменной информации, так как русский язык для многих глухих является вторым языком. Особенно ярко эта проблема проявляется при получении лицами с ОВЗ по слуху государственных услуг в силу того, что они не всегда точно понимают смысл узких терминов в предоставляемых документах или в вопросах, которые могут быть заданы им работниками здравоохранения (Kagirov, Riumin, 2022), представителями правоохранительных органов (Fayzullina, P'icheva, 2020) и др., следовательно, не могут адекватно ответить на них, а также использовать эти термины при обращении в различные государственные органы и учреждения.

Постановка проблемы

Одним из способов обеспечения доступности получения государственных услуг глухими людьми, наряду с созданием баз данных, качественных систем перевода РЖЯ, отраслевых тематических, в том числе учебных, словарей РЖЯ (Grif, Korol'kova, 2023), является реализация социально значимого проекта по созданию тематического

учебного портала русского жестового языка для поддержки оказания государственных услуг в основных сферах жизнедеятельности глухих.

Данный проект реализуется в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) с 2021 года в рамках гранта программы «Приоритет-2030».

В процессе реализации проекта будут решены следующие задачи:

- разработка базы данных терминов по сферам жизнедеятельности людей с ОВЗ по слуху: образование, медицина, общественный транспорт, государственные сервисы, культура и др.;
- разработка базы данных типовых предложений, включающих указанные термины;
- разработка обучающих инструкций в сферах жизнедеятельности глухих людей;
- разработка программного обеспечения для 3D-визуализации отдельных жестов РЖЯ и перевода текста на РЖЯ;
- разработка программного обеспечения для обучения показу терминов с привлечением средств распознавания РЖЯ;
- тестирование тематического учебного портала русского жестового языка;
- доработка тематического учебного портала русского жестового языка по результатам тестирования;
- разработка проекта лицензионного соглашения для интеграции портала на бесплатной основе в государственные ведомства.

Важнейшей задачей по созданию тематического учебного портала РЖЯ для поддержки оказания государственных услуг глухим является разработка тематического словаря. Однако в настоящее время отсутствует целостное представление о технологии его создания и поддержки в актуальном виде.

Для решения данной проблемы необходимо провести сопоставительный анализ существующих тематических словарей РЖЯ, предъявляемых к ним требований, а также предложить перспективную технологию создания и поддержки этих лексикографических источников.

Анализ тематических словарей русского жестового языка

Чтобы понять, каким должен быть словарь для лиц с ограниченными возможностями здоровья по слуху, необходимо провести анализ существующих тематических словарей русского жестового языка по следующим критериям:

- объем лексикографического источника;
- актуальность лексики;
- универсальность с точки зрения охвата языкового материала;
- доступность;
- возможность оперативной модификации ресурса;
- использование в источнике технологий визуализации языкового материала.

Кратким иллюстрированным тематическим словарем является издание «Жесты. Словарь-справочник» (Zhesty. Slovar'-spravochnik, 1995), которое предназначено как для глухих и слабослышащих людей, так и для специалистов, работающих с ними. Оно включает 472 наиболее употребительных в конце XX века жеста, разбитых на 21 тематическую группу, в том числе «Образование», «Государство», «Документы, почта», «Профессии», что позволяет сделать вывод о небольшом объеме словаря, недостаточной актуальности и доступности, а также невозможности оперативной модификации его материалов. Каждая статья сопровождается иллюстрацией в виде рисунка, что следует отнести к достоинствам издания.

И. Ф. Гейльман считал издание «Знакомьтесь: ручная речь» учебным словарем, однако оно одновременно является и тематическим, так как содержит учебные материалы по 26 темам, в том числе «Давайте познакомимся», «Школа», «Работа», «Столовая», «Универмаг», «Транспорт», «Почта», «Поликлиника», «Стадион», «Дом культуры» и «Город» (Geil'man, 2001).

Издание И. Ф. Гейльмана «Ваш друг – жестика. Словарь. Упражнения. Разговорник» (Geil'man, 2002) одновременно является тематическим словарем, так как представленные в нем жесты разбиты

на 21 тематическую группу, в том числе «Здоровье», «Образование», «Работа», «Финансы», «Транспорт», «Отдых», «Культура», «Общество» и «ВФГ» («Всемирная федерация глухих» – О. К.).

Анализ этих источников позволяет сделать вывод о том, что они имеют недостаточный объем жестов для коммуникации в сфере получения лицами с ОВЗ государственных услуг; в них отсутствует ряд жестов, передающих значения новых терминов в различных областях жизнедеятельности; так как эти издания имеют бумажную версию, то не всегда доступны как лицам с ОВЗ по слуху, так и их слышащим собеседникам; кроме того, их невозможно оперативно модифицировать, добавляя появляющиеся языковые единицы. Несомненным достоинством обоих источников является наличие иллюстративного материала – рисунков, на которых показано исполнение жестов.

Р. Н. Фрадкина относит свой словарь «Говорящие руки» к тематическим словарям РЖЯ (Fradkina, 2001). Зафиксированные в нем 1480 жестов разбиты на 20 тем, в том числе «Знакомство», «Человек. Родство. Семья», «Спорт и отдых», «Город. Транспорт», «Школа», «Путешествие», «Государство. Страны мира», «Профессия. Бизнес», «Интеллектуальная деятельность», «Медицина», «Право. Закон» (Fradkina, 2001). В словаре представлена лексика конца XX века, много актуальных жестов. Все словарные статьи содержат подробное описание исполнения жеста, сопровождаемое фотокадром. Недостаток издания – невозможность оперативно вносить изменения.

«Тематический словарь российского жестового языка» (Tematicheskii slovar' rossiiskogo zhestovogo iazyka, 2005) является электронным ресурсом на диске. Словарь доступен широкому кругу пользователей. Ресурс допускает тиражирование и внесение модификаций.

В НГТУ был создан и активно используется «Толковый словарь специальных терминов на русском жестовом языке» (Tolkovyi slovar' spetsial'nykh terminov na russkom zhestovom iazyke), адресованный

студентам уровня среднего специального образования (СПО). Электронный ресурс разработан в XXI веке и содержит актуальные жесты. Он размещен на сайте, следовательно, доступен широкому кругу пользователей. Разработка содержит 76 жестов, разбитых на 3 тематические группы: «АФК» («Адаптивная физическая культура» – О.К.), «Рисунок» и «Социальная работа». Каждая словарная статья включает в себя 3 раздела: «Слово», «Толкование на РЖЯ» (видеоматериалы) и «Текстовое описание слова». Достоинством словаря является возможность оперативно вносить необходимые модификации.

Небольшой объем данного ресурса потребовал разработки на его основе нового учебного словаря для студентов уровня СПО (*Tematicheskii slovar' russkogo zhestovogo iazyka*). В «Тематический словарь русского жестового языка» включены видеоматериалы, иллюстрирующие исполнение 322 жестов, названиями которых являются термины по 8 учебным дисциплинам, в том числе по дисциплине «Социальная работа».

Анализ этого ресурса позволил выявить недостаточность количества тем и терминов, включенных в него, поэтому в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» было решено на его базе разработать новый тематический толковый учебный двуязычный словарь, адресованный студентам уровня бакалавриата. В настоящее время ресурс включает 500 словарных статей по 5 дисциплинам, в том числе жесты, названиями которых являются термины по «Педагогике», «Психологии», а также названия различных видов документов, с которыми студенты знакомятся в курсе «Русский язык и культура речи». Зафиксированные в словаре жесты используются носителями РЖЯ в настоящее время. Электронный формат словаря позволяет широко применять технологии визуализации материала, обеспечивает доступность и мобильность ресурса.

В 2021 г. вышел в свет словарь «Русский жестовый язык с дополненной реальностью» (Draga, 2021). Ресурс содержит 3500 современных жестов, часть которых

сгруппирована по 6 темам. При наведении камеры смартфона на фотографию через мобильное приложение пользователь видит жест в реальном исполнении.

Все проанализированные словари лишь частично позволяют решить поставленную проблему, так как не удовлетворяют всем перечисленным выше критериям.

Востребованность тематических отраслевых словарей объясняется, во-первых, тем, что лица с ОВЗ по слуху из-за незнания и непонимания юридической терминологии сокращают в процессе перевода словосочетания до знакомого или понятного им жеста, во-вторых тем, что сурдопереводчики для перевода профессиональных терминов иногда используют комбинации или варианты жестов, не всегда понятные людям с нарушениями слуха (Fayzullina, P'icheva, 2020). Лингвисты предлагают составить словарь юридических терминов на РЖЯ, чтобы облегчить деятельность сурдопереводчиков и обеспечить лицам с ОВЗ по слуху понимание специфической терминологии в ситуации отсутствия сурдопереводчика на месте происшествия или во время судебного заседания (Fayzullina, P'icheva, 2020).

В «Словаре русского жестового языка для сотрудников органов внутренних дел» представлены 8 тематических групп жестов, в том числе по теме «Профессиональная лексика» (Naurazbaeva, Posidelova, Khoroshko, 2020). Материалы этого издания могут стать основой для электронного варианта словаря, что обеспечит его доступность.

Примером частичного решения задачи получения глухими гражданами услуг в области здравоохранения является разработка Санкт-петербургских специалистов. База данных (БД) «Первичный приём у врача-терапевта» включает словарь кластеров «Общая информация и проведение консультации», «Анамнез», «Обследование» и «Диагностика и рекомендации», который «создавался совместно с практикующими терапевтами на базе типичных диалогов между врачом и пациентом» (Kagirov, Riumin, 2022). Особенностью разработки является то, что «...в БД включены только

реплики врача (слышащего), а не глухого пациента. Такое решение продиктовано тем, что гипотетически разнообразие релевантных ответов пациента чрезвычайно велико, и создание такой БД – масштабная задача, требующая значительных временных затрат и существенно большего числа информантов. Потому гораздо более реалистичной стратегией является применение полученного языкового набора данных в интерфейсах, позволяющих не только распознавать, но и синтезировать жестовую речь при помощи 3D-аватара, переводя звучащие высказывания врача в жестовую форму. В будущем предполагается расширение БД за счет ответов пациента, и правила для РЖЯ, полученные на представленном в настоящей статье наборе данных, будут применены и к новому набору данных» (Kagirov, Riumin, 2022: 94).

Обобщая обзор имеющихся материалов, можно сделать вывод о том, что отраслевые тематические словари должны быть электронными, доступными, допускать мобильную модификацию содержания. Пользователи должны иметь возможность устанавливать их в виде мобильного приложения на различных гаджетах. Одним из возможных вариантов решения поставленной задачи может служить раздел «Видео» ресурса, представленного на сайте ООО «Адаптис» (<https://adaptis.pro/category/video/>). Этот раздел содержит видеoinструкции, позволяющие познакомиться с некоторыми законами и правильно оформить различные документы.

Технология машинного перевода фраз звукового русского языка на русский жестовый язык и калькирующую жестовую речь

Перевод последовательности слов русского языка в последовательность жестов официально используется для онлайн-перевода, например на телевидении, он понятен и полезен аудитории глухих. Перевод на калькирующую жестовую речь (КЖР) построен на замене каждого отдельного слова в жест или последовательность дактилем, включает в себя синтаксический и се-

мантический анализ русского языка, но при этом не требует формализации грамматики жестового языка и сложной функции отображения смысла на РЖЯ.

Известно также, что глухие предпочитают перевод жестами, а не дактильной азбукой, поэтому при переводе высказывания на русском языке на КЖР нужно стремиться заменять слова близкими по значению жестами. Русский язык отличается большим количеством омонимов и многозначных слов, что требует определения их лексических значений для правильного перевода жестами. Перевод на калькирующую жестовую речь является первым этапом развития обобщенной технологии перевода на русский жестовой язык. Для адекватности передачи смысла первым этапом обобщенной технологии перевода на русский жестовый язык должен стать перевод звучащего высказывания на калькирующую жестовую речь.

Предлагаемая технология (<https://adaptis.pro/>), основанная на использовании машинного перевода и 3D-анимации, относится к инновационным. Если ранее перевод на жестовую речь основывался на комбинации микродействий, то подход команды НГТУ – ООО «Адаптис» (Grif, Korol'kova, 2023) предполагает использование актуального инструментария и технологических возможностей. В рамках проекта создается первая в России база жестов за счет оцифровки движений глухих людей в мокап-костюме, привлекаемых для участия в проекте. С помощью костюма и камеры видеозахвата осуществляется запись траектории движения рук, кистей, мимики, положения и движения тела реальных жестов в виде точек в 3D-пространстве. Затем полученные данные используются для перевода на РЖЯ.

В основе технологии лежит поэтапное создание и наполнение словаря языковым материалом: сначала записывается большое количество видеофайлов, затем осуществляется анализ и разметка, после чего задается соответствие между высказываниями на РЖЯ и на русском языке. Для этого используются нейронные сети и машинное обучение, в том числе для обеспечения актуальности переводов.

В процессе реализации проекта в рамках гранта программы «Приоритет-2030» разработано программное обеспечение (фреймворк) количественной и качественной оценки перевода, которое включает в себя многоуровневую систему контроля конечного перевода – выделяются возможные ошибки, влияющие на смысл или восприятие высказываний. На базе этого фреймворка осуществляется сравнение различных версий технологии, а также других возможных решений.

Разрабатываемая в процессе реализации проекта технология машинного перевода высказываний на русском языке на РЖЯ и КЖР существенно отличается от тех решений, которые на данный момент предлагаются в России и за рубежом. Платформа НГТУ – ООО «Адаптис» обеспечивает постоянный процесс совершенствования словаря и датасета (обучающих данных) носителей РЖЯ, а также ее интеграцию с внешними источниками данных (другие вузы, переводчики, сообщество носителей языка). Основная задача платформы – обеспечение непрерывного процесса совершенствования технологии машинного перевода РЖЯ для повышения качества конечного продукта.

Разработка перевода осуществляется поэтапно и включает:

- распознавание звучащей речи;
- синтаксический и семантический анализ текста;
- применение функции отображения текста на РЖЯ;
- формирование набора управляющих команд;
- формирование 3D-анимации и визуализации;
- синтез видеоряда.

Для оценки качества отдельных этапов перевода используются следующие метрики:

- метрики качества распознавания звучащей речи;
- метрики синтаксического и семантического анализа текста;
- полнота лексической базы словаря РЖЯ;

- метрики функции отображения текста на РЖЯ;

- метрики 3D-визуализации и синтеза аватаром высказываний на РЖЯ.

Работа над созданием технологии машинного перевода начинается с исследования жестовой речи носителей РЖЯ. Команда лингвистов проводит глубинные интервью с глухими и слабослышащими людьми, анализируют конструкции и выявляют их семантику. Полученные сведения накапливаются в форме видеозаписей жестовой речи, а также новых жестов в словаре.

Запись жеста для последующей его оцифровки производится в несколько этапов.

Этап 1. Работа с носителем РЖЯ. Один-два носителя анализируемого языка проходят интервью с использованием лингвистической анкеты и предлагают свои суждения о грамматике тех или иных предложений. Выделяют языковые конструкции и жесты вместе с информацией об их сочетаемости. Разметка видео предполагает поиск соответствующего или подходящего жеста или фрагмента видео на РЖЯ. В случае отсутствия в словаре необходимого языкового материала при разметке создается новый элемент, включающий видеофайл и смысл жеста или высказывания. Анкеты записываются на видео для дальнейшего анализа.

Этап 2. Формирование задания на запись. Анализируется видео на РЖЯ, собранные жесты и конструкции отправляются на запись в словарь и размещаются в нем со всеми лингвистическими пометами. Происходит анализ всех новых элементов словаря, проверка их уникальности.

Этап 3. Запись мокап-анимации. К съемкам привлекается глухой носитель РЖЯ (модель). На модель надевается мокап-костюм с 32 калиброванными датчиками, в том числе перчатки с датчиками фаланг пальцев. Носители РЖЯ работают по специальным заданиям, разработанным лингвистами НГТУ – ООО «Адаптис». Модель получает задание в виде текста на русском языке с пояснениями, который она должна перевести на РЖЯ. Начинается запись. Модель исполняет жест или фразу на РЖЯ, при этом мокап-костюм фиксиру-

ет движения рук, пальцев и ключевых элементов туловища в виде массива данных, а видеокамера фиксирует движения лица. Одним из этапов записи жестов является запись лицевой анимации, в ходе которой с помощью технологии Face Recognition система распознает ключевые точки мимики. Таким образом, отдельно от движений тела, рук и пальцев получают движения точек лица, которые задают мимику: движение губ, подбородка, бровей и прочих частей лица. Модель поочередно выполняет все задачи, при необходимости, повторяет перевод фраз или фрагментов. Важным аспектом записи массива данных о движении рук, туловища и лицевой анимации является параллельная запись модели несколькими камерами. Видеозапись с разных ракурсов позволяет выявить возможные ошибки и неточности в работе костюма или программного обеспечения, а также отредактировать полученную мокап-анимацию.

Этап 4. Редактирование жеста. На записанные жесты вручную накладываются правильные шаблоны конфигураций рук, использованных в этом жесте. Редактируются любые неточности, полученные при записи мокап-анимации.

Этап 5. Загрузка жеста. Собранные мокап-анимации жестов и мимики-воспроизводят необходимые движения для машинного перевода. С помощью редактора анимации проводится экспорт группы жестов в формат fbx. Скопированные файлы выгружаются в графический движок Unreal Engine 4 (широко используется в компьютерных играх и кинематографе), который преобразует мокап-анимации в движения трехмерного персонажа желаемого пола (аватара), с заданной одеждой, чертами и окружением, выполняет функции визуализации и отображения графической сцены.

Далее опишем процесс подготовки машинного перевода. Основой машинного перевода на базе технологии нейронных сетей является формирование известного множества переводов лексем и фраз на русском языке на РЖЯ, которые необходимо сопоставить с элементами словаря жестов или их комбинацией. Для решения этой задачи

команда проекта в промышленном масштабе размечает видео на РЖЯ, сопоставляя фрагменты высказываний на русском языке с 3D-анимациями из словаря, тем самым определяя пространство решений или фактических переводов, на основе которых работает нейронная сеть. Совокупность размеченных переводов сурдопереводчиков определяет способность нейронной сети выполнять перевод русского текста на РЖЯ.

Для того чтобы измерять повышение качества перевода при выходе новой версии технологии, используется интегральная количественная оценка, включающая несколько этапов.

1. Формирование статистической выборки из множества фраз. На основе данных об использовании машинного перевода в продуктах НГТУ – ООО «Адаптис» формируется статистика реальных потребностей пользователей получать перевод русского текста на РЖЯ. На основе статистических данных определяются языковые единицы русского языка, к которым у глухих наблюдается больший или меньший интерес, то есть получается частотность перевода каждого отдельного слова или фразы. Частотность слова или фразы ложится в основу приоритета для записи мокап-анимации, тестирования и корректировки перевода на РЖЯ.

2. Разметка выборки. Каждая новая версия технологии машинного перевода синтезирует перевод русского текста на РЖЯ для частотной выборки. Полученное видео направляется на тестирование, в процессе которого носитель РЖЯ может соотнести исходный запрос и перевод, зафиксировать ошибки и разметить их разными классами: неверный смысл, неверный жест, неверный элемент жеста, перевод непонятен, пропущено слово.

3. Расчет интегральной оценки. Каждая новая версия машинного перевода проходит оценку качества на основе специально разработанного фреймворка, который фиксирует ошибки перевода и классифицирует их с точки зрения критичности и влияния на смысл перевода. На основании интегральной количественной оценки сравни-

ваются между собой различные версии технологии машинного перевода.

Конечный продукт анализируется с точки зрения фактического использования, строится частотность использования отдельных жестов и высказываний на РЖЯ, намечается приоритет в работе по повышению качества, исходя из частоты и критичности ошибок. Это могут быть как ошибки и неточности отдельных жестов, которые редактируются и перезаписываются в словаре, так и новые правила разметки, которые поступают в датасет для совершенствования модели перевода. Например, может оказаться, что незначительная ошибка на большом объеме перевода, но в часто употребляемой фразе оказывает на оценку большее влияние, нежели критичная лексическая ошибка в малочастотной фразе или слове. При создании новой версии необходимо совершенствовать интегральную оценку качества перевода.

Рассмотрим архитектуру системы. Пользовательские интерфейсы наряду с внешними программами, подключенными через внешний программный интерфейс приложения API (Application Programming Interface), встраивают аватар человека-переводчика РЖЯ в продукт НГТУ–ООО «Адаптис» с помощью технологии видеостриминга. При подключении нового пользователя API создает новый контейнер аватара, время жизни которого ограничено временем жизни пользовательской сессии. Система горизонтально масштабируется в облаке на базе docker-контейнеров и имеет пул готовых аватаров для обслуживания пользователей.

Ядром каждого контейнера выступает графический движок Unreal Engine, который использует подготовленную модель машинного перевода, программное обеспечение для анализа голосовых команд (Yandex.SpeechKit для русского языка), программное обеспечение для семантического и синтаксического анализа (word2vec, mySterm, RNNmorph, udpipe) и базу данных жестов в виде мокап-анимации.

Серверная часть технологии представляет собой инфраструктуру для интегра-

ции обновленных датасетов разметки видео жестовой речи носителей языка и внешних источников, что позволяет обучать модели машинного перевода на новых версиях датасета и интегрировать их в образ контейнера для новых версий. Аналогично проводятся обновления словаря жестов и базы готовой мокап-анимации.

Выявление в тексте новой лексики и формирование жестов

В ходе анализа видеоконтента с целью его последующего перевода на РЖЯ возникает необходимость выделения новых лексических единиц, которые могут быть переведены жестами. Этапы анализа текста и формирования новых жестов РЖЯ включают:

- перевод исходного русского текста переводчиком РЖЯ;
- запись текста в виде глоссов;
- запись видео нового жеста;
- запись жеста в мокап-костюме;
- проверка и редактирование мокап-анимации;
- добавление мимики;
- сохранение жеста в словаре.

На вход анализируемой системы поступает исходный текст на русском языке или видеофайл. Переводчик РЖЯ осуществляет его перевод на РЖЯ и записывает в виде глоссов. Если обнаруживается новый жест, отсутствующий в текущей версии словаря, осуществляется его запись на видео. Далее переводчик РЖЯ в мокап-костюме производит запись анимационного ролика. Анимация проходит проверку и редактирование. Затем к анимации по мокап-костюму добавляется мимика. Далее новый жест добавляется в словарь РЖЯ. Словарь жестов в настоящее время содержит около 7300 3D-жестов (<https://adaptis.pro>).

Заключение

Важнейшей задачей по обеспечению доступности получения государственных услуг лицами с ограниченными возможностями здоровья по слуху является разработка тематического словаря русского жестового языка по основным сферам

жизнедеятельности глухих людей: образование, здравоохранение, общественный транспорт, государственные сервисы, культура и др.

На начальном этапе работы над новым ресурсом был проведен сопоставительный анализ существующих тематических словарей РЖЯ, для которого были сформулированы следующие критерии: объем лексикографического источника; актуальность лексики; универсальность с точки зрения охвата языкового материала; доступность; возможность оперативной модификации ресурса; использование в источнике технологий визуализации языкового материала. Анализ позволил выявить, что все лексикографические источники частично удовлетворяют сформулированным критериям.

Для создания тематического словаря РЖЯ, удовлетворяющего требованиям

и потребностям лиц с ОВЗ по слуху, была предложена инновационная технология, применяемая в проекте Новосибирского государственного технического университета в рамках гранта программы «Приоритет-2030». Данная технология, основанная на использовании машинного перевода и 3D-анимации, включает в себя несколько этапов: распознавание звучащей речи; синтаксический и семантический анализ текста; применение функции отображения текста на русский жестовый язык; формирование набора управляющих команд; формирование 3D-анимации и визуализации; синтез видеоряда.

В результате исследования сделан вывод о том, что эта технология может быть рекомендована как базовая для разработки тематического словаря русского жестового языка.

Список литературы / References

Draga D. V. *Russkii zhestovyi iazyk s dopolnennoi real'nost'iu* [Russian Sign Language with augmented reality]. Moscow, 2021, 672.

Federal'nyi zakon ot 30.12.2012 № 296-FZ «O vnesenii izmenenii v stat'i 14 i 19 Federal'nogo zakona "O sotsial'noi zashchite invalidov v Rossiiskoi Federatsii"» [Federal Law No. 296-FZ dated December 30, 2012 «On Amendments to Articles 14 and 19 of the Federal Law "On the Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation"»]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902389665>. (accessed 23 April 2024).

Fayzullina E. F., Il'icheva T. E. K voprosu o perevode professional'nykh terminov na zhestovyi iazyk [On the issue of translating professional terms into sign language]. In: *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems], 2020, 12(5), 211–219.

Fradkina R. N. *Govoriashchie ruki. Tematicheskii slovar' zhestovogo iazyka glukhikh Rossii* [Talking hands. Thematic dictionary of the sign language of the deaf in Russia]. Moscow, Moskovskaia gorodskaiia organizatsiia VOG, 2001, 589.

Geil'man I. F. *Znakom'tes': ruchnaia rech'* [Meet: manual speech]. Moscow, Zagrei, 2001, 172.

Geil'man I. F. *Vash drug – zhestika. Slovar'. Uprazhneniia. Razgovornik* [Your friend is a jerk. Dictionary. Exercises. Phrasebook]. SPb., LIO Redaktor, 2002, 176.

Grif M. G., Korol'kova O. O. *Perspektivnye napravleniia razrabotki elektronnykh informatsionnykh resursov dlia obuchaiushchikhsia s ogranichenymi vozmozhnostiami zdorov'ia po slukhu* [Promising directions for the development of electronic information resources for students with hearing disabilities]. In: *Informatika: problemy, metody, tekhnologii: materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii im. E. K. Algazina* [Informatics: problems, methods, technologies: Proceeding of XXIVth International Scientific and Practical Conference named after E. K. Algazinov], Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2023, 973–978.

Kagirov I. A., Riumin D. A. *Baza dannykh russkogo zhestovogo iazyka poliklinicheskogo prednaznacheniia: lingvisticheskie osobennosti materiala i annotirovaniia* [Database of Russian sign language for outpatient use: linguistic features of the material and annotation.]. In: *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Bulletin of NSU. Series: Linguistics and intercultural communication.], 2022, 20(3), 90–108. DOI 10.25205/1818–7935–2022–20–3–90–108.

Kulikova L. V., Magirovskaia O. V., Shatokhina S. A., Privalikhina E. S., Arskii A. A. Iazyki zhestov: lingvistika i sotsial'naia inkluziia: monografiia [Sign languages: linguistics and social inclusion: a monograph.]. Moscow, FLINTA, 2022, 128.

Naurazbaeva L. V., Posidelova V. V., Khoroshko E. Iu. Slovar' russkogo zhestovogo iazyka dlia sotrudnikov organov vnutrennikh del: slovar' [Dictionary of Russian sign language for employees of internal affairs bodies: dictionary]. Moscow, DGSK MVD Rossii, 2020, 231.

Tematicheskii slovar' rossiiskogo zhestovogo iazyka. [Thematic Dictionary of Russian Sign Language]. Moscow, OOO «Zhest»; Nauchno-metodicheskii tsentr sotsial'no-pedagogicheskikh problem obrazovaniia glukhikh i zhestovogo iazyka. 2005

Tematicheskii slovar' russkogo zhestovogo iazyka [Thematic Dictionary of Russian Sign Language]. Available at: <http://www.nisor.ru/snews/oa-/catalog.html> (accessed 23 April 2024).

Tolkovyi slovar' spetsial'nykh terminov na russkom zhestovom iazyke [Explanatory dictionary of special terms in russian sign language]. Available at: <http://www.nisor.ru/safarov/jest> (accessed 23 April 2024).

Zhesty. Slovar'-spravochnik [Gestures. Dictionary reference]. Moscow, Zagrei, 1995, 31.

EDN: JCBNHQ
УДК 81'16(043.3)+81'42(043.3)

Ecological Discourse: the Specificity of Linguainformational Modeling of the Concept Sphere

Aleksandr A. Barkovich*

Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

Received 10.07.2024, received in revised form 18.11.2024, accepted 31.12.2024

Abstract. This article considers the features of linguainformational modeling of semantic relations on the scale of statistically relevant linguistic material of ecological topics. It reveals insufficient uniformity and differentiation of the notion and the concept in scientific practice of the metastructural elements of the referential terminological system; it also characterizes the features of the implementation of the metalanguage potential of the concept sphere. The research makes use of “EuroNews Green Corpus” as a type of an instrument-independent one in order to study the concept sphere of ecological discourse. The author carries out processing of the texts using the contemporary software – “Sketch Engine”, “Tropes” and a number of others. As a result, it allows to recognize, rank and characterize a representative set of language units and their semantic potential according to referential linguistic grounds. The study uses a set of methods of intuitive-notional assessment, notional-framing, conceptual-dominant and core-peripheral modeling for linguainformational description of the object concept sphere. The paper tests the notional foundations of ecological discourse, discusses their dictionary interpretation, identifies conceptual dominants, as well as core-peripheral components of the concept sphere of ecological discourse. The analysis shows that the concept sphere of ecological discourse is highly peculiar and semantically saturated. The results obtained confirm the feasibility of synthesis of traditional linguistic methodology and information-computer means. The performed research is significant for optimization of both linguistic and information support of speech practice associated with ecological discourse, as well as for syncretic linguainformational practice.

Keywords: ecological discourse, concept sphere, linguainformational modeling, notion, concept, frame, dominant.

Research area: Linguistics.

Citation: Barkovich A.A. Ecological Discourse: the Specificity of Linguainformational Modeling of the Concept Sphere. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 143–157. EDN: OLTNEC

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: barkovichaa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8469-8431

Экологический дискурс: специфика лингвоинформационного моделирования концептосферы

А.А. Баркович

*Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, Минск*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей лингвоинформационного моделирования семантических отношений в масштабах статистически значимого языкового материала экологической тематики. Выявлена недостаточная унифицированность и дифференциация в научной практике метаструктурных элементов референтной терминосистемы – понятия и концепта, охарактеризованы особенности реализации метаязыкового потенциала концептосферы. Для изучения концептосферы экологического дискурса использовался корпус англоязычных текстов «EuroNews Green Corpus» – инструментально-независимый тип корпуса. Обработка текстов выполнялась посредством актуального программного обеспечения – «Sketch Engine», «Tropes» и ряда других. В результате была установлена, ранжирована и охарактеризована репрезентативная совокупность языковых единиц и их семантического потенциала по референтным лингвистическим основаниям. Для лингвоинформационного моделирования объектной концептосферы был задействован комплекс методик интуитивно-понятийной оценки, понятийно-фреймового, концептуально-доминантного и ядерно-периферийного моделирования. Были идентифицированы понятийные основы экологического дискурса, охарактеризована их словарная интерпретация, выявлены концептуальные доминанты, а также ядерно-периферийные компоненты концептосферы экологического дискурса. Проведенный анализ показал, что концептосфера экологического дискурса высокоидентична и семантически насыщена. Полученные результаты подтвердили целесообразность синтеза традиционной лингвистической методологии и информационно-компьютерного инструментария. Выполненное исследование значимо для оптимизации как лингвистического, так и информационного сопровождения речевой практики, ассоциированной с экологическим дискурсом, а также для синкретичной лингвоинформационной практики.

Ключевые слова: экологический дискурс, концептосфера, лингвоинформационное моделирование, понятие, концепт, фрейм, доминанта.

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Баркович А. А. Экологический дискурс: специфика лингвоинформационного моделирования концептосферы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 143–157. EDN: OLTNEC

Введение

Несмотря на активную интеграцию в социокультурную практику компьютерных и информационных технологий, сфера современной коммуникации по-прежнему нуждается в лингвистических обобщениях. Логика лингвистических обобщений, в свою очередь, предполагает осмысление не только релевантной статистики, но и опыта, контекста, что предполагает сущностный анализ полученных данных и ментальное, в том числе когнитивно-прагматическое, освоение их содержательной квинтэссенции. А это с неизбежностью влечет описание *концептуальных основ* коммуникации, в том числе в *дискурсивном аспекте*.

На сегодняшний день активное использование информационных технологий уже позволило достичь принципиально новых результатов в языкознании, как и в науке в целом. Однако существенным препятствием на пути тотальной информатизации лингвистики является не только недостаточная техническая оснащенность компьютеров, но и их принципиальная неспособность «понимать» язык, равно как и смысл речевой продукции (Barkovich, 2020). Смысл речевой продукции тесно коррелирует с более контекстуально широким смыслом коммуникации, а смысл, или семантика, коммуникации – это информация. Таким образом, идентификация и квалификация информации – основа и инструментарий весьма значимой части лингвистической работы. И в этом аспекте метаописание *лингвоинформационного формата* современного дискурса более чем актуально (Barkovich, 2015b).

Продуктивную интерпретацию, презентацию и моделирование дискурса, который в компьютерном опосредовании по-прежнему сложен и достаточно противоречив, во многом предопределяет *методологическая корректность* соответствующей практики. Показательно в этом отношении *моделирование* экологического дискурса, изучение содержания которого характеризуется существенной сложностью (Halliday, 1994; Haugen, 1972). Специфика моделирования *экологического дискурса* актуальна в контексте функционирования

всех современных языков, но, пожалуй, наиболее характерна и аутентична она для английского языка. Масштабный анализ речевой практики предполагает использование такого эффективного *инструментария*, как *корпусный*.

Экологический дискурс

в фокусе лингвистической практики

Поскольку прикладные достижения в исследовании дискурса зачастую фрагментарно оформлены – практика компьютеризации идет далеко впереди теории, – востребовано их соответствующее теоретическое сопровождение. В данной связи актуальны, в частности, такие «классические» методологические ориентиры, как анализ дискурса, прикладная и теоретическая лингвистическая парадигма (Gong, Liu, 2018). Но с учетом динамичного развития компьютерно-опосредованного дискурса востребованы и инновационные лингвистические средства, связанные с автоматизированной обработкой естественного языка, сентимент-анализом и иными информационно-обусловленными направлениями практической деятельности. В данной связи вполне очевидны перспективы и междисциплинарного изучения «экологической» речевой практики, в том числе лингвоинформационного.

Базовым понятием для терминологической репрезентации экологического дискурса является дискурс. Определение дискурсу давали Т.А. ван Дейк, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров и многие другие исследователи (Dijk, 2001; Kibrik, 2003; Makarov, 2003). Если обобщить сложившийся «деятельностный» подход к дискурсу как лингвистической универсалии: *дискурс* – речевая деятельность, развернутая во времени и пространстве, обусловленная широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой (Barkovich, 2015a). Именно данный подход позволяет логически отделить *дискурс* от ряда близких терминов, таких как *язык, речь, коммуникация, текст, речевой акт* и т.д.

Научная рефлексия того или иного объекта исследования предполагает его развер-

нутую терминологическую экспликацию. И в данной связи необходимо отметить вариативность подходов уже к самому определению термина *экологический дискурс*. Узкий контекст научного охвата экологического дискурса предполагает рассмотрение в качестве материала научных текстов, созданных профессиональными экологами. Широкий подход не исключает из объектной зоны тексты самой разнообразной экологической тематики, в том числе политические, юридические, массмедийные, художественные, бытовые (Luman, 2004). Но, конечно же, исключение из экологического дискурса речевой практики по признаку профессиональности коммуникантов не представляется целесообразным. Далее распространена точка зрения, что экологический дискурс: «... представляет собой совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы» (Ivanova, 2007). Но, как известно, дискурс – это не только тексты. Не менее важны коммуникационный и экстралингвистический аспекты рассмотрения дискурса.

В действительности экологический дискурс является популярной составляющей глобальной речевой деятельности на протяжении последних нескольких десятилетий, став заметным фактором социокультурной сферы после Второй мировой войны. Будучи многоаспектной, экологическая проблематика сегодня интегрирована практически во все коммуникационные процессы, что позволяет говорить о самом экологическом дискурсе как о доминирующем феномене коммуникации (Li, 2022). В наше время актуальность экологической проблематики постоянно растет на фоне прогрессирующего антропогенного и техногенного влияния на окружающую среду, и уже терминологически оформлена *экософия*: «разнообразие и гармония, взаимодействие и сосуществование» (Cheng, 2022). Проблематика защиты окружающей среды все чаще выходит на первый план в информационных потоках, тем самым формируя и обогащая идентичность экологического

дискурса, называть который подвидом политического, научного, делового или любого другого дискурса уже не приходится. Востребованность научных обобщений по поводу экологического дискурса выражается и в актуализации экологической лингвистики (*Ecolinguistics*) (Gong, Liu, 2018; Stibbe, 2015). Де-факто *экологический дискурс* – это уже глобальная речевая деятельность, ассоциированная с экологической концептосферой.

Поскольку данное исследование не ограничено узкими рамками специализированной дискурсивной методологии, заявленная проблематика может быть освещена статистически корректно и широко. В том числе исследование ориентировано на выявление ключевых характеристик семантического наполнения референтной речевой продукции, анализ ее понятийных основ и их концептуальной реализации – с последующим моделированием метаструктуры соответствующей концептосферы. Релевантны в данном контексте корпусные методы; интернет-поиск; компьютерно-опосредованный, понятийный и концептуальный анализ; функциональный дискурс-анализ и ряд других методических средств. В частности, в данном исследовании потенциал лингвистического осмысления метаданных о дискурсе и их знаниевой интерпретации раскрывается в корпусном ключе. Для выполнения исследования дополнительно были задействованы методики интуитивно-понятийной оценки, понятийно-фреймового, концептуально-доминантного и ядерно-периферийного моделирования. Данная сложная четырехкомпонентная лингвоинформационная методика позволяет учесть не только языковое позиционирование релевантной семантики, но и специфику ее реализации. Все это дает основания говорить о лингвоинформационном моделировании как об актуальной методологии и идеологии данного исследования.

Информационная специфика экологического дискурса

По словам Д. Шиффрин, «одна из основных функций языка – предоставление

информации» (Schiffrin, 2006). Но роль *информации*, семантики коммуникации, не ограничивается ее эпизодической реализацией в той или иной коммуникационной ситуации. Подобная констатация была бы неоправданно упрощенной: «Ошибочно представлять использование языка человеком как исключительно информативное...» (Chomsky, 1972). Кроме информационных аспектов коммуникации, являющейся сферой функциональности языка, не менее важны и лингвистические аспекты, и в этом случае исследовательский инструментарий может быть представлен уже апробированными категориями. Такой категорией является понятие, и систематизация понятий, «кирпичиков-абстракций», – одна из важнейших метафункций языка (Halliday, 1985). Понятия оформляют разнообразный коммуникационный опыт, способствуя его упорядоченному, «логичному», оформлению.

Так или иначе, идентичность экологического дискурса – как и любого социокультурного феномена – во многом определяется его семантическим наполнением. Это, в свою очередь, обуславливает и его информационную уникальность: информация – содержание коммуникации и ее лингвистического воплощения, дискурса. Однако дискурс – реализация в первую очередь языкового потенциала, обусловленная устоявшейся и стабильной конституцией языка как кода. А язык – код не только на графическом уровне, первичной кодировкой языка является семантическая. И минимально значимыми и самостоятельными единицами в данном контексте являются понятия.

О *понятии* известно многое – это обобщенное объективное представление об объекте, представление денотата в коллективном сознании и его атрибуте – языке. Из понятий «... составлены словари и учебники» (Barkovich, 2020). Понятия – социальные, культурные, ментальные и иные приоритеты *языка*, которые затем реализуются как концепты в дискурсе. Семантика *дискурса* опирается на структурообразующие или метаструктурные элементы, которые традиционно ассоциируют с понятиями. Но, проявляясь в дискурсе, понятийные

кванты семантики реализуются уже как *концепты*. При этом понятие и концепт – две стороны одного и того же семантического феномена. Важной в данной связи является концепция *единого семантического поля языка*, подразумевающая континуальный характер коммуникационной семантики (Apresjan, 1995; Barkovich, 2020).

Вместе с тем вопрос о соотношении понятия и концепта традиционно дискуSSIONЕН (Karasik, 2002; Nikitin, 2004; Vorkachev, 2004). Характерно, что З.Д. Попова и И.А. Стернин увидели структуру концепта сложной: «Концепты внутренне организованы по полювому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле» (Popova, Sternin, 2007). Вместе с тем концепт – «... предельно субъектен» (Stjorin, 2010). При этом и понятия, и концепты, будучи семантической основой дискурса, могут в нем лингвистически идентифицироваться и дифференцироваться. Понятия – как семантическая база абстрактной языковой материи, концепты – как семантическая база реальной речевой материи. Очень похоже на то, что концепт действительно «... не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть, и не вербализован языковыми средствами» (Popova, Sternin, 2007). Именно поэтому определение концептов в текстах того или иного дискурса так важно для исследования процессов создания и функционирования речевой продукции.

Актуальный в данной связи семиотический гипероним *концептосфера* впервые был употреблен Д.С. Лихачевым: «... концептосфера – это совокупность концептов нации, она образуется через все потенциалы и комплексы концептов носителей языка. Концептосфера народа обширнее семантической сферы, представленной значениями слов» (Lichachev, 1993). О.Г. Палутина под концептосферой понимает уже «... потенциалы, присутствующие в словарном запасе как отдельного человека, так и всего языка в целом» (Palutina, 2015). По мнению В.И. Убийко, концептосфера образуется

«... пересечениями и переплетениями многочисленных и многообразных структур, организующих концепты то в ряды, то цепочки, то в поля с центром и периферией» (Ubičko, 2001). И очевидна вполне определенная функциональность концептосферы – как «... информационной базы мышления» (Порова, Sternin, 2007).

В условиях насыщения коммуникации и доминирования в ней информационных технологий *концептосфера* сегодня все чаще воспринимается как некая содержательная матрица, сохраняющая антропоцентричную идентичность языковой практики. Действительно, компьютерное опосредование коммуникации пока практически не затронуло семантику глубже лексического уровня. Собственно, освоенный творцами компьютерных систем и программ ассортимент словарей только подтверждает насущную необходимость более основательного изучения коммуникационной значимости, так называемой глубинной семантики. Эта семантика является металексической, зависимой не столько от суммы семантики тех или иных лексем, сколько от общей семантической материи, заметной благодаря концептам и функциональной в контексте *концептосферы* (Barkovich, 2020). И, поскольку концепты способны выступать маркерами дискурса, анализ концептосферы вполне может быть основой для репрезентации семантической структуры дискурса и его моделирования. Это, в свою очередь, создает предпосылки его описания как целостного социокультурного феномена.

Понятийная специфика моделирования дискурса

Понятийная семантика – системообразующий конструкт описания содержательной структуры дискурса. В данной связи несомненно актуальна фиксация имеющихся представлений о семантическом фундаменте речевой практики. В определенной степени это всегда реконструкция так называемой языковой картины мира (Weisgerber, 2004). Ее сущность – *интуитивно-понятийная оценка* окружающего мира. О ее роли говорят в том числе известные

специалисты по информационному обеспечению современной лингвистики: «Интуиция может быть прекрасным проводником при корпусном подходе» (McEnergy, Hardie, 2012). Естественным образом интуитивно-понятийная оценка нацелена на выявление и лингвистическое описание неких доминант, констант, универсалий, примитивов и иных понятийных ориентиров речевой практики – в нашем исследовании ассоциирующихся с экологией. К подобным базовым семантическим элементам относятся, например, *огонь, дом, личность* и др. (Stepanov, 1997). И семантические единицы такого рода не только концептуально реализуются, но и доминируют в речи того или иного дискурса. Для экологического дискурса, как представляется, базовым понятийным набором можно признать следующие единицы: *природа, человек, окружающая среда, защита, земля, здоровье, климат* (англ., соответственно, *nature, human, environment, protection, world, health, climate*) и др. Интуитивно-понятийная оценка является распространенным и допустимым форматом лингвистического анализа. Так, определяя экологический дискурс, Е. В. Иванова «интуитивно» упоминает и два ее важнейших концепта *природу* и *окружающую среду*: «Ключевым концептом и темой экологического дискурса является природа и состояние окружающей среды» (Ivanova, 2007). Интуитивно-понятийная оценка как гипотеза благодаря средствам информационно-компьютерного обеспечения может быть объективно верифицирована (см. ниже).

Понятийно-фреймовое моделирование языковой семантики целесообразно в рамках общей понятийно-концептуальной репрезентации метаструктуры коммуникации (Barkovich, 2020). Моделирование такого рода – лингвистически апробированное средство структуризации содержательного потенциала языка. И это следующий, не менее важный и информативный компонент лингвоинформационной методики репрезентации концептосферы. Присущая ему информационность учитывает новые реалии коммуникации: «Компьютерное

опосредование современной речевой деятельности влечет концептуальное переосмысление фреймов лингвистического знания» (Barkovich, 2020). Продуктивность фреймового моделирования коммуникации не вызывает сомнений со времен М. Минского (Minsky, 1981). Не менее актуальна и фреймовая структуризация понятийного базиса языка. **Фрейм** – структурированное метаописание, модель. Понятийный фрейм отражает состав семантических единиц языка и отношения между ними. Объективно существующий базовый понятийный состав языка предопределяет концептуальные приоритеты дискурса.

Применительно к экологическому дискурсу – по данным словарного ресурса *The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus* – к базовым семантическим элементам, или ключевым терминалам фрейма *ecology* ('экология'), следует отнести следующие понятия: *habitat* ('местообитание'), *context* ('обстановка'), *surroundings* ('окрестности'), *scene* ('явление'), *situation* ('ситуация'), *conditions* ('обстоятельства'), *environment* ('среда') (The Free Dictionary, 2023). Впрочем, по данным других словарей, состав фрейма *ecology* может варьироваться. Это естественно с учетом того, что в словарях так или иначе отражаются личные предпочтения их составителей: «... фиксация того или иного деривата в словаре – дело случая или субъективных решений...» (Golev, 2022). Необходимо отметить, что для фреймового моделирования актуален не только компонентный анализ общей семантики той или иной зонтичной проблематики, но и установление ее континуальных свойств, в частности, характера антонимически-синонимических связей соответствующей понятийной общности (The Free Dictionary, 2023). Очевидный приоритет в данном контексте – не «измерение» слов, а определение особенностей кристаллизации понятийного базиса дискурса. Таким образом, понятийно-фреймовое моделирование в целом направлено на объективное отражение семантической реальности. Однако в фокусе экологической «фреймовой» значимости из отобранных предварительно

(«интуитивно») понятий оказалось лишь одно – *environment*. Это говорит об огромной лингвистической дистанции, используя термин Дж. Гамперца (Gumperz, 1962), между стереотипами интуитивного восприятия языка и реалиями их фиксации в словарях.

Концептуальная специфика моделирования дискурса

Обратимся к речевому измерению семантических оснований экологического дискурса. Это целесообразно: «В последнее время лингвисты, не удовлетворенные интуитивным решением проблемы формирования лексического состава словарей, все чаще прибегают к Национальному корпусу русского языка и данным Интернета, а также к лингвистическому эксперименту как более надежным источникам» (Golev, 2022). И на этом этапе нашего «эксперимента» источник репрезентации знаний – эмпирический материал, идеальным источником которого является корпус текстов. Для изучения концептосферы экологического дискурса посредством информационно-компьютерной обработки текстовых данных нами был задействован корпус англоязычных текстов соответствующей тематики – *EuroNews Green Corpus* (EuroNews Green Corpus, 2023). Данный тип корпуса квалифицируется как инструментально-независимый. **Инструментально-независимым** является **корпус**, языковой материал которого может быть обработан посредством инструментария разных корпусных менеджеров.

По результатам сплошной выборки данный иллюстративный корпус объединил в общей сложности 506 текстов экологической тематики, опубликованных на интернет-ресурсе *EuroNews* с января по ноябрь 2022 г. (EuroNews Green Corpus, 2023). Общий объем данного корпуса – 364 303 словоупотребления. В корпусе были идентифицированы также 426 467 токенов, 26 638 уникальных слов и 17 079 лемм. Отметим, что в целом выполненный комплекс исследований позволил разносторонне охарактеризовать экологический дискурс. В частности, на базе подробной

статистической информации были интерпретированы и оценены категории токенов, ключевых слов и термов. В свою очередь, вышеупомянутые данные были структурированы: в том числе такие категории языковой «материи», как леммы, коллокации и *n*-граммы были представлены как метаданные. С помощью корпусного инструментария было проведено моделирование кластеров данных в виде конкордансов, тезаурусов и частотных словарей. Таким образом, проведенное корпусное исследование позволило выполнить комплексный анализ языкового материала.

Обработка корпуса текстов выполнялась посредством ряда корпусных менеджеров, в том числе *Tropes* (<http://www.tropes.fr>) и *Sketch Engine* (<https://www.sketchengine.eu>). *Tropes*, например, – специализированный сервис, предназначенный для семантического анализа текстов, определения сценариев, эпизодов, их нарративной характеристики и выполнения ряда других аналитических функций. *Sketch Engine*, в свою очередь, обладает весьма внушительным корпусным инструментарием разнообразной функциональности и доступом к огромным специализированным текстовым ресурсам. В том числе в нашем исследовании использовались следующие опции *Sketch Engine*: *Word Sketch* – коллокации и комбинации слов; *Sketch difference* – сравнение сочетаемости слов; *Thesaurus* – выявление синонимов, антонимов и семантически близких слов; *Concordance* – примеры использования лексических единиц в контексте; *Wordlist* – частотные перечни и лингвистические базы данных; *N-grams* – типичные последовательности слов; *Keywords and Terms* – выявление ключевых слов и типичных словосочетаний; *OneClick Dictionary* – универсальный словарь. Также была подтверждена эффективность обработки агрегированных текстов посредством таких корпусных ресурсов, как «*AntConc*» (www.laurenceanthony.net/software/antconc), «*Nooj*» (<https://atishs.univ-fcomte.fr/nooj>), «*WordSmith*» (www.lexically.net/wordsmith) и др.

Тем самым концептуальный анализ речевой практики, ассоциированной

с экологией, может быть основан на статистических данных. Здесь основой концептуальной репрезентации, в частности, могут быть данные о частотности единиц и о ключевых словах. Референтная первичная информация вполне доступна в корпусном формате. При соответствующей обработке интерпретированные метаданные могут быть использованы для верификации понятийного состава экологического дискурса, его интуитивно-понятийной оценки, и понятийно-фреймового моделирования, а также могут быть сопоставлены между собой – как концептуально-актуальные.

При **концептуально-доминантном моделировании** концепты представляются в виде иерархически организованной совокупности доминант, что позволяет выявлять и описывать доминантную метаструктуру коммуникации (Barkovich, 2020). Статистически обоснованная иерархичность способствует логической прозрачности сопоставления значимости элементов системы концептов. И очевидным идентифицирующим признаком приоритетности и доминирования в речи тех или иных концептуальных сущностей является их частотность. В данной связи предпочтителен частотный анализ лексем из категории существительных – с учетом их наиболее ярко выраженной номинационной оформленности. Номинационная оформленность – признак концептуальной самостоятельности той или иной семантики. В свою очередь, это условие рассмотрения доминирующего (или, наоборот, подчиненного) статуса того или иного концепта. В результате соответствующего статистического анализа корпуса *EuroNews Green Corpus* был получен список из 11 192 лексем. Данный список существительных, в частности, был сгенерирован корпус-менеджером *Sketch Engine* на основании частеречной разметки по запросу *ecological* – доминантному атрибуту концептосферы, направленному на максимально широкое уточнение объектной номинационной семантики. В первой десятке соответствующего рейтинга: *climate* (‘климат’), *energy* (‘энергия’), *year* (‘год’), *country* (‘страна’), *gas* (‘газ’),

cent ('одна сотая часть'), *fuel* ('топливо'), *world* ('земля'), *people* ('люди' (мн. число от *human* 'человек')), *change* ('изменение') – с частотностью от 2 188 до 829 (и относительной частотностью от 5 131 до 2 282). *Относительная частотность* – соотношение частотности с объемом исследуемого материала. Из этих единиц к экологической проблематике можно отнести следующие семь доминант: *climate*, *energy*, *gas*, *fuel*, *world*, *people*, *change*. Данные единицы статистически отражают концептуальную структуру экологического дискурса.

Конечно, рамки нашего исследования не предусматривают полную инвентаризацию всех концептов – мы целенаправленно для соблюдения репрезентативности ограничиваемся семью наиболее влиятельными. И из вышепроанализированных «понятийных» наборов нашлось «частотное» совпадение с единицами из «интуитивно-понятийного набора» *human* (мн. число от *people*), *world* и *climate*. Итого совпадение топа соответствующих рейтингов может быть оценено в 43 % (3 из 7). Впрочем, вполне достойное место в частотном рейтинге корпуса нашлось и остальным из них: *environment* (310); *health* (287); *nature* (123); *protection* (82 словоупотребления). А вот тезаурусно-словарная практика оказалась не очень убедительной: совпадений в топе рейтингов не обнаружено, хотя сами единицы лоцируются – *environment* (310); *situation* (82); *conditions* (73 – как *condition*); *habitat* (36); *scene* (16); *context* (10); *surroundings* (5).

Ожидания понятийной репрезентативности не всегда соответствуют реалиям речевого функционирования. Так, в текстах экономического дискурса относительно редко встречается лексема *экономика*, а в текстах экологического дискурса, как выясняется, – большая редкость лексема *ecology energy* ('экология'). На фоне впечатляющей частотности таких доминант, как *climate* (2 188) и *energy* (1 645), и, в общем-то, вполне объяснимой частотности сотен других речевых имплементаций соответствующих концептов – понятийная гипердоминанта и дискурсообразующая семантема экологического дискурса малозаметна:

во всех текстах корпуса единица *ecology* встретила лишь 6 раз. Здесь напрашивается сравнение с такой природной аномалией, как «глаз урагана» – в центре урагана наблюдается штиль. Помимо гипердоминанты и множества доминант экологического дискурса широко представлены и субдоминанты. Так, у гипердоминанты *ecology* нашлось 28 вполне очевидных субдоминант с греческим по происхождению корнем *-eco-*: *ecosystem*; *eco*; *ecologist*; *ecosia*; *ecotricity*; *eco-anxiety*; *ecoaction*; *eco-brick*; *eco-friendly*; *eco-hack*; *eco-school*; *ecodeo*; *radioecological*; *radioecologist*; *agroecology*; *eco-diet*; *eco-innovation*; *eco-engineer*; *eco-delta*; *eco-mobility*; *eco-labelling*; *ecotherapist*; *eco-toxicologist*; *ecocide*; *ecohealth*; *ecotok*; *ecotourist* и *ecovillage* (в порядке упоминания в конкордансе) – общим объемом 143 словоупотребления. Подобная энтропия семантики среди соответствующих дериватов и этимологически близких слов частично объясняет низкую частотность самой лексемы *ecology*. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют развернуть анализ данных более детализированно.

Апробированным и продуктивным подходом к репрезентации семантики является **ядерно-периферийное моделирование**. Собственно, концептуально-доминантное моделирование вполне совместимо с ядерно-периферийным: «Ядро концептосферы обеспечивает ее цельность и связность. Оно организовано доминантными текстовыми смыслами...» (Filipova, 2007). В данном контексте также характерна масштабируемость содержания отдельно взятого концепта по «полевому принципу»: ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии (Popova, Sternin, 2007). Подобный подход к речевой микросемантике целесообразно экстраполировать и на методику репрезентации гиперсемантики – моделирование концептосферы, в частности дискурса, экологического дискурса. Согласно данному моделированию наиболее востребованные в речевой практике концепты принято называть *ядерными*, близкие к ядру – *приядерными*, а более отдаленные – *периферийными*.

Принадлежащие к одной концептосфере элементы могут различаться влиятельностью, но характеризуются семантической общностью в том или ином дискурсе. Будучи близкими, благодаря контексту использования, ядерные, приядерные и периферийные концепты образуют общую метаструктуру концептосферы.

Для данного типа моделирования актуальным является метод выявления «ключевых слов». И такая опция имеется в арсенале *Sketch Engine*. Так, список идентифицированных корпус-менеджером *Sketch Engine* в *EuroNews Green Corpus* ключевых слов составил 100 единиц. Здесь из экологически-актуальной лексики в топе рейтинга следующие ключевые слова: *climate* ('климат'); *energy* ('энергия'); *gas* ('топливо'); *fuel* ('топливо'); *emission* ('загрязнение'); *fossil* ('ископаемое') и *oil* ('нефть'). И корпусная статистика говорит об их значимости для концептосферы именно экологического дискурса. Если индекс экологичности (I_e) – соотношение относительной употребимости лексемы в «экологическом» корпусе и в речевой практике в целом – для общеупотребимых лексем исчисляется единицами: для *to* – $25845 / 22682 = 1$, для *say* – $5712 / 1689 = 3$, то для экологических концептов – десятками и сотнями. Так, I_e для *climate* – $5131 / 89 = 58$; I_e для *energy* – $3857 / 235 = 16$; I_e для *gas* – $28028 / 108 = 260$; I_e для *fuel* – $2148 / 78 = 28$; I_e для *emission* – $1796 / 37 = 49$; I_e для *fossil* – $1623 / 16 = 101$ и I_e для *oil* – $1538 / 150 = 10$. Числовые значения подобных данных посредством корпус-менеджера *Sketch Engine* представлены с точностью до пяти разрядов после запятой – и потому округлялись нами до целых значений.

Кроме «экологических» существительных среди ключевых слов нашлось достаточно много экологически-специфических прилагательных: например, *environmental*; *renewable*; *green*; *global*; *solar* и др. Представлены и экологически-специфические глаголы: например, *reduce*; *rise*; *increase*; *cut*; *update* и др. Все они значимы для концептосферы и актуальны, в частности, для ее атрибутивно-предикативной репрезентации. Являются ли вышеперечисленные

единицы маркерами «экологичности» дискурса – безусловно. Но кроме экологически-специфических лексем в рейтинге ключевых слов есть и достаточно много «обычных» единиц, например, существительных *cost*; *government*; *company*; *country*; *year* и др. Есть и традиционный набор служебных слов и модальных глаголов. С точки зрения автоматизированной обработки естественного языка – это «шум». Однако все они важны для полной концептуальной инвентаризации экологического дискурса, хотя их анализ, пожалуй, избыточен для моделирования его концептосферы. Список ключевых слов корпуса *EuroNews Green Corpus* в сопоставлении с речевой практикой, отраженной в корпусах-референсах, по данным ресурса *Sketch Engine*, выглядит примерно следующим образом – представлены первые десять позиций выдачи (табл. 1):

Моделирование – репрезентация предмета метаописания в обобщенном виде. И, несмотря на возросшие по мере развития информационных технологий статистические возможности охвата речи, компьютерное обеспечение дискурсивных исследований по-прежнему нуждается в классических общенаучных инструментах, таких как моделирование. Модель – эргономичный продукт сложноструктурированной интерпретации данных и метаданных. В масштабе дискурса подобная практика более чем уместна.

Далее, для установления структуры концептосферы существенно выявление связей не только ядра, но и приядерных единиц. Данный аспект моделирования может быть реализован, например, посредством функциональности «термов» – синтаксически типичных сочетаний ключевых слов. Для лексемы *climate* выявлены 13 таких коллокаций: *climate crisis*; *climate change*; *climate conference*; *climate action*; *un climate*; *climate activist*; *climate talk*; *climate finance*; *climate justice*; *climate target*; *climate policy*; *climate goal*; *impact of climate*. А для лексемы *energy* – 12: *renewable energy*; *energy crisis*; *energy price*; *energy bill*; *clean energy*; *energy company*; *energy consumption*; *green*

Таблица 1. Список ключевых слов корпуса *EuroNews Green Corpus* в сопоставлении с общей речевой практикой (*Sketch Engine*)Table 1. List of key words of the *EuroNews Green Corpus* corpus in comparison with general speech practice (*Sketch Engine*)

Item	Frequency(focus)	Frequency (reference)	Relative frequency (focus)	Relative frequency (reference)
climate	2188	3840909	5130,52588	89,06413
say	2436	72821606	5712,04785	1688,60889
energy	1645	10122478	3857,27368	234,72299
to	11022	978148345	25844,9082	22681,5918
gas	1195	4637427	2802,09277	107,53402
country	1253	17997275	2938,09351	417,32608
per	1131	10394074	2652,02246	241,02084
by	2845	183670277	6671,09033	4259,00049
cent	977	2442948	2290,91577	56,6478
fuel	916	3359610	2147,88013	77,90363

energy; energy transition; nuclear energy; solar energy; wind energy. Для лексемы *gas* это сочетаемость, например, уже меньше – пропорционально ее общей востребованности: *greenhouse gas; natural gas; russian gas; gas emission; greenhouse gas; emission gas; price gas; gas supply* (8 термов). При этом, например, *climate crisis* имеет «относительную референтную частотность» лишь 0,86986 – при показателе 400,9689 в специализированном «экологическом» корпусе. И это уже показатель структурообразующего статуса данного «концептуального» словосочетания. Такого рода метаданные могут быть вторичным фактологическим материалом для моделирования концептосферы. Для преимущественно аналитического английского языка, конечно, не особенно информативен уровень «простых» биграмм, поскольку в них неизбежно окажутся такие аналитические средства английского языка, как служебные части речи и модальные глаголы. Однако информативность такой специализированной категории единиц корпусного анализа, как *термы*, оказалась вполне удовлетворительной для «концептуального» обобщения. Идентификация *термов* (типичных словосочетаний) корпусным менеджером *Sketch Engine* возможна посредством таких специ-

ализированных программ, как, например, *English Terms 3.1*. При этом алгоритм выявления и анализа термов включает обращение корпусного менеджера к корпусам-референсам (например, к таким доступным для *Sketch Engine* ресурсам, как *English Web (enTenTen20)*, *British National Corpus (BNC)* и *Brown Corpus* – и соответствующее сопоставление объектного корпуса с корпусом-референсом.

Насколько ядерно-периферийное моделирование может быть объемным, можно судить по его субмодели, которая может быть создана и для каждого отдельно взятого концепта, элемента концептосферы. Такая модель, синтезированная для концепта *energy* посредством компьютерного инструментария *Sketch Engine*, может выглядеть следующим образом (рис. 1).

Данная модель («облако»), в свою очередь, состоит из 49 единиц-концептов, функционально объединенных вокруг ядра *energy*. Структурообразующими приядерными (относительно ядра *energy*) здесь оказываются концепты *climate, electricity, gas, fuel, food, power*. И еще 42 концепта оказываются периферийными, в том числе *carbon, emission, source, water* и др.

Итак, лингвоинформационное моделирование концептосферы дало 4 разные со-

Wagner, Jo, Elliott, Fei, 2019; Porter, 2019; Wang, Zhao, Wang, Li, 2022). Это позволяет, в свою очередь, оптимизировать создание и интерпретацию научно-популярных статей, рекламных объявлений, новостных репортажей и других текстов, посвященных той или иной проблематике.

Заключение

Таким образом, экологический дискурс был квалифицирован как высокоидентичная и самодостаточная речевая деятельность. Релевантная терминосистема опирается на недостаточно единообразные в научной рефлексии структурообразующие или метаструктурные элементы: *понятие, концепт, концептосфера*. Выполненный анализ носил комплексный характер и был проведен по сложной четырехкомпонентной лингвоинформационной методике. В частности, для понятийного моделирования семантики экологического дискурса были использованы компоненты *интуитивно-понятийной оценки и понятийно-фреймового моделирования*. Результативными для собственно концептуальной репрезентации дискурса оказались *концептуально-доминантное и ядерно-периферийное моделирование*. Для проведения исследования использовался репрезентативный массив текстов экологического дискурса, агрегированный в корпус *EuroNews Green Corpus*. Анализ данной речевой практики проводился посредством ряда специализированных корпусных ресурсов; в статье представлены результаты, полученные посредством онлайн-сервиса *Sketch Engine*. Метаязыковая функциональность данного ресурса позволила не только всесторонне выявить и описать концептуальный потенциал текстов *EuroNews Green Corpus*, но и сравнить полученные данные

с данными других корпусов. Проведенный анализ позволил выполнить структурирование концептосферы экологического дискурса, т.е. была предварительно оценена и верифицирована совокупность релевантных языковых единиц, на основе чего была выявлена специфика концептуальной реализации «экологической» семантики в речевой продукции. В том числе были получены, структурированы и интерпретированы репрезентативные данные о специфике реализации в речевой практике номинативных единиц и ключевых слов и проведено релевантное моделирование. Структура концептосферы сложна, и для моделирования обладает существенной значимостью система отношений между выявленными единицами концептосферы. Данный аспект функциональности концептосферы подтвердил свою релевантность на вторичном семиотическом уровне – при анализе сочетаемостной активности актуальных лексем. В процессе моделирования концептосферы была установлена крайне низкая частотность гипердоминанты экологического дискурса *ecology* и широкий круг рассеивания ее семантики среди соответствующих дериватов. Ключевым концептом данного дискурса оказалась единица *climate*. Единица *climate* обладает не только высокой частотностью, но и присутствует в топе рейтинга понятий и ключевых слов. Общий состав концептосферы может быть оценен в несколько десятков единиц. Полученные результаты подтвердили целесообразность ее многоаспектного рассмотрения, продуктивность синтеза релевантной методологии и необходимость учета всего многообразия результатов, доступных как на основе языковой компетенции, так и посредством инструментария корпусной лингвистики.

Список литературы / References

Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy: v 2 t. T. I: Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka [Selected Works. In 2 Vols. Vol. I: Lexical Semantics. Synonymous Language Means]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1995, 472.

Barkovich A. *Informational Linguistics: The New Communicational Reality*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing. 2020, 271.

Barkovich, A. A. Funkcional'nost' diady «kommunikacionnyj – kommunikativnyj»: diskursivnyj aspekt [Functionality of the Dyad “communicational – communicative”: Discursive Aspect]. In: *Vestnik*

Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2015a, 5(37), 37–52. DOI: 10.17223/19986645/37/3.

Barkovich A. A. Lingvoinformacionnaja specifika komp'juterno-oposredovanoj komunikacii: strukturnyj aspekt [Linguistic and Informational Specifics of Computer-Mediated Communication: Structural Aspect]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics]*, 2015b, 2(26), 114–120. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.16>.

Cheng M. Theoretical Framework for Ecological Discourse Analysis: A Summary of New Developments of Ecological Discourse Analysis. In: *Journal of World Languages*, 2022, 8(1), 188–226. DOI: <https://doi.org/10.1515/jwl-2021-0030>.

Chomsky N. *Jazyk i myshlenie [Language and Thinking]*. Moscow, Moscow University Publishing House. 1972, 126.

Dijk T. A. van. Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity. In *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage, 2001, 95–120.

EuroNews Green Corpus: Instrument-independent corpus of ecological discourse texts “EuroNews Green Corpus”. 2023. Available at: <https://u.to/5sipHg> (accessed 19 March 2024).

Filippova S. G. Poslojnyj analiz konceptov precedentnyh tekstov v hudozhestvennom tekste [Layered Analysis of the Concepts of Precedent Texts in a Literary Text]. In: *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena [Proceedings of the RSPU named after A. I. Herzen]*, 2007, 25, 45–49.

Golev N. D. Slovoobrazovatel'nyj tip kak funkcional'naja edinica leksicheskoj sistemy russkogo jazyka (v aspekte kvantitativnoj derivatologii) [Word-Building Type as a Functional Unit of the Lexical System of the Russian Language in the Aspect of Quantitative Derivatology]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]*, 2022, 24(2), 153–164. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-153-164>.

Gong H., Liu L. Ecological Discourse Analysis of an UN Environmental Story in Terms of Transitivity Process. In: *Advances in Language and Literary Studies*, 2018, 9(3), 67–77.

Gumperz J. Types of Linguistic Communities. In: *Anthropological Linguistics*, 1962, 4(1), 28–40.

Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. London, Edward Arnold. 1985, 432.

Halliday M. A. K. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics. In: *Journal of Applied Linguistics*, 1994, 10(6), 7–36.

Haugen E. *The Ecology of Language*. Palo Alto, Stanford University Press. 1972, 366.

Ivanova E. V. *Metaforicheskaja konceptualizacija prirodnyh katastrof v jekologicheskom diskurse: na materiale medijnyh tekstov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Metaphorical Conceptualization of Natural Disasters in Ecological Discourse: Based on Media Texts. Kand. philol. sci. abs. diss.]*. Chelyabinsk, 2007, 24.

Karasik V. *Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]*. Volgograd, Change Publ., 2002, 477.

Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive: diss. ... dokt. filol. nauk [Discourse Analysis in a Cognitive Perspective. Dr. philol. sci. diss.]*. Moscow, 2003, 90.

Knott J., LaRue E., Ward S., McCallen E., Ordonez K., Wagner F., Jo I., Elliott J., Fei S. A Roadmap for Exploring the Thematic Content of Ecology Journals. In: *Ecosphere*, 2019, 10(8). DOI: <https://doi.org/10.1002/ecs2.2801>.

Li Y. The Ecological Discourse Analysis of Jack London's *The Sea Wolf* from a Systemic Functional Perspective. In: *International Journal of Education and Humanities*, 2022, 5(2), 278–284. DOI: <https://doi.org/10.54097/ijeh.v5i2.2185>.

Lihachev D. S. *Konceptosfera russkogo jazyka [Concept Sphere of the Russian Language]*. In: *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]*, 1993, 1, 3–9.

Luman N. *Obshhestvo kak social'naja Sistema [Society as a Social System]*. Moscow, Logos Publ. 2004, 232.

- Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of Discourse Theory]*. Moscow, Gnosis Publ. 2003, 280.
- McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge. 2012, 294.
- Minsky M. A *Framework for Representing Knowledge*. In: *Mind Design*. Cambridge, MA MIT Press, 1981, 95–128.
- Stjopin V. S. ed. *Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. [New Philosophical Encyclopedia. In 4 Vols.]*. Moscow, Thought Publ., 2010, 2806.
- Nikitin, M. V. Razvernutyje tezisy o konceptah [Expanded Theses on Concepts]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Questions of Cognitive Linguistics]*, 2004, 1, 53–64.
- Palutina O. G. Struktura jadra konceptov universitet/university/universidad v ruskoj, amerikanskoj i ispanskoj konceptosferah [The Structure of the Core of the University/University/Universidad Concepts in the Russian, American and Spanish Concept Spheres]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern Problems of Science and Education]*, 2015, 1(1), available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19384>.
- Popova Z. D., Sternin, I. A. *Kognitivnaja lingvistika [Cognitive Linguistics]*. Moscow, AST East-West Publ. 2007, 314.
- Porter J. H. Evaluating a Thesaurus for Discovery of Ecological Data. In: *Ecological Informatics*, 2019, 51, 151–156. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecoinf.2019.03.002>.
- Stepanov Ju. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 1997, 824.
- Ubijko V. I. Konceptosfera cheloveka v semanticheskom prostranstve jazyka [The Conceptosphere of a Person in the Semantic Space of the Language]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]*, 2004, 5, 37–40.
- Schiffrin D. *In Other Words – Variation in Reference and Narrative*. New York, Cambridge Univ. Press. 2006, 389.
- Stibbe A. *Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live by*. London: Routledge. 2015, 260. DOI: 10.4324/9780367855512.
- The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. 2023. Available at: <https://www.thefreedictionary.com> (accessed 19 March 2024).
- Vorkachev S. *Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept [Happiness as a Linguacultural Concept]*. Moscow, Gnosis Publ., 2004, 192.
- Wang X., Zhao X., Wang Y., Li S. A Comparison of CSR Image Construction between Chinese and American Petroleum Companies in the Context of Ecological Transition. In: *Sustainability*, 2022, 14(21), 14490. DOI: <https://doi.org/10.3390/su142114490>.
- Weisgerber J. L. *Rodnoj jazyk i formirovanie duha [Native Language and the Formation of the Spirit]*. Moscow, URSS Editorial Publ., 2004, 232.

EDN: KROOJC
УДК 81'271

Research on Language Conflict: Conflict Communication about Language and Language Units in the Sociolinguistic Aspect

Maksim A. Krongauz^{a*} and Anton A. Somin^b

^a*HSE University*

“Higher School of Economics”

Moscow, Russian Federation

^b*Russian State University for the Humanities*

Moscow, Russian Federation

Received 11.06.2024, received in revised form 30.08.2024, accepted 31.12.2024

Abstract. The article is devoted to the study of conflict communication in mono- and multilingual societies when language or its elements are discussed. Building on data collected from comments in social media, the article analyzes three types of conflict communication. First, conflicts in multilingual societies, when the influence of one language causes competition between units within another and, consequently, native speakers' different attitudes towards them (based on discussions about the Belarusian language and the influence of Russian on it). Second, conflicts in monolingual societies, when the speakers' reflection is simply aimed at evaluating units within the language outside the context of other languages (based on discussions about the Russian language). Third, conflicts in monolingual societies related to a foreign policy factor, that is, a result of the influence of one language on another in a foreign bilingual environment (based on discussions about the names “Belarus” and “Belorussia”). We show that the mechanisms of occurrence of the considered conflict communication are similar, despite the fundamental difference in language situations in mono- and multilingual societies. The main content differences are due to the fact that conflict communication in a multilingual environment is primarily associated with the competition of languages and language units, and in a monolingual environment – with attitudes towards them.

Keywords: sociolinguistics, language conflict, conflict communication, language attitudes, Belarusian, Russian.

Research area: Linguistics.

Citation: Krongauz M. A., Somin A. A. Research on Language Conflict: Conflict Communication about Language and Language Units in the Sociolinguistic Aspect. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 158–177. EDN: KROOJC

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: somin@tut.by; mkronhaus@yandex.ru

Лингвистическая конфликтология: конфликтная коммуникация о языке и языковых единицах в социолингвистическом аспекте

М.А. Кронгауз^а, А.А. Сомин^б

^аНациональный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

^бРоссийский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Статья посвящена исследованию конфликтной коммуникации, предметом которой является язык и его элементы, в одно- и многоязычных обществах. На материале комментариев в социальных медиа рассматриваются три типа конфликтной коммуникации. Во-первых, конфликты в ситуации многоязычия, когда влияние одного языка вызывает конкуренцию единиц внутри другого и, соответственно, различную их оценку носителями (на примере дискуссий о белорусском языке и влиянии на него русского). Во-вторых, конфликты в ситуации одноязычия, когда рефлексия говорящих просто направлена на оценку единиц внутри языка вне контекста других языков (на примере дискуссий о русском языке). В-третьих, конфликты в одноязычной среде, связанные с внешнеполитическим фактором, то есть следствием воздействия одного языка на другой в чужой двуязычной среде (на примере дискуссий о названиях «Беларусь» и «Белоруссия»). Показано, что механизмы возникновения рассмотренной конфликтной коммуникации сходны, несмотря на принципиальное различие языковых ситуаций в одно- и многоязычных обществах. Основные же содержательные различия обусловлены тем, что конфликтная коммуникация в многоязычной среде в первую очередь связана с конкуренцией языков и языковых единиц, а в одноязычной – с их оценкой.

Ключевые слова: лингвистическая конфликтология, социолингвистика, языковой конфликт, конфликтная коммуникация, отношение к языку, белорусский язык, русский язык.

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Кронгауз М. А., Сомин А. А. Лингвистическая конфликтология: конфликтная коммуникация о языке и языковых единицах в социолингвистическом аспекте. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 158–177. EDN: KROOJC

1. О лингвистической конфликтологии и понятии языкового конфликта

Настоящая статья посвящена лингвистической конфликтологии – направлению лингвистики, ещё не вполне чётко очертившему собственное исследовательское пространство, а точнее, одному конкретному её аспекту:

изучению языковых конфликтов в интернет-коммуникации. Из вышесказанного следуют две задачи, которые мы ставим перед собой в этой статье. Первая – терминологическая: это попытка описать, что в разных традициях понимается под «лингвистической конфликтологией» и какие направления выделяются

в рамках неё, а также соотнесение русского терминологического поля с иноязычными, в первую очередь английским. Конечная цель – свести эти направления, найти в них общий инвариант. С этой задачей напрямую связана подзадача – описание различных пониманий термина «языковой конфликт». Вторая задача – собственно исследовательская: взяв в качестве объекта изучения конфликтное обсуждение языка и языковых единиц в интернет-коммуникации, мы хотим показать различные типы такой рефлексии и вписать это направление лингвистической конфликтологии в существующую (-ие) традицию (-и).

1.1. Для начала посмотрим, что под лингвистической конфликтологией понимается в русскоязычном пространстве. Интерес к систематическому изучению содержательных связей конфликта с языком возникает у российских лингвистов в 90-е годы XX века. Во второй половине 90-х годов и в начале XXI века в научных работах для обозначения лингвистических подходов к конфликту появляются термины «речевая конфликтология», «психолингвистическая конфликтология», «лингвистическая конфликтология» и «лингвоконфликтология». Так, среди первых таких трудов можно назвать вышедший в 1996 году в Санкт-Петербурге сборник «Аспекты речевой конфликтологии» с участием С. Г. Ильенко, М. Я. Дымарского и других (Aspekty rechevoi konfliktologii, 1996, I'enko, 1996, Dymarskii, 1996) и работы К. Ф. Седова (Sedov 1996, 2002). Сегодня основным названием соответствующей отрасли науки в целом в России стала «лингвистическая конфликтология», а остальные варианты закреплены за разными ее направлениями и разными российскими научными школами. В центре лингвистической конфликтологии оказался объект, также получивший разнообразные названия: «речевой конфликт», «языковой конфликт», «коммуникативный конфликт». Каждый из этих трех терминов может использоваться по-разному – психологами и лингвистами, представителями разных направлений и школ, так что трудно говорить как о сходстве (синонимии), так

и о различии этих терминов (ср. (Golev, 2008, Mikhal'chenko, 2006, Murav'eva, 2002, Rechevaia konfliktologiia, 2008, Tret'iakova, 2000)). Следует упомянуть, что существуют и другие близкие понятия, отличающиеся, однако, от конфликта даже в рамках одной работы, например, «коммуникативная неудача», «конфликтный коммуникативный акт» (например, (Polkanova, 2010; Tret'iakova, 2010)).

Несколько огрубляя картину, можно сказать, что российская лингвистическая конфликтология делится на несколько почти не пересекающихся направлений. Одно из них близко к традиционной прагматике и основывается на понятиях коммуникативного сбоя и коммуникативной неудачи. Именно поэтому важной опорной точкой для него стала пионерская работа О. П. Ермаковой и Е. А. Земской (Ermakova, Zemskaiia, 1993), применивших эти понятия к русскому языковому материалу и описавших типологию коммуникативных неудач. За прагматическим направлением закрепился термин «речевая конфликтология» (Aspekty rechevoi konfliktologii, 1996; Rechevaia konfliktologiia, 2008).

Для другого направления, получившего устойчивое название «лингвоконфликтология», характерен интерес к прикладным аспектам лингвистического исследования конфликтов, в частности к судебной лингвистической экспертизе, а также к оценке конфликтов в медийной сфере (Golev, Matveeva, 2006, Kara-Murza, 2014, 2020, Iurisljngvistika-2, 2000, Iurisljngvistika-10, 2010). Н. Д. Голев вводит понятие юридикации конфликтов и сближает лингвистическую конфликтологию с юрислингвистикой (Golev 2000, 2008), отраслью лингвистики, концепция которой была создана и разрабатывается в Алтайском и Кемеровском государственных университетах.

Наконец, третье направление с полным правом следует считать социолингвистическим. Оно связано с конфликтными столкновениями как отдельных людей, так и целых сообществ, носителей разных языков, причиной которых оказывается дву- или многоязычие (Bitkeeva, Mikhal'chenko,

2014, Mikhal'chenko, 2006, 2014). Соответственно, и понятие языкового конфликта в социолингвистике значительно отличается от первых двух направлений: здесь это конфликт между языками, то есть между их носителями в ситуации языкового контакта, как правило, постоянного, в частности, в рамках одного общества, одной страны.

Таким образом, с некоторой долей условности можно назвать эти подходы следующим образом: прагматический, юридический и социолингвистический.

Подчеркнём, что здесь мы намеренно рассматриваем всё то, что хоть как-то связано с языком и конфликтами на русском материале, хотя значительная часть описанного не имеет отношения к тому материалу, который мы будем анализировать в дальнейшем. Нам важно продемонстрировать принципиальное различие областей, получивших схожие наименования в русскоязычной науке. При этом наш изучаемый материал позволяет показать отсутствие строгой границы между прагматическим и социолингвистическим подходами (см. табл. 1).

Следует признать, что существуют и другие взгляды на лингвистическую конфликтологию. Так, в аннотации к (Kinderknekht, 2023: 45) статья определяется как «обзор отечественных публикаций по конфликтологии в области лингвистики», и в эту область включаются даже работы по семантике слов типа *спор*, *насилие*, *война* или *борьба*. Основными направлениями лингвистических исследований в конфликтологическом русле считаются: изучение категории противоречивости в языке и речи, исследование вопросов нормирования языка, изучение понятийной сущности феномена конфликта и вопросов объекти-

зации концепта «конфликт» и смежных с ним концептов, анализ формул и текстов, отражающих конфликты реальности, в том числе текстов, содержащих языковые маркеры конфликтного потенциала, изучение деструктивных практик конфликта и поиск путей оптимизации общения, рассмотрение вопросов правового измерения лингвистического конфликта. В основе же типологии направлений исследования используются понятия внутриличностного и межличностного конфликтов, конфликта между человеком и группой, а также межгруппового конфликта.

Интересен также взгляд на речевые конфликты с точки зрения более широких исследований коммуникативного взаимодействия в сети. В (Zvereva, 2012: 227) речь, в частности, идет о конфликтных воспоминаниях: «Во многих группах, спорящих о прошлом, участники дискуссий придерживаются не просто разных, но взаимоисключающих точек зрения. В большинстве таких случаев при наличии "раздражителя" – противоположного мнения – язык коммеморации легко переходит в язык вражды. Особенно ярко на наших примерах это прослеживается в сообществах, где российские и украинские юзеры обсуждают значение Голодомора и роль ООН-УПА в Украине. В таких группах идет борьба за коллективную память как за приоритет своей интерпретации прошлого. Спор о границах события и его трактовке становится отправной точкой установления связей "свой-чужие". Аргументы, как правило, вводятся при помощи экспрессивной лексики, а семейные воспоминания работают как наиболее сильные доводы в полемике. Отсутствие релевантных воспоминаний – знак неправоты оппонента».

Таблица 1
Table 1

Языковая ситуация / Предмет конфликта	Многоязычие	Одноязычие
Язык в целом	конкуренция языков	оценка языка
Единицы языка	конкуренция единиц внутри одного языка (но в контексте другого)	оценка единиц внутри языка

Это рассуждение вполне вкладывается в прагматическое направление, так как обсуждается конфликтная коммуникация на заданные темы, ее стратегии, методы и языковые средства. Но почти сразу на следующей же странице делается замечание, переносящее читателя в социолингвистическую сферу, а точнее – стирающее границу между этими направлениями: «Спорящие разговаривают друг с другом на двух разных языках. Эта распространенная практика (писать так, как удобнее), но в данном треде выбор языка приравнивается к выбору позиции по отношению к Голодомору» (Zvereva, 2012: 228). Фактически выбор языка рассматривается здесь как речевой прием, подчеркивания своей содержательной позиции.

Теперь же рассмотрим, какова терминологическая ситуация в англоязычной традиции. Надо понимать, что прямой аналогии понятию «лингвистическая конфликтология» в английском языке нет¹. Если мы говорим о социолингвистическом направлении, то наиболее точным переводом русского термина будет английское выражение *language conflict research*, что буквально означает ‘исследование языковых конфликтов’ и чаще всего (но не всегда!) предполагает изучение конфликтов, возникающих в многоязычных обществах при языковых контактах (ср. «Языковой конфликт на уровне общества – это, вне всяких сомнений, та область, на которой в основном и фокусируется исследование языковых конфликтов» (Darquennes, 2015: 11). Источником и объектом этих конфликтов являются языки в целом: их статус, функции в обществе и т.п. Так, например, в обзорной статье «Research on Language Conflict» Р. Н. Nelde, опубликованной в коллективной монографии «Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society», это направление исследований рассматривается исключи-

¹ Ситуация в немецкой традиции принципиально иная. В немецком языке, как и в русском, есть термины «языковой конфликт» и «лингвистическая конфликтология»: «Sprachkonflikt» и, соответственно, «Konfliktlinguistik» или «Sprachkonfliktforschung» (см., например, (Bochman, Nelde, Wölck, 2003)).

тельно как область контактной лингвистики с учётом того, что в истоке конфликта лежит социальное неравенство, а «проблема языка только усугубляет эти различия» (Nelde, 2005: 1350).

Близость к социолингвистическому направлению российской конфликтологии очевидна, ведь аналогичным образом понятие языкового конфликта трактует и «Словарь социолингвистических терминов»: «столкновение между языковыми сообществами (общностями) людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком» (Mikhal'chenko. 2006: 276); примерно так же *language conflict* / языковой конфликт рассматривается в монографиях и тематических сборниках вроде (Moorman-Kimáková, 2016, Bitkeeva, Mikhal'chenko. 2014, Bochman, Nelde, Wölck, 2003) и многих других.

1.2. Существуют, однако, и другие понимания языкового конфликта. Так, и в вышеупомянутой статье (Nelde 2005: 1349) цитируется работа (Oksaar 1980), где указано на неоднозначность этого термина: «либо конфликт языков внутри одного индивидуума, либо <...> конфликт посредством языка (языков), включая процессы, внешние по отношению к индивидууму». Например, в сборнике (Evans, Jeffries, O'Driscoll, 2019) языковой конфликт понимается достаточно широко, что позволяет рассуждать о «тексте в конфликте», «взаимодействии в конфликте» и «лингвистике в конфликте»; в последнем случае речь идёт о лингвистических подходах к разрешению различных, не только языковых, конфликтов. Аналогично устроена коллективная монография (Reiher, 1995)². В различных аспектах взаимосвязь между языком и конфликтом рассматривается в книге (Janicki, 2015), содержащей в том числе разделы «Как мы можем неверно интерпретировать языковое поведение других людей», «Эвфемизмы, дисфемизмы и политическая корректность: как нас могут сбить с толку» и т.п. В этих работах наличие языкового контакта, то есть более чем одного языка, не является обязательным условием для возникновения кон-

² На немецком языке.

фликта, а источником и объектом конфликта является способ использования языка (например, hate speech) или же какая-либо конфликтная тематика, для обсуждения которой применяется язык.

1.3. Наконец, ещё один тип языковых конфликтов – это тот, где объектом конфликта являются структура и единицы языка; такой тип конфликтов может возникать как в много-, так и в одноязычных сообществах (см., например, (Knoblock, 2020)). Однако, как говорится в обзорной статье (Darquennes, 2015: 14) о современном состоянии исследований лингвистических конфликтов, «дискурс, подчеркивающий структурные свойства, по-видимому, преобладает в случае контакта между речевыми сообществами, использующими варианты языка, принадлежащие к одной диасистеме³». Такой тип конфликта рассматривается, например, в работе (Mattheier, 1984), одной из первых показавшей конфликт в моноязычных сообществах, или в разделе «Как возникают конфликты вокруг определения слов» вышеупомянутой книги (Janicki, 2015: 153–177). Впрочем, как справедливо отмечает J. Darquennes, «внимание, уделяемое этим типам языковых конфликтов, <...> невелико» (Darquennes, 2015: 16).

2. Постановка задачи

Как уже говорилось выше, на наш взгляд, не существует четкой границы между социолингвистическим и прагматическим направлениями исследования конфликтов при соблюдении двух условий⁴. Во-первых, если, говоря о социолингвистическом подходе, мы будем рассматривать не конфликт языков как некую абстракцию, а его реализацию в конфликтной коммуникации носителей этих языков. Во-вторых, если, говоря о прагматическом подходе, мы рассмотрим только те конфликтные ситуации, в которых эксплицитным источ-

ником оказывается язык в широком смысле слова, то есть не только язык в целом, но и его элементы: лексика, устойчивые выражения, конструкции и т.п. Собственно, конфликтная коммуникация, источником которой является противопоставление языков в многоязычном обществе, очевидным образом относится к предмету социолингвистической конфликтологии; мы же поэтому сосредоточимся на конфликтной коммуникации, связанной с обсуждением отдельных языковых единиц. Конфликтной мы будем считать такую коммуникацию, в которой присутствуют несовместимые мнения о языковых единицах и их противоположные оценки. В некоторых ситуациях, впрочем, одно из мнений / одна из оценок могут в явном виде отсутствовать, например, находиться за кадром конкретной дискуссии или быть представлены в виде языкового примера, критикуемого участниками дискуссии.

Материалом рассмотрения стала коммуникация в социальных сетях и в медийном пространстве (в последнем случае в рамках комментариев к новостным статьям).

Принципиальной характеристикой конфликтной коммуникации становится ее социолингвистический контекст, иначе говоря, в ситуации моноязычия (одноязычия) или полиязычия (многоязычия) она проходит. С учетом этой характеристики мы и построили композицию статьи. В третьем разделе мы рассмотрим конфликты в ситуации многоязычия, когда влияние одного языка вызывает конкуренцию единиц внутри другого и, соответственно, различную их оценку носителями. В пятом разделе речь пойдет о конфликтах в ситуации одноязычия, и в этом случае рефлексия говорящих просто направлена на оценку единиц внутри языка вне контекста каких-либо других языков. Как мы увидим, чаще всего объектом такой рефлексии становится лексика, хотя реже она может быть направлена и на орфографию, грамматику и т.п.

Однако есть и промежуточный тип, который будет рассмотрен нами в четвертом разделе. Имеется в виду конфликтная ком-

³ Термин У. Вайнрайха, обозначающий единый с системной точки зрения язык, представленный несколькими языковыми стандартами.

⁴ Отчасти это стало видно уже из цитаты из (Zvereva, 2012), приведенной выше.

муникация в одноязычной среде, связанная с внешнеполитическим фактором. Такой фактор представляет собой проекцию воздействия другого языка: иначе говоря, это воспринимается как влияние на язык со стороны, но без четкого понимания того, идет ли речь о влиянии языковом или политическом.

Мы также попытаемся показать, что в конфликтной коммуникации регулярного типа (то есть воспроизводимой и неслучайной), источником которой является язык, всегда присутствует социолингвистическая составляющая, что сближает, казалось бы, столь далекие направления исследования конфликтов.

3. Конкуренция единиц внутри одного языка в контексте другого

3.1. Начнём наше обсуждение с рассмотрения конфликтной коммуникации между носителями одного языка, возникающей в ситуации его сосуществования (постоянного контакта в рамках единого общества) с другим языком. Такая ситуация обычно характерна для несбалансированного билингвизма, когда один из языков занимает или занимал на протяжении длительного времени более низкую позицию в обществе и, соответственно, обслуживает меньше сфер. В качестве примера возьмём социолингвистическую ситуацию в Республике Беларусь.

3.2. До начала 1990-х в городах БССР доминировал русский язык. После распада Советского Союза белорусский язык стал единственным государственным языком республики, а с 1995 года официально установлен государственный билингвизм. По результатам переписи населения 2009 года, белорусский язык был языком повседневного общения лишь для 11,3 % горожан (родным же его назвали 44,1 %, что говорит о прежде всего идеологическом понимании этого термина). С такой несбалансированностью связан ряд особенностей белорусского языка, в том числе структурных.

Прежде всего следует отметить, что белорусский язык лишён нормального узуса. Малое количество его активных носителей, нередко встречающееся неприятие (или не-

понимание) его пассивными носителями и, как следствие, небольшое количество сфер, обслуживаемых этим языком, – все эти факторы приводят к тому, что закрепление лексики в языке не происходит естественным путём. Кроме того, полноценное овладение языком у значительной части, если не у большинства, его активных городских пользователей произошло уже только в сознательном возрасте после отказа от русского языка как основного или значительного снижения его доли (таких людей иногда называют «детьми асфальта» (Ramza, 2017)). Переход на белорусский язык в такой ситуации сопряжён с рядом психологических трудностей. Во-первых, это обычный языковой барьер. Во-вторых, выбор белорусского в качестве языка повседневного общения маркирован в глазах окружающих: говорящий по-белорусски привлекает внимание на улице и нередко вызывает комментарии в свой адрес – как позитивные (одобрение и восхищение), так и негативные (от обвинений в «позерстве» до прямых оскорблений). Наконец, в силу близкого родства языков у «неофитов» присутствует страх, что при недостаточном уровне владения белорусским их речь будет схожа с тряснякой – непрестижным смешанным русско-белорусским идиомом. Подсознательная необходимость доказывать самостоятельность белорусского языка часто приводит к чрезмерным охранам тенденциям у его носителей (в особенности у «детей асфальта») – высокому уровню пуризма и сознательной языковой дивергенции, включая, по существу, обращение к такому правилу: «чем меньше похоже на русский язык – тем это более по-белорусски» (см. подробнее (Woolhisser, 2013, Ramza, 2017)). Такой подход имеет под собой некоторые основания: действительно, в 1930-х годах путём реформ и переписывания словарей белорусский язык был в значительной степени приближен к русскому, и официальные тексты вплоть до настоящего времени достаточно русифицированы по сравнению с текстами начала XX века. Однако в Западной Беларуси, в то время входившей в состав Польши, и в среде эмиграции новые правила не были

приняты. В начале 1990-х велись дискуссии о возвращении к дореформенному варианту (он получил неформальное название *тарашкевица* от имени Бронислава Тарашкевича, автора первой белорусской грамматики). Официально это так и не произошло, однако тарашкевица вернулась в общественную жизнь. За шестьдесят лет, прошедших с реформы, различия между двумя вариантами языка усугубились, и сейчас некоторые лингвисты говорят о наличии у современного белорусского языка двух норм или двух стандартов: официального и классического (тарашкевицы), различающихся на всех языковых уровнях (подробнее см. (Klimaj, 2004) и библиографию в (Ramza, 2018)); существует даже две белорусские Википедии. В реальности, однако, стандарты представляют собой континуум, и многие тексты совмещают в себе черты обоих.

Противопоставление белорусского и русского языков вместе с противопоставлением двух стандартов белорусского языка оказывается источником для разнообразных языковых конфликтов, которые удобно наблюдать в социальных медиа: как в обсуждениях в социальных сетях, так и в комментариях к новостям. Важно отметить, что языковые конфликты возникают не только в комментариях к статьям на социолингвистическую тематику, где они ожидаемы (ср. (Miačkoŭskaja, 2012; Liankievič, 2013)), но и к статьям любой направленности, написанным по-белорусски (если таковая размещена на двуязычном, причем преимущественно русскоязычном ресурсе): сам язык статьи выступает триггером конфликтной коммуникации. Большая часть примеров конфликтной коммуникации связана с недовольством просто из-за выбора белорусского языка – стандартный пример языкового конфликта. Менее стандартны конфликты, суть которых можно описать вопросом: «существует ли слово X в белорусском языке?» Такой вопрос едва ли возможен в ситуации одноязычия, хотя, вероятно, ближайшим аналогом в русскоязычной среде можно было бы считать обсуждение англицизмов и недовольство заимствованиями в целом.

3.3. Перейдём к рассмотрению конкретных примеров. Все примеры, если не оговорено иное, взяты из комментариев к немногочисленным белорусскоязычным новостям на одном из основных новостных порталов Беларуси, больше 90 % контента которого написано на русском языке. Следует отметить, что кроме споров, в которых участвуют несколько человек, частным случаем конфликтной коммуникации мы также будем считать и одиночные комментарии, выражающие недовольство белорусским языком в целом или же выбором автором статьи конкретных лексем и словоформ.

Первый тип источника языкового возмущения – это реальные или мнимые русизмы, используемые, по мнению комментирующих, вместо настоящих белорусских слов:

- (1) *Словы “веласіпед”, “пасольства” русскія словы, навошта такая вучоба, потым будуць казаць, што беларуская мова не адрозніваецца ад расейскай*
 ‘Слова “веласіпед”, “пасольства” русские слова, зачем такая учёба, потом будут говорить, что белорусский язык не отличается от русского’

Здесь в качестве замены подразумеваются полонизмы *ровар* и *амбасада*, которые, в свою очередь, вызывают недовольство уже у других белорусов. За этим примером стоит совершенно определенный взгляд на белорусский язык, часто характерный для неофитов, лишь недавно сделавших выбор в его пользу: сложная ситуация с противопоставлением исконно белорусских слов, русизмов, полонизмов и неологизмов упрощённо представляется в виде дихотомии «русизм vs. правильное белорусское слово».

3.4. Второй тип негативных комментариев – это реакция на незнакомые слова. Сталкиваясь с такими случаями, комментаторы объясняют их либо неграмотностью или словотворчеством журналиста, либо сознательным ухудшением

языка профессиональными лингвистами. Хотя такие комментарии являются проявлением распространённого стереотипа об «искусственности» белорусского языка (Liankievič, 2013), а также частным случаем мифа о вредительской деятельности профессиональных лингвистов (Drugoveiko-Dolzanskaia, 2019; Pakhomov, 2019), тем не менее глубинная причина их появления также лежит в многоязычии: во-первых, комментатор считает, что неизвестное слово было употреблено специально ради того, чтобы сделать белорусский язык менее похожим на русский; во-вторых, возможность подобного восприятия конкретных лексем связана с отсутствием нормального белорусского узуса, также вызванного доминированием русского языка.

Рассмотрим несколько примеров:

(2) *Слышь, дурницы кусок, а хто такая раварысты? Те кто на «Роверах» ездють???? На нормальном белорусском языке «веласіпед». А как новомодное сленговое слово молодые хомячки придумали «рвар», абы не так, как по-русски))))*

С содержательной точки зрения этот пример прямо противоположен примеру (1), что хорошо иллюстрирует неизбежность конфликтной коммуникации в текущей социолингвистической ситуации в Беларуси. Если же посмотреть на этот пример с точки зрения нормы, то слово *рвар* есть уже в пятитомном толковом словаре под ред. К. Крапивы 1977–1984 гг., где толкуется как ‘веласіпед’ и имеет помету *обл.* (Atrachovič, 1977–1984), и в Литературном толковом словаре – со значением «тое што і веласіпед» ‘то же, что и велосипед’ без помет (Litaraturny, 2010), а также как минимум в одном переводном словаре – в 4-м издании 2012 г. академического трёхтомного белорусско-русского словаря (возможно, слово появилось раньше – в 3-м издании 2003 г.), где есть и слово *рварыст* (Lukašanies, 2012).

Следующий пример аналогичен предыдущему:

(3) *Что за слово – «адлічбавалі». Это как? Меня оно так озадачило, что дальше читать не смог. Неужели – оцифровали? Совсем не звучит.*

Встретив неизвестное слово, комментатор выражает своё возмущение им (следует отметить, что в «Словаре новых слов белорусского языка» 2009 г. издания присутствует слово *лічбавы* ‘цифровой’ (Ulasievič, Daŭhulievič, 2009: 205), однако однокоренных ему нет – впрочем, само слово *лічбавы* есть и в словарях середины XX века (Kolas, Krapiva, Glebka, 1953: 753) (в 1937 г. – в варианте *лічбóвы* (Alieksandrovič, 1937: 476)); глагол же *лічбаваць* ‘цифровать’ есть уже как минимум в словаре 1953 г.). Конкретно этот случай также отражает любопытный пример двоемыслия, отмеченный в статье (Liankievič, 2013: 151–152), посвящённой отношению к белорусскому языку и языковым стереотипам в белорусском обществе: «с одной стороны, белорусский язык называют несовременным, а с другой, высказываются против освоения им новых слов, связанных, например, с компьютеризацией и информатизацией». Появление указанных стереотипов связано в том числе с трудностями при освоении белорусским языком новых сфер: если в русском языке специальная терминология сначала появляется в профессиональной среде, а затем, в случае выхода технологии в широкие массы, вместе с ней приходят и уже прижившиеся термины, то люди, желающие употребить тот или иной термин по-белорусски, обычно сталкиваются с уже готовым русским термином, и перед ними встаёт вопрос: заимствовать ли английский вариант, заимствовать/калькировать русский (и если да, то как его морфологически оформить) или же создать неологизм – что нередко приводит к конфликтной коммуникации. Так, например, в группе в Фейсбуке⁵ «Толькі пра мову» (‘Только о языке’) 09.08.2019 г. в ответ на вопрос «Як правільна сказаць “оцифровка” (плёнкі)?» разными пользователями были предложены вариан-

⁵ Продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией в России.

ты лічбаванне, дыгіталізацыя, аблічбоўванне, залічбоўванне, залічбоўка, злічбоўка і алічбоўка; аналог такого обсуждения практически невозможно представить для русского языка.

3.5. К третьему типу конфликтной коммуникации можно отнести те обсуждения, где триггером являются не лексемы, а их грамматическое оформление. Как уже говорилось выше, противопоставление официального и классического стандартов представляет собой континуум, и многие тексты совмещают черты обоих вариантов. Такой плюрализм и возможность присутствия элементов обеих норм в одном тексте может приводить к лингвистическим конфликтам в комментариях и за их пределами.

Рассмотрим пример. В белорусском языке шире, чем в русском, употребляется окончание родительного падежа множественного числа существительных -оў/-аў/-ёў/-еў (русс. '-ов/-ев'), ср. *бомбаў* 'бомб', *мораў* 'морей' и т.п. При этом классический стандарт значительно расширяет сочетаемость этого окончания, и многими сторонниками тарашкевицы это оценивается как единственно верная белорусская форма, а окончание -эй/-ей или нулевое – как русизм: *абласцей* / *вобласцяў* 'областей', *станцый* / *станцыяў* 'станций', хотя варианты возможны даже внутри официального стандарта (см. рис. 1):

Рис. 1. Словарь трудностей белорусского языка; на двух словарях разные окончания у слова *трудностей*

Fig. 1. Dictionary of difficulties of the Belarusian language; the two dictionaries have different endings for the word *difficulties*

Такой взгляд приводит, например, к тому, что, по мнению некоторых комментаторов, выбор организаторами Минского фестиваля языков в качестве перевода слова *языков* варианта *моў* (а не *моваў*) говорит об их языковой некомпетентности и, как следствие, о низком качестве самого мероприятия, хотя этот вариант соответствует официальной норме:

(4) *Моў ці моваў?
Я ў разгубе!)))*

<...>

*Не ў тарашкевіцы справа,
а ў лінгвістычнай логіцы. Таму,
нажаль, не далучыся да прыхільнікаў
праекту, бо ад пачатку не адчуваю
кампетэнтнасці.*

*‘Моў или моваў?
Я в растерянности!)))*

<...>

*Не в тарашкевице дело,
а в лингвистической логике. Поэтому,
к сожалению, не присоединюсь
к сторонникам проекта, так
как изначально не чувствую
компетентности.’*

В принципе, связь профессиональной компетентности и языковых ошибок часто обсуждается в интернете – особенно в связи с позицией граммар-наци. Далее в пятом разделе будет рассмотрен сходный случай уже в контексте русского языка.

Зеркально обратная ситуация демонстрируется в следующем примере, взятом из комментариев к новостной статье, где автор возмущается уже наличием флексии -аў:

(5) *«Праграмы Клуба
адаптаня да патрэбаў».*

а чаму не «да патрэб»?

*‘Программы Клуба адаптированы
да патрэбаў (‘к потребностям’).’*

а почему не «да патрэб»?

3.6. Подведём промежуточные итоги. Современная социолингвистическая ситуация в Беларуси в совокупности с рядом

структурных особенностей белорусского языка, связанных в том числе с постоянным контактом с русским языком, влекут за собой широкий спектр представлений о том, как должен быть устроен или даже как на самом деле – с точки зрения комментаторов – устроен белорусский язык. Для части носителей неприемлемы слова или грамматические элементы, совпадающие с русскими, однако предлагаемые ими замены (неологизмы, включая кальки, полонизмы, архаизмы) не принимает другая часть носителей, которая, в свою очередь, рассматривает их как языковые эксперименты лингвистов и журналистов или банальную неграмотность пишущих. Наличие противоположных и непримиримых мнений относительно языковых единиц приводит к языковому конфликту и, соответственно, конфликтной коммуникации (более подробный разбор ситуации представлен в (Somin, 2015)).

4. Оценка единиц внутри одного языка: политический фактор

4.1. В этом разделе речь пойдет о языковых изменениях, ставших следствием распада СССР и изменения статуса русского языка в странах постсоветского пространства. Мы рассмотрим конфликтную коммуникацию в одноязычной среде, связанную с внешнеполитическим фактором, который можно рассматривать как слабый отклик двуязычия. Выводы в этом разделе основываются на многолетнем мониторинге конфликтов в социальных сетях и – шире – в сетевой коммуникации (с 2010 по 2020 гг.).

Влияние одного языка на другой (в нашем примере на русский) первоначально фиксируется в двуязычной среде. Там же может возникнуть, хотя и необязательно, дискуссия об изменении слова (названия), которая затем переносится в русскоязычную среду России, которую мы называем одноязычной, поскольку другие языки России к этому языковому конфликту отношения не имеют. Впрочем, конфликтная коммуникация может начаться в России и совершенно независимо. Такие конфлик-

ты затрагивают на постсоветском пространстве, как правило, названия стран и городов, прежде всего столиц. Их можно считать точечными, поскольку речь идет об одном или нескольких словах.

Снова обратимся к контактам русского и белорусского языков и к двум названиям страны: *Белоруссия* и *Беларусь*. До распада Советского Союза эти названия были разнесены по разным языкам: по-русски – *Белоруссия*, по-белорусски – *Беларусь*. После обретения государственности в Республике Беларусь было принято решение об использовании топонима *Беларусь* и в русском языке. Со временем узус закрепился, и в сегодняшней Беларуси конфликта, касающегося названия страны, нет, как нет и вариативности: используется практически исключительно вариант *Беларусь*, который ощущается людьми младше сорока как единственно возможный.

Однако в российской речевой среде этот конфликт существует, причем нередки случаи, когда его инициирует белорус, обнаруживший в тексте какой-либо новостной статьи название *Белоруссия* и исправляющий автора. Для многих белорусов вариант *Белоруссия* звучит оскорбительно: это воспринимается как сознательное пренебрежение или даже посягательство на независимость страны. Это ощущение может быть проиллюстрировано следующим диалогом двух белорусов в комментариях к новостной статье:

(6) – *А что такое Белоруссия?*
– *Вроде рядом с Россиссией*
находится.

Для россиян же этот топоним либо не маркирован и употребляется просто в силу привычки, либо выбирается сознательно, так как, по их мнению, вариант *Беларусь* не соответствует правилам русской орфографии (подробный разбор проблемы *Беларусь vs. Белоруссия* с описанием сценариев типичной конфликтной коммуникации см. в (Somin, Polii, 2016)). Именно поэтому конфликт может разгореться и в комментариях к статье со словом *Беларусь*, которое

оценивается участниками как неправильное с орфографической и/или с идеологической точки зрения.

Эта конфликтная ситуация представляет особый интерес благодаря нескольким факторам.

Во-первых, русский язык является государственным и в России, и в Беларуси (в последней наряду с белорусским). Таким образом, можно говорить о равных правах на русский язык у этих государств.

Во-вторых, в России эта конфликтная ситуация по-разному ощущается разными людьми. Поскольку мы говорим об оценке лексем *Белоруссия* и *Беларусь*, то следует сказать об их разном восприятии. Как уже сказано выше, кто-то считает, что *Белоруссия* – привычное и правильное название страны-соседа, а *Беларусь* – непонятное, чужое и потому неправильное. Кто-то видит за этими словами определенный политический выбор и, выбирая слово, фактически занимает определенную политическую позицию по отношению к Республике Беларусь. Наконец, кто-то видит здесь не противопоставление политических позиций, а столкновение языковых ценностей и политкорректности, и совершает не политический, а, скорее, культурный выбор.

По выбору того или иного слова (особенно при выборе названия *Белоруссия*) мы, как правило, не можем понять причины этого выбора.

4.2. Аналогичные конфликты в русскоязычной среде России связаны с обсуждением и других постсоветских топонимов: *Таллин* и *Таллинн*, *Ашхабад* и *Ашгабад*, *Алма-Ата* и *Алматы*, *Молдавия* и *Молдова*, *Туркмения* и *Туркменистан*, *Киргизия* и *Кыргызстан* (см. об этом в (Krongauz, 2017: 445–451)). Каждый из них заслуживает отдельного обсуждения, но общим можно считать отмеченные выше факторы. Интересно, что принятие новых названий таких стран, как Беларусь, Молдова и Кыргызстан, приводит к определенному речевому парадоксу, ведь связанные с ними названия соответствующих языка и народа остаются прежними – по крайней мере, в России введение новых названий практически

не обсуждается. Таким образом, в *Беларуси* живут *белорусы* и говорят на *белорусском* языке и т.д. (однако о конкуренции вариантов *белорусский*, *беларусский* и *беларуский* в русском языке Беларуси см. (Goritskaia, 2014)).

Последующие события привели к еще более интересным лингвистическим последствиям. Во время массовых протестов против фальсификаций на выборах президента в Беларуси россияне стали активно использовать в социальных сетях слова *Беларусь*, *беларусы* и *беларусский* в знак поддержки протестующих. Преобладание этих вариантов нельзя было не заметить. Так, например, 12 августа 2020 года в Фейсбуке журналистка Ксения Туркова опубликовала пост:

(7) *Заметила, что слово «белорус(ы)» именно в последние дни все чаще пишут по-русски через а: «беларус(ы)». Попадает в каждом втором посте. Просто наблюдение.*

В комментариях к посту поэт Лев Рубинштейн предложил интересный термин для этого явления:

(8) *Правильное наблюдение. Эта орфографическая деталь, как я думаю, есть знак сочувствия и солидарности. Это примерно то же, что и «В» «Украине». Давайте назовем это «эмпатической орфографией».*

Следует отметить, что во всех этих случаях речь идет не о переименовании, а о некоторой корректировке привычного топонима. В случае же переименования, например, города Фрунзе в Бишкек, конфликтная коммуникация либо не возникает, либо имеет другой характер.

К этим конфликтам примыкает и, пожалуй, наиболее ожесточенная дискуссия по поводу выбора предлогов места и направления с названием украинского государства. С одной стороны, более привычное *на Украине*, *на Украину*, *с Украины*, а с дру-

гой стороны, окончательно принятое в русском языке Украины: *в Украине, в Украину, из Украины*. Этот конфликт, безусловно, заслуживает отдельного и подробного исследования.

Языковые конфликты с политическим подтекстом стали определенным культурным явлением, источником для шуток и языковой игры. По крайней мере, два из них получили устойчивое, хотя и неполиткорректное и грубое название: *бульбосрач*⁶ для Беларуси, *хохлосрач* для Украины.

5. Оценка единиц внутри одного языка: типология конфликтов

5.1. В предыдущем разделе мы рассмотрели переходный случай, то есть конфликт в моноязычной среде из-за языковой вариативности в многоязычной среде. Теперь мы перейдем к рассмотрению исключительно моноязычных конфликтов, направленных на оценку единиц внутри языка. Речь пойдет о русском языке в русскоязычной среде России.

Мы предлагаем типологию конфликтов в социальных сетях и не ставим задачу исчисления всех существующих типов с опорой на уровни языка. Мы исходим из реальности и частотности возникновения конфликтов, связанных с оценкой отдельных языковых единиц, прежде всего словоформ и лексем. Скажем, орфографические конфликты для социальных сетей регулярны, а орфоэпические нет, что связано с тем, что в процессе письменного общения возникают именно орфографические, но не орфоэпические конфликты. Можно, конечно, отдельно поставить теоретический вопрос и спровоцировать полемику, но с орфоэпией фактически так не происходит. Однако такая возможность сохраняется для более идеологизированных языковых тем, например, для названий государств или политкорректных замен.

Основываясь на мониторинге социальных сетей, мы можем выделить пять самых частотных типов конфликтной коммуникации, источником которой служат языковые единицы: орфографические, этикетные,

стилистические, политкорректные и политические конфликты. Последние, связанные с названиями государств и столиц, мы обсудили в предыдущем разделе, сейчас же кратко опишем четыре оставшихся типа.

5.2. Орфографические конфликты – самые поверхностные, их краткое содержание и основную цель можно выразить лозунгом «пиши правильно». С этим типом конфликтов связано понятие *граммар-наци*: примерно с середины 2000-х таким словом называли воинствующих языковых пуританов, которые вмешивались в чужую коммуникацию, но вместо обсуждения содержания высказываний агрессивно упрекали участников за ошибки в их письменной речи – в первую очередь орфографические и пунктуационные. Изначально слово *граммар-наци* было оскорбительным названием извне, но постепенно стало употребляться как самоназвание со стертой негативной оценкой, подробнее см. в (Krongauz, 2013: 99–105) и (Krongauz et al., 2016: 248–250), ср. пример из поста в социальной сети:

(9) <...> По образованию <я> учитель, по работе редактор с многолетним стажем, так что мой внутренний *граммар-наци* бдит.

По своей сути орфографические конфликты направлены или на разрушение коммуникации (инициатору конфликта важна форма, а не содержание), или на дискредитацию оппонента (инициатор конфликта считает, что если человек пишет с ошибками, то он не может быть прав и содержательно): издеваться над безграмотностью проще и легче, чем спорить по существу.

Чаще всего конфликт развивается в связи с конкретной ошибкой, но если ее сделал известный человек, может возникнуть и более общая дискуссия, а именно – имеет ли право считаться достойным профессионалом человек, допускающий орфографические ошибки. Так, например, в Фейсбуке в одном из комментариев к чужому посту сделал ошибку в написании глагола *-ться/-тся* руководитель департа-

⁶ От бел. *бульба* 'картофель'.

мента культуры Москвы с 2011 по 2015 год Сергей Капков, после чего другие комментаторы немедленно потребовали от него уйти в отставку именно на этом основании.

Во второй половине 2010-х гг. после окончания эпохи «падонкафф» орфографических конфликтов становится меньше. В результате деятельности падонкафф отношение к грамотности изменилось, ее престиж значительно упал, а граммар-наци воспринимаются как тролли, разрушители коммуникации, и либо на их замечания не реагируют, либо они сами изгоняются из коммуникации. Вокруг граммар-наци формируется постфольклорное пространство, в котором они играют роль комических персонажей, ср. анекдот:

(10) *В одном королевстве завёлся граммар-наци. Всех поправлял, по поводу и без. Надоел всем – хуже некуда. И вот схватили его и привели на суд к королю. Король был мудрый, поэтому спросил:*

- *Что же мне с тобой делать? Помиловать или кОзнить?*
- *КАзнить! – привычно поправил граммар-наци.*

Вместе с тем окончательно орфографические (и шире – грамматические) конфликты не исчезли. Граммар-наци и сейчас атакуют безграмотность, что находит отражение в визуальном фольклоре или в метаироничных комментариях:

ТОТ САМЫЙ КОТЁЛ В АДУ

болие-лимение похоже

Рис. 2
Fig. 2

5.3. Этикетные конфликты, как следует из названия, посвящены речевому этикету и, соответственно, касаются не только собственно языковых единиц, но и прагматики и общения в целом. Их лозунг можно сформулировать так: «Будь вежлив». Должно ли писаться с большой буквы вежливое местоимение *Вы*, приемлемо ли обращение по полному имени без отчества, можно ли здороваться фразой *Доброго времени суток*, вежливо ли сегодня звонить по телефону без предупреждения – вот лишь некоторые из частых тем этикетных конфликтов.

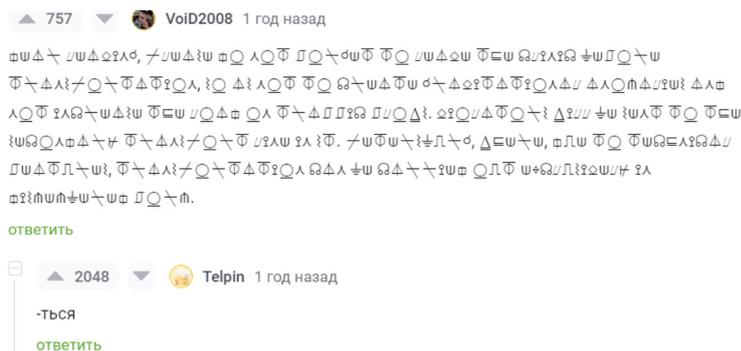

Рис. 3
Fig. 3

Характерная особенность развития этих конфликтов – появление в дискуссии человека, который заявляет, что знает, как надо говорить и писать в обсуждаемых ситуациях, хотя в действительности все подобные этикетные проблемы относятся к области вариативности и не имеют однозначного и устоявшегося решения.

5.4. Политкорректные конфликты (под лозунгом «Не смей обижать») возникают в результате так называемой новой правки русского языка. Среди основных направлений политкорректности, влияющих в последнее время на русский язык, можно выделить гендерную правку (появление феминитивов, искоренение гендерных стереотипов и т.п.), сексуальную правку (появление новых слов для обозначения различных сексуальных ориентаций и новых гендеров), национальную и расовую правку (изменение отношения к традиционным наименованиям рас и национальностей и выработка новых терминов), инвалидную правку (поиск новых слов для разговора о людях с нарушениями физических и ментальных функций) и ряд других направлений – борьба с эйджизмом (поиск новых слов для обозначения людей разного возраста), фэтшейминг и противостоящий ему бодипозитив (дискурс о людях с избыточным весом) и т.п.

Отдельного упоминания заслуживает феминистская правка языка, а именно феминитивы – пожалуй, наиболее агрессивно обсуждаемое явление в русском языке за последние несколько лет. В русском языке исторически сложилось так, что названия большинства профессий и характеристик человека по роду деятельности являются словами мужского рода, которые используются в том числе и для обозначения женщин. Основная идея сторонников феминитивов, ориентирующихся на схожие процессы в немецком, польском и ряде других языков, заключается в том, что эту практику следует изменить, создав для каждого такого слова пару женского рода с использованием одного из ряда суффиксов (*автор – авторка, редактор – редакторка* и т.п.), а в текстах, где речь идёт о людях

вообще или лицах разного пола, следует использовать вместе название мужского рода и феминитив или же феминитив с гендергэпом, ср. цитату из одного из студенческих журналов:

(11) *Любой_ая автор_ка
может предложить текст для
публикации.*

Однако для многих носителей языка сконструированные слова и синтаксические конструкции звучат и выглядят неестественно и вызывают отторжение (в том числе и у тех, кто разделяет идеи феминизма), что приводит к многочисленным конфликтам (подробнее см., например, монографию (Fuřaeva 2020)).

Таким образом, в отличие, например, от польского и украинского языков тема феминитивов в русском языке остается источником конфликтной коммуникации.

5.5. Наконец, стилистические конфликты вызываются ненавистью к отдельным словам и выражениям («ненавижу это слово»). Инициатор конфликта либо высказывает в комментариях к посту своё возмущение тем или иным словом, употреблённым автором этого поста, либо сам публикует пост о нетерпимости к слову или ряду слов. Часто после этого в комментарии приходят и другие люди, которые соглашаются с инициатором конфликта и добавляют свои примеры ненавистных слов.

Выделяются как отдельные слова, являющиеся триггерами раздражения (например, *кушать, улыбнуло, супруг*), так и целые классы: определенные слова с уменьшительными суффиксами (*мяско, мороженка, вкусняшки, любимка, девчули*), лексика так называемого мамского языка – дискурса молодых мам (*беременюшка, пузожитель, покакуши*; наиболее активно ненависть к таким словам обсуждалась в середине 2010-х), слова молодёжного сленга, часто заимствованные (*хайп, бро, ор, дичь, изи*), элементы просторечия (*ложить, днюха, тута*) и другие лексические группы. Также конфликтную коммуникацию часто провоцируют единицы этикета. Чаще всего это

касается молодежного жаргона (*сорян, дра-тутти, спс, спасибоки*), заимствований или калек (*хай* или *хорошего дня*). Можно также отметить традиционно конфликтогенные формулы *доброего времени суток* и *я вас услышал*, ставшие употребительными соответственно в 1990-е и 2000-е годы. Обсуждение таких единиц попадает также в зону этикетных конфликтов.

Приведём несколько примеров из дискуссий в Фейсбуке: в примере (12) автор иронизирует по поводу злоупотребления уменьшительными суффиксами, пример (13) показывает, как в комментариях немедленно появляются другие раздражающие слова, а в примере (14) демонстрируется начало конфликта в комментариях.

(12) *Новости из жизни вежливых официантов. Сначала он спросил меня: с хлебушком дружим? А потом, когда кофе подавал, уточнил, дружим ли с сахарком. Мы дружим с молочком, но он почему-то не спросил.*

(13) *Пожалуйста, дорогие друзья, успокойте меня и скажите, что это не только меня выводит из себя употребление слова «вкусный» не к месту – «как вкусно написано, как вы вкусно рассказываете, какая вкусная книга» и так далее...*

Комментарии:

- *Вкусно, крайний в контексте последний, по жизни, от слова совсем – готова расстрельные приговоры за это подписывать.*

- *А еще, вкусняшки, сторис, поженить (при приготовлении пицци). Это так глупо.*

- *Есть слова намного хуже. Например, «волнительно».*

(14) – *При крайнем визите Мутко в Самару, договорились о встрече с общественностью в Москве. <...>*

– *Вот какой debil ввёл моду заменять «последний» на «крайний»?*

Аркадий, ты космонавт? Или может лётчик-испытатель?

Последний комментарий основан на распространенном мнении, что использование слова *крайний* вместо слова *последний* возникло как суеверие в дискурсе представителей профессий, связанных с риском для жизни, поскольку выражения *последний полет* или *последнее испытание* могут содержать смысл ‘последний в жизни’.

Анализ лексических групп, вызывающих недовольство и даже ненависть, показывает, что, как правило, за ними скрываются более или менее определенные социальные или культурные группы людей, которые эти слова употребляют. Иначе говоря, ненависть к слову – это ненависть к стоящему за ним социальному типу: молодежи (молодежный сленг), малообразованным людям (просторечие), простому народу (уменьшительные суффиксы), молодым мамам («мамский» язык) и т.д. В стилистических конфликтах ярко проявляется столкновение представителей «высокой» культуры, недовольных чужой речью, то есть выступающих инициаторами конфликта, и носителей народной или какой-либо маргинальной культуры. Важно также подчеркнуть и то, что речевой характеристикой человека оказывается не только то, какие слова он употребляет, но и какие слова он ненавидит.

Таким образом, отношение к слову является лишь проекцией социальных и культурных отношений.

6. Заключение

В настоящей статье мы показали, что предметом интереса социолингвистического направления лингвистической конфликтологии может быть не только язык в целом, отношение к языку и языковые конфликты, возникающие в многоязычных обществах при языковых контактах, но и отдельные элементы языка – в первую очередь лексика – и их обсуждение как в много-, так и в монологических обществах. Таким образом, мы доказали отсутствие строгой границы между прагматическим

и социолингвистическим направлениями лингвистической конфликтологии и продемонстрировали релевантность прагматических характеристик для социолингвистических исследований. Вообще, именно эти параметры – язык и языковые единицы, многоязычие и одноязычие – позволяют задать пространство конфликтной коммуникации, связанной с языком. Несколько огрубляя картину, мы связали многоязычие в первую очередь с конкуренцией, а одноязычие – с оценкой как языка, так и языковых единиц, хотя, конечно же, одно не исключает другого. Так, если в многоязычном обществе речь идет прежде всего о выборе (конкуренции) языков или их элементов, возможно, на фоне их оценки, то в моноязычном речь идет об оценке языка и его единиц («великий и могучий», «порча языка», «деградация» и т.п.).

Исходя из проведенного в работе анализа мы можем представить соответствующие направления исследований в виде таблицы, показывающей, что различные подходы могут рассматриваться в рамках

единого направления лингвистической конфликтологии (табл. 1).

Ещё раз подчеркнем, что отдельные элементы языка, его единицы, могут становиться источником конфликта как в ситуации языкового контакта, так и в моноязычных обществах. Из рассмотренных в статье примеров видно, что несмотря на принципиальное различие языковых ситуаций в моно- и многоязычных обществах, механизмы возникновения конфликтной коммуникации, связанной с отдельными языковыми единицами, сходны. При этом за отрицательной оценкой нового или старого слова стоит, как правило, идеология или социальная идентичность и, соответственно, неприятие иной идеологии или иного социального слоя: через неприятие «чужого» слова происходит утверждение своей собственной идеологии и социальной идентичности. Правда, не следует забывать и о том, что часть носителей языка ориентируется не на идеологию, а на языковую привычку. Эти люди оказываются вовлеченными в конфликт против своей воли, а нередко вообще не осознают конфликтности ситуации.

Список литературы / References

- Aleksandrovič A. (ed.). *Ruska-bielaruski sloŭnik [Russian-Belarusian Dictionary]*. Miensk, Vydavieŭstva Akademii navuk BSSR, 1937.
- Arachovič K. K. (Kandrat Krapiva) (ed.). *Tłumačalny sloŭnik bielaruskaj movy: u 5 t. [Explanatory dictionary of the Belarusian language: in 5 volumes]*. Minsk, BielSE, 1977–1984.
- Bitkeeva A. N., Mikhal'chenko V. Iu. (eds.). *Iazykovaia politika i iazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaia konferentsiia (Moskva, 16–19 sentiabria 2014): Doklady i soobshcheniia [Language policy and language conflicts in the modern world: International conference (Moscow, September 16–19, 2014): Reports and communications]*. Moscow, Institut iazykoznanii RAN, 2014. 637.
- Bochman K., Nelde P. H., Wölck W. (eds.). *Methodology of conflict linguistics = Methodologie der Konfliktlinguistik = Méthodologie de la linguistique de conflit*. St. Augustin, Asgard, 2003.
- Darquennes J. Language conflict research: A state of the art. In: *International journal of the sociology of language*. 2015, 2015(235), 7–32. DOI 10.1515/ijsl-2015–0012.
- Drugoveiko-Dolzanskaia S. V. *Zachem lingvisty portiat nash iazyk?! (Lektsiia v Lektorii AV SPbGU, 17 dekabria 2019 g.) [Why do linguists spoil our language?! (Lecture in Lecture Hall A at St. Petersburg State University, December 17, 2019)]*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=m5uYh7blaoc> (accessed 29 August 2024).
- Dymarskii M. Ia. (ed.). *Rechevaia konfliktologii: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Speech conflictology: a textbook for students of higher educational institutions]*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2008. 215.
- Dymarskii M. Ia. Gde nakhoditsia porog iazykovogo konflikta? [Where is the threshold for language conflict?]. In: Il'enko S. G. (ed.). *Aspekty rechevoi konfliktologii [Aspects of speech conflictology]*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 1996, 25–34.

Ermakova O.P., Zemskaia E.A. K postroeniiu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [Towards the construction of a typology of communicative failures (based on the material of natural Russian dialogue)]. In: Zemskaia E.A., Shmelev D.N. *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [The Russian language in its functioning: A Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka, 1993, 30–64.

Evans M., Jeffries L., O'Driscoll J. (eds.). *The Routledge handbook of language in conflict*. Abingdon, New York, Routledge, 2019. 612.

Fufaeva I.V. *Kak nazyvaiutsia zhenshchiny. Feminitivy: istoriia, ustroistvo, konkurentsia* [What are the names of women? Feminitives: history, device, competition]. Moscow, Corpus, 2020. 304.

Golev N.D. (ed.). *Iurisljngvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Legal Linguistics-2: the Russian language in its natural and legal existence: an interuniversity collection of scientific papers]. Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2000. 271.

Golev N.D. Iuridizatsiia estestvennogo iazyka kak lingvisticheskaia problema. In: Golev N.D. (ed.) *Iurisljngvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Legal Linguistics-2: the Russian language in its natural and legal existence: an interuniversity collection of scientific papers]. Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2000, 8–41.

Golev N.D. Iuridizatsiia iazykovykh konfliktov kak osnovanie ikh tipologii [Legalization of Language Conflicts as the Basis for Their Typology]. In: *Iurisljngvistika-9: Istina v iazyke i prave* [Legal Linguistics-9: Truth in language and law]. Kemerovo, Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2008, 137–157.

Golev N.D., Chernyshova T.V. (eds.). *Iurisljngvistika-10: Lingvokonfliktologija i iurisprudentsiia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Legal linguistics-10: Linguoconflictology and jurisprudence: interuniversity collection of scientific papers]. Kemerovo, Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2010. 509.

Golev N.D., Matveeva O.N. Lingvisticheskaia ekspertiza: na styke iazyka i prava [Linguistic Expertise: At the Intersection of Language and Law]. In: *Iurisljngvistika-7: Iazyk kak fenomen pravovoi kommunikatsii* [Legal Linguistics-7: Language as a Phenomenon of Legal Communication]. Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2006, 168–185.

Goritskaia O.S. Konkurentsia graficheskikh variantov v Internete (na primere napisanii belorusskii, belaruskii, belaruskii) [Competition of graphic variants on the Internet (based on the examples of the spellings Belorusskii, Belaruskii, Belaruskii)]. In: *Vestnik MGLU. Ser. 1, Filologiya* [Bulletin of MGLU. Series 1, Philology], 2014, 5(72), 106–114.

Il'enko S.G. (ed.). *Aspekty rechevoi konfliktologii* [Aspects of speech conflictology]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 1996. 103.

Il'enko S.G. K poiskam orientirov rechevoi konfliktologii [Towards the search for landmarks of speech conflictology]. In: Il'enko S.G. (ed.). *Aspekty rechevoi konfliktologii* [Aspects of speech conflictology]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 1996, 3–12.

Janicki K. *Language and conflict: selected issues*. London, Red Globe Press, 2015. 244 p.

Kara-Murza E.S. Lingvokonfliktologija i konflikti v russkom mediaprostranstve (analiz dvojnogo keisa) [Linguistic Conflict and Conflicts in the Russian Media space (double case analysis)]. In: *Vestnik VolGU. Serija 2, Iazykoznanie* [Bulletin of the VolGU. Series 2, Linguistics], 2020, 19(1), 18–27. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.1.2

Kara-Murza E.S. Lingvokonfliktologija kak napravlenie v dukhe ekologii iazyka [Linguoconflictology as a direction in the spirit of language ecology]. In: *Ekologija iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2014, 2, 55–68.

Kinderknekht A.S. Konflikt v issledovaniakh po lingvistike [Conflict in linguistics research]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2023, 12(1), 45–68. DOI 10.24224/2227–1295–2023–121–45–68.

Klimaŭ I.P. Linhvistyčnaja apazyčyja dvuch standartau bielaruskaj litaraturnaj movy [Linguistic opposition of two standards of the Belarusian literary language]. In: *Rodnaje slova* [Native word], 2004, 7, 14–18.

Knoblock N. (ed.). *Language of conflict. Discourses of the Ukrainian crisis*. Bloomsbury Academic, 2020.

Kolas Ja., Krapiva K., Glebka P. (eds.). *Russko-belorusskoi slovar'* [Russian-Belarusian Dictionary]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1953.

Krongauz M. A. (ed.), Litvin E. A., Merzliakova V. N., Piperski A. Ch., Somin A. A., Chernenko Iu. A. *Slovar' iazyka Interneta.RU [Dictionary of the Internet language.RU]*. Moscow, AST-Press, 2016. 288.

Krongauz M. A. *Russkii iazyk na grani nervnogo sryva. Izd. 4-e [The Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown. 4th edition]*. Moscow, Corpus, 2017. 512.

Krongauz M. A. *Samouchitel' olbanskogo [Olbanian Tutorial]*. Moscow, Corpus, 2013. 416.

Liankievič A. U. Staŭliennie da bielaruskaj movy ŭ internet-kamunikacyi (na materyjalie dyskurs-analizu kamientaryjaŭ na internet-forumach) [Attitude to the Belarusian language in Internet communication (based on the material of the discourse analysis of comments on Internet forums)]. In: *Acta Albaruthenica*, 2013, 13, 145–159.

Litaraturny tumačalny sloŭnik [Literary Explanatory Dictionary], 2010. Available at: <http://rv-blr.com/dictionary/explanatory> (accessed 29 August 2024).

Lukašanec A. (ed.). *Bielaruská-ruskí sloŭnik. U 3 t. 4-e vyd., pieraprac. i dap. [Belarusian-Russian dictionary. In 3 vols. 4th ed., revised and supplemented]*. Minsk, Bielaruskaja encyklopedyja imia Pietrusia Broŭki, 2012.

Mattheier K. J. Language conflicts in monolingual local communities [Sprachkonflikte in ein-sprachigen Ortsgemeinschaften]. In: Oksaar E. (ed.). *Language acquisition-Language contact-Language conflict [Spracherwerb–Sprachkontakt–Sprachkonflikt]*. Berlin, De Gruyter, 1984, 197–204. DOI 10.1515/9783110859751.197

Miačkoŭskaja N. B. Narodnaja linhvistyka ŭ bielaruskim internecie: mietamoŭnaja reflieksija i moŭ-naje samavyznačennie [Folk linguistics on the Belarusian Internet: Meta-linguistic reflection and linguistic self-determination]. In: Zaprudski S. M., Cychun H. A. (eds.). *Novaje slova ŭ movaznaŭstvie: materyjaly V Mižnarodnaha kanhresa bielarusistaŭ “Novaje slova ŭ bielarusistycy” (20–21 maja 2010 hoda) (Bielarusika=Albaruthenica, 32) [A new word in linguistics: proceedings of the V International Congress of Belarusians “A new word in Belarusian studies” (May 20–21, 2010) (Belarusian studies=Albaruthenica, 32)]*. Minsk, Chetyre chetverti, 2012, 260–272.

Mikhaľchenko V. Iu. (ed.). *Slovar' sotsiolingvističeskikh terminov (Dictionary of Sociolinguistic terms)*. Moscow, 2006. Available at: https://iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf (accessed 29 August 2024).

Mikhaľchenko V. Iu. Iazykovi konflikt v polietničeskom gosudarstve [Language conflict in a multi-ethnic state]. In: Bitkeeva A. N., Mikhaľchenko V. Iu. (eds.). *Iazykovaia politika i iazykovye konflikty v sovremennom mire: Meždunarodnaia konferentsiia (Moskva, 16–19 sentiabria 2014): Doklady i soobshčeniia [Language policy and language conflicts in the modern world: International conference (Moscow, September 16–19, 2014): Reports and communications]*. Moscow, Institut iazykoznaniiia RAN, 2014, 210–214.

Moorman-Kimáková B. *Language related conflicts in multinational and multiethnic settings*. Wiesbaden, Springer Fachmedien, 2016. 289.

Murav'eva N. V. *Iazyk konflikta [The language of the conflict]*. Moscow, Izdatel'stvo MEI, 2002. 263.

Nelde P. H. Research on language conflict / Sprachkonfliktforschung. In: Ammon U., Dittmar N., Mattheier K. J., Trudgill P. (eds.). *Sociolinguistics: an international handbook of the science of language and society = Soziolinguistik: ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. Vol. 2*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2005, 1346–1353.

Oksaar E. Multilingualism, language contact, language conflict [Mehrsprachigkeit, Sprachkontakt, Sprachkonflikt]. In: Nelde P. H. (ed.). *Language contact and language conflict [Sprachkontakt und Sprachkonflikt]*. Wiesbaden, Steiner, 1980, 43–52.

Pakhomov V. M. Zachem lingvisty “portiat” iazyk? [Why do linguists “spoil” the language?]. In: *#vsemdiktant channel, Yandex.Zen*. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/vsemdiktant/zachem-lingvisty-portiat-iazyk-rasskazyvaet-vladimir-pahomov-5e0366be8f011100ae3cfdde> (accessed 26 December 2021).

Polkanova A. A. Poniatie “konflikt” v lingvistike. Osnovnye podkhody k ego izučeniui [The concept of “conflict” in linguistics. The main approaches to its study]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Ser. Iazykoznanie [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Linguistics Series]*. 2010, 5(584), 199–207.

Ramza T. R. Mezhdru real'nost'iu i igroi, ili "novye" nositeli belorusskogo iazyka i ikh rech' [Between reality and the game, or "new" native speakers of the Belarusian language and their speech]. In: Dudziak A., Orzechowska J. (eds.). *Language and text in structural and functional terms: a Jubilee book dedicated to Prof. A. Kiklewicz on the occasion of the 60th anniversary of his birthday* [Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym: Księga jubileuszowa dedykowana Panu Prof. A. Kiklewiczowi z okazji 60. urodzin]. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej UWM w Olsztynie, 2017, 359–368.

Ramza T. R. Taraškievica i narkamaŭka: ci jość hramatyčnaje procistajannie? [Tarashkevitsa and Narkomovka: is there a grammatical confrontation?]. In: *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 2018, 66, 409–432. DOI 10.26485/RKJ/2018/66/24

Rapoport B. Obyknovennyi seksizm [Ordinary sexism]. In: *Colta*, 24.03.2015. Available at: <https://www.colta.ru/articles/media/6755-obyknovennyi-seksizm> (accessed 05 March 2022).

Reiher R. (ed.). *Language in conflict: The role of language in social, political and military conflicts* [Sprache im Konflikt: Zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen]. Berlin, New York, De Gruyter, 1995. 479.

Sedov K. F. Iazykovaia lichnost' v aspekte psikholingvističeskoi konfliktologii [Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology]. In: *Trudy mezhdunarodnogo seminara «Dialog-2002» po komp'uternoi lingvistike i ee prilozheniiam* [Proceedings of the international seminar "Dialog-2002" on computational linguistics and its applications]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov> (accessed 29 August 2024).

Sedov K. F. Tipy iazykovykh lichnostei i strategii rečevogo povedeniia (o ritorike bytovogo konflikta) [Types of linguistic personalities and strategies of speech behavior (on the rhetoric of domestic conflict)]. In: *Voprosy stilistiki. Iazyk i chelovek: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Stylistic issues. Language and man: an interuniversity collection of scientific papers], 1996, 26, 8–14.

Somin A. A. Iazykovaia refleksiiia v sovremennoi Belarusi skvoz' prizmu kommentariiev v internet-SMI [Linguistic reflection in modern Belarus through the prism of comments in the online media]. In: *Vestnik RGGU. Ser. Istoriiia. Filologiiia. Kul'turologiiia. Vostokovedenie / Moskovskii lingvističeskii zhurnal* [Bulletin of the RSUH. Series History. Philology. Cultural studies. Oriental studies / Moscow Linguistic Journal], 2015, 17(1), 62–86.

Somin A. A., Polii A. A. Belarus' vs. Belorussia: struktura odnogo lingvopolitičeskogo konflikta v sotsial'nykh media [Belarus vs. Belorussia: the structure of one linguistic and political conflict in social media]. In: *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intelligent technologies], 2016, 15(22), 645–659.

Tret'iakova V. S. Konflikt glazami lingvista [Conflict through the eyes of a linguist]. In: Golev N. D. (ed.). *Iurislingvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Legal Linguistics-2: the Russian language in its natural and legal existence: an interuniversity collection of scientific papers]. Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2000, 127–140.

Tret'iakova V. S. Konflikt v lingvističeskikh kategoriakh [Conflict in linguistic categories]. In: Golev N. D., Chernyshova T. V. (eds.). *Iurislingvistika-10: Lingvokonfliktologiiia i iurisprudentsiia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Legal linguistics-10: Linguoconflictology and jurisprudence: interuniversity collection of scientific papers]. Kemerovo, Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2010, 141–149.

Ulasievič V. I., Daŭhulievič N. M. *Sloŭnik novykh sloŭ bielaruskaj movy* [Dictionary of new words of the Belarusian language]. Minsk, TetraSistems, 2009.

Woolhiser C. New speakers of Belarusian: Metalinguistic discourse, social identity, and language use. In: Bethea D. M., Bethin C. Y. (eds.). *American contributions to the 15th International congress of slavists: Minsk, August 2013*. Bloomington, Indiana, Slavica, 2013, 63–115.

Zvereva V. *Setevye razgovory: Kul'turnye kommunikatsii v Runete* [Network conversations: Cultural communications in Runet]. Bergen, Slavica Bergensia, 10, 2012. 279. DOI 10.15845/sb.11.11

EDN: LDWPTK
УДК 004.55

The Agenda in Social Media and Federal News Agencies: Thematic Gap and Semantic Unity (the Example of Russia’s “Digital Youth”)

Denis V. Dunas*, Anna V. Tolokonnikova,
Dariana A. Babyna, Olga A. Boyko
and Evgeny A. Sidorov

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Received 09.10.2024, received in revised form 27.10.2024, accepted 31.12.2024

Abstract. The article examines the representation of agenda items of popular youth-oriented communities in social networks in the agendas of news agencies through content analysis. It shows that these agendas have almost no overlap (only four out of twenty items) and, despite the similar format of the news, emphasize different aspects of the events. Meanwhile, online communities are full of social responsibility in the choice of newsworthy events in some cases paying more attention to significant dates related to the memory of the Great Patriotic War than federal news agencies. At the same time, channels in social networks pay more attention to the lifestyle of young people and Internet phenomena than federal media. The understanding of the online resources’ administrators of the target audience current interests and the young Russians lifestyle peculiarities has shaped the place of social media as a crucial channel of news media consumption for representatives of the Generation Z.

Keywords: agenda setting, media usage, generation Z, social media, news agencies.

The study was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22–18–00398).

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Dunas D. V., Tolokonnikova A. V., Babyna D. A., Boyko O. A., Sidorov E. A. The Agenda in Social Media and Federal News Agencies: Thematic Gap and Semantic Unity (the Example of Russia’s “Digital Youth”). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 178–193. EDN: LDWPTK

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: denisdunas@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8531-3908 (Dunas); 0000-0002-2527-2307 (Tolokonnikova); 0000-0002-0066-9674 (Babyna); 0009-0000-1883-9363 (Boyko); ORCID: 0009-0006-1181-9048 (Sidorov)

Повестка дня в социальных медиа и федеральных информагентствах: тематический разрыв и смысловое единство (на примере «цифровой молодежи» России)

Д.В. Дунас, А.В. Толоконникова,
Д.А. Бабына, О.А. Бойко, Е.А. Сидоров
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье исследуется представленность пунктов повестки дня популярных сообществ в социальных сетях в повестке дня информагентств. Выбраны ориентированные на молодежную аудиторию сообщества VK и Telegram и публикации информационных агентств «РИА Новости» и «Интерфакс» за конкретную неделю. Применяемый метод эмпирического исследования – контент-анализ. Выявлено, что эти две повестки почти не имеют пересечений (только в четырех пунктах из двадцати) и, несмотря на схожий формат сообщений, акцентируют внимание на разных аспектах событий. Между тем онлайн-сообщества не лишены социальной ответственности в выборе инфоповодов, а в некоторых случаях проявляют большее внимание к значимым датам, связанным с памятью о Великой Отечественной войне, чем федеральные новостные агентства. При этом страницы в социальных сетях уделяют большее внимание стилю жизни молодежи, освещению интернет-феноменов, чем федеральные СМИ. Понимание администраторами онлайн-ресурсов актуальных интересов целевой аудитории, особенностей образа жизни молодых россиян сформировало место социальных медиа как ключевого канала новостного медиапотребления для представителей «цифровой молодежи».

Ключевые слова: повестка дня, медиапотребление, «цифровая молодежь», социальные медиа, информационные агентства.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22–18–00398).

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Бабына Д.А., Бойко О.А., Сидоров Е.А. Повестка дня в социальных медиа и федеральных информагентствах: тематический разрыв и смысловое единство (на примере «цифровой молодежи» России). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 178–193. EDN: LDWPTK

Введение

Привычки взаимодействия с медиаресурсами у «цифровой» молодежи и людей старшего возраста различаются. Традиционные СМИ, такие как печать, радио, телевидение,

мало привлекательны для молодежи. К ним едва ли обращается лишь треть молодых людей, в то время как 70 % не используют вообще (Dunas (ed.), 2021). Потребление новостей, любого рода аудио- и видеоматериалов

у юной аудитории происходит преимущественно со смартфона и онлайн, при этом ключевой площадкой получения информации становятся мессенджеры и социальные сети, а также различные мобильные приложения, которые используют 99 % российских «зумеров» (Ibid.).

Повестка дня федеральных СМИ сегодня может полностью оставаться за пределами внимания молодых людей, которые в сетевом пространстве рассредоточены среди множества «информационных пузырей», сформированных персонализированными рекомендациями, алгоритмами платформ. Отсутствие единого информационного пространства ставит под угрозу социальную коммуникацию в медиапространстве Российской Федерации.

Все это привлекает внимание научного сообщества к вопросу изучения повестки дня, устанавливаемой социальными сетями посредством молодежных сообществ, на фоне серьезного влияния, которое это может оказать на формирование картины мира и мировоззренческих ценностей подрастающего поколения.

Теория установления повестки дня: классическая интерпретация

Развитие социальных сетей позволило пользователям не только коммуницировать друг с другом на основе общих интересов, но и делиться на своих страницах информацией о социальных и политических проблемах (Mitchell, 2015; Mitchell, Kiley, Gottfried, Guskin, 2013). Это привело к тому, что сервисы социальных сетей стерли четкие демаркационные линии между межличностным общением и массовой коммуникацией, превратив их в новый феномен, который М. Кастельс (2007) назвал «массовой самокоммуникацией», который по сути является медиакоммуникацией, пришедшей на смену массовой коммуникации (Vartanova (ed.), 2023a; Dunas, 2009; Vartanov, 2023). Новые реалии существования медиакоммуникации дают возможность пересмотреть устоявшиеся теоретические положения теории установления повестки дня.

Установление пунктов повестки дня – одна из ключевых теорий медиаисследований, основополагающая для теоретических исследований массовых коммуникаций. Она как описывает освещение тех или иных событий в новостях, так и влияет на отношение аудитории к политическим и социальным вопросам (McCombs, Shaw, 1972). В условиях массовой коммуникации новостные редакции отбирают те информационные поводы, которые считают необходимыми для распространения среди общественности, полагаясь на ряд систематизированных критериев новостной ценности сообщений (Shoemaker, Reese, 1996). Поскольку СМИ отбирают для освещения не все подряд события, а отдают предпочтение одним материалам перед другими, в теории установления пунктов повестки дня исследуются последствия такого выбора для аудитории и общества в целом. Предшествующий этому процесс выбора того или иного события, а также совокупность факторов, которые на этот выбор влияют, исследуется в рамках другой теории – «гейткипинга» («привратничества») (Ibid.) Ученые обнаружили, что освещение действительности в СМИ не только влияет на то, о каких темах думают люди, но на то, каким именно образом люди думают о них, какое отношение выстраивают и какое мнение формируют (McCombs, 2005; McCombs, Guo, 2014).

Цифровая революция и развитие медиакоммуникационных сервисов и технологий привели к трансформации паттернов медиапотребления: социальные сети стали первичным источником информации для представителей «цифровой молодежи», а также вторичным источником информации для медиапотребителей, представляющих другие аудиторные когорты. Набор инструментов, определяющих интерфейс социальных сетей, предлагает не только функции для общения, но и для потребления контента. В результате пользователи непреднамеренно подвергаются воздействию новостей в социальных сетях, даже если они не ищут их, а заходят исключительно для поддержания социальных взаи-

модействий с другими людьми (Mitchell et al., 2013). Эта тенденция особенно проявлена в среде «цифровой молодежи», представители которой не интересуются новостями на «устаревших» платформах (Bowe & Wohn, 2015; Tkacheva, Dunas, Gureeva, 2016; Tolokonnikova, Cherevko, Dunas, 2018), но которые с большей вероятностью будут искать последние новости через социальные сети (Mitchell et al., 2013; Mitchell, 2014). Научную проблему представляет понимание того, как социальные сети влияют на восприятие и отношение аудитории к новостям, полученным не от профессиональных журналистских редакций, поскольку новости по-прежнему остаются важным источником ориентирования людей мире, их социализации (Park, 1940), информирования граждан с целью выстраивания взаимодействий в социальной системе (Kovach, Rosenstiel, 2007).

Социальные сети представляют платформу, влияние которой в значительной степени определяется двумя акторами: во-первых, другими людьми («друзьями») и, во-вторых, алгоритмами (Mitchell, 2015: 4; Vartanova, 2022). Многие социальные сети используют алгоритмические технологии, детерминирующие, какую информацию получают люди. Некоторые исследователи утверждают, что алгоритмы могут создавать избирательное воздействие, формируя информационные пузыри (Pariser, 2011; Salikhova, Vartanov, Gureeva, Dunas, 2022; Babyna, 2023), другие уверяют, что люди свободны в получении большого разнообразия информации (Bakshy, Rosenn, Marlow, Adamic, 2012; Bakshy, Messing, Adamic, 2015).

В рамках теории установления повестки дня выделяются критерии новостной ценности материалов, к которым относятся: публичность, человеческий интерес, конфликт, необычность, своевременность и близость аудитории (Shoemaker & Reese, 1996; Lukina, Tolokonnikova, 2021). Это означает, что информация по своей природе неоднородна, и только определенный ее тип обусловливает существование и культурное воспроизводство в культурных сре-

дах (Spitulnik, 1993). Теория установления пунктов повестки дня описывает, как масс-медиа, освещая проблему, событие или тему, подчеркивают одни аспекты реальности, преуменьшают другие и полностью игнорируют третьи, что имеет последствия для общественного мнения (McCombs, 2005). Медиакоммуникации, возможно, и не успешны в том, чтобы говорить людям, что именно им думать, но они «потрясающе успешны в том, чтобы диктовать, о чем думать» (Cohen, 1963: 13). МакКомбс и Шоу (1972) обнаружили убедительные аргументы в пользу того факта, что аудитория узнает, какое значение придавать проблеме, исходя из количества и позиции освещения в средствах массовой информации. Это открытие положило начало четверть столетиям исследований по установлению повестки дня, в которых изучалось влияние освещения темы в СМИ на общественное восприятие (Dyakova, 2002; Weaver, 2007; Kazakov, 2014).

Однако теория установления пунктов повестки дня не стала ограничиваться только изучением влияния «пунктов», а получила дальнейшее развитие в рамках концептуализации «второго уровня» установления повестки дня. Исследователи выявили, что определенные характеристики повествования, подчеркиваемые в новостях, затрагивают когнитивные процессы восприятия людей, становятся более заметными в сознании членов аудитории, чем другие и, таким образом, влияют на мнение и отношение аудитории (McCombs, Llamas, Lopez-Escobar, Rey, 1997).

Второй уровень теории установления повестки дня предложил более тонкое понимание роли средств массовой информации в детерминации реальности (Takeshita, 1997), что позволило медиаисследователям приблизиться к рассмотрению изучаемого объекта под увеличительной линзой (Ghanem, 1997). Например, проведенные эмпирические исследования освещения в СМИ политических выборов показали, что информация с отрицательной валентностью оказывает более сильное влияние на процесс установления повестки дня, чем

информация с положительной валентностью (Wanta, Golan, Lee, 2004; Wu, Coleman, 2009).

XXI век: переосмысление теории установления повестки дня

Установление повестки дня – это медиацентричная теория, которая абсолютизирует медиаэффекты массовой коммуникации, но может неадекватно описывать реалии цифровой эпохи, особенно практику функционирования социальных сетей, в которой границы между представителем аудитории и производителем контента размыты, как и между типами социальной коммуникации. Изменения в медиаландшафте сподвигли ведущих ученых-медиаисследователей, включая самого основателя теории установления повестки дня, заново объяснить влияние новостной информации в современную цифровую эпоху (McCombs, Guo, 2014).

Социальные сети, доминирующие в структуре медиапотребления цифровой молодежи, очевидно, резко снижают влияние политических и идеологических монополий национальных медиасистем. В последние десятилетия огромные изменения в установлении повестки дня СМИ были вызваны процессом цифровизации, который освободил или адаптировал повестку дня к более разнообразному информационному содержанию. Контент, производимый в онлайн-среде, дополнил повестку традиционных СМИ и даже способствовал установлению параллельных повесток, расширяющих спектр новостей и главным образом мнений, доступных обществу (Vartanova, 2018). Следующим этапом после появления параллельных повесток стало создание альтернативных онлайн-повесток. Параллельные повестки не обязательно должны быть альтернативными. Тем не менее альтернативные повестки более характерны для непрофессиональных – пользовательских или блогерских – медиа. Непрофессионалы склонны обогащать новостной дискурс вопросами, важными для пользователей. А альтернативные повестки, усиленные современными технологическими инстру-

ментами, заполняют ниши, которые иногда игнорируются средствами массовой информации (Vartanova, 2014).

Содержание социальных сетей стало вызовом для профессиональной журналистики и ценностей информационного содержания институционализированных средств массовой информации, которые основаны на общих стандартах и подходах к созданию информационных сообщений в СМИ и установлению повестки дня, в то время как блог-журналистика не обладает такими стандартами. Социальные сети свободны от основных профессиональных стандартов и принципов. В результате параллельные/альтернативные повестки дня, выдвигаемые непрофессионалами, не могут гарантировать ни точности, ни беспристрастности в освещении событий. Многие псевдоновостные сайты, являющиеся по своей сути рекламными, не имеют ничего общего с журналистской подотчетностью и ответственностью. Непонимание миссии журналистики как общественной услуги – очень важный момент, влияющий на формирование повестки дня и, как следствие, на качество репрезентации социальных вопросов в СМИ.

Хотя постановка вопроса о формировании повестки дня медиаорганизациями в целом сохранила свою актуальность, фокус исследовательского внимания сместился в сторону технологического аспекта из-за большей роли технологий в процессе передачи информации. В научно-популярной книге «Пузырь фильтров: что от вас скрывает Интернет» Э. Паризер (2011) предположил, что мощь алгоритмов персонализации контента на цифровых медиаплатформах может влиять на типы информации, к которой люди имеют доступ. К тому же репрезентативные на национальном уровне исследования взрослого населения показывают, что все больше людей потребляют новости через социальные сети, а не через специализированные новостные сайты (Mitchell, 2014, 2015).

Хотя концепция информационных пузырей утверждает растущее влияние алгоритмов, главный аргумент не сильно

отличается от традиционной теории установления повестки дня. Другими словами, «пузырь фильтров» смещает главного «дирижера» установления повестки дня со «старых» на «новые» медиа. Такой подход объясняет, как информация поступает к отдельным пользователям, но не дает детального понимания, как люди воспринимают информацию, а также того, как инфраструктура социальных медиа, а именно их сетевая структура, влияет на выбор информации. Если мы живем в эпоху «массовой самокоммуникации», то теоретизирование не может фокусироваться на «массе» больше, чем на «самости», что требует новых теоретических перспектив, учитывающих оба элемента.

Д. Вон и Б. Боу (Wohn, Bove, 2014) предположили, что социальные сети берут на себя функцию установления повестки дня не только с помощью алгоритмов, но и с помощью людей, которые объединяются в сообщества. Они предложили теоретическую концепцию «кристаллизации», согласно которой процессы функционирования цифровой медиакультуры являются эмерджентными, что также было подтверждено отечественными исследователями (Dunas, Vartanov, 2021). В случае с сообществами в социальных сетях эмерджентной сущностью представляется процесс кристаллизации в группах – то есть объединения людей в сообщества.

Аргумент в пользу того, что именно социальное окружение в результате социальных взаимодействий влияет на убеждения и отношения других, не нов. Теории социального влияния, уходящие корнями в социальную психологию, уже давно предполагают, что люди имеют врожденное желание разделять взгляды с другими людьми и, таким образом, объединяться на этом основании в малые группы, а также оказывать влияние друг на друга (Higgins, 1992; Andreeva, 2001). Кристаллизация описывает процесс, который всегда был неотъемлемой частью формирования реальности, но который облегчается новыми способами благодаря возможностям социальных сетей и опосредуется непрозрачным влиянием

алгоритмов, которые эти сервисы используют для привлечения аудитории. Однако кристаллизация аудитории является новым процессом и отличается как от установления повестки дня, так и от «пузыря фильтров» тем, что механизм медиаэффекта является эмерджентной сущностью, а не линейным процессом с заранее известной траекторией развития.

Цели, задачи и методология исследования

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе представлялось важным сформировать пул медиаканалов и публикаций, которые могут определять повестку дня исследуемой нами аудитории.

Поскольку главным источником новостей для школьников и студентов сегодня являются социальные медиа (Dunas (ed.), 2021), в основу легло изучение повестки дня крупных молодежных сообществ в них. Поиск таких групп и каналов проводился на двух самых популярных у молодых людей в России площадках – социальной сети VK и мессенджере Telegram – в мае 2022 года.

Среди открытых публичных страниц (пабликов) VK, имеющих наибольший уровень вовлеченности, были выбраны сообщества с наиболее высокой долей аудитории моложе 22 лет и самым большим общим числом подписчиков. Исходя из этих критериев отбора, в топ-3 попали сообщества «Рифмы и Панчи», «Леонардо Дайвинчик» и «Овсянка, сэр!».

Мессенджер Telegram не имеет возможностей открытой аналитики, поэтому отбор наиболее популярных у российской молодежи каналов проходил поэтапно. Сначала на основании внутренней статистики платформы (сервис TGStat) были выделены 20 самых популярных публичных каналов по общему числу подписчиков, охвату и уровню вовлеченности. Затем каждый из каналов проверялся на двух сторонних сервисах, данные которых позволили определить средний возраст подписчиков, а также высокий интерес аудитории моложе 22 лет. В топ-3 по этим показателям вошли

каналы «Кровавая барыня», «Не Моргенштерн» и «Топор 18+».

Официальную новостную повестку представлялось целесообразным изучать через публикации официальных СМИ, зарегистрированных Роскомнадзором. Выбор был сделан в пользу исследования материалов крупнейших информационных агентств страны.

Во-первых, новости информационных агентств по своему формату в наибольшей степени близки к тому типу содержания, которое мы можем наблюдать в постах социальных медиа – короткий текст и в некоторых случаях сопровождающая его фотография или видео.

Во-вторых, информационные агентства сегодня являются одним из основных сегментов российской медиасистемы и по-прежнему выступают первичным звеном в цепочке производства и распространения информации на медиарынке – ключевым «сектором производства содержания» (Vartanova, 2002: 50).

Важно заметить, что если раньше информационные агентства были поставщиками новостей преимущественно для других СМИ и узкого круга политиков, экспертов, социологов, то в последние десятилетия создали собственные онлайн-ресурсы для массовой аудитории. По сути, именно информагентства формируют повестку дня, выделяя в потоке информации главные события, и выступают «сектором, формирующим единство информационной индустрии» (Vartanova, Viren, Frolova, 2013: 6–7). Кроме того, информационные агентства задают профессиональные и этические стандарты работы журналистов и определяют вектор дальнейшего развития рынка (Kurmanina, 2020: 80).

Согласно данным «Медиалогии», рейтинг самых цитируемых федеральных СМИ России в мае 2022 года возглавляли три информационных агентства – ТАСС, «РИА Новости» и «Интерфакс»¹. Эти же три агентства попали в топ-3 самых цити-

руемых и по итогам всего 2021 года, притом как в рейтинге, отражающем цитируемость в СМИ, так и в рейтинге по цитируемости в социальных медиа и количеству гиперссылок на них.

Классификация информационных агентств, предложенная представителями Московского университета имени М. В. Ломоносова (Vartanova, Viren, Frolova, 2013), позволяет поставить все эти три агентства в один ряд по большинству признаков типологизации, за исключением одного значимого пункта – формы собственности.

ТАСС является центральным государственным информационным агентством, его учредителем выступает правительство Российской Федерации (организационно-правовая форма – ФГУП). «РИА Новости» – агентство, входящее в медиагруппу «Россия сегодня» (организационно-правовая форма – ФГУП) и выступающее частью этого бренда. «Интерфакс» – единственное независимое информационное агентство, которое наряду с государственными ТАСС и «РИА Новости» входит в тройку ведущих в стране, а также является первым негосударственным СМИ в этом сегменте, созданным в современной России.

Опираясь на данные «Медиалогии», мы выбрали самое цитируемое в соцсетях государственное информационное агентство («РИА Новости») и негосударственное («Интерфакс») и сосредоточились на анализе публикаций, которые выходили в их мобильных приложениях.

Следующей задачей, которая потребовала решения, было определение пула публикаций информационных агентств, которые попадут в базу выборки, сопоставимых с количеством публикаций в молодежных сообществах VK и Telegram. В базу исследования вошли те новости, что были опубликованы редакцией в разделе «Главное» приложения «РИА Новости». Из мобильного приложения «Интерфакса» для анализа были взяты все материалы раздела «Главные новости» за исключением ежедневных дайджестов под заголовком «Что произошло за день...» и «Что случилось этой ночью...», содержащих краткий обзор ранее опубликованных заметок.

¹ Federal'nye SMI: maj 2022 [Federal media: May 2022] / Medialogiya. [Federal media: may 2022]. 2022. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/11251/>

Хронологические рамки исследования были ограничены одной полной календарной неделей лета 2022 года – с понедельника 20 по воскресенье 26 июня включительно, которая не отличалась «высокими новостями» (на ней не произошло каких-либо ярких и неординарных событий, как внезапных, так и запланированных). Анализировались все материалы мобильных приложений этих разделов информационных агентств и всех без исключения публикаций обозначенных каналов Telegram и сообществ VK.

В результате в выборку попало 866 новостей информационных агентств, отражающих повестку дня федеральных СМИ, из которых 593 опубликованы в мобильном приложении информационного агентства «РИА Новости» и 273 – в приложении агентства «Интерфакс»; 663 публикации популярных у молодежи сообществ VK («Рифмы и Панчи» – 282 материала, «Леонардо Дайвинчик» – 96, «Овсянка, сэр!» – 285) и 369 публикаций телеграм-каналов («Кровавая барыня» – 143, «Не Моргенштерн» – 164, «Топор 18+» – 162 соответственно).

Целью проведенного исследования было выяснить, как повестка дня крупнейших федеральных СМИ соотносится с по-

весткой дня популярных у молодежи сообществ в социальных медиа.

Для достижения поставленной цели авторы сформулировали следующие **исследовательские вопросы**: какие события ложатся в основу информационного повода исследуемых каналов Telegram и сообществ VK? Находят ли эти события отражение в повестке дня крупнейших федеральных информационных агентств?

Тематика и проблематика публикаций сообществ в социальных сетях и текстов информагентств

Работа с эмпирическим материалом проводилась методом контент-анализа, который затронул два основных направления. Первое было сконцентрировано на выявлении информационной повестки Telegram-каналов, сообществ VK и мобильных приложений информагентств путем фиксации событий, которые ложились в основу информационного повода, и их масштаба, а также определения доминирующей тематики и проблематики материалов.

Второе включало блок вопросов, связанных с оценкой объективности и правдивости содержания публикаций. Здесь

Таблица 1. Количество проанализированных публикаций по дням недели
Table 1. Number of analyzed publications by day of the week

Информационный ресурс	20 июня 2022	21 июня 2022	22 июня 2022	23 июня 2022	24 июня 2022	25 июня 2022	26 июня 2022	Всего за неделю
	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ	ВС	
Информационные агентства								
РИА Новости	67	109	72	86	66	85	108	593
Интерфакс	46	45	53	47	44	26	12	273
Сообщества VK								
Рифмы и Панчи	31	37	45	50	56	31	32	282
Леонардо Дайвинчик	14	12	14	13	14	14	15	96
Овсянка, сэр!	39	39	41	40	44	41	41	285
Telegram-каналы								
Кровавая барыня	22	19	25	22	25	16	14	143
Не Моргенштерн	25	22	27	31	24	17	18	164
Топор 18+	24	22	22	24	26	21	23	162

Источник: составлено авторами.

важными индикаторами, согласно классическим учебникам по журналистике и редакционным стандартам СМИ (Viren, Frolova, 2015; Kolesnichenko, 2008; TASS, 2019; Interfax, 2021), является ссылка на источник информации, который ложится в основу публикации, выявление типа этого источника (люди, организации, документы, социальные сети, другие СМИ и пр.). По этим критериям в первую очередь и анализировались материалы. Кроме того, определялась тональность публикации и комментариев к ней (позитивная, негативная, нейтральная).

В выборку проанализированных публикаций попали 2025 сообщений. В обозначенный период информационные агентства опубликовали 866 сообщений, что составляет 43 % от общего числа публикаций, сообщества VK – 663 сообщения (33 %), Telegram-каналы – 496 сообщений (24 %). Следует отметить, что пик публикационной активности в информационных агентствах и в социальных медиа отличается. Во время анализируемого периода в информационных агентствах наибольшая суточная активность была зафиксирована во вторник («РИА Новости») и в среду («Интерфакс»), а в социальных медиа – в пятницу («Рифмы и Панчи», «Овсянка, сэр!», «Кровавая барыня», «Топор 18+»), в четверг («Не Моргенштерн») и в воскресенье («Лендардо Дайвинчик»).

В рамках анализа авторы выделили три формата публикаций: «текст», «текст и мультимедиа» и «мультимедиа». В информационных агентствах большую часть контента составляют «тексты» (58,6 %), далее следуют почти в равных долях «мультимедиа» (20,9 %) и «тексты и мультимедиа» (20,4 %). Сообщества VK практически полностью состоят из публикаций «тексты и мультимедиа» (99,3 %), «тексты» и «мультимедиа» занимают всего по 0,3 % от общего числа контента. В Telegram-каналах «тексты и мультимедиа» также занимают большую часть публикаций (88,8 %). «Тексты» занимают 10,8 %, а «мультимедиа» всего 0,2 %. Таким образом, можно сделать вывод, что информационные агентства производят контент разнообразных форматов,

а социальные медиа в основном публикуют формат «текст и мультимедиа».

В рамках событий, которые легли в основу информационных поводов, социальные медиа и информационные агентства также достаточно сильно отличаются. Содержание всех публикаций было разделено на следующие информационные поводы: «совершившийся факт, событие», «анонс предстоящего события», «мнение, комментарий, предположение о случившемся или будущем событии», «факт и мнение», «сложно определить». Информационные агентства чаще всего публиковали информацию о совершившихся событиях и фактах (54 %), почти четверть контента составляют мнения и комментарии (22,5 %), анонсы занимают 12,6 % от всего публикуемого контента, наименьшую долю составляют факты и мнения (9,9 %) и те публикации, которые сложно отнести к одному из вышеперечисленных поводов (0,9 %). В сообществах VK также чаще всего публикуется информация о совершившихся событиях (37,1 %). 31,3 % занимает контент, посвященный фактам и мнениям, 27,7 % – мнениям и комментариям, и всего 3,7 % контента сложно отнести к какой-либо категории. Анонсы предстоящих событий вовсе не появляются в данной социальной сети. В Telegram-каналах 57,3 % от общего числа публикаций занимают факты и мнения, 26,6 % – информация о совершившемся, 15,1 % посвящены мнениям и комментариям и всего 0,8 % сложно определить. Анонсы также не публикуются. На основе проанализированных данных можно сделать вывод, что информационные агентства стараются реагировать на разные информационные поводы, однако в основе своей ориентируются на совершившиеся факты или события. Социальные сети, напротив, публикуют больше мнений и комментариев, предположений и реакций на события.

В рамках анализа масштаба события, положенного в основу каждой публикации, была сформирована градация по географии значимости события: мир, страна, регион, локальное событие или гиперлокальное. Информационные агентства чаще

всего освещают мировые события (44,2 %) или события в рамках страны (41,7 %). Регионы в информационной повестке встречаются в 7,7 %, локальные поводы – 5,4 %, гиперлокальные – 0,9 %. В социальных сетях чаще основу публикации составляет масштаб страны: VK – 52,2 %, Telegram-каналы – 43,4 %. Контент мирового масштаба во VK занимает 37,4 %, в Telegram-каналах – 29,8 %. Следует отметить, что в Telegram-каналах достаточно весомую часть составляют публикации регионального характера – 12,7 %, во VK всего 3,4 %. Локальный масштаб событий во VK занимает 4,8 %, в Telegram – 7,4 %. Гиперлокальные информационные поводы VK составляют 1,9 %, а в Telegram-каналах 4,6 %.

Тематика и проблематика публикаций в информационных агентствах представлены широко. Чаще всего публикуются материалы, касающиеся политики (25,5 %) и международной повестки (15 %). 14,1 % контента связано с общественной жизнью, 12,1 % с экономикой. Менее десяти процентов от всех публикаций составляют такие темы, как: армия (9,4 %), спорт (8,2 %), происшествия (8 %), экология (2,4 %) и культура (2,3 %). Менее одного процента контента приходится на науку (0,8 %), религию (0,6 %) и межличностные/ семейные/ гендерные взаимоотношения (0,3 %). Также 0,6 % не соответствуют ни одной из вышеперечисленных категорий. В социальных сетях соотношение тематики и проблематики публикаций сильно отличается. Во VK 57,7 % от всего публикуемого контента не входят в представленные ранее категории. Оставшиеся 42,3 % делятся таким образом: культура – 14 %, межличностные/ семейные/ гендерные взаимоотношения – 7 %, общественная повестка – 4 %, происшествия – 3,9 %, политика – 3,6 %, спорт – 3,1 %, экономика и международная повестка – по 2,8 %, армия – 0,5 % и экология – 0,1 %. Наука и религия вообще не представлены в проанализированных авторами публикациях. В Telegram-каналах 39,1 % также нельзя отнести ни к одной из категорий, выделенных авторами в рамках исследования. Оставшиеся 60,9 % делятся таким

образом: 12,7 % – политика, 11,8 % – происшествия, 10,4 % – общественная повестка, 7 % – экономика, 6,9 % – международная повестка, 4,8 % – культура, 2,7 % – межличностные/ семейные/ гендерные взаимоотношения, 2,5 % – армия, спорт и экология – по 0,6 %, религия – 0,4 %. Научная тематика не затрагивалась в обозначенный период исследования.

Во время исследования было выявлено, что в 35,4 % случаев информационные агентства ссылаются на один источник информации, в 18,4 % – на более чем три источника, в 19,6 % – на два источника, в 14,2 % – на три источника, а в 12,2 % вообще не дают никаких ссылок. В социальной сети VK чаще всего в публикациях отсутствует источник информации (53,6 %), одна ссылка встречается в 37,5 % случаев, две ссылки в 7,1 %, три ссылки в 1 % и более трех ссылок в 0,4 % случаев. В Telegram-каналах чаще всего присутствует одна ссылка на источник (49,4 %). В 38,9 % случаев источник информации не указывается, в 10,2 % указывается два источника, по 0,6 % занимают три ссылки и более.

Информационные агентства чаще всего ссылаются на государственные органы/ структуры, организации или представителей власти (46,2 %), а также на политиков, политические партии или движения (14,5 %). Менее десяти процентов приходится на такие источники информации, как: эксперты (8,5 %), компании или представители бизнеса (6,7 %), селебрити (5,4 %), общественные организации или их представители, а также общественные деятели (4,5 %), простые люди (3,7 %) и ученые (1,6 %). На 8,5 % приходится другие источники информации, не относящиеся к вышеперечисленным категориям. В социальной сети VK не было обнаружено ссылок на экспертов и ученых, а также 17,3 % всего контента нельзя отнести к обозначенным источникам информации. Большая часть источников приходится на селебрити (45,5 %) и простых людей (12,1 %). Остальные ссылки в публикациях распределяются таким образом: государственные органы и их представители – 5,3 %, бизнес-сфера –

4,7 %, политики/ партии – 2,3 % и общественные организации и их представители – 0,8 %. В Telegram-каналах также нет ссылок на экспертов и ученых, однако чаще всего простые люди становятся основным источником информации (32,2 %). Далее следуют государственные органы (18,7 %), бизнес и селебрити (по 14,5 %) и «другое» (14,3 %). Политики и общественные организации упоминаются в 3,7 % и в 1,8 % случаев соответственно.

Если делить источники информации по типам, то информационные агентства и социальные медиа чаще всего ссылаются на людей: ИА – 29,8 %, сообщества VK – 79,8 %, Telegram-каналы – 48,4 %. Далее информационные ресурсы расходятся в частоте обращения к тем или иным типам источников информации. Информационные агентства в 20,1 % случаев упоминают корпорации, организации, пресс-релизы, сообщения пресс-служб и пресс-секретарей, официальные сайты. Довольно часто ИА упоминают зарубежные СМИ (19,5 %) и российские СМИ (11,2 %). Также в 10,5 % используются документы, законы и отчеты, 7,8 % – соцсети и мессенджеры и 0,8 % – «другое». Сообщества VK: соцсети и мессенджеры – 10 %, корпорации/ организации/ сообщения пресс-служб или сайты – 9,7 %, «другое» – 3,5 %, документы/ законы/ отчеты – 2,4 %, зарубежные СМИ и российские СМИ – 1,6 % и 0,8 % соответственно. В Telegram-каналах вторым по популярности типом источника информации являются корпорации и организации, пресс-службы и официальные сайты (19,7 %). Все остальные типы ссылок не превышают десяти процентов: соцсети и мессенджеры – 9,8 %, российские СМИ – 9,4 %, документы/ законы/ отчеты – 6,7 %, зарубежные СМИ – 3,5 % и «другое» – 2,1 %.

В рамках анализа тональности публикаций и комментариев в них было выявлено, что информационные агентства чаще всего придерживаются нейтральной позиции (43,8 %) либо негативной (37,4 %). В 11,6 % тональность публикаций можно расценивать как позитивную, а также в 7 % ее сложно определить. Сообщества VK в большин-

стве случаев транслируют информацию в позитивном ключе (52,4 %), также в 25,8 % тональность определить сложно. Нейтральной и негативной тональности сообщества придерживаются в 11,9 % и 9,7 % соответственно. В Telegram-каналах в 31,2 % сложно определить тональность публикации, почти поровну идентифицирована нейтральная и позитивная тональность (27,8 % и 23,3 % соответственно). В 17,5 % контента информация транслируется с негативной тональностью.

Повестка дня социальных медиа и информационных агентств: ключевые инфоповоды

Несмотря на то что исследуемые сообщества несут в себе скорее развлекательную функцию, мы видим это из тональности и тематического разнообразия публикаций, их контент возможно оценивать как новостной: в основе публикации всегда лежит информационный повод (за исключением рекламных постов). При этом целевая аудитория сообществ – «цифровая молодежь», что обуславливает формирование повестки, интересной целевой аудитории и «упакованной» в соответствии с ее запросами.

Чтобы сравнить повестку дня молодежных сообществ в социальных медиа и информационных агентств, мы выявили 20 информационных поводов, которые наиболее часто становились основой публикаций в исследуемых сообществах VK и телеграм-каналах, после чего сопоставили их с материалами информационных агентств.

Наиболее частым информационным поводом в социальных медиа стала смерть певца Юрия Шатунова, которой было посвящено 58 публикаций, освещающих обстоятельства последних дней жизни, смерти и похорон артиста, а также осмысливших его творческое наследие. В тональности публикаций доминировала скорбь, выразилось также и мнение – оценка творчества автора, его вклада в культуру, демонстрировались ностальгические чувства. Публикации информационных агентств излагали

Таблица 2. Присутствие наиболее распространённых в повестке дня соцмедиа тем в повестке дня информационных агентств

Table 2. The presence of the most common topics on the agenda of social media in the agenda of news agencies

№	Информационный повод	Кол-во упоминаний в публикациях социальных медиа	Кол-во материалов ИА
1	Смерть Юрия Шатунова	58	7
2	Уход зарубежных брендов из России	20	2
3–4	Смерть Пьера Нарцисса	12	2
3–4	Открытие и ассортимент «Вкусно и точка»	12	0
5	Выпускные вечера в России	11	0
6	Колебания курса валют / рост рубля	9	4
7	Парад планет	8	0
8	День памяти и скорби (годовщина начала Великой Отечественной войны)	7	0
9–10	Конфликт блогеров	6	0
9–10	Падение курса биткоина	6	0
11	День рождения Виктора Цоя	5	0
12–15	Подорожание лапши быстрого приготовления «Роллтон»	4	0
12–15	День рождения фильма «Форсаж»	4	0
12–15	Ребрендинг сырков «Б. Ю. Александров»	4	0
12–15	Мемы с Джо Байденом	4	0
16–18	Развод Арнольда Шварценеггера	3	0
16–18	День рождения Николая Дроздова	3	0
16–18	Коллаборация Adidas и Gucci	3	0
19–20	Новость о пользе пива	2	0
19–20	Появление премиум-подписки в Telegram	2	0

Источник: составлено авторами.

факты: публиковали новости и некрологи, основанные на биографии артиста.

Вторым по популярности информационным поводом стал уход зарубежных брендов из России. Представленные 20 публикаций имели преимущественно негативную тональность. В социальных медиа это событие представлялось в качестве новостей о стиле жизни молодежи, в сообщениях ИА – в качестве новостей экономической и общественной тематики. Данный информационный повод дважды встречался в повестке дня информационных агентств: как новость экономической тематики в «Интер-

факсе» и общественной – в информагентстве «РИА Новости».

Третий по частоте упоминаний в популярных у «цифровой молодежи» сообществах в социальных медиа информационный повод – смерть Пьера Нарцисса – также нашел отражение и в материалах информационных агентств, но всего дважды (оба раза – в «РИА Новости»), тогда как в социальных медиа данная тема поднималась 12 раз. Различия репрезентации данного события аналогичны различиям в освещении смерти Юрия Шатунова: публикации в социальных медиа окрашены скорбной

тональностью и призваны вызвать у аудитории чувство ностальгии, тогда как материалы «РИА Новостей» сообщают о факте смерти и месте погребения, то есть имеют сугубо информационную направленность.

Завершаются пересечения в повестках новостями о колебании курса валют, в частности – росте курса рубля относительно доллара США. В социальных медиа публикации такого рода представлены в рамках экономической тематики, в информационных агентствах встроены в стиль жизни молодежи; тональность подобных сообщений различна – в постах в социальных медиа она имеет позитивную эмоциональную окраску, в материалах информационных агентств – нейтральную.

Вывод

Социальные сети, преобладающие в структуре медиапотребления представителей цифровой молодежи, формируют информационную повестку дня, которая практически не совпадает с повесткой дня, сформированной институционализированными медиа (информагентствами). Эти два вида информационных повесток практически не совпадают.

Из 20 наиболее часто представленных в повестке социальных медиа информационных поводов только 4 были отражены в материалах информационных агентств (курс валют, смерть двух знаменитостей, уход брендов). Возможно говорить о формировании в молодежных сообществах в социальных медиа параллельной повестки, не пересекающейся с официальной. «Цифровой молодежи» предлагается в большей степени контент, связанный с темой стиля жизни, раскрывающий важные для них изменения привычного быта – будь то уход McDonalds, ребрендинг популярных глазированных сырков, возможность понаблюдать за парадом планет или памятная дата, касающаяся популярного представителя культуры.

При этом повестка молодежных сообществ в социальных медиа не только весьма содержательна и разнообразна, но и социально ответственна. Более того, она ори-

ентирована на гражданско-патриотическое воспитание. Так, например, информационные агентства проигнорировали День памяти и скорби (22 июня), тогда как в социальных медиа этот праздник активно освещался: публиковались песни военных лет, фотографии ветеранов и призывы помнить о подвиге дедов. Важным стал и день рождения Николая Дроздова – ученого и телеведущего, чья просветительская программа о животных оказалась значимым воспоминанием о детстве, формирующим чувство ностальгии (Dunas, Salikhova, Babyna, 2023). Чувство общности формировалось в освещении выпускных вечеров, праздника «Алые паруса» в Санкт-Петербурге и поздравлении подписчиков с окончанием важного этапа в жизни.

Безусловно, новости из мира знаменитостей, конфликты и разводы блогеров также присутствовали в повестке дня социальных медиа, что отражает интерес молодежи к стилю жизни в целом, как и внимание к новости о колебании курса биткоина – наиболее известной криптовалюте, – которые также были проигнорированы информационными агентствами.

Таким образом, различие как в информационных поводах, положенных в основу публикаций в социальных медиа и информационных агентств, так и в «упаковке» (формате и тональности публикаций, привлечении экспертного мнения или упоминании источника информации) позволяет сделать вывод о формировании своего рода коммуникационного разрыва, дистанции между цифровыми сообществами, которым отдают предпочтения представители «цифровой молодежи» (Dunas (ed.), 2021), и официальными ресурсами – информационными агентствами. Однако суть этого разрыва состоит не в разрыве смыслов и ценностей, а в разрыве тем. Безусловно, нишевые или тематические информационные ресурсы всегда были представлены в медиасистеме России, например в форме неэфирных телеканалов (Vartanova (ed.), 2023), однако в данном случае не совсем справедливо говорить о сугубо тематической направленности изучаемых сообществ. Наиболее популярные

публикации в них связаны с конкретными событиями, причем в значительной доле – федерального или даже мирового масштаба, а в повестке присутствуют новости и о событиях за рубежом (Dunas, Babyna, Boyko, Sidorov, 2023).

В связи с этим будет логичным предположение о том, что социальные медиа стали ключевым источником новостной информации для представителей «цифровой молодежи» благодаря пониманию их администраторами не просто актуальных интересов целевой аудитории, а особенностей стиля жизни молодого поколения россиян. Функции и специфика информационных агентств зачастую не позволяют им удовлетворить потребности молодой аудитории, в том числе и выходящие за рамки потребности в получении информации об актуальных событиях, что и формирует коммуникационный разрыв, провоцирую-

щий разделение не только медиаканалов, которыми пользуются разные группы аудитории, но повесток. Тем не менее признаков более глубинного разрыва – смыслового, ценностного, мировоззренческого – не выявлено.

Авторы работы понимают ограничения исследования, которое на данном этапе носило прежде всего разведывательный характер ввиду временных и ресурсных характеристик, а также лимитов выборки. Вместе с тем полученные результаты позволили на ограниченном эмпирическом материале ответить на поставленные вопросы и определить направления дальнейших поисков. В частности, было сделано первичное заключение о формируемой популярными молодежными сообществами повестке дня, их включенности в повестку федеральных медиа и качественном содержании проанализированных публикаций.

Список литературы / References

- Andreeva G.M. *Social'naya psihologiya: uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij [Social psychology: textbook for university students]*. Moscow: Aspekt Press, 2001. (In Rus.)
- Babyna D.A. *Razvitie strimingovyh servisov v usloviyah cifrovoyh transformacij mediasistemy Rossii [Streaming platforms development in the context of Russian media system digital transformation]*, *Medi@!manah*, 2023, 6(119), 85–92. (In Rus.)
- Bakshy E., Messing S., Adamic L. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook, *Science*, 2015, 348(6239), 1130–1132
- Bakshy E., Rosenn I., Marlow C., Adamic L. The role of social networks in information diffusion. In *Proceedings of the 21st international conference on World Wide Web (WWW'12), Lyon, France, 2012*, 519–528. New York: ACM Press.
- Bowe B. J., Wohn D. Y. Are there generational differences? Social media use and perceived shared reality. In *Proceedings of the Social Media and Society Conference*, 2015, Article No. 17, Toronto. New York: ACM Press.
- Castells M. Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*, 2007, 1(1), 238–266.
- Cohen B. C. *The press and foreign policy*. Berkeley: University of California Institute of Governmental Studies, 1963.
- D'yakova E. G. Massovaya kommunikaciya i vlast' v teorii ustanovleniya povestki dnya [Mass communication and power in agenda setting theory]. *Antinomii*, 2002, 3, 144–168. (In Rus.)
- Dunas D. (Ed.) *Mediapotreblenie «cifrovoi molodezhi» v Rossii: monografiya [Media Consumption of "Digital Youth" in Russia: a monograph]* Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021. (In Rus.)
- Dunas D. V. K antropologicheskoy teorii rassmotreniya mediakommunikacii [Toward the anthropological theory of media communication research] *Mediascope (elektronnyj zhurnal)*, 2009, 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/k-antropologicheskoy-teorii-rassmotreniya-mediakommunikacii> (In Rus.)

Dunas D. V., Salihova E. A., Babyna D. A. Konsensus, novyj patriotizm i effekt nostalgii v rossijskoj mediakul'ture (opyt izucheniya molodezhnyh soobshchestv v VK) [Consensus, new patriotism and nostalgia effect in Russian media culture (experience of studying youth communities in VK)] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2023, 85, 247–268. (In Rus.)

Dunas D. V., Tolokonnikova A. V., Cherevko T. S. Nablyudenie za potrebleniem informacionnogo kontenta studentami fakul'teta zhurnalistiki MGU [Observation of information content consumption by MSU journalism students] *Mediascope* (elektronnyj zhurnal), 2018, 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2483> (In Rus.)

Dunas D., Vartanov S. Emerging Digital Media Culture in Russia: Modeling the Media Consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses*, 2020, 15(2), 186–203.

Dunas D.V. O celesoobraznosti sozdaniya teorii SMI na sovremennom etape [On the expediency of creating a mass media theory at the present stage]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2017, 6(1). 30–40. (In Rus.)

Dunas D.V., Babyna D.A., Bojko O.A., Sidorov E.A. Informacionnaya povestka dnya «cifrovoj molodezhi» v fokuse mediageografii (na primere «VKontakte» i Telegram) [Information Agenda of Digital Youth in the Focus of Media Geography (on the Example of VKontakte and Telegram)]. *Medi@l'manah*, 2023, 2(115), 44–52. (In Rus.)

Ghanem S. Filling in the tapestry: The second level of agenda setting. In McCombs M., Shaw D. L., Weaver D. (Eds.) *Communication and democracy: Exploring the intellectual frontiers in agenda-setting theory* (pp. 3–14). Mahwah, New Jersey: Routledge, 1997.

Higgins E. T. Achieving “shared reality” in the communication game: A social action that creates meaning. *Journal of Language and Social Psychology*, 1992, 11, 107–131.

Interfaks. Tekhnologiya novostej [Interfax. News technologies]. Moscow: Al'pina PRO, 2021. (In Rus.)

Kazakov A. A. Teoriya ustanovleniya povestki dnya: osnovnye podhody i napravleniya issledovaniya v rossijskoj politicheskoj nauke [Agenda Setting Theory: Main Approaches and Directions of Research in Russian Political Science]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, 2014, 3, 41–56. (In Rus.)

Kolesnichenko A. V. *Prakticheskaya zhurnalistika. Uchebnoe posobie* [Practical Journalism. Textbook]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2008. (In Rus.)

Kovach B., Rosenstiel T. *The elements of journalism: What newspeople should know and the public should know*. New York: Crown Publishers, 2007.

Kurmanina T. K voprosu o professional'nyh standartah i eticheskikh regulyatorah zhurnalista informagentstva [On the issue of professional standards and ethical regulators of a news agency journalist]. *Medi@l'manah*, 2020, 4, 80–86. (In Rus.)

Lebedev A. V. *Redakcionnyj standart TASS: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [TASS Editorial Standard: a textbook for university students]. Moscow: Aspekt Press, 2019. (In Rus.)

Lukina M. M., Tolokonnikova A. V. Konflikt v povestke dnya rossijskikh informacionnyh agentstv: issledovanie v kontekste konstruktivnoj zhurnalistiki [Conflict on the agenda of Russian news agencies: a study in the context of constructive journalism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2021, 5, 27–50. (In Rus.)

McCombs M. A look at agenda-setting: Past, present and future. *Journalism Studies*, 2005, 6, 543–557.

McCombs M. E., Guo L. Agenda-setting influence of the media in the public sphere. In Fortner R. S., Fackler P. M. (Eds.), *The handbook of media and mass communication theory* (pp. 249–268). West Sussex, United Kingdom: John Wiley & Sons, 2014.

McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*, 1972, 36, 176–187.

McCombs M. E., Shaw D. L., Weaver D. The game is afoot. In McCombs M., Shaw D. L., Weaver D. (Eds.), *Communication and Democracy: Exploring the intellectual frontiers in agenda-setting theory*, 1997, 9–13. Mahwah, New Jersey: Routledge.

McCombs M., Llamas J. P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate images in Spanish elections: Second-level agenda-setting effects. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 1997, 74, 703–717.

- Mitchell A. *State of the news media 2014*. Pew Research Journalism Project. 2014. Available at: <http://www.journalism.org/2014/03/26/state-of-the-news-media-2014-overview/>
- Mitchell A. *State of the news 2015*. Pew Research Center. 2015. Available at: <http://www.journalism.org/2015/04/29/state-of-the-news-media-2015/>
- Mitchell A., Kiley J., Gottfried J., Guskin E. *The role of news on Facebook: Common yet incidental*, 2013. Available at: <http://www.journalism.org/2013/10/24/the-role-of-news-on-facebook/>
- Pariser E. *The filter bubble: What the Internet is hiding from you*. New York: Penguin Press, 2011.
- Park R. E. News as a form of knowledge. *American Journal of Sociology*, 1940, 45, 669–686.
- Salihova E.A., Vartanov S.A., Gladkova A.A., Dunas D.V. Algoritmicheskie rekomendatel'nye sistemy i cifrovye mediaplatformy: teoreticheskie podhody [Algorithmic recommender systems and digital media platforms: theoretical approaches]. *Informacionnoe obshchestvo*, 2022, 6, 84–95. (In Rus.)
- Shoemaker P. J., Reese S. D. *Mediating the message*. White Plains, New York: Longman, 1996.
- Spitulnik D. Anthropology and mass media. *Annual Review of Anthropology*, 1993, 22, 293–315.
- Takeshita T. Exploring the media's roles in defining reality: From issue-agenda setting to attribute-agenda setting. In McCombs M., Shaw D. L., Weaver D. (Eds.), *Communication and democracy: Exploring the intellectual frontiers in agenda-setting theory* (pp. 15–28). Mahwah, New Jersey: Routledge, 1997.
- Tkacheva N.V., Vartanov S.A., Dunas D.V., Gureeva A.N. K voprosu o teoreticheskom ponimanii novostej v cifrovuyu epohu: transformaciya struktury, sil vliyaniya, «zhiznennogo cikla» [Toward a Theoretical Understanding of News in the Digital Age: Transformation of Structure, Forces of Influence, and the "Life Cycle"] *Vest. Mosk.un-ta: Seriya 10. Zhurnalistika*, 2016, 3, 3–16. (In Rus.)
- Vartanov S.A. K voprosu vybora podhodov k ekonomiko-sociologicheskomu analizu mediakommunikacionnoj industrii [Toward a choice of approaches to the economic and sociological analysis of the media and communications industry] *Izv. DVFU. Ekonomika i upravlenie*, 2023, 1, 47–70. (In Rus.)
- Vartanova E. Mediating the digital message: Agenda-setting theory in modern russian media In *Media Scholarship in a Transitional Age. Research in Honor of Pamela J. Shoemaker*. New York: Peter Lang, 2018, 105–120.
- Vartanova E. L. (Ed.) *Mediasistema Rossii: uchebnik dlya studentov vuzov* [Media System of Russia: textbook for university students] Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2023b. (In Rus.)
- Vartanova E.L. *Postsovetskie transformacii rossijskih SMI i zhurnalistiki* [Post-soviet transformations of Russian media and journalism]. Moscow: MediaMir, 2014. (In Rus.)
- Vartanova E.L. *Menyayushchayasya arhitektura media i cifrovye platformy* [The changing media architecture and digital platforms] *Medi@l'manah*, 2022, 1, 8–13. (In Rus.)
- Vartanova E.L. *Otechestvennaya teoriya media. Osnovnye ponyatiya: slovar'* [Russian Media Theory. Basic concepts: Dictionary]. Moscow: Fak. zhurn. MGU; Izd-vo Mosk. un-ta, 2023a. (In Rus.)
- Vartanova E.L., Viren G.V., Frolova T.I. *Tipologiya informacionnyh agentstv* [News agencies typology] *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika*, 2013, 3, 6–30. (In Rus.)
- Viren G.V., Frolova, T.I. *Informacionnye agentstva. Kak sozdayutsya novosti* [News agencies. How is news created?]. Moscow: Aspekt Press, 2015. (In Rus.)
- Wanta W., Golan G., Lee C. Agenda setting and international news: Media influence on public perceptions of foreign nations. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 2004, 81(2), 364–377.
- Weaver D. H. Thoughts on agenda setting, framing, and priming. *Journal of Communication*, 2007, 57, 142–147.
- Wu H. D., Coleman R. Advancing agenda-setting theory: The comparative strength and new contingent conditions of the two levels of agenda-setting effects. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 2009, 86(4), 775–789.

EDN: SRASBU
УДК 342.5:328.185–048.66:303.442.3(049.32)

On the Role of Information and Analytical Research in Scientific Support of Anti-Corruption Efforts (Review of the Book “Anti-Corruption: Information and Analytical Bulletin (2023)”)

Irina A. Damm*, Aleksei N. Tarbagaev,
Evgenii A. Akunchenko and Svetlana P. Basalaeva
*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 27.12.2024, received in revised form 16.01.2025, accepted 18.01.2025

Abstract. In 2024, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation published a significant research paper titled “Anti-Corruption: Information and Analytical Bulletin (2023)” (Moscow: Jurisprudence Publ., 2024. 128 p.). The paper presents a comprehensive quantitative and qualitative analysis of key anti-corruption legal sub-institutions, specifically addressing dismissal due to loss of trust and corporate liability for illegal remuneration. This review, prepared by the Department of Corruption Offenses Prevention at Siberian Federal University, provides critical insights into the research findings and outlines prospects for further development of scholarly knowledge in this field.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption efforts, dismissal due to loss of trust, illegal remuneration on behalf of a legal entity.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Law

Citation: Damm I.A., Tarbagaev A.N., Akunchenko E.A., Basalaeva S.P. On the Role of Information and Analytical Research in Scientific Support of Anti-Corruption Efforts (Review of the Book “Anti-Corruption: Information and Analytical Bulletin (2023)”). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 194–199. EDN: SRASBU

О роли информационно-аналитических исследований в научном обеспечении антикоррупционной деятельности (рецензия на книгу «Противодействие коррупции: информационно-аналитический бюллетень (2023)»)

И.А. Дамм, А.Н. Тарбагаев,

Е.А. Акунченко, С.П. Басалаева

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В 2024 г. коллективом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации опубликована значимая научно-практическая работа «Противодействие коррупции: информационно-аналитический бюллетень (2023)» (М.: ИД «Юриспруденция», 2024. 128 с.), в которой представлена количественная и качественная характеристика таких важных антикоррупционных правовых субинститутов, как увольнение в связи с утратой доверия и ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. В настоящей статье приведена рецензия сотрудников департамента по профилактике коррупционных правонарушений Сибирского федерального университета на данное издание, сделаны общие выводы о полученных авторами исследования результатах, а также сформулированы предложения о перспективах развития научного знания в данной предметной области.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная деятельность, увольнение в связи с утратой доверия, незаконное вознаграждение от имени юридического лица.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1. Право.

Цитирование: Дамм И. А., Тарбагаев А. Н., Акунченко Е. А., Басалаева С. П. О роли информационно-аналитических исследований в научном обеспечении антикоррупционной деятельности (рецензия на книгу «Противодействие коррупции: информационно-аналитический бюллетень (2023)»). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 194–199. EDN: SRASBU

Коррупция представляет собой опасный мультидисциплинарный феномен, имеющий сложную внутреннюю структуру, а также множество проявлений. В свою очередь, антикоррупционная деятельность выступает в качестве одного из важных направлений государственной политики, которое интенсивно развивается в целях повышения эффективного воздействия на названный объект противодействия. Динамичное изменение условий окружающей нас действительности предопределяет необходимость непрерывных

научных изысканий на антикоррупционную тематику, поскольку в противном случае усложнение коррупционных технологий девальвирует усилия общества и государства, стремящихся уменьшить масштаб распространения коррупции до социально терпимого уровня. В этой связи подготовка и опубликование информационно-аналитического бюллетеня «Противодействие коррупции» за 2023 г. (Anti-Corruption, 2024), проведенные коллективом отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства

и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, видятся существенным вкладом в научное обеспечение антикоррупционной деятельности.

В течение последних десятилетий данная организация зарекомендовала себя как авторитетный центр антикоррупционных компетенций, выступающий лидером в сфере научно-методического сопровождения противодействия коррупции. Ученые института являются авторами и соавторами впечатляющего объема фундаментальных трудов, которые составляют теоретико-прикладную основу государственной политики противодействия коррупции Российской Федерации (Khabrieva (ed.), 2012; Vlasenko (ed.), 2012; Gaidaenko Schaer, 2015; Khabrieva (ed.), 2016; Nozdrachev (ed.), 2016; Khabrieva, 2017; Khabrieva (ed.), 2018; Khabrieva, Andrichenko, Tsirin (etc.), 2019; Kuchеров (ed.), 2019; Truntsevskii, Sevalnev, Sukhareenko, 2019; Pashentsev (ed.), 2020; Khabrieva (ed.), 2021; Kuchеров (ed.), 2021; Khabrieva, 2022; Kuchеров, Truntsevskii, Tsirin (eds.), 2023; Khabrieva, 2023; Truntsevskii, Tsirin (eds.), 2024 etc.).

Информационно-аналитический бюллетень состоит из введения, основной части, объединяющей два раздела, и заключения.

Введение содержит обобщенные сведения о серии издания, которая основана в 2022 г. (Anti-Corruption, 2023), данные о научно-практическом обсуждении бюллетеня за предшествующий год, включая опубликованные в научных изданиях рецензии отечественных специалистов (Kabanov, Tokareva, 2023; Osokin, 2023), а также параметры статистических исследований, проведенных авторским коллективом при подготовке рецензируемой работы.

Раздел 1 «Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия: основные данные» посвящен изучению практики применения дисциплинарных взысканий за совершение коррупционных правонарушений. Проблема рассматривается сквозь призму социально значимой информации о лицах, уволенных в связи с утратой доверия, размещенной в открытом доступе в форме одноименного

реестра (<https://gossluzhba.gov.ru/reestr>). Авторы провели трудоемкую сводку и группировку количественных показателей, отражающих социально-демографическую и правовую характеристику внесенных в реестр лиц, а также с помощью ряда формально-логических методов познания определили качественные особенности практики применения рассматриваемого субинститута за 2018–2023 гг.

В Разделе 2 «Информация о привлечении участника закупки к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ, размещенная в Едином реестре участников закупок» представлены результаты исследования практики применения норм административно-деликтного права за незаконное вознаграждение от имени юридического лица в корреляции с обязанностью организаций принимать меры по предупреждению коррупции, которая закреплена в ч. 1 ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции». Авторы использовали нестандартные методологические приемы изучения практики правоприменения в указанной предметной области, основанные на анализе сведений из Единого реестра участников закупок (<https://zakupki.gov.ru>) во взаимосвязи с дополнительной информацией о юридических лицах, размещенной на портале «Апфокс» (<https://upfox.ru>) и других аналогичных интернет-ресурсах. Результатом кропотливой работы стали показатели, характеризующие усредненные особенности юридических лиц, привлеченных к административной ответственности за указанное коррупционное правонарушение.

Заключение включает описание результатов проведенного исследования, изложенное на английском языке, а также визуализацию полученных статистических обобщений.

Информационно-аналитический бюллетень «Противодействие коррупции» за 2023 г. имеет важное теоретическое и прикладное значение. С позиции науки данное издание представляет интерес как источник новых знаний о типичном портрете лица, уволенного (освобожден-

ного от занимаемой должности) в связи с утратой доверия, а также отечественной «организации-взяточдателя». Безусловным преимуществом рецензируемой работы является анализ статистической информации в разрезе административно-территориального деления Российской Федерации, результаты которого дополняют сведения о географии коррупции и коррупционной преступности. С позиции практической деятельности бюллетень будет востребован в работе подразделений и должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, а также правоохранительных органов, осуществляющих контроль и надзор в сфере противодействия коррупции, как источник актуальной информации об основных тенденциях правоприменения. Необходимо отметить высокую ценность предложений и рекомендаций авторского коллектива, сформулированных в аспекте развития антикоррупционного законодательства и практики его применения.

В свою очередь, одним из перспективных направлений, представляющих интерес для научно-практического сообщества, является рассмотрение практики увольнения (освобождения от занимаемой должности) в связи с утратой доверия в аспекте применения указанной меры дисциплинарного воздействия на стадии предварительного расследования коррупционных преступлений. Опыт деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов свидетельствует о том, что зача-

стую решение об увольнении (освобождении от занимаемой должности) принимается исключительно на основании представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, что фактически противоречит презумпции невиновности. В перспективе изучение статистических показателей с предложенного ракурса позволит выявить «болевы точки» в сфере правового регулирования рассматриваемого субинститута и найти эффективные способы их устранения.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что инициатива создания ежегодного информационно-аналитического бюллетеня, посвященного вопросам противодействия коррупции, заслуживает безусловного одобрения и поддержки. Деятельность Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в качестве междисциплинарного центра по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции является драйвером развития фундаментальных и прикладных исследований по антикоррупционной тематике. Предложенная форма изложения результатов научно-исследовательской работы, посвященной вопросам правоприменения в аспекте конкретного правового субинститута, носит прогрессивный характер и является доступной для широкого круга читателей. С учетом изложенного считаем возможным выразить признательность авторскому коллективу рецензируемого издания за проделанную работу и пожелать дальнейших успехов на ниве научной антикоррупционной деятельности.

Список литературы / References

- Anti-Corruption. Information and Analytical Bulletin (2022). Moscow: Jurisprudence Publ., 2023. 112 p.
- Anti-Corruption. Information and Analytical Bulletin (2023). Moscow: Jurisprudence Publ., 2024. 128 p.
- Gaidaenko Schaer N. *Formirovanie sistemy alternativnykh mekhanizmov razresheniia sporov: beskonfliktnoe obshchestvo kak osnova protivodeistviia korruptsii [Creating the system of alternative dispute resolution tools: conflict-free society as a basis of counteraction against corruption]*. Moscow: INFRA-M Publ., 2015. 176 p.
- Kabanov P. A., Tokareva Iu. V. Gosudarstvennye reestry kak sodержatelnye i tekhniko-iuridicheskie sredstva protivodeistviia korruptsii. Retsenziia na knigu: Protivodeistvie korruptsii. Informatsionno-analiticheskii biulleten (2022) / Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitelstve

Rossiiskoi Federatsii. — Moskva: ID «Iurisprudentsiia», 2023.— 112 s. [State registers as substantive and technical-legal means of combating corruption. Book review: Anti-corruption. Information and analytical bulletin (2022) / Institute of legislation and comparative law under the government of the Russian Federation. Moscow: Jurisprudence Publ., 2023. 112 p.]. In: *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2023, 2, 192–202. DOI 10.36511/2078–5356–2023–2–192–202.

Khabrieva T. Ia. (ed.) *Antikorrupsionnoe prosveshchenie v Rossiiskoi Federatsii [Anti-Corruption Education in the Russian Federation]*. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 144 p. DOI 10.31085/9785392334056–2021–128.

Khabrieva T. Ia. (ed.) *Korrupsiiia: priroda, proiavleniia, protivodeistvie [Corruption: nature, types, counteraction]*. Moscow: Jurisprudence Publ., 2012. 688 p.

Khabrieva T. Ia. (ed.) *Legal regulation of combating corruption in China*. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., 2018. 280 p.

Khabrieva T. Ia. (ed.) *Protivodeistvie korrupsii: novye vyzovy [Combating corruption: new challenges]*. Moscow: INFRA-M Publ., 2016. 376 p.

Khabrieva T. Ia. Protivodeistvie korrupsii v koordinatakh fundamentalnogo znaniia [Countering Corruption from the Fundamental Knowledge Standpoint]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*, 2023, 19 (4), 5–13. DOI 10.61205/jzsp.2023.044.

Khabrieva T. Ia. Protivodeistvie korrupsii: ratsionalnaia kartina i arkhitektura doktrinalnogo znaniia [Countering corruption: rational picture and architecture of doctrinal knowledge]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian law]*, 2022, 26 (7), 5–18. DOI 10.12737/jrl.2022.069.

Khabrieva T. Ia. Sotsialnyi kontrol i protivodeistvie korrupsii [Social control and anti-corruption]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*, 2017, 13 (4), 5–10. DOI 10.12737/article_598063f9e7d352.66015568.

Khabrieva T. Ia., Andrichenko L. V., Tsirin A. M. (etc.) *Organizatsionno-pravovye mekhanizmy protivodeistviia korrupsii v subiektakh Rossiiskoi Federatsii [Organizational and legal mechanisms for combating corruption in the subjects of the Russian Federation]*. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 224 p. DOI 10.31085/9785392288113–2019–224.

Kucherov I. I. (ed.) *Pravovye mekhanizmy protivodeistviia korrupsii v sfere korporativnykh zakupok [Legal mechanisms of countering corruption in the field of corporate procurement]*. Moscow: Law firm Contract Publ., 2019. 160 p.

Kucherov I. I. (ed.) *Sovremennye iuridicheskie i mediatekhnologii protivodeistviia korrupsii v Rossiiskoi Federatsii [Modern legal and media technologies of countering corruption in the Russian Federation]*. Moscow: Infotropic Media Publ., 2021. 166 p.

Kucherov I. I., Truntsevskii Iu. V., Tsirin A. M. (eds.) *Protivodeistvie korrupsii i protsessy tsifrovizatsii [Anti-corruption and Digitalization Processes]*. Moscow: Infotropic Media Publ., 2023. 196 p.

Nozdrachev A. F. (ed.) *Konflikt interesov na gosudarstvennoi i munitsipalnoi sluzhbe, v deiatel'nosti organizatsii: prichiny, predotvrashchenie, uregulirovanie [Conflict of interest at the state and municipal service and in organizations: causes, prevention, management]*. Moscow: INFRA-M Publ., 2016. 224 p.

Osokin R. B. Informatsionno-analiticheskii buil'ten «Protivodeistvie korrupsii» (2022). Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii [The corruption combating information and analytical bulletin (2022). The Institute of legislation and comparative law under the government of the Russian Federation]. In: *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal education and science]*, 2023, 6, 41–44. DOI 10.18572/1813–1190–2023–6–41–44.

Pashentsev D. A. (ed.) *Zakonodatel'stvo v sfere protivodeistviia korrupsii: kontseptualnye osnovy i mesto v sisteme rossiiskogo zakonodatel'stva [Legislation in the field of combating corruption: a conceptual framework and place in the system of Russian law]*. Moscow: Infotropic Media Publ., 2020. 176 p.

Truntsevskii Iu. V., Tsirin A.M. (eds.) *Protivodeistvie korrupsii v kontekste ustoichivogo razvitiia* [Countering corruption in the context of sustainable development]. Moscow: Infotropic Media Publ., 2024. 236 p.

Truntsevskii Iu. V., Sevalnev V.V., Sukharenko A.N. *Protivodeistvie korrupsii v Kitae: zakonodatelstvo i pravoprimerenie* [Countering corruption in China: legislation and law enforcement]. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 176 p.

Vlasenko N.A. (ed.) *Pravovye sredstva protivodeistviia korrupsii* [Legal means of combating corruption]. Moscow: Jurisprudence Publ., 2012. 344 p.